

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2021 • Выпуск 3

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

Главный редактор:

О.А. КУЗНЕЦОВА – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета по научной работе Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

Заместитель главного редактора:

В.Г. ГОЛУБЦОВ – доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия)

Редакционная коллегия:

А.В. ГАБОВ – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Б.М. ГОНГАЛО – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Е.В. ВАВИЛИН – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия)

Д.Х. ВАЛЕЕВ – доктор юридических наук, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия)

В.В. ЗАЙЦЕВ – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

О.А. СЕРОВА – доктор юридических наук, заместитель проректора по учебной работе и международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)

ВИЗЕР БЕРНД – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права и политологии Грацкого университета им. Карла и Франца (г. Грац, Австрия)

КЛАЙВ СИЛИ – кандидат социологических наук, преподаватель социальной политики и теории Вустерского университета (г. Вустер, Великобритания)

ГЕРСДОРФ ГУБЕРТУС – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, права о средствах массовой информации юридического факультета Лейпцигского университета (г. Лейпциг, Германия)

САМУЭЛЬ Д. БЁРНАЛ – доктор философии (Чикагский университет, США), доктор юридических наук (Университет Лойолы, Лос-Анджелес, США), почетный профессор медицины Калифорнийского университета (Сан-Фернандо, США), заслуженный доктор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, Калифорния, США), профессор делового менеджмента Азиатского института менеджмента (Манила, Филиппины), лицензированный адвокат (штат Калифорнии и федеральные суды США)

ЯРОСЛАВ ТУРЛУКОВСКИЙ – профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и Управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

ВАН ЧЖИХУА – доктор юридических наук, профессор Китайского университета политологии и юриспруденции (г. Пекин, Китай)

Журнал выходит 1 раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Методологические проблемы цивилистических исследований» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, не обязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

ISSN 2619-0559 (печатное издание)

ISSN 2658-5863 (сетевое издание)

Рег. номер: серия ПИ № ФС77-73465

(зарегистрирован Роскомнадзором 17 августа 2018 г.)

Учредитель: О.А. Кузнецова

Редакция: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 9, каб. 30-а

Тел. +7 (3422) 396-275; e-mail: metodology59@mail.ru

www.metodol59.ru

Издатель: ООО «Издательство «Статут»

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92. корп. 2

Тел. +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru

www.estatut.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CIVIL LAW RESEARCHES

2021 • Volume 3

YEARLY PERIODICAL SCIENTIFIC JOURNAL

Editor-in-Chief:

O.A. KUZNETSOVA – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Dean of the Law Faculty for Scientific Work, Perm State University (Perm, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

V.G. GOLUBTSOV – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (Perm, Russia)

Editorial Board:

BERND WIESER – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean of the Law Faculty, Head of the Department of Public Law and Political Science, Karl-Franz University of Graz (Graz, Austria)

CLIVE SEALEY – PhD Social Policy, University of Birmingham, Senior Lecturer in Social Policy and Theory, University of Worcester (Worcester, Great Britain)

HUBERTUS GERSDORF – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, Media Law, University of Leipzig (Leipzig, Germany)

SAMUEL D. BERNAL – PhD (University of Chicago, USA), Doctor of Juridical Sciences (Loyola University San Fernando, Los Angeles, USA), Honorary Professor of Medicine of California University (San Fernando, USA), Honorary Doctor of California University (Los Angeles, California, USA), Professor of Business Management of Asian Institute of Management, Manila, Philippines, Licensed Lawyer (admitted in California and federal US courts)

JAROSLAW TURLUKOWSKI – Assistant professor at the Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration, University of Warsaw, Head of the Center for Research on the Law of Eastern Europe and Central Asia at the Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

WANG ZHI HUA – Doctor of Juridical Sciences, Professor at China University of Political Science and Law (Beijing, China)

A.V. GABOV – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

B.M. GONGALO – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

E.V. VAVILIN – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

D.Kh. VALEEV – Doctor of Juridical Sciences, Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

V.V. ZAITSEV – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Support of Market Economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

O.A. SEROVA – Doctor of Juridical Sciences, Deputy Vice-Rector for Academic and International Activities, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University (Pskov, Russia)

The journal is published one time a year (annual)

Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2619-0559 (print publication)

ISSN 2658-5863 (web publication)

Reg. No.: PI No. FS77-73465

(registered by Roskomnadzor on August 17, 2018)

Founder: O.A. Kuznetsova

Editors office: 614990, Russia, Perm, Bukirev St., 15, Bldg. 9, Office 30-a

Phone: +7 (3422) 396-275; e-mail: metodilogy59@mail.ru

www.metodol59.ru

Publisher: LLC "Publishing House 'Statut'"

119454, Russia, Moscow, Lobachevskogo St., 92, Bldg. 2

Phone: +7 (495) 649 18 06, e-mail: market@estatut.ru

www.estatut.ru

CONTENTS

GENERAL THEORETICAL ISSUES OF CIVIL LAW METHODOLOGY

Barkov A.V. (Russia)

Grishina Ya.S. (Russia)

On the Methodological Potential of the Theory of Systemic

Organization of Intersectoral Relations of Civil Law:

To the Anniversary of M.Iu. Chelyshev 12

Vinichenko Yu.V. (Russia)

Pan D. (China)

On the Disciplinary Matrix of Civil Law Science:

Setting the Scientific Task32

Komissarova E.G. (Russia)

Parameters of the Methodology of Jurisprudence in Their

Functional Value (on the Example of Civil Law) 51

Serova O.A. (Russia)

Evolution of Civil Law Research:

Linking with New Technological Reality77

Shchennikova L.V. (Russia)

Goal Setting and its Achievement as a Criterion

of Scientific Research in the Field of Civil Law97

Olavi-Jüri Luik (Estonia)

Mats Volberg (Estonia)

Philosophical Battle Against Moral Hazard: Do We Need Law

Methodology Change from “All or Nothing Principle”

to “Principle of Proportionality”? 124

Marta Witkowska (Poland)

Elena Kucheryavaya (Poland)

The Concept of Good Governance in the EU Legislation:

Analysis in the Context of Methodology of the Civil Law

Research..... 139

FORMATION OF RESEARCH COMPETENCES IN CIVIL LAW AND SCIENTIFIC STAFF ATTESTATION

Gabov A.V. (Russia) Additional Conclusion on a Dissertation	164
Gabov A.V. (Russia) Sherstobitov A.E. (Russia) Problems of Legal Regulation of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in Postgraduate Studies	182
Ershova I.V. (Russia) Perturbation of Scientific Specialties in Law and the Place of Business Law in the New System.....	197
Suslova S.I. (Russia) On Interaction of Material and Procedural Law in the Context of Reforming the Nomenclature of Scientific Specialties in Jurisprudence...	215

METHODS OF CIVIL LAW RESEARCH

Boldyrev V.A. (Russia) The Civil Law Statistics.....	233
Vaskevich V.P. (Russia) The Basis of Active Economic Activities Legal Regulation: Application of the Analogy Method	258
Golubtsov V.G. (Russia) Valeev D.Kh. (Russia) Legal Modeling as a Method of Civil Research.....	277
Kuznetsova O.A. (Russia) Legal Experiment as Civil Science Scientific Research Method.....	298

METHODOLOGY OF RESEARCHING CERTAIN CIVIL LAW PROBLEMS

Demieva A.G. (Russia) Modern Terms in Civil Law: Methodological-Categorical Aspect	320
--	-----

Idrysheva S.K. (Kazakhstan)	
Komissarova E.G. (Russia)	
Child’s Interest, Legitimate Interest of the Child and the Child’s	
Legally Protected Interest: Theoretical and Methodological	
Approaches to Research.....	334
Iroshnikov D.V. (Russia)	
Pulik A. (Poland)	
Methodological Aspects of Security Research in Civil Law	365

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Барков А.В. (Россия)

Гришина Я.С. (Россия)

О методологическом потенциале теории системной
организации межотраслевых связей гражданского права:
к юбилею М.Ю. Чельшева 11

Виниченко Ю.В. (Россия)

Пан Д. (Китай)

О дисциплинарной матрице цивилистики:
в порядке постановки научной задачи 31

Комиссарова Е.Г. (Россия)

Параметры методологии юриспруденции в их функциональном
значении (на примере гражданского правоуедения).....50

Серова О.А. (Россия)

Эволюция предметных исследований в области
гражданского права: связь с новой технологической
реальностью76

Щенникова Л.В. (Россия)

Постановка цели и ее достижение как критерий научности
исследования в области гражданского права96

Олави-Джури Луик(Эстония)

Матс Волберг (Эстония)

Философская битва против риска недобросовестности:
нужно ли менять методологию права с принципа
«все или ничего» на принцип пропорциональности? 125

Марта Витковска (Польша)

Елена Кучерявая (Польша)

Концепция *Good Governance* в правовом поле Европейского союза:
анализ в контексте методологии цивилистических исследований 140

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Габов А.В. (Россия)

Дополнительное заключение по диссертации 163

Габов А.В. (Россия)

Шерстобитов А.Е. (Россия)

Проблемы правового регулирования подготовки научных
и научно-педагогических кадров в аспирантуре
(адъюнктуре) 181

Ершова И.В. (Россия)

Пертурбация научных специальностей по юриспруденции
и место предпринимательского права в новой системе 196

Суслова С.И. (Россия)

О взаимодействии материального и процессуального права
в контексте реформирования номенклатуры научных
специальностей по юриспруденции..... 214

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Болдырев В.А. (Россия)

Цивилистическая статистика 232

Васькевич В.П. (Россия)

Основа правовой регламентации активной экономической
деятельности: применение метода аналогии 257

Голубцов В.Г. (Россия)

Валеев Д.Х. (Россия)

Правовое моделирование как метод цивилистического
исследования 276

Кузнецова О.А. (Россия)

Правовой эксперимент как научно-исследовательский метод
в цивилистике..... 297

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Демиева А.Г. (Россия)

Современные термины в гражданском праве:

методолого-категориальный аспект 319

Идрышева С.К. (Казахстан)

Комиссарова Е.Г. (Россия)

Интерес ребенка, законный интерес ребенка и охраняемый
законом интерес ребенка: теоретико-методологические

подходы к исследованию 332

Ирошников Д.В. (Россия)

Пулик А. (Польша)

Методологические аспекты исследования безопасности

в гражданском праве 364

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 340, 347

<https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-11-30>

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ТЕОРИИ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ М.Ю. ЧЕЛЫШЕВА

А.В. Барков*

Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Я.С. Гришина

Российский государственный университет правосудия

E-mail: grishinel@inbox.ru

Введение: в статье, посвященной 50-летию со дня рождения выдающегося российского ученого М.Ю. Чельшева, раскрывается методологическое значение разработанной им теории системной организации межотраслевых связей гражданского права. **Цель:** сформировать целостное представление о методологическом потенциале теории и перспективах его реализации в полиотраслевых научных исследованиях. **Методы исследования:** эмпирические (наблюдение, сравнение, описание); теоретические (формальной и диалектической логики, прогнозирования). **Результаты:** обосновано, что одним из важнейших элементов теории и инструментом познания особенностей межотраслевых связей гражданского права является межотрасле-

* © Барков А.В., Гришина Я.С., 2020

вой метод, составляющий основу методологии межотраслевых правовых исследований, имеющей универсальный междисциплинарный характер, что придает положениям и выводам, разработанным М.Ю. Чельшевым, поистине неисчерпаемый потенциал. **Выводы:** обращено внимание на то, что методологический потенциал теории заключается в том, что сегодня в полиотраслевых научных исследованиях, объектом которых выступают общественные отношения, испытывающие воздействие правовых норм не одной, а нескольких отраслей, невозможно обойтись без использования межотраслевого метода. При этом применение межотраслевого подхода в полиотраслевых военно-правовых исследованиях является ключом в решении научной проблемы обеспечения диверсификации предприятий ОПК, имеющей важнейшее государственное значение.

Ключевые слова: методология; методологический потенциал; межотраслевой метод; полиотраслевые военно-правовые исследования.

ON THE METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE THEORY OF SYSTEMIC ORGANIZATION OF INTERSECTORAL RELATIONS OF CIVIL LAW: TO THE ANNIVERSARY OF M.IU. CHELYSHEV

A.V. Barkov

Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice
E-mail: grishinel@inbox.ru

Introduction: the article dedicated to the 50th anniversary of the birth of the outstanding Russian scientist M.Iu. Chelyshev reveals the methodological significance of the theory of systemic organization of intersectoral relations of civil law developed by him. **Goal:** to form a holistic view of the methodological potential of the theory and the prospects for its implementation in multi-industry research. **Research methods:** empirical (observation, comparison, description); theoretical (formal and dialectical logic, forecasting). **Results:** it is proved that one of the most important elements of theory and tool for understanding the characteristics of intersectoral relations of civil law is an interdisciplinary method, which is the basis of the methodology of intersectoral legal studies with a universal interdisciplinary nature, which gives the provisions and findings developed by M.Iu. Chelyshev truly inexhaustible potential. **Conclusions:** attention is drawn to

the fact that the methodological potential of the theory lies in the fact that today in multi-industry scientific research, the object of which is social relations that are affected by the legal norms of not one, but several industries, it is impossible to do without the use of an intersectoral method. The use of an intersectoral approach in multisectoral military legal research is the key to the solution of scientific problems in diversification enterprises, critical national importance.

Keywords: *methodology; methodological potential; intersectoral method; multisectoral military legal research.*

Введение.

Посвящение: памяти Учителя, друга, коллеги...

Вот уже семь лет, как нет среди нас Михаила Юрьевича Чельшева, выдающегося ученого, автора теории системной организации межотраслевых связей гражданского права (далее — Теория) [28], обладающей не только огромным методологическим потенциалом, обогатившим цивилистику, но и имеющей поистине междисциплинарное значение [26]. Подтверждением этому служит тот факт, что ежегодно ученые со всей России, различной научной и отраслевой специализации, приезжают на Пермские методологические чтения, посвященные памяти М.Ю. Чельшева, в знак глубокого уважения к заслугам авторитетного исследователя, для того чтобы иметь возможность обсудить важнейшие проблемы методологии юридической науки.

16 ноября 2021 г. нашему коллеге, другу, а для некоторых из нас — и Учителю, обладавшему несомненным разносторонним талантом, искрометным умом, жизнелюбием, исполнилось бы 50 лет. Юбилейная дата в творческом пути ученого — это всегда повод для написания научной статьи, т.е. повод в очередной раз [15] обратиться к идеям, содержащимся в Теории, оценить перспективы реализации ее методологического потенциала как в цивилистических, так и в полиотраслевых исследованиях.

При этом мы не претендуем на полноту и глубину изучения методологического наследия творчества Михаила Юрьевича, которому, безусловно, должно быть посвящено специальное монографическое исследование. Цель статьи — почтить память дорогого и близкого человека. Михаил Юрьевич рано ушел от нас, но разработанные им методологические подходы, способные объединить усилия инструментария различных отраслей права в решении первоочередных задач, стоящих перед российским обществом, остаются востребованными, а значит, он всегда рядом с нами...

Эволюционная трансформация учения о межотраслевых связях гражданского права в Теорию, ее содержание, категориальный аппарат, принципы

Теоретическая значимость результатов исследования, по собственному заключению М.Ю. Чельшева, состоит в том, что в диссертации получило обоснование «новое направление в науке гражданского и предпринимательского права — учение о межотраслевых связях гражданского права» (далее — Учение) [29, с. 13]. Если скромная оценка новизны научного направления представляется несомненной, то его статус — «учение» может, с учетом проверки временем и практикой, востребованности результатов для науки, быть признан теорией.

Под учением в Большом энциклопедическом словаре понимается «совокупность теоретических положений о какой-либо области явлений действительности; система воззрений какого-либо ученого или мыслителя» [4, с. 1259]. В смысловом значении данная дефиниция близка с понятием «концепция» [20, с. 218], определяемым как «способ понимания, трактовки какого-либо явления, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения, ведущий замысел» [4, с. 568], т.е. система взглядов на изучаемое явление. Теория (от др.-греч. *θεωρία* — исследование) представляет собой систему знаний более высокого порядка, обладающую силой научного прогноза, формирующую «целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности» [4, с. 1292].

Рассматривая различия между концепцией и теорией применительно к диссертационному исследованию, С.Ю. Морозов обращал внимание на то, что если «концепция представляет собой алгоритм логически взаимосвязанных стратегических шагов, направленных на получение новых знаний», то помимо этого «научная теория должна содержать в своей структуре основные положения, категориальный аппарат, законы и закономерности, а также принципы» [20, с. 219]. Нет сомнения в том, что в структуре учения о межотраслевых связях гражданского права, содержание которого раскрывается при изучении наиболее крупных научных, монографических работ М.Ю. Чельшева [28; 30; 31], присутствуют все элементы научной теории.

Структурно Учение содержит два раздела: первый посвящен общей характеристике системы межотраслевых связей гражданского права, второй — изучению внешнего и внутреннего уровней системы межотраслевых связей гражданского права. При этом существенное внимание уделяется разработке теоретических и методологических основ учения. Отдельный параграф, как в глубоком метатеоретическом исследовании

[7], раскрывает методологию научного познания межотраслевых связей гражданского права.

Основные положения Учения, определяющие его научную новизну, заключаются в том, что М.Ю. Чельшеву впервые удалось не только дать определение системы межотраслевых связей гражданского права, выявить цель ее существования и функционирования, особенности нормативного оформления, но и раскрыть характерные особенности видового строения многоуровневой системы, ее динамики, форм проявления этих связей по стадиям правового регулирования и элементам механизма. Михаил Юрьевич не только не остановился на формулировке понятия «межотраслевое правовое регулирование с гражданско-правовой составляющей», но и глубоко погрузился в выявление его видов, форм, структурных элементов, охарактеризовал и проклассифицировал правовые комплексы с присутствием «гражданско-правовой составляющей» как результата проявления межотраслевых связей гражданского права [29, с. 8].

Большое внимание в Учении, в целях формирования доктринального представления о межотраслевых связях гражданского права, уделено обоснованию научно-категориального аппарата исследования, базирующегося на системе разработанных автором общеправовых, в том числе гражданско-правовых, понятий, используемых в рамках единого терминологического ряда: «межотраслевые связи», «межотраслевое взаимодействие», «межотраслевое взаимное влияние» [29, с. 8]. С этой целью профессором Чельшевым формулируются дефиниции внутриотраслевых и межотраслевых связей гражданского права, определяются их специфика, функции, формы проявления, выявляется соотношение между ними как парными правовыми категориями. При этом под «межотраслевым взаимодействием» исследователь предлагает понимать «взаимную динамическую связь гражданско-правовой отрасли и иных частей системы права», последовательно отражающуюся «на всех стадиях гражданско-правового регулирования и во всех элементах его механизма» [29, с. 9]. Под «межотраслевым взаимным влиянием» Михаилом Юрьевичем понимается «процесс воздействия друг на друга различных, в некоторой степени взаимопересекающихся (в предметном и содержательном отношениях) правовых образований», приводящий к их «трансформации (на уровнях правовых норм и правореализации)» [29, с. 8].

К достоинствам Учения следует отнести то, что в нем определяются закономерности и тенденции развития современного российского гражданского права, обусловленные межотраслевым взаимодействием, проявляющиеся в увеличении императивных начал в правовом регулировании гражданских отношений и степени комплексности

правовой регламентации в области действия частного права [29, с. 13], обусловливаемых активным участием в этих отношениях публично-правовых образований. При этом закономерности динамики системы межотраслевых связей гражданского права, модернизации ее границ определяются «как через собственные системообразующие признаки гражданско-правовой отрасли, так и на основе аналогичных признаков взаимодействующих с гражданским правом иных правовых отраслей» [29, с. 13].

В Учении разработаны также принципы оптимизации межотраслевых связей, коллизионного регулирования, осуществляемого между гражданским правом и иными правовыми отраслями, как формы выражения системы межотраслевых связей [29, с. 11]. Присутствие в Учении таких вышеотмеченных элементов, как основные положения, категориальный аппарат, закономерности и принципы, вне сомнения, свидетельствует о том, что новое направление в науке гражданского и предпринимательского права, разработанное М.Ю. Чельшевым, отвечает критериям научной теории и в соответствии с названием его ключевого труда [28] может носить название «теория системной организации межотраслевых связей гражданского права».

Межотраслевой метод как элемент Теории и инструмент познания особенностей межотраслевых связей гражданского права

Одним из важнейших элементов структуры научного исследования, претендующего на статус теории, с точки зрения С.Ю. Морозова, следует считать разработку «методов — способов решения теоретических и практических задач, базирующихся на категориальном аппарате данной теории» [20, с. 219]. Исследование, проведенное М.Ю. Чельшевым, в полной мере отвечает этим признакам, поскольку одним из элементов Теории является положение, обосновывающее перспективность применения межотраслевого метода в цивилистических исследованиях [29, с. 14]. Разработке данного метода как средства познания межотраслевых связей гражданского права Михаил Юрьевич не только уделяет внимание в Теории, но и посвящает этому специальные исследования [32; 33].

Применяя в своем анализе межотраслевой подход, профессор Чельшев проходит к обоснованному выводу о существовании межотраслевого метода юридических исследований [32, с. 107]. Этот метод, по его мнению, носит комплексный характер, включая в себя элементы других методов юридических исследований — системно-логического и сравнительно-правового. В то же время ученый на примере анализа

межотраслевых связей гражданского права и гражданско-процессуального права, доказывающего существование отдельных «цивилистических процедур», раскрывает самостоятельное значение метода как составной части цивилистической методологии, предоставляющего возможность не только в статике, но и в динамике оценивать правовые явления. Значение методологического приема заключается в том, что формирование целостного представления об этих процедурах приводит к более эффективному результату при совершенствовании законодательства в изучаемой сфере, в частности позволяет оценить эффективность нормы, определяя «чужеродные» правовые препятствия ее реализации.

При этом Михаил Юрьевич доказывает, что межотраслевой метод позволяет отразить в науке усиление комплексности правовой жизни в частноправовой сфере, и приходит к выводу о том, что под комплексными отраслями права следует понимать образования, формирующиеся в области пересечения межотраслевых связей «материнских» правовых отраслей. При этом межотраслевой подход (в ряде случаев М.Ю. Чельшев называет его «разноотраслевым подходом») способствует, по его мнению, всестороннему исследованию изучаемого «научного объекта», его трансформации под влиянием «чужеродных» правоотраслевых факторов. Критериями для сравнения могут служить: «основания возникновения этого права, субъектов-правообладателей, правовые средства обеспечения, включаемые в механизм охраны данного права, а также характер юридических, в том числе и правореализационных процедур, применяемых для осуществления и защиты субъективного права собственности» [32, с. 105]. Исследуя в таком аспекте гражданско-правовой договор, на содержание которого существенно влияют нормы не только гражданского законодательства, но и законодательства иных отраслей, исследователь приходит к выводу о существовании комплексных «межотраслевых» договоров [34].

Значение метода, отмечает профессор Чельшев, проявляется также в том, что он способствует выявлению особенностей функционирования системы межотраслевых связей гражданского права, становясь ключом к решению многочисленных научных проблем современной юридической науки. Ученый предсказывает, что данный метод может стать перспективным средством познания при решении проблем системы права, соотношения частного и публичного права, эффективности правовых норм и правового регулирования, осуществления и защиты гражданских прав, договорного права, некоторых других методологических вопросов юридической науки [32, с. 108].

К сожалению, следует признать, что межотраслевой метод юридических исследований как средство познания межотраслевых связей

гражданского права недостаточно часто становится предметом отдельного глубокого исследования и можно назвать лишь единичные случаи [16]. Разработанный профессором Чельшевым метод цивилистических исследований еще подлежит всестороннему рассмотрению в различных аспектах. Михаил Юрьевич не был первым исследователем межотраслевых связей на доктринальном уровне [22]. Однако заслуга ученого заключается в том, что им разработана методология межотраслевых правовых исследований, имеющая универсальный междисциплинарный характер, что придает Теории поистине неисчерпаемый потенциал.

О перспективах реализации методологического потенциала Теории в полиотраслевых научных исследованиях (на примере военно-правовых исследований)

Научное знание, по справедливому мнению профессора Морозова, приобретает статус теории лишь в том случае, если концепция, положенная в основу диссертационного исследования, эволюционно развивается, отображая объект исследования «всесторонне, связно, целостно» [20, с. 218–219], подтверждая на практике сформулированные теоретические принципы, на которых она базируется, что полностью относимо к результатам труда М.Ю. Чельшева. Методологический потенциал Теории, под которым предлагается понимать «принципы и подходы исследовательской деятельности, направленные на достижение поставленной цели (решение проблемы)» [3, с. 74], настолько высок, что сегодня можно говорить о его востребованности не только в цивилистических [1; 24], но и в межотраслевых исследованиях, подтверждая его междисциплинарное методологическое значение.

Сегодня межотраслевой подход к исследованию, развитый до совершенства в Теории М.Ю. Чельшевым, является методологической основой при изучении межотраслевых связей гражданского права с такими отраслями, как: предпринимательское и социальное [8]; предпринимательское и семейное [17]; экологическое и энергетическое [3]; налоговое [6]; природоресурсное [18]; гражданско-процессуальное [5]; земельное [10]; жилищное право [25; 27]. Межотраслевой метод успешно применяется при исследовании межотраслевых связей права социального обеспечения [19]; семейного [13; 14]; транспортного [21]; уголовного [2]; финансового права [23]. И это далеко не полный перечень работ, которые либо посвящены творчеству М.Ю. Чельшева, либо в которых отдается должное методологическим заслугам выдающегося ученого. Просим не расстраиваться тех

ученых, чьи имена не были упомянуты нами, поскольку сделать это просто невозможно в силу обширности перечня.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в полиотраслевых научных исследованиях, объектом которых выступают общественные отношения, испытывающие воздействие правовых норм не одной, а нескольких отраслей, просто невозможно обойтись без использования межотраслевого метода. К подобным полиотраслевым исследованиям в силу особенностей отраслевого предмета относятся военно-правовые исследования, границы которых определены паспортом научной специальности 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права».

По мнению К.В. Каверина, военное право на современном этапе развития представляет собой «формирующуюся подотрасль административного права» [11, с. 10], что, полагаем, неверно отражает тенденцию эволюции данной отрасли. Более обоснована, в целях определения перспектив дальнейшего развития военного права, точка зрения В.М. Корякина, убедительно доказывающего, что эта отрасль права – комплексная [12]. Профессором Корякиным точно подмечено, что нормы военного права в совокупности включают две области: 1) непосредственно регулирующие специфические «вертикальные» отношения военной организации государства, не относящиеся ни к одной из известных отраслей права, и 2) «горизонтальные», одновременно принадлежащие и военному, и другим отраслям права («конституционному, уголовному, трудовому, гражданскому, административному и др.») [12, с. 43]. Вторая группа горизонтальных комплексных норм ввиду их количества и значимости не может не приниматься во внимание, поскольку они имеют «двойную прописку» практически во всех отраслях права, отражающих военную специфику. Очевидно, что межотраслевые институты, например, находящиеся в сфере взаимодействия гражданского и военного права, будут развиваться по цивилистическим законам и принципам, а не по административно-правовым, как полагает К.В. Каверин.

В связи с этим трудно согласиться с позицией И.И. Яголовича, сомневающегося в «истинности концепции военного права как комплексной отрасли права» [35], относящего военное право к сугубо публичному праву. К примеру, нормы гражданского, авторского, патентного права, права интеллектуальной собственности, регламентирующие отношения по защите прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения, составляющих предмет военного права, и имеющие «двойную прописку», не меняют частноправовой природы. Тенденции и перспективы развития законодательства в данной сфере

будут зависеть от сбалансированного сочетания частноправовых и публично-правовых методов правового регулирования, приоритетность применения которых будет определяться интересами обороны и безопасности [9]. Представляется, что использование межотраслевого подхода в исследовании данных горизонтальных отношений позволит более четко и, главное, аргументированно уяснить не только место военного права в системе отраслей права, но и перспективные направления его развития.

Есть основания полагать, что в условиях рыночной экономики особый научный интерес будут представлять исследования в сфере межотраслевого взаимодействия норм не только гражданского и военного, но и предпринимательского права, к сожалению, еще не получивших надлежащей оценки. В современных условиях военно-правовая наука, в целях устранения коллизий между законодательными источниками, остро нуждается в анализе юридических конструкций, способствующих обеспечению диверсификации предприятий ОПК. Очевидно, что исследование правовых аспектов государственно-частного партнерства в ОПК, государственного оборонного заказа, оборонных концессий, специальных инвестиционных контрактов и контрактов жизненного цикла на поставку вооружения и военной техники, создание совместных частно-публичных военно-промышленных корпораций как комплексных межотраслевых юридических явлений будет более перспективно с позиций одновременно нескольких отраслей права.

При этом необходимость правового обеспечения устойчивого характера развития этих отношений, диктуемая приверженностью России к провозглашенным ценностям ООН, ориентирующим на социально-экономическую модель, способную удовлетворять потребности как настоящего времени, так и будущих поколений, повысит ценность военно-правового исследования межотраслевых связей гражданского, предпринимательского, экологического, природоресурсного, финансового права. Расходы на оборону в условиях ограниченных ресурсов должны быть управляемы, чему может способствовать обеспечение «устойчивых» партнерских отношений в государственных оборонных закупках, в цепочке поставок которых, наравне с экономической эффективностью, должно приниматься во внимание позитивное социальное и экологическое воздействие поставщиков. Представляется, что эффективность подобных полиотраслевых исследований в немалой степени будет зависеть от использования методологического потенциала теории системной организации межотраслевых связей гражданского права, разработанной профессором М.Ю. Чельшевым.

Заключение

1. Разработанное в 2009 г. профессором М.Ю. Чельшевым новое направление в науке гражданского и предпринимательского права — учение о межотраслевых связях гражданского права в настоящее время, с учетом проверки временем и практикой, востребованности результатов для науки, достаточно обоснованно считать теорией, обладающей всеми необходимыми признаками.

2. Одним из важнейших элементов теории и инструментом познания особенностей межотраслевых связей гражданского права является межотраслевой метод, составляющий основу методологии межотраслевых правовых исследований, имеющей универсальный междисциплинарный характер, что придает положениям и выводам, обоснованным М.Ю. Чельшевым, поистине неисчерпаемый потенциал.

3. Методологический потенциал теории системной организации межотраслевых связей гражданского права, под которым предлагается понимать принципы и подходы исследовательской деятельности, направленные на достижение поставленной цели (решение научной проблемы), заключается в том, что сегодня в полиотраслевых научных исследованиях, объектом которых выступают общественные отношения, испытывающие воздействие правовых норм не одной, а нескольких отраслей, невозможно обойтись без использования межотраслевого метода, развитого М.Ю. Чельшевым до совершенства.

4. Применение межотраслевого подхода в полиотраслевых военно-правовых исследованиях является ключом в решении важнейшей научной проблемы обеспечения диверсификации предприятий ОПК, имеющей государственное значение. Есть основания полагать, что военно-научное исследование правовых аспектов устойчивого развития государственно-частного партнерства в ОПК, государственного оборонного заказа, оборонных концессий, специальных инвестиционных контрактов и контрактов жизненного цикла на поставку вооружения и военной техники, создание совместных частно-публичных военно-промышленных корпораций как юридических явлений будут значительно перспективнее с позиций одновременно нескольких отраслей права.

Библиографический список

1. *Абрамов В.В.* Межотраслевые и внутриотраслевые связи гражданского права, устанавливающие правовой режим особо опасных объектов недвижимости // Научный журнал Куб ГАУ. 2014. № 98 (04). С. 1–15.

2. *Адолевская О.А.* О системообразующих связях уголовного права с другими отраслями права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 94–96.

3. *Барков А.В.* О перспективах реализации методологического потенциала социального предпринимательства в цивилистических и полиотраслевых правовых исследованиях в экологической, энергетической и других социально значимых сферах // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г., Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 71–94.

4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 1997. 1456 с.

5. *Валеев Д.Х., Голубцов В.Г.* Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 34–44.

6. *Волков А.В.* Налоговая оптимизация гражданско-правовыми средствами: межотраслевой аспект исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г., Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 126–133.

7. *Голубцов В.Г.* Метатеоретические правовые исследования в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 26–47. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-26-47>

8. *Гришина Я.С.* Методологические основы исследования правового обеспечения социального предпринимательства // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г., Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 134–158.

9. *Дубынина Т.В.* Об актуальности гражданско-правового обеспечения военной безопасности // Армия и общество. 2015. № 1. С. 18–26.

10. *Емелькина И.А.* Методологические особенности исследования правового режима земельного участка в цивилистической науке и науке земельного права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 184–196.

11. *Каверин К.В.* Военное право как подотрасль административного права: проблемы институционального развития и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 24 с.

12. *Корякин В.М.* К вопросу о комплексных отраслях отечественной правовой системы (на примере военного права) // Журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 40–48.

13. *Косенко Е.В.* Межотраслевые связи в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 70–73.

14. *Кулаков В.В.* Межотраслевые связи семейного права // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 128–131.

15. *Кулаков В.В.* Методология исследования межотраслевых связей в российском праве (в свете развития учения М.Ю. Чельшева) // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 109–115.

16. *Кузнецова О.А.* Межотраслевой метод исследования гражданско-правовых санкций // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 3. 2018 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г., Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 214–246.

17. *Левушкин А.Н.* Методологический подход к исследованию семейного предпринимательства и методов его правового регулирования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 269–284.

18. *Лунева Е.В.* Межотраслевые связи гражданского и природоресурсного права в области имущественных отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 132–136.

19. *Миронова Т.К.* Межотраслевое взаимодействие права социального обеспечения с другими отраслями права // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10. С. 156–161.

20. *Морозов С.Ю.* Проблемы определения обязательных элементов научных теорий и концепций в диссертационных исследованиях цивилистической направленности // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 218–233.

21. *Морозов С.Ю.* Вопросы межотраслевого регулирования транспортных отношений // Транспортное право. 2013. № 3. С. 2–4.

22. *Пикуров Н.И.* Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 1998. 410 с.

23. *Саттарова Н.А.* Современные аспекты межотраслевых связей финансового права // Финансовое право. 2012. № 5. С. 11–19.

24. *Сафин Р.Р.* Межотраслевые связи гражданского права при осуществлении договорного регулирования отношений по выполнению

работ и оказанию услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 180–185.

25. *Суслова С.И.* О комплексности в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 363–381.

26. *Серова О.А., Лескова Ю.Г.* Междисциплинарные исследования: проблемы методологии // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 267–280.

27. *Формакидов Д.А.* Методологические основы жилищно-правовых исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 448–458.

28. *Чельшев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

29. *Чельшев М. Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. 41 с.

30. *Чельшев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. 160 с.

31. *Чельшев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.

32. *Чельшев М.Ю.* Понятие, формы и виды межотраслевых связей гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 104–109.

33. *Чельшев М.Ю.* Межотраслевой метод юридических исследований в цивилистической науке как средство познания межотраслевых связей гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 116–124.

34. *Чельшев М.Ю., Огородов Д.В.* Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 50–53.

35. *Яголович И.И.* Публично-правовые аспекты военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2017. № 2. С. 108–119.

References

1. *Abramov V.V. Mezhotraslevye i vnutriotraslevye svyazi grazhdanskogo prava, ustanavlivaiushchie pravovoi rezhim osobo opasnykh ob"ektov nedvizhimosti* [Intersectoral and Intra-Industry Relations of Civil Law That Establish the Legal Regime of Particularly Dangerous Real Estate Objects]. *Nauchnyi*

zhurnal Kub GAU – Scientific Journal KUB GAU. 2014. Issue 98 (04). Pp. 1–15. (In Russ.)

2. Adoevskaia O.A. *O sistemoobrazuiushchikh svyaziakh ugolovno prava s drugimi otrasliami prava* [On the System-Forming Relations of Criminal Law with other Branches of Law]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series “Law”*. 2007. Issue 1. Pp. 94–96. (In Russ.)

3. Barkov A.V. *O perspektivakh realizatsii metodologicheskogo potentsiala sotsialnogo predprinimatel'stva v tsivilisticheskikh i poliotraslevykh pravovykh issledovaniyakh v ekologicheskoi, energeticheskoi i drugikh sotsialno znachimyykh sferakh* [On the Prospects of Implementing the Methodological Potential of Social Entrepreneurship in Civil and Multisectoral Legal Research in Environmental, Energy and other Socially Significant Areas]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 3. 2018* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 3. 2018]. Moscow, 2018. Pp. 71–94. (In Russ.)

4. Prokhorov A.M. (ed.). *Bolshoi entsiklopedicheskii slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Saint Petersburg, 1997. 1456 p. (In Russ.)

5. Valeev D.Kh., Golubtsov V.G. *Metodologicheskie aspekty mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Methodological Aspects of Interbranch Relations of Civil Procedural Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 34–44. (In Russ.)

6. Volkov A.V. *Nalogovaia optimizatsiia grazhdansko-pravovymi sredstvami: mezhotraslevoi aspekt issledovaniia* [Tax Optimization by Civil Law Means: An Intersectoral Aspect of the Study]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 3. 2018* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 3. 2018]. Moscow, 2018. Pp. 126–133. (In Russ.)

7. Golubtsov V.G. *Metateoreticheskie pravovye issledovaniia v tsivilistike* [Metatheoretical Legal Research in Civil Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 26–47. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-26-47> (In Russ.)

8. Grishina Ya.S. *Metodologicheskie osnovy issledovaniia pravovogo obezpecheniia sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Methodological Foundations of the Study of the Legal Support of Social Entrepreneurship]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 3. 2018*

[Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 3. 2018]. Moscow, 2018. Pp. 134–158. (In Russ.)

9. *Dubinina T.V. Ob aktual'nosti grazhdansko-pravovogo obespecheniia voennoi bezopasnosti* [On the Relevance of Civil Legal Support of Military Security]. *Armiia i obshchestvo – Army and Society*. 2015. Issue 1. Pp. 18–26. (In Russ.)

10. *Emelkina I.A. Metodologicheskie osobennosti issledovaniia pravovogo rezhima zemel'nogo uchastka v tsivilisticheskoi nauke i nauke zemel'nogo prava* [Methodological Features of the Study of the Legal Regime of a Land Plot in Civil Law Science and Science of Land Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniia – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 184–196. (In Russ.)

11. *Kaverin K.V. Voennoe pravo kak podotrasl' administrativnogo prava: problemy institutsional'nogo razvitiia i sposoby ikh preodoleniia: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Military Law as a Sub-Branch of Administrative Law: Problems of Institutional Development and Ways to Overcome Them: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Voronezh, 2010. 24 p. (In Russ.)

12. *Koriakin V.M. K voprosu o kompleksnykh otrasliakh otechestvennoi pravovoi sistemy (na primere voennogo prava)* [On the Issue of Complex Branches of the Domestic Legal System (on the Example of Military Law)]. *Zhurnal pravovykh issledovaniia – Journal of Legal Research*. 2015. Issue 1. Pp. 40–48. (In Russ.)

13. *Kosenko E.V. Mezhotraslevye sviazi v semeinykh pravootnosheniakh* [Inter-Branch Relations in Family Legal Relations]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2016. Issue 3. Pp. 70–73. (In Russ.)

14. *Kulakov V.V. Mezhotraslevye sviazi semeinogo prava* [Interdisciplinary Ties of Family Law]. In *Semeinoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i sotsial'nie orientiri sovershenstvovaniia: Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [Family Law and Legislation: Political and Social Guidelines for Improvement: International Scientific and Practical Conference]. Tver, 2015. Pp. 128–131. (In Russ.)

15. *Kulakov V.V. Metodologiia issledovaniia mezhotraslevykh sviazei v rossiiskom prave (v svete razvitiia ucheniia M.Iu. Chelysheva)* [Methodology for the Study of Interbranch Relations in Russian Law (in the Light of the Development of the Teachings of M.Iu. Chelyshev)]. In *Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniia: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Issues of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles]. Moscow, 2016. Pp. 109–115. (In Russ.)

16. *Kuznetsova O.A. Mezhotraslevoi metod issledovaniia grazhdansko-pravovykh sanktsii* [Interdisciplinary Method for the Study of Civil Sanctions].

In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 3. 2018* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 3. 2018]. Moscow, 2018. Pp. 214–246. (In Russ.)

17. Levushkin A.N. *Metodologicheskii podkhod k issledovaniyu semeinogo predprinimatel'stva i metodov ego pravovogo regulirovaniia* [Methodological Approach to the Study of Family Entrepreneurship and Methods of its Legal Regulation]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 269–284. (In Russ.)

18. Luneva E.V. *Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo i prirodoresurnogo prava v oblasti imushchestvennykh otnoshenii* [Interindustry Relations of Civil and Natural Resource Law in the Field of Property Relations]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2014. Issue 6. Pp. 132–136. (In Russ.)

19. Mironova T.K. *Mezhotraslevoe vzaimodeistvie prava sotsial'nogo obespечения s drugimi otraslami prava* [Interdisciplinary Interaction of Social Security Law with other Branches of Law]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGU) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017. Issue 10. Pp. 156–161. (In Russ.)

20. Morozov S.Iu. *Problemy opredeleniia obiazatel'nykh elementov nauchnykh teorii i kontseptsii v dissertatsionnykh issledovaniakh tsivilisticheskoi napravlenosti* [Problems of Determining the Mandatory Elements of Scientific Theories and Concepts in Dissertation Research of Civil Law Orientation]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017]. Moscow, 2017. Pp. 218–233. (In Russ.)

21. Morozov S.Iu. *Voprosy mezhotraslevogo regulirovaniia transportnykh otnoshenii* [Questions of Intersectoral Regulation of Transport Relations]. *Transportnoe pravo – Transport Law*. 2013. Issue 3. Pp. 2–4. (In Russ.)

22. Pikurov N. I. *Teoreticheskie problemy mezhotraslevykh svyazei ugovnogo prava: dis. ... dokt. iurid. nauk* [Theoretical Problems of Intersectoral Relations of Criminal Law: Dr. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 1998. 410 p. (In Russ.)

23. Sattarova N.A. *Sovremennye aspekty mezhotraslevykh svyazei finansovogo prava* [Modern Aspects of Intersectoral Relations of Financial Law]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 2012. Issue 5. Pp. 11–19. (In Russ.)

24. Safin R.R. *Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava pri osushchestvlenii dogovornogo regulirovaniia otnoshenii po vipolneniiu rabot i okazaniiu uslug* [Interindustry Relations of Civil Law in the Implementation of Contractual

Regulation of Relations for the Performance of Work and the Provision of Services]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016. Issue 1. Pp. 180–185. (In Russ.)

25. *Suslova S.I. O kompleksnosti v tsivilisticheskikh issledovaniiaxh* [On Complexity in Civil Studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 363–381. (In Russ.)

26. *Serova O.A., Leskova Yu.G. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia: problemy metodologii* [Interdisciplinary Research: Problems of Methodology]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 267–280. (In Russ.)

27. *Formakidov D.A. Metodologicheskie osnovy zhilishchno-pravovykh issledovaniy* [Methodological Foundations of Housing Law Research]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 448–458. (In Russ.)

28. *Chelyshev M.Iu. Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

29. *Chelyshev M.Iu. Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 41 p. (In Russ.)

30. *Chelyshev M.Iu. Kontseptsia optimizatsii mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [The Concept of Optimization of Intersectoral Relations of Civil Law: Problem Statement]. Kazan, 2006. 160 p. (In Russ.)

31. *Chelyshev M.Iu. Osnovy ucheniia o mezhotraslevykh svyaziakh grazhdanskogo prava* [The Foundations of the Doctrine of the Intersectoral Relations of Civil Law]. Kazan, 2008. 206 p. (In Russ.)

32. *Chelyshev M.Iu. Poniatie, formy i vidy mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava* [Concept, Forms and Types of Inter-Branch Relations of Civil Law]. *Biznes, menedzhment i pravo – Business, Management and Law*. 2005. Issue 3. Pp. 104–109. (In Russ.)

33. *Chelyshev M.Iu. Mezhotraslevoi metod iuridicheskikh issledovaniy v tsivilisticheskoi nauke kak sredstvo poznaniia mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava* [Interdisciplinary Method of Legal Research in Civil Science as a Means of Cognition of Interbranch Relations of Civil Law]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn' – Legal Policy and Legal Life*. 2008. Issue 4. Pp. 116–124. (In Russ.)

34. *Chelyshev M.Iu., Ogorodov D.V. Smeshannye dogovory v chastnom prave: otdel'nye voprosy teorii i praktiki* [Mixed Contracts in Private Law: Some Is-

sues of Theory and Practice]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economics*. 2005. Issue 10. Pp. 50–53. (In Russ.)

35. *Iagolovich I.I. Publichno-pravovye aspekty voennogo prava* [Public Law Aspects of Military Law]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie – Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2017. Issue 2. Pp. 108–119. (In Russ.)

Информация об авторах:

А.В. Барков

Доктор юридических наук, профессор,
профессор департамента правового регулирования
экономической деятельности

Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49

ORCID: 0000-0002-5236-1954

ResearcherID: H-1263-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/10.14505/jarle.v9.3\(33\).10](https://doi.org/10.14505/jarle.v9.3(33).10)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280>

https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_39

Я.С. Гришина

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Российский государственный университет правосудия
117418, Россия, г. Москва, Новочеремушкинская, 69

ORCID: 0000-0002-6339-7565

ResearcherID: A-1979-2017

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-45-65>

Information about the authors:

A.V. Barkov

Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradskii Av., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-5236-1954

ResearcherID: H-1263-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

[https://doi.org/10.14505/jarle.v9.3\(33\).10](https://doi.org/10.14505/jarle.v9.3(33).10)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280>

https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_39

Ya.S. Grishina

Russian State University of Justice

69 Novocheremushkinskaia St., Moscow, 117418, Russia

ORCHID: 0000-0002-6339-7565

ResearcherID: A-1979-2017

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-33-268-280>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-45-65>

О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ МАТРИЦЕ ЦИВИЛИСТИКИ: В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ НАУЧНОЙ ЗАДАЧИ

Ю.В. Виниченко

Байкальский государственный университет

E-mail: juvinichenko@mail.ru

Д. Пан

Институт интеллектуальной собственности

Китайско-российский центр сравнительного правоведения

Хэнаньского университета

E-mail: pangdongmei71@163.com

Введение: статья призвана привлечь внимание научного юридического, в первую очередь цивилистического, сообщества на состояние методологической проработки той части понятийного арсенала науки гражданского права, которая составляет ее основу, фундамент. Для обозначения системы таких категорий и объективируемой в них имеющейся системы научных знаний авторы избрали термин «дисциплинарная матрица», предложенный Т. Куном. **Цель:** обосновать тезис о необходимости признания разработки дисциплинарной матрицы цивилистики одной из задач современной науки гражданского права. **Методы:** использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, включая логический, междотраслевой, функциональный. **Результаты:** изучение юридической литературы обнаруживает отсутствие в гражданском правоведении специальных работ, посвященных всестороннему изучению дисциплинарной матрицы цивилистики как сущностного понятийно-категориального основания последней, хотя отдельные аспекты рассматриваемого вопроса анализируются российскими учеными. Актуальное состояние самой цивилистической дисциплинарной матрицы сегодня характеризуется стихийностью формирования, имея следствием отсутствие четкого и единообразного гражданско-правового понятийного аппарата у выпускников юридических вузов, а также у представителей других отраслей юриспруденции, использующих цивилистические понятия. **Выводы:** основными задачами гражданского правоведения в данном направлении являются: активное вовлечение в научный оборот и укоренение в нем понятия «дисциплинарная матрица цивилистики»; определение категорий, способных претендовать на то, чтобы входить в отмеченную матрицу;

достижение представителями гражданско-правового сообщества единого понимания «матричных» цивилистических категорий. Решение указанных задач значимо для создания фундаментального основания юридического образования и мировоззрения, а также для унификации интерпретации и применения гражданско-правовых категорий специалистами всех отраслей национального права (что актуально с позиций расширения межотраслевых связей), равно как и представителями различных правопорядков (в контексте сравнительно-правовых исследований). И это — дело всего цивилистического сообщества, научный плюрализм в среде которого трансформирует задачу формирования дисциплинарной матрицы цивилистики в одну из имеющихся в ней проблем.

Ключевые слова: дисциплинарная матрица; дисциплинарная матрица цивилистики; парадигма; гражданско-правовые категории; понятийный аппарат цивилистики; юридическое научное сообщество; задачи цивилистики; межотраслевые связи; гражданский оборот; юридическое образование.

ON THE DISCIPLINARY MATRIX OF CIVIL LAW SCIENCE: SETTING THE SCIENTIFIC TASK

Yu.V. Vinichenko

Baikal State University

E-mail: juvinichenko@mail.ru

D. Pan

Institute of Intellectual Property

China-Russian Center of Comparative Law of the Henan University

E-mail: pangdongmei71@163.com

Introduction: the article intends to draw the attention of the scientific legal community, especially scientists in the area of civil law, to the status of methodological elaboration of conceptual apparatus of the basis of civil law science. Authors accepted the term “disciplinary matrix”, which is proposed by T. Kuhn, to designate a system of such concepts and a system of scientific knowledge objectified in the concepts. **Goal:** to substantiate the development of a disciplinary matrix of civil law as one the main aims of the present science. **Methods:** authors used general scientific and special scientific methods including method of logic, intersectoral and functional methods. **Results:** legal literature shows the absence of special researches dedicated to comprehensive consideration of the disciplinary matrix of civil law as an essential conceptual basis although

*Russian scientists analyzed certain aspects of the problem. The current status of the disciplinary matrix of civil law is characterized by the spontaneity of formation, which results in the absence of a clear and uniform civil law conceptual apparatus among graduates of law schools, as well as among representatives of other branches of jurisprudence which use civil law concepts. **Conclusions:** the main aims of civil law in this area are involvement in science and rooting of term “disciplinary matrix of civil law”; determination of concepts which can be used in such matrix; achievement of unanimity in understanding the “matrix” civil concepts by members of the civil law community. The accomplishment of these aims is significant for creating a fundamental foundation of legal education and worldview. It is also necessary for the unification of interpretation and application of civil law concepts by specialists of all branches of national law, which is relevant for expanding of inter-branch ties, as well as by representatives of various legal orders (in the context of comparative legal research). It is the deal of civil law society which scientific pluralism transforms the aim of forming the disciplinary matrix of civil law into one of the existing problems.*

Keywords: *disciplinary matrix; disciplinary matrix of civil law science; paradigm; civil law categories; civil law conceptual apparatus; legal scientific community; aims of civil law science; inter-branch ties; civil circulation; legal education.*

Введение

Вопросы понятийно-категориального аппарата гражданско-правовой науки уже не единожды оказывались в центре внимания правоведов. При этом, рассматривая с методологических позиций самые разные аспекты данной тематики (от видов научных понятий и логических принципов их построения в цивилистике [19] до философских предпосылок формирования в целом системы категорий гражданского права [7]), ученые единодушно подчеркивают значимость понятийно-категориального аппарата, но также нередко отмечают низкий науковедческий уровень темы научных гражданско-правовых понятий [19, с. 201], констатируют кризис научного знания в указанной области [3, с. 7–8].

В развитие подобных суждений и оценок, настоящая работа призвана обратить внимание научного юридического, в первую очередь цивилистического, сообщества на состояние методологической проработки той части понятийного арсенала науки гражданского права, которая составляет ее основу, фундамент. Для обозначения системы таких категорий и объективируемой в них имеющейся системы на-

учных знаний (в виде доктринальных концепций и теорий), на наш взгляд, как нельзя лучше подходит термин «дисциплинарная матрица», введенный в научный оборот в 1969 г. Т. Куном. Предлагая его, ученый писал: «Выделяя особое сообщество специалистов... было бы полезно спросить: что объединяет его членов? (Тем самым мы выясним относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений.) <...> Я предлагаю термин «дисциплинарная матрица»: «дисциплинарная» потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к дисциплине; «матрица» — потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации» [22, с. 237–238]¹.

Близким по значению дисциплинарной матрице является термин «парадигма», используемый в том числе в цивилистике и интерпретируемый, в частности, как «совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемых и разделяемых научным сообществом и объединяющих большинство его членов» [21, с. 10–11]. Как отмечает О.А. Кузнецова, парадигма «обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества» [там же, с. 11]; в качестве исследовательской традиции, которая обладает «известной протяженностью во времени и пространстве» и которую не выбирают, а «воспринимают и осваивают уже в процессе получения профессионального образования», рассматривают парадигму и представители других отраслей научного знания [26, с. 25].

Отмечая близость терминов «дисциплинарная матрица» и «парадигма», в дальнейшем изложении мы все же будем оперировать первым из них, усматривая их различие не только в общенаучной роли парадигмы и «специализированном» значении дисциплинарной матрицы, но и в следующем: представляется, что парадигма является неким относительно объективно сложившимся в социуме или его части набором категорий, представлений, ценностей и предписаний, который в качестве «готового» воспринимается членами определенного научного сообщества, в то время как матрица (обозначая в различных областях человеческой деятельности: штамп, шаблон, образец, форму для серийного (стереотипного) воспроизводства [см.: 29, с. 364–365, 694]) является строго упорядоченной системой и предполагает ее формирование (составление, создание). Принимая во внимание, что

¹ Сам Т. Кун выделял такие виды компонентов дисциплинарной матрицы (отмечая, что существуют и другие виды), как: «символические обобщения» — те выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий; «метафизические парадигмы» — общепризнанные предписания; ценности; парадигму как общепризнанный образец [см.: 22, с. 238–244].

и право, и правоведение складываются из терминов и понятий (категорий, конструкций), дисциплинарную юридическую матрицу можно соотнести с опорными понятийными рядами правовых категорий, составляющими основу «понятийной сетки» права¹, «скелет» ее логической структуры, о которых с общетеоретических позиций писал А.М. Васильев [9, с. 137–138].

Значимость дисциплинарной матрицы, на наш взгляд, заключается как в отмеченной Т. Куном выполняемой ею профессионально-коммуникационно-объединяющей функции, так и в том, что она нормирует ход дальнейшего доктринального анализа, допуская либо, напротив, блокируя определенные направления развития научной мысли², а также выступает «азбукой», подлежащей максимально бесспорному усвоению всеми действительными и, главное, потенциальными членами определенного профессионально-исследовательского сообщества.

Авторское видение сегодняшнего состояния дисциплинарной матрицы цивилистики и ситуации по ее изучению, задач, стоящих в данной связи перед гражданским правоведением, и будет изложено далее.

Дисциплинарная матрица цивилистики: актуальное состояние

Характеризуя актуальное состояние дисциплинарной матрицы цивилистики и степень научной разработанности данной темы, уже в первом приближении можно констатировать ряд моментов:

- выражение «дисциплинарная матрица» в цивилистических работах не используется;

- необходимость теоретической разработки дисциплинарной матрицы цивилистики – вопросов определения ее понятия, состава, структуры, функций и т.п. – в числе задач науки гражданского права не называется, как следствие,

- специальные работы, посвященные всестороннему изучению дисциплинарной матрицы цивилистики как сущностного понятийно-категориального основания последней, в российском гражданском правоведении отсутствуют. Нельзя сказать, что ученые вовсе обходят

¹ В этой сети «имеются «узлы» переходов, совпадений, различий, характеризующие основное, наиболее существенное в праве на разных уровнях. Такая понятийная сеть юридических категорий выступает перед нами как теоретический образ общей картины, выражающей сущность и структуру, основные черты, закономерности развития и функционирования правовой формы общественной жизни» [9, с. 132–133].

² Например, побуждая современных ученых обсуждать вопрос об искусственном интеллекте с позиций имеющейся системы (гражданско-)правовых категорий «объект прав»/«правовой режим» – «субъект прав»/«правосубъектность».

подобные вопросы молчалим. Так, относя научные понятия к собственно-научным элементам, составляющим предмет научного юридического изучения [6, с. 166–167], разряд макроюридических понятий выделяет В.А. Белов [5, с. 282]. Е.Г. Комиссарова отмечает наличие фундаментальных научных понятий, с неизменным участием которых «познаются, связываются, объясняются, понимаются все другие научные и законодательные понятия», с помощью которых «связывается практически все гражданское право, его институты, конструкции и более частные понятия» и которые «выполняют роль того инструментария, не овладев которым нелогично прикасаться к отдельным гражданско-правовым понятиям» [19, с. 206–207]; в той же работе как об одной из непреходящих ценностей автор пишет о возможности и необходимости «разговаривать с коллегами по научному цеху на одном языке» [там же, с. 212], справедливо полагая на этом основании проблему научной коммуникации задачей всех отраслей правоведения, а не только теории государства и права [см.: там же]. Примечательны также научные статьи представителей саратовской цивилистической школы, в частности Г.В. Колодуба, направленные на исследование проблемы категориальной системы гражданского права [7; 17; 18]. Однако, повторим, работ, посвященных понятийно-категориальному аппарату цивилистики, подобных трудам А.М. Васильева [9] или С.Ю. Головиной [11], нам обнаружить не удалось.

Вследствие ли отмеченной познавательной ситуации либо в силу иных причин на настоящий момент понятийный аппарат цивилистов формируется достаточно стихийно, сопровождаясь распространением тенденции «словесной (терминологической) эквилибристики» [1, с. 80], «категориальной чехарды» [3, с. 14] и имея следствием отсутствие четкого и единообразного гражданско-правового понятийного инструментария в том числе у выпускников юридических вузов, а также у представителей других отраслей юриспруденции, использующих цивилистические понятия.

В качестве примера можно привести одно из самых «популярных» в юриспруденции понятий — категорию «гражданский оборот». Несмотря на законодательное использование данного понятия и на то, что практически ни одна современная цивилистическая научная работа не обходится без его упоминания (поскольку касается исследования тех или иных видов объектов, субъектов, правоотношений и т.д. «в гражданском обороте»), чтобы сформировать более или менее полное представление об отображаемом в данном понятии явлении, следует провести ревизию множества разрозненных взглядов и теорий, в которых используется соответствующий термин. Специальных исследований, посвященных данной категории и феномену гражданского

оборота, в современной российской науке гражданского права нет¹; легальная дефиниция гражданского оборота отсутствует; определение данного понятия в алфавитно-предметном указателе хотя бы одного российского академического учебника по гражданскому праву не приводится, невзирая на весьма широкое использование соответствующего термина в тексте изданий [см.: 13; 14; 27; 28]. Как следствие, употребление понятия «гражданский оборот» является сегодня скорее произвольным и интуитивным, нежели научно обоснованным. В равной степени сильно это удручает, когда задумываешься о подготовке будущих специалистов юридического профиля или знакомишься с работами состоявшихся правоведов.

Проверкой на прочность для многовекового понятийно-категориального каркаса гражданского правоведения является современная эпоха очередной технологической революции, поскольку, как справедливо отмечает Л.Ю. Василевская, современные процессы цифровизации имущественного оборота потребуют «не только пересмотра традиционных и устоявшихся положений цивилистики, но, возможно, и «ломки» определенных правовых конструкций» [8, с. 4].

Цивилисты, следуя вызовам современности, в контексте вопросов о цифровых правах, криптовалютах употребляют такие неюридические термины, как «блокчейн», «токены», «майнинг» и др., а относительно роботов и искусственного интеллекта всерьез обсуждают идею «электронного лица» [10, с. 219 и след.; 23] (как самостоятельного вида субъектов наряду с физическими и юридическими лицами). Однако отрадно, что в процессе осмысления отдельных новых явлений в жизни общества большинство ученых тем не менее оперируют такими устоявшимися понятиями, как «правовой режим» [10], «правосубъектность» [24], «объекты гражданских прав» [12; 20, с. 332–333]. Как представляется, это демонстрирует, что пока представители гражданско-правовой науки, несмотря на революционность задач, поставленных цифровизацией перед доктриной, остаются в пределах своей — цивилистической — дисциплинарной матрицы, обоснованию важности максимального сохранения «традиционности» и юридической «чистоты» которой в том числе посвящена настоящая работа.

Дисциплинарная матрица цивилистики: на повестке дня

Говоря о повестке дня, мы имеем в виду задачи, которые обусловлены описанной выше ситуацией и, по нашему мнению, нуждаются

¹ Не считая публикаций одного из авторов данной статьи (см.: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=507419).

в постановке и решении гражданско-правовой наукой, исходя из того значения, которое имеет дисциплинарная матрица цивилистики как для самого гражданского правоведения, так и для юриспруденции в целом.

Представляется, что основными задачами науки гражданского права в данном направлении являются: 1) активное вовлечение в научный оборот и укоренение в нем понятия «дисциплинарная матрица цивилистики»; 2) определение категорий, способных претендовать на то, чтобы входить в дисциплинарную матрицу цивилистики; 3) достижение представителями гражданско-правового сообщества единодушия в понимании «матричных» цивилистических категорий.

Ратуя за необходимость целенаправленной доктринальной работы по формированию дисциплинарной матрицы цивилистики, прежде всего мы движимы идеей сохранения научно-образовательной традиции, которая, как и исследовательская традиция, осваивается на этапе получения профессионального образования. Первой профессиональной компетенцией, подлежащей выработке у выпускников юридических факультетов и вузов, по нашему убеждению, должно быть знание и уверенное владение понятийно-категориальным аппаратом юриспруденции по тому или иному профилю (направленности). При этом давая «путевку в жизнь» новым юристам, их следует снабжать четким, внятным и достаточно единообразным инструментом будущей профессиональной деятельности, а таковым является именно понятийный аппарат. И это должен быть не просто глоссарий, содержащий по каждому из включенных в него понятий описание массы релевантных теорий, концепций и подходов¹, но некий свод незыблемых базовых категорий², касательно содержания которых цивилистическое сообщество в целом, невзирая на частные разногласия в нюансах, пришло к тому относительно единодушию своих профессиональных взглядов, о котором писал, рассуждая о дисциплинарной матрице, Т. Кун.

В качестве еще одного аргумента в пользу необходимости серьезной работы над системой фундаментальных гражданско-правовых категорий, образующих дисциплинарную матрицу цивилистики, обратим внимание на тенденцию дальнейшего развития и укрепления межотраслевых связей гражданского права с иными правовыми образованиями, обусловленную фактическим единством той социальной — экономи-

¹ Относительно которых бесконечно будут идти полемика и высказываться обоснованные замечания [см., например: 2].

² В данной связи, на наш взгляд, уместно привести в пример фармацевтов, для которых, скажем, «Ибуклин», «Нурофен» и «Брустан» являются по существу одним и тем же — ибупрофеном (*Ibuprophenum*).

ческой (имущественной) — сферы, которая регламентируется нормами различных отраслей права. Отмеченная тенденция вновь и вновь актуализирует идею о настоятельной потребности современной юридической науки в исследовании «проблематики взаимосвязей, в том числе и взаимозависимостей различных частей системы права» [32, с. 3], которую отстаивал и последовательно развивал М.Ю. Чельшев.

Одним из направлений исследования указанной проблематики является изучение вопросов об использовании и интерпретации гражданско-правовых терминов, понятий и конструкций в других отраслях права и научного знания [см., например: 30]. Представляется бесспорным, что в подобных случаях юристы должны воспринимать и истолковывать идентичные термины одинаково: например, единообразно должно интерпретироваться понятие добросовестности, безотносительно к тому, идет ли речь о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений (установленной п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) или о презумпции добросовестности налогоплательщиков (вытекающей из п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ)¹, равно как одно и то же содержание должны вкладывать правоведы в понятие юридического лица, независимо от того, специалистами в области частного или публичного права и, более того, представителями российской или, скажем, китайской юридической научной мысли [см., например: 25; 33; 34; 35; 36] они являются. Последнее наиболее актуально с позиций сравнительно-правовых исследований, позволяющих выйти за национальные рамки своей правовой системы и способствующих взаимопониманию различных культур, их взаимообогащению.

В этих условиях возрастает значение выверенности цивилистического понятийно-терминологического аппарата, и для того, чтобы представители других юридических наук (а тем более «не юристы») не толковали произвольно определенный гражданско-правовой термин, не придумывали² и не додумывали его содержание, не искажали его³, используя в том числе в угоду своим конъюнктурным интересам

¹ М.Ю. Чельшев правовой предпосылкой взаимодействия, в частности, гражданского и налогового права считал то, что, «существуя в рамках единой системы права», они «вызывают необходимость для одних и тех же субъектов строить свое поведение, руководствуясь нормами обоих правовых образований, и регулируют, хотя и различными приемами, отношения собственности» [31, с. 13].

² Как небезосновательно отмечает Н.П. Асланян, цитируя слова Г.Д. Левина о том, что в настоящее время открыть новую философскую категорию так же невозможно, как и новый материк, «цивилисты подвергают подобные воззрения без оглядки на содержание собственной науки и едва ли не ежемесячно «открывают новые материки»» [3, с. 14].

³ Так, например, специалист в области уголовного права А.В. Дранников, используя понятие «предметы, ограниченные в гражданском обороте», определяет послед-

(например, налоговой политики государства), цивилисты сами должны договориться между собой о том понятийно-категориальном «базисе», который будет признан «матричным» и будет предложен всему остальному юридическому сообществу в качестве стереотипного шаблона.

Какие понятия должны войти в отмеченную матрицу? Очевидно, что, в терминологии Д.А. Керимова, «общие», а не «отдельные» или «особенные», т.е. самые сущностные, выражающие сходство или общность свойств, связей и отношений гражданско-правовых явлений [см.: 16, с. 195 и след.].

В российской цивилистике к фундаментальным (ключевым, основным) научным понятиям относят, в частности: норму права, правовые формы, предпосылки (условия) и основания обложения фактических (жизненных) отношений в гражданско-правовые формы [4, с. 93], гражданскую правосубъектность, гражданское правоотношение, юридический факт, право собственности, обязательства [19, с. 206–207]. На наш взгляд, причисления к дисциплинарной матрице цивилистики достойны и такие категории, как: собственно «цивилистика», «частное право», «гражданский оборот», «гражданский правопорядок», «добросовестность», «договор» и др. Впрочем, данный вопрос является открытым, а настоящая статья скорее побуждает к размышлению и представляет собой приглашение к научной дискуссии.

Заключение

Итак, полагая необходимым активное вовлечение в научный оборот юридической методологии в целом и методологии гражданского права в частности понятия «дисциплинарная матрица» («дисциплинарная матрица цивилистики»), считаем одной из ключевых задач, стоящих перед специалистами в соответствующих областях юриспруденции, целенаправленную работу по созданию отмеченной матрицы и ее методичное, системное привитие взращиваемому поколению юристов. Настоятельно обращая внимание на указанную задачу и необходимость ее решения как значимые для создания

ние как «предметы материального мира, гражданско-правовые сделки с которыми, в том числе экспортно-импортные перемещения, полностью или частично запрещены законодательством Российской Федерации в целях обеспечения обороноспособности государства, общественной безопасности, здоровья населения, культурного достояния Российской Федерации и других зарубежных государств» [15, с. 8], игнорируя имеющееся гражданско-правовое понимание объектов, ограниченных в гражданском обороте, как объектов, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению, т.е. оборот которых, хотя и с определенными ограничениями, в целом допустим, а не запрещен.

фундаментального основания, базового блока юридического образования и мировоззрения, а также для унификации интерпретации и применения гражданско-правовых категорий представителями всех отраслей национального права, равно как и представителями различных правопорядков, мы не только не претендуем на формирование исчерпывающего перечня категорий дисциплинарной матрицы цивилистики, но и не считаем это задачей, посильной и допустимой решению отдельно взятыми учеными. Это дело всего цивилистического сообщества или как минимум тех из нас, кто примет на себя сие бремя, в полной мере осознавая при этом прежде всего необходимость предельной точности в определении сути соответствующих категорий, что в условиях научного плюрализма во многом и осложняет поиск ответов на поставленный вопрос, трансформируя его из задачи науки в одну из имеющихся в ней проблем.

Библиографический список

1. *Арсланов К.М.* О заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 6. С. 79–89.

2. *Асланян Н.П., Григорьева М.А.* Несколько замечаний к дискуссии о понятии правоотношения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1091–1097. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(6\).1091-1097](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(6).1091-1097)

3. *Асланян Н.П.* Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы VI ежегод. междунар. науч. практ. конф. (Иркутск, 21–22 сент. 2017 г.) / под ред. Ю.В. Виниченко, А.П. Ушаковой. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 6–20. <https://doi.org/10.17150/konf.2017.09.20>

4. *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1: Введение в гражданское право: учебник. М.: Юрайт, 2011. 521 с.

5. *Белов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 2: Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2011. 1093 с.

6. *Белов В.А.* Наука гражданского права как система // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2016. С. 165–200.

7. *Вавилин Е.В., Колодуб Г.В.* Методологический аспект в исследовании системы категорий науки гражданского права: философское измерение // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 14–33.

8. *Василевская Л.Ю.* Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право.* 2019. № 5. С. 3–14.

9. *Васильев А.М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

10. *Габов А.В., Хаванова И.А.* Эволюция роботов и право XXI века // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 435. С. 215–233. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/28>

11. *Головина С.Ю.* Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.

12. *Гонгало Б.М., Новоселова Л.А.* Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // *Пермский юридический альманах: ежегодный научный журнал.* 2019. Вып. 2. С. 179–192.

13. *Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова.* М.: Проспект; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2010. 632 с.

14. *Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю.К. Толстого.* М.: Проспект, 2013. 784 с.

15. *Дранников А. В.* Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 221 с.

16. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2009. 521 с.

17. *Колодуб Г.В.* Изучение системы категорий гражданского права через призму функций общей теории государства и права: к постановке вопроса // *Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова.* М.: Статут, 2017. С. 377–386.

18. *Колодуб Г.В.* На пути к формированию теории системности категорий гражданского права // *Юрист.* 2016. № 12. С. 20–22.

19. *Комиссарова Е.Г.* Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // *Методологические проблемы цивилистических исследований.* 2019. Вып. 1. С. 197–216.

20. *Конобеевская И.М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав // *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

21. *Кузнецова О.А.* Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы // *Проблемы взыскания убытков в российском правовом порядке: сб. ст. VI ежегодн. междунар. науч.-практ. конф. «Коршуновские чтения» / отв. ред. Ю.С. Харитонов.* М., 2016. С. 10–24.

22. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

23. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>

24. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 420 с.

25. Пан Дунмэй. Уголовная ответственность юридических лиц в Китае: традиционные подходы и современный выбор // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. С. 613–622. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).613-622](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622)

26. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М.: Наука, 2003. 525 с.

27. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2016. 958 с.

28. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2015. 1208 с.

29. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

30. Тарханов И.А., Хасанов Р.А., Чельшев М.Ю. Гражданско-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. № 4 (26). С. 72–80.

31. Чельшев М.Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.

32. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2009. 41 с.

33. 黄晓亮：《我国刑法中单位犯罪制度的困境与出路—以单位理论为视角的反思》，载《南京大学学报》2015年第5期，第147页 [Сяоян Х. Дилемма в сфере корпоративных преступлений в нашем уголовном законе: размышления с точки зрения теории о корпорации // Вестник Нанькинского университета. 2015. № 5. С. 147].

34. 王家福：《民法债权》，北京：法律出版社1991年版，第47页 [Цзяфу В. Обязательственное право в гражданском праве. Пекин, 1991. С. 47].

35. 李鄂贤：《法人刑事责任的本质转变与法人犯罪立法的未来改革》，载《法学杂志》2019年第5期，第58页。 [Эсянь Л. Трансформация сущ-

ности уголовной ответственности юридических лиц и будущая реформа законодательства о правонарушениях юридических лиц // Правовой журнал. 2019. № 5. С. 58].

36. 李雁磊：《论法人犯罪归责的三种理论类型》，载《河南财经政法大学学报》2020年第2期，第114页。[Яньлэй Л. Три теоретические модели ответственности юридических лиц за преступления // Журнал Хэнаньского университета финансов, политики и права. 2020. № 2. С. 114].

References

1. Arslanov K.M. *O zaimstvovaniiax inostrannykh iuridicheskikh konstrukt-sii v rossiiskom grazhdanskom prave* [Concerning Borrowings of Foreign Legal Constructions in Russian Civil Law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2015. Vol. 157. Book 6. Pp. 79–89. (In Russ.)

2. Aslanian N.P., Grigorieva M.A. *Neskol'ko zamechanii k diskussii o poni-atii pravootnosheniia* [Some Remarks to the Discussion on the Concept of Legal Relationships]. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi aka-demii – Izvestiia of Irkutsk State Economics Academy*. 2015. Vol. 25. Issue 6. Pp. 1091–1097. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(6\).1091-1097](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(6).1091-1097) (In Russ.)

3. Aslanian N.P. *Ob otnoshenii k kategoriiam v tsivilisticheskoi literature i roli kategorii v nauchnom poznanii* [On the Relation to Categories in Civil Literature and the Role of Categories in Scientific Knowledge]. In Vinichenko Yu.V., Ushakova A.P. (eds.). *Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki: materialy 6-i ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., sostoiavsheisia v ram-kakh Baik. iurid. foruma (Irkutsk, 21–22 sentiabria 2017 g.)* [Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice: Materials of the 6th Annual International Scientific and Practical Conference, Held in the Framework of the Baikal Legal Forum (Irkutsk, 21–22 September 2017)]. Irkutsk, 2017. Pp. 6–20. <https://doi.org/10.17150/konf.2017.09.20>. (In Russ.)

4. Belov V.A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaia chast'. T. 1: Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Civil Law. General Part. Vol. 1: Introduction to Civil Law: Textbook]. Moscow, 2011. 521 p. (In Russ.)

5. Belov V.A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaia chast'. T. 2: Litsa, blaga, fakty: uchebnik* [Civil Law. General Part. Vol. 2: Persons, Goods, Facts: Textbook]. Moscow, 2011. 1093 p. (In Russ.)

6. Belov V.A. *Nauka grazhdanskogo prava kak sistema* [The Science of Civil Law as a System]. In Belov V.A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: v 2 t. T. 1* [Civil Law. Current Problems of Theory and Practice. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 2016. P. 165–200. (In Russ.)

7. Vavilin E.V., Kolodub G.V. *Metodologicheskii aspekt v issledovanii sistemy kategorii nauki grazhdanskogo prava: filosofskoe izmerenie* [Methodological Aspect in the Study of the Civil Law Categories System: Philosophical Dimension]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 14–33. (In Russ.)

8. Vasilevskaia L.Iu. *Tsifrovye prava kak novyi ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy iuridicheskoi kvalifikatsii* [Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of legal Qualification]. *Khoziaistvo i pravo – Economy and Law*. 2019. Issue 5. Pp. 3–14. (In Russ.)

9. Vasiliev A.M. *Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal Categories. Methodological Aspects of the Development of Categories of Theory of Law]. Moscow, 1976. 264 p. (In Russ.)

10. Gabov A.V., Khavanova I.A. *Evolutsiia robotov i pravo XXI veka* [Evolution of Robots and the 21st-Century Law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2018. Issue 435. Pp. 215–233. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/28> (In Russ.)

11. Golovina S.Iu. *Poniatiinyi apparat trudovogo prava* [Conceptual Framework of the Labor Law]. Yekaterinburg, 1997. 178 p. (In Russ.)

12. Gongalo B.M., Novoselova L.A. *Est' li mesto «tsifrovym pravam» v sisteme ob"ektov grazhdanskogo prava* [Is there a Place for “Digital Rights” in the System of Objects of Civil Rights]. *Permskii iuridicheskii al'manakh: ezhegodnyi nauchnyi zhurnal – Perm Legal Almanac: Annual Scientific Journal*. 2019. Issue 2. Pp. 179–192. (In Russ.)

13. Stepanov S.A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1* [Civil Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow; Yekaterinburg, 2010. 632 p. (In Russ.)

14. Tolstoi Iu.K. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1* [Civil Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, 2013. 784 p. (In Russ.)

15. Drannikov A.V. *Ugolovnaia otvetstvennost' za kontrabandu predmetov, ogranichennykh v grazhdanskom oborote: dis. ... kand. iurid. nauk* [Criminal Liability for Smuggling of Items Restricted in Civil Circulation: Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2000. 221 p. (In Russ.)

16. Kerimov D.A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [The Law's Methodology: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law]. Moscow, 2009. 521 p. (In Russ.)

17. Kolodub G.V. *Izuchenie sistemy kategorii grazhdanskogo prava cherez prizmu funktsii obshchey teorii gosudarstva i prava: k postanovke voprosa* [Studying of System of Categories of Civil Law through the Prism of Functions of General Theory of State and Law: to Statement of the Question]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegod-*

nik. Vyp. 2. 2017 [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017]. Moscow, 2017. Pp. 377–386. (In Russ.)

18. Kolodub G.V. *Na puti k formirovaniu teorii sistemnosti kategorii grazhdanskogo prava* [On the Way to Forming of the Theory of Consistency of Civil Law Categories]. *Iurist – Lawyer (Magazine)*. 2016. Issue 12. Pp. 20–22. (In Russ.)

19. Komissarova E.G. *Metodologicheskie aspekty nauchno-poniatiinogo apparata v tsivilistike* [Methodological Aspects of Scientific Concepts Formation in Civil Science]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 197–216. (In Russ.)

20. Konobeevskaya I.M. *Tsifrovye prava kak novyi ob"ekt grazhdanskikh prav* [Digital Rights as a New Object of Civil Rights]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Izv. Saratov University. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*. 2019. Vol. 19. Issue 3. Pp. 330–334. <https://doi.org/https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-193-330-334> (In Russ.)

21. Kuznetsova O.A. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost': neobkhodimost' smeny metodologicheskoi paradigmy* [Civil Liability: Necessity for the Methodological Paradigm Change]. In Kharitonova Iu.S. (ed.). *Problemy vyznaniya ubytkov v rossiiskom pravoporiadke: sb. st. VI ezhegodn. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Korshunovskie chteniia»* [Problems of Recovery of Damages in the Russian Legal Order: Collection of Articles of the 6th Annual International Scientific and Practical Conference “Korshunov Readings”]. Moscow, 2016. Pp. 10–24. (In Russ.)

22. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revoliutsii. S vvodnoi stat'ei i dopolneniyami 1969 g.* [Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Article and Additions 1969]. Moscow, 1977. 300 p. (In Russ.)

23. Morkhat P.M. *Iunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoe litso* [Artificial Intelligence Unit as Electronic Personality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Iurisprudentsiya – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2018. Issue 2. Pp. 61–73. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73> (In Russ.)

24. Morkhat P.M. *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... dokt. iurid. nauk.* [Legal Personality of an Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 420 p. (In Russ.)

25. Pan Dongmei. *Ugolovnaia otvetstvennost' iuridicheskikh lits v Kitae: traditsionnye podkhody i sovremennyi vybor* [Criminal Liability of Legal Entities in China: Traditional Approaches and Modern Choices]. *Vserossiiskii*

kriminologicheskii zhurnal — Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. Issue 4. Pp. 613–622. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).613-622](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622) (In Russ.)

26. Reznik Iu.M. *Vvedenie v sotsial'nuu teoriiu. Sotsial'naia sistemologiya* [Introduction to Social Theory: Social Systemology]. Moscow, 2003. 525 p. (In Russ.)

27. Sukhanov E.A. (ed.). *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshchaia chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: General Part. Property Law. Succession Law. Incorporeal Right. Personal Non-Property Rights]. Moscow, 2011. 958 p. (In Russ.)

28. Sukhanov E.A. (ed.). *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 2: Obiazatel'stvennoe pravo* [Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2: Law of Obligation]. Moscow, 2011. 1208 p. (In Russ.)

29. *Sovremennyi slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. St. Petersburg, 1994. 752 p. (In Russ.)

30. Tarkhanov I.A., Khasanov R.A., Chelyshev M.Iu. *Grazhdansko-pravovye konstruksii v mekhanizme kvalifikatsii prestuplenii* [Civil Legal Constructions in Crime Classification Mechanism]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava — Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2013. Issue 4 (26). Pp. 72–80. (In Russ.)

31. Chelyshev M.Iu. *Vzaimodeistvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s uchastiem predprinimatelei* [Interaction of Civil Law and Tax Law in the Regulation of Relations with the Participation of Entrepreneurs]. Moscow, 2014. 160 p. (In Russ.)

32. Chelyshev M.Iu. *Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 41 p. (In Russ.)

33. 黄晓亮：《我国刑法中单位犯罪制度的困境与出路—以单位理论为视角的反思》，载《南京大学学报》2015年第5期，第147页。[Huang Xiaoliang. *Dilemma in sphere korporativnykh prestuplenii v nashem ugolovnom zakone: razmyshleniia s tochki zreniia teorii o korporatsii* [Dilemma in the Sphere of Corporate Crimes in Our Criminal Law: Reflections from the Point of View of the Theory of Corporations]. *Vestnik Nan'kinskogo universiteta — Bulletin of Nankin University*. 2015. Issue. 5. P. 147]. (In Chin.)

34. 王家福：《民法债权》，北京：法律出版社1991年版，第47页。[Wang Jiafu. *Obiazatel'stvennoe pravo v grazhdanskom prave* [The Law of Obligations in Civil Law]. Beijing, 1991. P. 47]. (In Chin.)

35. 李鄂贤：《法人刑事责任的本质转变与法人犯罪立法的未来改革》，载《法学杂志》2019年第5期，第58页。[Li Exian. *Transformatsiia su-*

shchnosti ugovnoi otvetstvennosti iuridicheskikh lits i budushchaia reforma zakonodatel'stva o pravonarusheniakh iuridicheskikh lits [Transformation of the Essence of Criminal Liability of Legal Entities and Future Reform of Legislation on Offenses of Legal Entities]. *Pravovoi zhurnal – Legal Journal*. 2019. Issue 5. P. 58]. (In Chin.)

36. 李雁磊：《论法人犯罪归责的三种理论类型》，载《河南财经政法大学学报》2020年第2期，第114页。[Li Yanlei. *Tri teoreticheskie modeli otvetstvennosti iuridicheskikh lits za prestupleniia* [Three Theoretical Types of Liability of Legal Entities for Crimes]. *Zhurnal Khenan'skogo universiteta finansov, politiki i prava – Journal of the Henan University of Finance, Politics and Law*. 2020. Issue 2. P. 114]. (In Chin.)

Информация об авторах:

Ю.В. Виниченко

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

ORCID: 0000-0003-0533-6526

ResearcherID: C-7181-2018

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\).661-673](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-4-34-46>

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).844-849](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-40-225-239>

Д. Пан

Доктор юридических наук,
профессор Юридического института
Института интеллектуальной собственности,
Почетный ученый «Хуанхэ»,
Лауреат-профессор провинции Хэнань КНР,
заведующая Китайско-российским центром сравнительного
правоведения Хэнаньского университета
475001, КНР, г. Кайфун, ул. Минлунь, 85

ORCID: 0000-0003-0236-2956

ResearcherID: AAZ-6513-2020

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\).698-703](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).698-703)

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(1\).142-151](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151)

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).613-622](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622)

Information about the authors:

Yu.V. Vinichenko

Baikal State University

11 Lenina St., Irkutsk, 664003, Russia

ORCID: 0000-0003-0533-6526

ResearcherID: C-7181-2018

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

[https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\).661-673](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-4-34-46>

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(4\).844-849](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849)

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-40-225-239>

D. Pan

Institute of Intellectual Property

China-Russian Center of Comparative Law of the Henan University

85 Minglun St., Kaifeng, 475001, China

ORCID: 0000-0003-0236-2956

ResearcherID: AAZ-6513-2020

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

[https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(4\).698-703](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(4).698-703)

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(1\).142-151](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(1).142-151)

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(4\).613-622](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622)

ПАРАМЕТРЫ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ (на примере гражданского правоведения)

Е.Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Тюменский государственный университет

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: методология научного познания играет доминирующую роль в системе науковедения в целом, вне зависимости от предметной и отраслевой принадлежности научного знания. География методологических знаний постепенно расширяется, все более восприимчивым к ним становится отраслевое правоведение. Причина известна — она в хроническом присутствии как в теории права, так и в отдельных отраслях правоведения тематических дискурсов о методологии, ориентированных на тематизацию ее предметных качеств. Не без этого у юристов идет постепенное формирование собственной методологической «философии», семантические отличия которой от собственно философской методологии обеспечивают доступность ее инструментария для правоведов. Закономерным следствием актуальности исследовательского интереса к методологическим ценностям в перспективе должно стать улучшение теоретического качества правовых исследований, предметно не связанных с методологией, но способных идентифицировать ее научные ориентиры для целей собственных исследований. Между тем трудов, которые ориентированы на прикладной характер методологического знания, в юриспруденции немного. Учебные пособия по методологии юриспруденции, предназначенные согласно титульным сведениям для учебного познания ее предметных особенностей и внутренних параметров, все равно уходят в «дальние философские дали», оперируя емкими и абстрактными суждениями о методологических феноменах, а потому оказываются на самом деле адресованными не столько студентам, сколько коллегам по «методологическому цеху». **Цель:** приблизить каноны методологического регламента к научной аудитории, работающей в других тематических направлениях, далеких от методологических ценностей, но стремящейся к их познанию в практических целях. **Методы:** описательный, объяснительный, повествовательный. **Результаты:** по итогам проведенного

исследования автор сформулировал следующие теоретические выводы: постижение такого сложноустроенного явления, как методология юриспруденции, в его прикладном значении предложено осуществлять по «пандектному шаблону». Для этого автор «разводит» строго философскую и специально-научную методологию юриспруденции, предлагая различать общую и особенную части методологического регламента. Общая часть содержит ответы на предметные вопросы, что такое методология и какой статус имеют методологические знания. Особенная часть отвечает на вопросы, как и какие методологические единицы наполняют параметры методологии и как они работают.

Ключевые слова: юридическая методология; уровни методологии; научный аппарат исследования; научный подход; метод; приемы; способы; принципы научного познания.

PARAMETERS OF THE METHODOLOGY OF JURISPRUDENCE IN THEIR FUNCTIONAL VALUE (on the Example of Civil Law)

E.G. Komissarova

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

Tyumen State University

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663>

<https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697>

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: *the methodology of scientific knowledge plays a dominant role in the system of science as a whole, regardless of the subject and branch of scientific knowledge. The geography of methodological knowledge is gradually expanding, the branch of law is becoming more and more receptive to it. The reason is known, it is in the chronic presence both in the theory of law and in certain branches of law of thematic discourses about methodology, focused on the thematization of its subject qualities. Not without this, lawyers are gradually*

*forming their own methodological “philosophy”, whose semantic differences from the actual philosophical methodology ensure the availability of its tools for lawyers. A natural consequence of the relevance of research interest in methodological values in the future should be to improve the theoretical quality of legal research that is not related to the methodology, but is able to identify its scientific guidelines for the purposes of their own research. Meanwhile, there are few works in jurisprudence that focus on the applied nature of methodological knowledge. Textbooks on the methodology of jurisprudence, intended according to the title information, educational knowledge of its subject features and internal parameters, still go to “distant philosophical distances”, operating with capacious and abstract judgments about methodological phenomena, and therefore are actually addressed not so much to students as to colleagues in the “methodological workshop”. **Purpose:** to bring the canons of methodological regulations closer to the scientific audience working in other thematic areas that are far from methodological values, but strive to learn them for practical purposes. **Methods:** descriptive, explanatory, and narrative. **Results:** based on the results of the study, the author formulated the following theoretical **conclusions**. The understanding of such a complex phenomenon as the methodology of jurisprudence in its applied meaning is proposed to be carried out according to the “pandect template”. For this purpose, the author “separates” the strictly philosophical and specifically scientific methodology of jurisprudence, offering to distinguish between the general and special parts of the methodological regulations. The general part contains an answer to the subject question what is the methodology and what is the status of methodological knowledge. The special part answers the question of how and what methodological units fill in the methodology parameters and how they work.*

Keywords: legal methodology; levels of methodology; scientific research apparatus; scientific approach; method; techniques; methods; principles of scientific knowledge.

Введение

Методологическая тематика в цивилистике стремительно набирает обороты. Все большее число авторов стремятся примкнуть к ней. Но цели солидаритета разнятся. Одни ученые участвуют в теоретических исследованиях, искренне стремясь создать новое актуальное знание о методологии в цивилистике, умело работая с фундаментальным методологическим ресурсом, созданным в философской науке и в теории государства и права. Другие демонстрируют свою методологическую подготовленность на примере конкретных теоретических исследований, которые вполне можно именовать как

методологически обустроенные. Перечень таких работ стремительно растет, являясь предметом научно-теоретической гордости как самих авторов, так и издателей сборников «по методологии»¹. Третьи исследователи изучают этот феномен исключительно для целей собственного самопознания, чувствуя то состояние научного цивилистического пространства, в котором обнаружился явный водораздел, по одну сторону которого стоят научные обыватели, ни разу не ступавшие на «методологические тротуары» и мало стремящиеся к этому, по другую — находятся истинно научные произведения, опирающиеся на познанные их авторами актуальные методологические тонкости, вольно или невольно обеспечивающие то качество научных публикаций, в которых неформально заинтересованы редакции журналов, дорожащие своей репутацией и подуставшие от трудов литературно-правового свойства.

В последние два-три года явно обозначилась еще одна группа авторов, заинтересованных в предметном познании методологических достоинств и ее наполнителей, — грантополучатели. Для этой группы исследователей организаторы грантовой деятельности выдвигают достаточно жесткое условие относительно обоснования подходов, целей и задач предпринимаемого исследования. Прагматический характер запросов потенциальных грантополучателей на овладение методологическим мышлением не снижает теоретической ценности методологического инструментария хотя бы потому, что, отрефлексировав на методологические постулаты один раз, они уже никогда не решатся на труды, при написании которых не осознаны и сам феномен методологии, и его методологические уровни.

При написании настоящей статьи автор попытался отойти от подчеркнуто теоретического характера суждений о методологии юриспруденции, руководствуясь в большей степени просветительской миссией. Поэтому материал статьи не являет собой научный диалог «от имени» одного ученого с другим ученым по поводу животрепещущих проблем методологического кластера. Текст статьи в большей степени направлен на воспитание методологической мысли современных пользователей готового методологического знания.

На примере цивилистической юриспруденции методологическое пространство представлено автором без явного присутствия в нем плотного философского окружения. Устраивая свои суждения в сторону практической востребованности методологических знаний, автор предлагает чуть более доступную их форму, свободную от на-

¹ См.: Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2014–2020.

учных дискуссий и глубоких исторических экскурсов в философское прошлое. Это предопределило рационализм стиля изложения текста статьи: «быстрое перо» в части промежуточных и итоговых выводов, отсутствие дискуссионных экскурсов. Своеобразен и характер теоретической базы, привлекаемой автором в большей степени в качестве справочных ориентиров, которые при желании легко отыскиваются заинтересованным в познании методологических канонов читателем. Этим же определено и содержательное наполнение подзаголовков настоящей статьи. Подобные приемы ориентированы на создание вокруг методологической тематики в юриспруденции более дружественных фона и тона, позволяющих усилить эффект максимальной доступности методологических знаний для тех, кто уже находится на научном пространстве, но пока не сжился с его методологическими ориентирами, а также тех, кто только вступает на это пространство.

Предлагая подобный контекст статьи, автор стремится пополнить не самый объемный пласт научно-познавательной литературы о канонах юридической методологии [21; 27; 28; 40] и осведомить заинтересованного читателя о том, какие методологические ценности являются признанными в зарубежной юриспруденции. При этом автор искренне надеется, что такой подход подачи материала не умаляет академической ценности уже созданных ранее научных трудов по теме методологии юриспруденции в целом [15; 16, с. 83; 22; 34; 36; 37; 44] и цивилистической в частности [1; 3; 5; 35].

Итоговая цель настоящей статьи — максимально приблизить методологические ценности к непосредственному процессу создания нового научного знания, которое, как известно, от иных форм человеческого мышления отличало и отличает «владение точными, очерченными средствами интеллекта, а также последовательность, с которой эти средства используются» [7, с. 101].

Явная прагматичность предлагаемого научного контекста дает возможность приблизить к методологическим канонам максимальное число авторов, которые, осознанно коснувшись методологии единожды, больше никогда не будут свободны от ее достоинств при создании собственных научных произведений, более того, вполне возможно, испытают некий теоретический подъем, который станет поводом для более глубокого проникновения в область методологического знания. С этим трудно не согласиться, ведь речь идет о не самой худшей интеллектуальной традиции быть причастным к корпоративным ценностям научного юридического сообщества, бесспорно важным для сохранения самой корпорации и ее академического благополучия.

Методология как навык для целей научного познания права

Методология юриспруденции богата определениями, данными ей в науке. При некоторой разности лексических формул, заложенных в ее дефиниции, в каждой присутствует главное, состоящее в том, что методология — это искусство научного юридического познания или форма размышления об условиях и предпосылках познавательной деятельности. В зарубежной юриспруденции методология права определяется как предпосылка для «улучшенного понимания права, некоторые общие исследовательские идеалы, общепринятые критерии качества юридических исследований [50, р. 120], питающие как интерес, так и открытость к богатству правовых явлений» [48, р. 138].

Явность признаков, характеризующих методологическое знание, неизменно черпающих свое начало в канонах философии, позволяет автору статьи избежать дословного анализа существующих теоретических формулировок, относящихся к «предметности» методологии как таковой, — это уже основательно проделано мэтрами методологии и юридической в частности.

Более широкое определение методологии, несущее в себе признаки ее функциональности, обычно включает указание на методологию как учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности, направленных на внутреннюю организацию и регулирование процесса познания. Эта объемность формулировки позволила родиться тенденции относить к методологии все теоретические построения, находящиеся на более высокой ступени абстракции, чем наиболее распространенные, устоявшиеся обобщения. Для того чтобы исключить смешение методологии с другими явлениями и не допустить ее тождество с многообразными «внутриметодологическими» и «околометодологическими» понятиями, коих множество, сделаем две оговорки.

Первая, по сути своей констатирующая, состоит в том, что методология теоретического исследования — это всегда (осознанная или нет) составная часть научного аппарата предстоящего исследования, неизменно включающего в свой состав цели, задачи, предмет, объект познания. Формальные сигналы этой связи и безусловного соотношения посылают вводные части всех научно-квалификационных исследований, но надо признать, что научного порядка в этой части пока не случилось. Методология, ограниченная совокупностью методов, обычно фигурирует отдельно, цели, задачи, предмет, объект исследования — отдельно. В рамках родового понятия «научный аппарат исследования» все эти его составляющие элементы далеко не всегда мыслятся в их органической совокупности, поставляя примеры того,

когда набор методов случаен, а его связь с целями и задачами [6], объектом и предметом [20] исследования никак нельзя назвать соотносимой.

На самом деле, несмотря на сложноструктурную устроенность методологического знания, это знание является собой весьма последовательную и взаимообусловленную взаимосвязь всех инструментов познания между собой. Это вторая оговорка, подводящая автора к рассуждениям о внутренних параметрах методологии, познать которые можно по типу так называемого пандектного шаблона. Эта традиция устоялась сначала в советской, а после и в российской теории. Согласно ей при обращении к методологии сначала исследуется так называемая ее общая — предметная часть, а после идет познание отдельных методологических уровней. Не станем нарушать эту традицию и мы и изложим основополагающие для методологии юриспруденции понятия в той же последовательности. Общая часть будет подчинена ответу на вопрос, *что* нужно делать, чтобы проводимое исследование выглядело методологически обоснованным. Специальная часть отвечает на вопрос, *как* надо делать, чтобы методологическое обоснование состоялось.

Для целей последующего развития авторских мыслей о методологии юриспруденции в ее функциональном смысле добавим к этому определению еще два пункта, пригодных для познавательных целей методологии и ее структуры.

Методология познания — феномен самодостаточный, она познается только за счет самой себя. Это абсолютно закрытая система, имеющая собственные основания, что означает лишь одно: за счет внешних факторов методология непознаваема, а потому бесперспективны попытки вывести методологию за пределы познавательного процесса. В советской методологии, как известно, было по-другому: методологии сопутствовала классовая и экономическая детерминация, происходящая от марксистской философии о том, что право — это «явление, не имеющее собственной истории». Такое состояние методологического вопроса того времени с «использованием различных эпистемологических посылок и идеологических оснований» [29, с. 10] по сегодняшним меркам не позволяет назвать его состояние чистым [24].

Отсюда следующий пункт, значимый для целей методологического познания: методологию юриспруденции необходимо отличать от теории юриспруденции — их функции в познавательном пространстве различны. Если теория направлена на получение знания о самой действительности, то методология направлена на процесс получения этого знания. В этом причина того, что «между теорией и методологией всегда сохраняется отношение цели и средства» [45, с. 50].

Кратко о философском подтексте методологического вопроса

Философский подтекст методологического вопроса берет свое неизменное начало от идеалистического, т.е. философского учения о путях, способах и принципах научного познания. Этим обусловлен тот факт, что методологию традиционно относят к философии или располагают ее как бы рядом с философией. Многих юристов, вступивших на путь научного познания, этот факт настораживает и одновременно объясняет причины пребывания методологических ценностей на краю научного сознания большинства исследователей этой и других предметных областей. Но времена меняются. Начиная со второй половины XX в. функции методологического знания начинают распределяться по всей структуре познавательной деятельности, выходя за пределы чисто философского знания. Будучи прежде связанной исторической действительностью с философией и в связи с этим «переживающей все перипетии ее мысли» [30], юриспруденция не только в свое время отошла от философии, но и позже вопросы методологического свойства вывела из области одной лишь философии. Появилась возможность увидеть различия между теорией юриспруденции и философией через понимание того, что первая дает возможность сосредоточиться на формальных и структурных моментах, в то время как предметом философии были и остаются преимущественно содержательные моменты.

Для современного исследователя права факт отделения философии от теории права означает, что у юристов появилась собственная философия, позволяющая получить ответы на философские вопросы права, те самые, которые связаны с познанием юриспруденции «самой себя». Методология юриспруденции становится неотъемлемой частью теории государства и права. Во многих современных учебниках по этой дисциплине присутствует значительный объем методологического материала, весьма полезного для любого субъекта научного познания [23; 32].

И все же, несмотря на то, что «философствование» о методологии перестало быть исключительно уделом философов, став внутренним делом самого юридического сообщества, юристу-исследователю суждено в процессе научного познания «входить» в область философского знания. Причина в том, что в сочетании «юридическая методология» определяемым словом является «методология», в то время как «юридическая» всего лишь определяющий термин. В силу этой аксиомы философские каноны были и остаются неизменной основой методологического мировоззрения юриста, находя свое отражение и в других точках познавательного алгоритма. Так, методы исследования,

несмотря на устоявшееся их деление на общенаучные и специальные, по-прежнему сохраняют яркую философскую окраску. На философском уровне пребывают также и логические принципы познания. Как справедливо замечено в литературе, «научные методы и принципы являются, строго говоря, достоянием не отдельных типов наук, а их единства» [11, с. 186].

Научный подход, метод, приемы и средства, принципы научного познания в системе методологического знания

Методология юриспруденции — явление не бесформенное. В любом более-менее развернутом определении методологии юриспруденции фигурирует перечень возможного методологического инструментария в виде системы подходов, методов и принципов научного изучения правовых явлений. Все эти инструменты, составляющие «тело» методологии, принято именовать ее уровнями или параметрами.

Содержательные параметры методологии определены давно. Наиболее ясно их обозначил советский философ, методолог Ю.Г. Юдин, указав, что «познавательный методологический ресурс обычно включает в себя два диффузирующих блока: теоретико-мировоззренческую концепцию и систему методов познания различного уровня: теоретический подход, методы и принципы осуществления познавательного процесса... Благодаря этой своеобразной специализации все уровни методологии образуют сложную систему, в рамках которой между ними существует вполне определенное соподчинение» [45, с. 50]. Полно и ясно, разве что для прикладных целей требуется раскрытие каждого из названных уровней. Однако вот до этого в методологии юриспруденции доходит не всегда.

По историко-философским причинам наиболее известным уровнем методологии является уровень методов исследования. Этим внутри-методологическим инструментам «повезло» в смысле известности и потому, что методология начиналась в своей глубокой философской истории с методов и на первых порах отождествлялась с методами, но и потому, что обязательным внешним атрибутом любой научно-квалификационной работы является их воспроизведение в виде демонстрации тех, которые субъект познания избрал для исследовательского процесса, тогда как, например, приемы и способы упоминаются реже, поскольку формальных требований к их идентификации не существует, разве что к потенциальным грантополучателям, обязанным их номинировать в связи с заявляемой актуальностью исследования, его целями и задачами.

Практически аналогично обстоит дело и с научными подходами. Хотя по тексту научных публикаций часто можно встретить такие суждения-штампы, как «несмотря на разные подходы», «подходы в науке к исследованию этого явления не являются однозначными» и т.д., но при этом авторская рефлексия на сам термин «подходы» и то понятие, которое он в себе заключает, как правило, отсутствует или она крайне слаба. Обычно, сославшись на слово «подход», один автор вычленяет основную мысль другого автора, часто не задумываясь о собственном научном подходе и том подходе, в рамках которого выстроена солидарная или оппонентская мысль другого ученого.

Нельзя не признать того факта, что проблема научного подхода в ее предметном и функциональном значении — одна из недооцененных в методологической тематике юриспруденции. В чисто философской тематике ей повезло больше. Здесь научный подход представлен как «специфический способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического» [9], «принципиальная методологическая ориентация исследования» [45, с. 47]. В зарубежных исследованиях понятие «подходы» признается «жизненно важным компонентом методологической перспективы» [51], «обеспечивающим тесную взаимосвязь между соответствующими дискурсивными нитями» [49, р. 98], заключая в себе способы проведения исследований, учет их уместности и методологической осведомленности [46, р. 2, 5].

В попытке объяснить прикладное значение научного подхода остановимся на его определении в структуре методологии юриспруденции как на умозрительной системе исследовательских координат, в границах которых будет осуществляться теоретически обусловленное научное познание.

Вне строгих философских определений подход определяется по-разному: фундаментальная, опорная точка; стратегический пункт, влияющий на выбор цели и тактику ее достижения; фундамент исследования; вектор; методологический компас; стратегия познания и т.д. Ни одно из этих определений не отменяет того бесспорного факта, что подход относится к одному из инструментов познавательной деятельности, предопределяя последующий набор методологических уровней исследования. Поэтому соотношение понятий «юридическая методология» и «методологический подход» следует понимать как род и вид.

В методологии юриспруденции научный подход представлен как высший уровень методологии [30]. Оттолкнемся от этого и мы в своем последующем повествовании.

Разность интеллектуальных традиций, идущая от сегодняшнего методологического разнообразия [14, с. 418; 34, с. 166, 199]¹, предполагает индивидуализацию исследовательского подхода. Так, в гражданском правоведении принято различать три возможных подхода в научном познании частного права: исторический, позитивный, политико-правовой. По выражению зарубежных авторов, «различные подходы в познании права являются частью нескольких дискурсивных фронтов» [47, р. 13].

Исторический подход направлен на выявление смысла и объяснение свойств современному исследователю положительного гражданского права, на основании данных прежде действующих гражданско-правовых установлений. Позитивный изучает актуальное содержание гражданско-правовых норм, правила их формулирования и применения, состав и существо закрепленных ими юридических институтов и конструкций, включая сферу действующего гражданского правопорядка. Политико-правовой подход обращает научное внимание на решение прогностических задач, ставя своей целью показать, каким должно быть современное и прогрессивное гражданское право в его объективном смысле, а также пути устранения разрыва между сущим и должным [4].

На самом деле приведенный перечень возможных подходов к исследованию гражданско-правовых явлений представлен более широко, на что указывают современные общеправовые и цивилистические исследования, в которых заявляются: междотраслевой подход [39], инструментальный [26; 38], экономико-правовой подход, чья методологическая база еще только разрабатывается [43], деятельностный, представители которого исходят из того, что «природа любой деятельности определяется сложным взаимодействием цели, средства и результата деятельности» [2]. Системный подход, характеризующийся способностью соединять в себе синтез и анализ, моделировать целостности, а не сводить целое к механической сумме бесконечно умножающихся частных [10, с. 40], в условиях скопления значительного объема аналитического материала признается одним из распространенных. Категориальный аппарат данного подхода опирается на такие категории, как система, элемент, состав, структура, функции, функционирование. Считается, что с системным подходом тесно связан деятельностный подход, доставляющий процессу научного познания значительное методологическое усиление [25, с. 15].

¹ Термин впервые применил дореволюционный российский ученый И.А. Ильин — сторонник аксиологического направления в праве, отрицающий единый, универсальный способ изучения права и настаивающий на многообразии подходов и методов познания.

Как в цивилистических, так и общетеоретических исследованиях нередко заявляется комплексный подход. В общеупотребительном значении его обоснование обычно связано с той ориентацией и организацией исследовательской деятельности, когда существенным условием для решения проблемы становится органическое сочетание действий представителей разных научных дисциплин и разных сфер практики. Однако в методологическом плане как в советской науке [41], так и в постмодерновой юриспруденции [33] этот вид подхода исследован сравнительно слабо. Одной из подвижек в методологическом осмыслении данного подхода стал теоретический вывод о том, что комплексный подход «порожден исследованием комплексов как особых систем... что дает основания считать его особой разновидностью системного подхода» [25, с. 15].

Подход, как и любой другой уровень методологии, прочно связан с объектным и субъектным компонентами научного познания. Объективным условием, безусловно влияющим на выбор научного подхода и его состоятельность, являются цели и задачи исследования, познаваемый научный объект — те самые элементы научного аппарата исследования, которые находятся с избранным подходом в органической связи.

Выбор научного подхода — исключительно самостоятельный акт со стороны самого познающего субъекта, опирающегося на свои эрудицию, компетенции, теоретико-мировоззренческие установки и прочие субъективные факторы. Адекватно выбранный научный подход позволяет субъекту познания продемонстрировать то индивидуальное, что будет направлять процесс его теоретического познания, вовлекая в него необходимый набор научных методов, приемов и способов познания, научных принципов, востребованных заявленным им подходом и объективно с ним связанным.

Адекватный выбор подхода является еще и критерием профессионализма и показателем методологической грамотности субъекта познания. Точно и правильно определенный подход — это лакмус того, что тематика исследования является теоретико-методологически перспективной, идеальные теоретико-правовые построения будут созданы и способны явиться в практическое выражение. Сильные стороны того или иного подхода часто проявляются наиболее отчетливо после того, как субъект познания окончательно выбирает и тщательно обосновывает то, что раскрывается как наилучший способ подойти и ответить на исследовательский вопрос [50, р. 177].

Считается, что каждый подход — это нечто уникальное, имеющее отношение не только к предмету познания, но и к личности, его по-

знающей. Эту самую уникальность желают видеть научная аудитория, рецензенты, оппоненты, грантодатели.

Лексическое или умозрительное оформление аргументации избранного субъектом познания научного подхода — это столь же творческий и продуктивный процесс, как и создание всего научного результата. Не исключены муки выбора, осознания, озарения и все то, что характеризует субъективную сторону познавательного процесса. Это тот самый личный и необходимый элемент, без которого наука невозможна. Как утверждал О.А. Красавчиков, определяя предмет гражданского правоведения, «наука не является и не может являться умственным достоянием всех... творческий труд — это труд умственный и связан со значительным расходом нервной энергии... отражением действительности в тех или других формах сознательного или чувственного восприятия» [18, с. 162].

Понять, что такое научный подход, какие подходы есть в конкретной отрасли юриспруденции, и суметь сделать правильный выбор с его надлежащим обоснованием путем емкого воспроизведения в мышлении познающего субъекта аргументирующих пунктов — это далеко не одно и то же. Оценка правильно сформулированного подхода обычно ограничивается качеством его адекватности, т.е. встроенности в тот научный аппарат, который направлен на теоретическое обустройство избранного объекта познания.

Подходов может быть несколько, но степень их сопряженности должна быть либо очевидной, либо отдельно обоснована субъектом познания. Для исследователя это означает, что они не должны быть взаимоисключающими.

Подход не следует смешивать с известными юридическими научными школами, различающимися в зависимости от того, в каком сущностном измерении тот или иной исследователь видит право: естественно-правовой школой права; исторической; юридического позитивизма; социологической, психологической [31].

Выбор типа правопонимания — это выбор той идеи права, которая заложена в его разных типах. Принято считать, что основным критерием выбора школы права является аксиологический, основанный на теории ценностей как разделе философского знания, изучающего природу ценностей, их место в реальности в виде связи различных ценностей между собой. В современной юриспруденции методологические основания разграничения концепция правопонимания получили достаточное теоретическое обоснование [42].

Следуя «пандектному шаблону», обозначим следующий уровень методологического регламента, располагающийся после научного подхода. Он представлен методами научного познания.

Теории метода посвящено несметное число трудов в философии, общей теории права и отраслевых исследованиях [19] с неизменной апелляцией к Ф. Бэкону – английскому философу, историку, юристу и политику XVI–XVII в., показавшему решающую роль метода в успехе познания права и указавшего на метод как на логическое орудие [31]. В исследованиях русских юристов метод именовался «пособием высшей силы... верным зеркалом, в котором отражается общая идея предмета знания» [31]. В современных исследованиях у метода тоже немало литературных образов, весьма метко отражающих его теоретическое предназначение, обеспечивая в итоге то его понимание, в рамках которого научный метод понимается как система познавательных действий, преследующих определенную цель [8, с. 82].

Выбор конкретных методов исследования, их интеграция происходят в рамках заявленного исследователем научного подхода. Так, сторонники политико-правового подхода в цивилистике прямо указывают, что в рамках этого подхода должны привлекаться методы, «в корне отличающиеся от методов правовой догматики, они должны извлекаться из смежных сфер знаний, таких как экономика, психология, социология, моральная философия» [13].

На уровне метода в познавательную деятельность привносятся приемы и способы познания в их совокупности. Эта самая совокупность в итоге и получает название конкретного научного метода. Как отмечает К.К. Жоль, метод в известном смысле слова – это весьма извилистый и тернистый путь, включающий в себя бездорожье, т.е. множество способов достижения поставленной цели [8]. Процесс применения конкретных методов вместе с совокупностью входящих в них приемов и способов, пригодных для решения отраженных в научном подходе задач, и составляет сам процесс научного исследования.

Набор методов и их число зависят и от выбранного подхода, и от глубины научного познания.

Метод – инструмент в определенной мере универсальный, так как в своем содержании мало зависит от типа решаемой проблемы. Так, если рассуждать о таком наиболее классическом методе исследования позитивного права, как метод формально-логического анализа, заключающий в себе приемы анализа, синтеза, дедукции, индукции, абстрагирования, то привносить в содержание этого метода что-либо свое исследователю не дано, поскольку любой метод в первую очередь объективен, содержателен, фактичен.

Исследовательские методы юриспруденции не создаются отдельными отраслевыми науками, а всего лишь изымаются из общеправовой методологии [17]. Это означает, что «метод юридической науки един и в равной степени относится как к общей теории права, так и отрасле-

вым наукам и прикладным юридическим дисциплинам. Другое дело, что в исследованиях, осуществляемых в рамках общей теории права или отраслевых дисциплин, в силу разных исследовательских задач и целей, могут доминировать или философские, или общенаучные, или «частноправоведческие» методы» [36].

Благодаря теоретическим достижениям в философии, логике и методологии юриспруденции сегодня трудно остаться в стороне от понимания того, что собой представляют методы в иерархии методологических инструментов, и той роли, которую выполняет метод в процессе научного познания. Но знание методов и способность их применять — это, как и в случае с научным подходом, не одно и то же. Для каждого предстоящего исследования они отбираются осознанно, имея тесную связь с объектом познания, масштабами познания, приемами и способами исследования. Механический отбор методов не способен обеспечить качество и глубину предстоящего исследования, его соответствие заявленному подходу. Это тот случай, когда не следует думать, что «обладание музыкальным инструментом непременно обращает в артиста самого хозяина» [31]¹.

Элементарный или простейший уровень методологического знания составляют приемы и способы исследования. В арсенале методологического инструментария они, в отличие от научных подходов и методов, не имеют устойчивых номенов. «Де-факто» приемы и способы присутствуют в арсенале любого исследователя, обладающего достаточной гибкостью ума, способностью к воображению и абстрагированию, развитой интуицией. Но по причине фрагментарности, краткости, ситуационности они не способны по своему содержанию и функционалу обеспечить окончательную возможность получить интегрированное научное знание.

Нельзя не заметить, что на сегодняшнем научном пространстве присутствует немалое число теоретических исследований, остановившихся на этом простейшем уровне научного познания, так и не перешедших на ступень поименованных методов, которым бы эти приемы и способы соответствовали. Как уже было отмечено, синтез отдельных приемов и способов возможен лишь в рамках общенаучных методов (исторический, диалектический, формально-логический, системно-структурный, функциональный и др.) и методов специально-юридических (для частного права это догматический, герменевтический, сравнительно-правовой и др.).

¹ Это высказывание принадлежит соотечественнику Ф. Бекона Корнвалю Льюису, не принявшему суждений философа о том, что «метод способен заменить творческую силу и уравнивать таланты» (цит. по: [30, с. VII]).

Еще одним параметром методологии юриспруденции, одним из ее инструментальных уровней, дополняющих научный подход, методы, средства и приемы исследования, являются принципы научного познания. Почтенный научный возраст принципов научного познания и их функционально-этическая значимость не позволяют оставить их за пределами настоящей статьи. Но есть и еще одна сугубо утилитарная причина для «прикосновения» к этому методологическому параметру. Со знания и понимания этих принципов на самом деле начинается путь научного движения субъекта научного познания к цели в виде создания нового теоретического знания. Но эффект «пролистывания начальных страниц», т.е. того, с чего «все начинается» в гуманитарных науках, неимоверно живуч. Автору статьи не хотелось бы оказаться в числе его сторонников.

Отношение к принципам научного познания как методологическому инструментарию выглядит несколько замутненно. Несмотря на то что они всегда упоминаются в качестве методологического элемента, их функциональная значимость всегда выглядит попутной, как бы необязательной. Не исключено, что работает стереотип, выражающийся в отношении ко всем принципам вообще как к чему-то не слишком обязательному и важному. Остается лишь сожалеть о подобной «классике»: без принципов научного познания нет самого научного познания.

Принципы научного познания впервые проявились в классической античной философии в связи с переходом от мифологического к теоретическому рефлексивному способу мышления и понимания, ставящему задачу выяснить средства познания. В противоположность учениям софистов и скептиков, обосновывавших субъективность и относительность всякого знания, начался поиск объективных оснований и критериев знания в учениях Сократа, Платона и Аристотеля. В современных философских словарях и учебниках по логике подробно описан процесс становления принципов научного познания, позволяющих понять их методологическую надобность в познании права и то качество, которым они были наделены для этой цели, — рациональность. Эта самая рациональность позволила немецкому юристу-методологу Гейнекцию (1681–1741) заявить о том, что «главное основание всех наук заключается в уразумении принципов и в стройном сочетании с ними известных выводов... лишь тогда юриспруденция засияет блестящим, невиданным светом» [31, с. 205].

Современное исследование принципов юридического познания имеет под собой философские основания, на которых устроены организация, воспроизводство и развитие научного знания. Отсюда и набор принципов научного познания, отражающих в своей совокупности

те каноны исследовательской деятельности, отступление от которых ставит под сомнение научность создаваемого и созданного научного знания, отличающегося от всех других видов знания «своей внутренней самобытной силой» [31]; принцип историзма, принцип обоснованности, принцип теоретической новизны, принцип научной актуальности, принцип объективности и конкретности.

Более прагматично к вычленению принципов научного познания подходят цивилисты, выделяя их в форме разрешений/запретов во благо систематизации силы интеллектуального воздействия на предмет гражданско-правового познания. В их числе названы следующие: необходимо активно вникать в зарубежный цивилистический дискурс; не следует забывать, что гражданское право есть инструмент государственной политики; через Гражданский кодекс, но дальше Гражданского кодекса!; при толковании закона можно при необходимости его корректировать и дополнять; следует стремиться к тому, чтобы обеспечить разумный уровень стабильности и предсказуемости правового регулирования; нельзя мириться с неадекватным законом — *dura lex* не может быть действующим правом; у исследователя и суда должна быть свобода при выборе методов толкования закона; следует ориентироваться на конкретные практические проблемы и минимизировать теоретические дискуссии; не следует бояться переосмысления устоявшихся доктрин [12, с. 5, 10, 12, 15, 18, 20, 26, 28–29, 37–38]. Как говорится, не поспоришь. И потому, что названные принципы, несмотря на особенности их лексических формул, по содержанию вполне вписываются в общефилософские принципы научного познания, и потому, что «помогают прояснить истинные задачи исследования и очистить методологию анализа от элементов надоевшей всем схоластики» [12, с. 5].

Заключение

Научный разговор о методологии юриспруденции в ее функциональном значении — это всегда разговор о наличии у субъектов познания необходимых исследовательских компетенций. Их первичное самоизмерение можно провести через анализ интеллектуальной способности познающего субъекта выделять такие инструменты научного познания, как научный подход; общефилософские и юридические методы познания, отобранные через призму осознанного и заявленного теоретического подхода; простейшие приемы и способы научного познания, наполняющие метод исследования.

Следующий этап — это реализация исследовательских компетенций как тот этап, на котором происходит «опредмечивание» каждого

из установленных параметров методологии юриспруденции в мышлении субъекта познания. Этап многотрудный, как и все, что связано с научным творчеством, но, как показывает история юриспруденции и созданное ею академическое богатство, для многих ученых, вставших на ее научный путь, подъемный.

Автономный научный разговор о методологии юриспруденции — это часть проблемы более высокого уровня — культуры научной деятельности. Понимание того, знаком ли субъект познания с внутренней структурой юридического научного знания, в рамках которого он намерен создавать теоретические модели, и способен ли он эту структуру «опредметить», и является частью этой культуры.

Библиографический список

1. Аскназий С.И. Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 73—90.
2. Бакулина Л.Т. Правовое регулирование с позиций деятельностного подхода // Ученые записки Казанского (Приволжского) университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 6. С. 7—12.
3. Белов В.А., Бабаев А.Б. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Очерк 4 / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 124—161.
4. Вавилин Е.В., Челышев М.Ю. Гражданско-правовая политика // Вестник Саратовской юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 125—132.
5. Витушко В.А. Общенаучная методология в цивилистике // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 54—60.
6. Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 53—77.
7. Джекобс Б. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Европа, 2007. 264 с.
8. Жоль К.К. Логика для юристов: учебное пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2004. 287 с.
9. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего // <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5623/5642>.
10. Каган М.С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. 1973. № 6.
11. Канке В.А. Общая философия науки: учебное пособие. М.: Омега-Л, 2009. 354 с.

12. *Каранетов А.Г.* Вместо введения (к вопросу о целях и методах цивилистического исследования) / *Каранетов А.Г.* Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.
13. *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
14. *Кезин А.В.* Плюрализм методологический // Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2004. 713 с.
15. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
16. *Кожевников В.В.* К вопросу о методах философии права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 80–83.
17. *Комиссарова Е.Г.* Влияние методологии на выбор методов исследования в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 89–109.
18. *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система): Ученые труды. Свердловск, 1961. 371 с.
19. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.
20. *Кузнецова О.А., Захаркина А.В.* Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 217–250.
21. *Лазарев В.В., Липень С.В., Корнев А.В.* История и методология юридической науки: университет: курс для магистрантов юридических вузов / под ред. А.В. Корнева. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2021. 496 с.
22. *Марченко М.Н., Абросимова Е.А., Полянский П.Л. и др.* Теория и методология юридической науки: в 2 ч. Ч. 1: Общие вопросы теории и методологии юридической науки. М.: НОРМА, 2020. 320 с.
23. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Изд-во Моск. ун-та, 2018. 636 с.
24. *Мачин И.Ф.* Познание государства и права в марксистской перспективе: проблемы научного подхода. Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы. Вып. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд. группа «Юрист», 2008. С. 85–102.
25. *Протасов В.Н.* Что и как регулирует право: учебное пособие. М.: Юристь, 1995. 96 с.
26. *Пугинский Б.И.* Правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с.

27. *Розин В.М.* История и методология юридической науки. Юридическое мышление: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 206 с.
28. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: НОРМА, 2000. 310 с.
29. *Синха С.П.* Юриспруденция. Философия права / пер. с англ. М.: ИЦ «Академия», 1996. 304 с.
30. *Степанов Д.И.* Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.А. Шиловцова. М.: НОРМА, 2003. Вып. 6. С. 2—32.
31. *Стоянов А.* Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Исследование А. Стоянова. Памяти Д.И. Мейера. Харьков: Тип. Чаховского и Зарина, 1862 (репринтное издание). 275 с.
32. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 1996. 304 с.
33. *Суслова С.И.* О комплексности в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 363—382.
34. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2012. 464 с.
35. *Суханов Е.А.* О проблемах методологии цивилистических исследований / *Суханов Е.А.* Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008—2012 гг. М.: Статут, 2012.
36. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.
37. *Тарасов Н.Н.* История и методология юридической науки: учебное пособие для вузов. Авторский учебник. М.: Юрайт, 2019. 228 с.
38. *Филиппова С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 50 с.
39. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2009. 501 с.
40. *Шамаров В.М.* Современная учебная литература о методологии юридических исследований // Научные исследования и образование. 2015. № 2 (20). С. 20—39.
41. *Швырев В.С., Юдин Б.Г.* Методологический анализ науки: его сущность, основные типы и формы. М.: Знание, 1980. 64 с.
42. *Фролова Е.А.* Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы. Вып. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2008. С. 7—29.
43. *Хабриева Т.* Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5—26.

44. Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учебное пособие. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2004. 128 с.

45. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1979. 391 с.

46. Van Gestel R., Micklitz H.-W., Pinares Pessoa Maduro L.M. Methodology in the New Legal World. Working Paper, EUI LAW, 2012/13. 30 p.

47. Mähle S.S. Pursuing Legal Research // Law and Method. 2017. June. Pp. 1–14.

48. Van der Burg W., Taekema S. Towards a Fruitful Cooperation between Legal Philosophy, Legal Sociology and Doctrinal Research: How Legal Interactionism May Bridge Unproductive Oppositions // Law, Society and Community: Socio-Legal Essays in Honour of Roger Cotterrell / Ed. by R. Noble, D. Schiff. Farnham: Ashgate, 2014. Pp. 129–145.

49. Virgo G. We Do This in the Criminal Law and That in the Law of Tort: A New Fusion Debate // Tort Law: Challenging Orthodoxy / Ed. by S.G.A. Pitel, J.W. Neyers, E. Chamberlain. Oxford: Hart Publishing, 2013. Pp. 95–118.

50. Vranken J.B.M. Methodology of Legal Doctrinal Research: A Comment on Westerman // Methodologies of Legal Research: Which Kind of Method for What Kind of Discipline? / Ed. by M. Van Hoecke. Oxford: Hart Publishing, 2011. Pp. 111–121.

51. Whitt L.A. Theory Pursuit: Between Discovery and Acceptance // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1990. Pp. 467–483.

References

1. Asknazii S.I. *Nekotorye voprosy metodologii sovetskogo grazhdanskogo prava* [Some Questions of Methodology of the Soviet Civil Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law*. 1940. Issue 8-9. Pp. 73–90. (In Russ.)

2. Bakulina L. T. *Pravovoe regulirovanie s pozitsii deiatel'nostnogo podkhoda* [Legal Regulation from the Point of View of the Activity Approach]. *Uchenye zapiski Kazanskogo (Privolzhskogo) universiteta. Gumanitarnie nauki — Scientific Notes of Kazan (Volga Region) University. Humanities*. 2015. Vol. 157. Issue 6. Pp. 7–12. (In Russ.)

3. Belov V.A., Babaev A.B. *Predmetno-metodologicheskie problemy tsivilis-ticheskoi nauki* [Subject-Methodological Problems of Civil Science]. In Belov V.A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki. Ocherk 4* [Civil Law: Actual Problems of Theory and Practice. Essay 4]. Moscow, 2007. Pp. 124–161. (In Russ.)

4. Vavilin E.V., Chelyshev M.Iu. *Grazhdansko-pravovaia politika* [Civil Law Policy]. *Vestnik Saratovskoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov Law Academy*. 2012. Issue 3 (86). Pp. 125–132. (In Russ.)

5. Vitushko V.A. *Obshchenauchnaia metodologiya v tsivilistike* [General Scientific Methodology in Civil Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2000. Issue 3. Pp. 54–60. (In Russ.)

6. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. *Tsel' tsivilisticheskogo dissertatsionnogo issledovaniia* [Civil Thesis Research Purpose]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual]. Moscow, 2016. Pp. 53–77. (In Russ.)

7. Jakobs B. *Zakat Ameriki. Vpered! Srednevekov'e* [The Decline of America. Ahead of the Middle Ages]. Moscow, 2007. 264 p. (In Russ.)

8. Zhol K.K. *Logika dlia iuristov: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Logic for Lawyers: Textbook for Universities]. Moscow, 2004. 287 p. (In Russ.)

9. Zinoviev A.A. *Ideologiya partii budushchego* [Ideology of the Party of the Future]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5623/5642>. (In Russ.)

10. Kagan M.S. *O sistemnom podkhode k sistemnomu podkhodu* [On the System Approach to the System Approach]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 1973. Issue 6. (In Russ.)

11. Kanke V.A. *Obshchaia filosofia nauki: uchebnoe posobie* [General Philosophy of Science: Textbook]. Moscow, 2009. 354 p. (In Russ.)

12. Karapetov A.G. *Vmesto vvedeniia (k voprosu o tseliakh i metodakh tsivilisticheskogo issledovaniia)* [Instead of Introduction (to the Question of the Goals and Methods of Civil Research)]. In Karapetov A.G. *Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossiiskom i zarubezhnom prave* [Termination of the Violated Contract in Russian and Foreign Law]. Moscow, 2007. 876 p. (In Russ.)

13. Karapetov A.G. *Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.)

14. Kezin A.V. *Pluralizm metodologicheskii* [Pluralism Methodological]. In Kuznetsov V.G. (ed.). *Slovar filosofskikh terminov* [Dictionary of Philosophical Terms]. Moscow, 2004. 713 p. (In Russ.)

15. Kerimov D.A. *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law)]. Moscow, 2001. 560 p. (In Russ.)

16. Kozhevnikov V.V. *K voprosu o metodakh filosofii prava* [On the Question of Methods of the Philosophy of Law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of Omsk University. The Law Series*. 2017. Issue 1 (50). Pp. 80–83. (In Russ.)

17. Komissarova E.G. *Vliianie metodologii na vibor metodov issledovaniia v tsivilistike* [Influence of Methodology on the Choice of Research Meth-

ods in Civil Law]. In *Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual]. Moscow, 2016. Pp. 89–109. (In Russ.)

18. *Krasavchikov O.A. Sovetskaia nauka grazhdanskogo prava (poniatie, predmet, sostav i sistema): Uchenie trudi* [Soviet Science of Civil Law (Concept, Subject, Composition and System): Scientific Works]. Sverdlovsk, 1961. 371 p. (In Russ.)

19. *Kuznetsova O.A. Metody nauchnogo issledovaniia v tsivilisticheskikh dissertatsiiakh* [Methods of Scientific Research in Civil Theses]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2014. Issue 4 (26). Pp. 254–270. (In Russ.)

20. *Kuznetsova O.A., Zakharkina A.V. Ob"ekt i predmet issledovaniia v tsivilisticheskikh dissertatsiiakh* [Object and Subject of Research in Civil Dissertations]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 217–250. (In Russ.)

21. *Lazarev V.V., Lipen S.V., Kornev A.V.; Kornev A.V. (ed.). Istoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki: universitetskii kurs dlia magistrantov iuridicheskikh vuzov* [History and Methodology of Legal Science: University: Course for Undergraduates in Law. Higher Education Institutions]. Moscow, 2021. 496 p. (In Russ.)

22. *Marchenko M.N., Abrosimova E.A., Polianskii P.L. et al. Teoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki: v 2 ch. Chast' 1: Obshchie voprosy teorii i metodologii iuridicheskoi nauki* [Theory and Methodology of Legal Science. In 2 parts. Part 1: General Questions of the Theory and Methodology of Legal Science]. Moscow, 2020. 320 p. (In Russ.)

23. *Marchenko M.N. Teoriia gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook]. 2nd ed. Moscow, 2018. 636 p. (In Russ.)

24. *Machin I.F. Poznanie gosudarstva i prava v marksistkoi perspective: problemy nauchnogo podkhoda. Metodologicheskie osnovy razgranicheniia kontseptsii pravoponimaniia* [Knowledge of the State and Law in a Marxist Perspective: Problems of Scientific Approach. Methodological Bases of Differentiation of Concepts of Legal Understanding]. In *Marchenko M.N. (ed.). Metodologiia iuridicheskoi nauki: sostoianie, problemy, perspektivy. Vyp. 2* [Methodology of Legal Science: Status, Problems, and Prospects. Issue 2]. Moscow, 2008. Pp. 85–102. (In Russ.)

25. *Protasov V.N. Chto i kak reguliruet pravo: uchebnoe posobie* [What and how the Law Regulates: Textbook]. Moscow, 1995. 96 p. (In Russ.)

26. *Puginskii B.I. Pravovye sredstva v khoziaistvennykh otnosheniakh* [Legal Means in Economic Relations]. Moscow, 1984. 224 p. (In Russ.)

27. Rozin V.M. *Istoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki. Iuridicheskoe myshlenie: uchebnoe posobie dlia vuzov* [History and Methodology of Legal Science. Legal Thinking: Textbook for Universities]. Moscow, 2020. 206 p. (In Russ.)

28. Rulan N. *Iuridicheskaiia antropologiia* [Legal Anthropology]. Moscow, 2000. 310 p. (In Russ.)

29. Sinkha S.P. *Iurisprudentsiia. Filosofiia prava* [Jurisprudence. Philosophy of Law]. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.)

30. Stepanov D.I. *Voprosy metodologii tsivilisticheskoi doktrini* [Questions of Methodology of Civil Doctrine]. In *Shilokhvost O.A. (ed.). Aktualnye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statei* [Actual Problems of Civil Law: Collection of Articles]. Moscow, 2003. Vol. 6. Pp. 2–32. (In Russ.)

31. Stoianov A. *Metody razrabotki polozhitel'nogo prava i obshchestvennoe znachenie iuristov ot glossatorov do kontsa XVIII stoletii. Issledovanie A. Stoianova. Pamiati D.I. Meiera* [Methods of Developing Positive Law and the Social Significance of Lawyers from Glossators to the end of the 18th Century. Research by A. Stoyanov. In Memory of D.I. Meyer]. Kharkov, 1862 (reprint edition). 275 p. (In Russ.)

32. Spiridonov L.I. *Teoriia gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook]. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.)

33. Suslova S.I. *O kompleksnosti v tsivilisticheskikh issledovaniakh* [On Complexity in Civil Studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 363–382. (In Russ.)

34. Sirykh V.M. *Istoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki* [History and Methodology of Legal Science]. Moscow, 2012. 464 p. (In Russ.)

35. Sukhanov E.A. *O problemakh metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy* [On the Problems of Civil Research Methodology]. In *Sukhanov E.A. Problemy reformirovaniia Grazhdanskogo kodeksa Rossii: Izbrannie trudi 2008–2012 gg.* [Problems of Reforming the Civil Code of Russia: Selected Works 2008–2012]. Moscow, 2012. (In Russ.)

36. Tarasov N.N. *Metodologicheskie problemy iuridicheskoi nauki* [Methodological Problems of Legal Science]. Yekaterinburg, 2001. 264 p. (In Russ.)

37. Tarasov N.N. *Istoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki: uchebnoe posobie dlia vuzov. Avtorskii uchebnik* [History and Methodology of Legal Science: Textbook for Universities. Author's Textbook]. Moscow, 2019. 228 p. (In Russ.)

38. Filippova S.Iu. *Instrumentalniy podkhod v nauke chastnogo prava: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Instrumental Approach in the Science of Private Law: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 50 p. (In Russ.)

39. Chelyshev M.Iu. *Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Inter-

branch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

40. *Shamarov V.M. Sovremennaiia uchebnaia literatura o metodologii iuridicheskikh issledovaniy* [Modern Educational Literature on the Methodology of Legal Research]. *Nauchnie issledovaniia i obrazovanie – Scientific Research and Education*. 2015. Issue 2 (20). Pp. 20–39. (In Russ.)

41. *Shvirev V.S., Iudin B.G. Metodologicheskii analiz nauki: ego sushchnost', osnovnye tipy i formy* [Methodological Analysis of Science: Its Essence, Main Types and Forms]. Moscow, 1980. 64 p. (In Russ.)

42. *Frolova E.A. Metodologicheskie osnovy razgranicheniia kontseptsii pravoponimaniia* [Methodological Bases of Differentiation of Concepts of Legal Understanding]. In *Marchenko M.N. (ed.). Metodologiya iuridicheskoi nauki: sostoianie, problemy, perspektivy. Vyp. 2* [Methodology of Legal Science: Status, Problems, and Prospects. Issue 2]. Moscow, 2008. Pp. 7–29. (In Russ.)

43. *Khabrieva T. Ekonomiko-pravovoi analiz: metodologicheskii podkhod* [Economic and Legal Analysis: a Methodological Approach]. *Jurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2010. Issue 12. Pp. 5–26. (In Russ.)

44. *Chestnov I.L. Metodologiya i metodika iuridicheskogo issledovaniia: uchebnoe posobie* [Methodology and Methodology of Legal Research: Textbook. Stipend]. Saint Petersburg, 2004. 128 p. (In Russ.)

45. *Iudin E.G. Sistemnyi podkhod i printsip deiatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [System Approach and Principle of Operation. Methodological Problems of Modern Science]. Moscow, 1979, 391 p. (In Russ.)

46. *Van Gestel R., Micklitz H.-W., Pinares Pessoa Maduro L.M.* Methodology in the New Legal World. Working Paper, EUI LAW, 2012/13. 30 p. (In Eng.)

47. *Mæhle S.S.* Pursuing Legal Research. *Law and Method*. 2017. June. Pp. 1–14. (In Eng.)

48. *Van der Burg W., Taekema S.* Towards a Fruitful Cooperation between Legal Philosophy, Legal Sociology and Doctrinal Research: How Legal Interactionism May Bridge Unproductive Oppositions. In *Nobles R., Schiff D. (eds.). Law, Society and Community: Socio-Legal Essays in Honour of Roger Cotterrell*. Farnham: Ashgate, 2014. Pp. 129–145. (In Eng.)

49. *Virgo G.* We Do This in the Criminal Law and That in the Law of Tort: A New Fusion Debate. In *Pitel S.G.A., Neyers J.W., Chamberlain E. (eds.). Tort Law: Challenging Orthodoxy*. Oxford: Hart Publishing, 2013. Pp. 95–118. (In Eng.)

50. *Vranken J.B.M.* Methodology of Legal Doctrinal Research: A Comment on Westerman. In *Van Hoecke M. (ed.). Methodologies of Legal Research: Which Kind of Method for What Kind of Discipline?* Oxford: Hart Publishing, 2011. Pp. 111–121. (In Eng.)

51. *Whitt L.A. Theory Pursuit: Between Discovery and Acceptance. PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association.* 1990. Pp. 467–483. (In Eng.)

Информация об авторе:

Е.Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский
университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданского права и процесса

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663>

<https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697>

Information about the author:

E.G. Komissarova

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

Tyumen State University

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663>

<https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697>

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СВЯЗЬ С НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

О.А. Серова

Псковский государственный университет

E-mail: olgaserova1974@mail.ru

Введение: цифровизация породила качественные изменения во многих сферах общественной жизни. Эти изменения не могут не коснуться и науки гражданского права. Необходимо определение новых направлений научных исследований, в том числе в смежных областях знаний. Ключевое место в изучении воздействия цифровых технологий на общественные отношения займут междотраслевые методы исследования. **Целью исследования** является определение новых тематических (предметных) областей для науки гражданского права. Актуальность данных направлений определена высокой степенью проникновения цифровых технологий в экономические и социальные процессы. **Методы:** общенаучный (диалектический) метод, а также частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, логический). **Обсуждение:** изменение предметных областей исследования под воздействием новой технологической реальности происходит во всех науках и сферах деятельности. Технологии искусственного интеллекта и робототехника не только активно изучаются на уровне инженерных наук, мехатроники и пр., но и становятся объектом изучения философии, этики, медицины, лингвистики и филологии. Вне этого научного контекста проведение исследований в области гражданского права невозможно. Представители иных научных направлений определяют социальные риски, угрозы и возможности, которые в дальнейшем приобретают конкретные очертания в виде моделей правового регулирования. **Выводы:** включение науки гражданского права в предметные области новой технологической реальности продиктованы высокими социальными рисками технологизации права. Гражданскому праву в течение длительного времени удавалось сохранять баланс между потребностями гражданского оборота и защитой естественных прав граждан. Сегодня также необходимо сохранить баланс между развитием цифровых технологий, уменьшением регуляторных барьеров и защитой прав граждан как наименее защищенной категории участников процесса цифровизации.

Ключевые слова: наука гражданского права; система правового регулирования; межотраслевые связи гражданского права; правосубъектность; правосубъектность роботов; цифровизация; цифровая трансформация государственного управления; искусственный интеллект.

EVOLUTION OF CIVIL LAW RESEARCH: LINKING WITH NEW TECHNOLOGICAL REALITY

O.A. Serova

Pskov State University

E-mail: olgaserova1974@mail.ru

Introduction: digitalization has generated qualitative changes in many spheres of public life. The science of civil law cannot stay out of these changes. It is necessary to define new directions of scientific research, including in related fields of knowledge. Cross-sectoral research methods will take a key place in the study of the impact of digital technologies on public relations. **Purpose of the research:** identification of new thematic (subject) areas for the science of civil law. The relevance of these areas is determined by the high degree of penetration of digital technologies into economic and social processes. **Methods:** general scientific (dialectical) method, as well as such particular scientific methods of cognition, formal legal, comparative legal, logical. **Discussion:** a change in the subject areas of research under the influence of a new technological reality occurs in all sciences and fields of activity. Artificial intelligence technologies and robotic technology are being actively studied not only at the level of engineering sciences, mechatronics, etc., but also become an object of study in philosophy, ethics, medicine, linguistics and philology. Outside of this scientific context, research in the field of civil law is impossible. Representatives of other scientific areas determine social risks, threats and opportunities, which later take on specific outlines in the form of legal regulation models. **Conclusions:** the inclusion of the science of civil law in the subject areas of the new technological reality is dictated by the high social risks of technologization of law. For a long time, civil law managed to maintain a balance between the needs of civil circulation and the protection of the natural rights of citizens. Today, it is also necessary to maintain a balance between the development of digital technologies, reducing regulatory barriers and protecting the rights of citizens, as the least protected category of participants in the digitalization process.

Keywords: science of civil law; system of legal regulation; intersectoral relations of civil law; legal personality; legal personality of robots; digitalization; digital transformation of public administration; Artificial Intelligence.

Вызовы цифровой трансформации для науки гражданского права

Цифровая трансформация стала одной из ключевых тем современного развития экономических отношений, области государственного управления, развития науки в целом. Цифровизация базируется на новой технологической реальности и все более глубоко проникает в цифровых технологий в нашу повседневную жизнь. Главное отличие происходящей технологической революции, смены технологического уклада от иных схожих периодов заключается в особенностях воздействия на общественные отношения. Цифровая революция «не является в полном смысле промышленной — ее влияние на производственные технологии оказалось гораздо меньше, чем ожидалось и планировалось. Широкое внедрение компьютеров в промышленность пока не оправдывает возлагавшихся на них надежд. Влияние цифровой революции на общество, человека и перспективы развития цивилизации гораздо глубже и масштабнее» [2, с. 105]. Данное обстоятельство означает, что гражданское право как отрасль, наиболее глубоко связанная с отношениями внутри социума, с неизбежностью окажется затронутым трансформационными процессами.

Эволюция научных исследований в сфере гражданского права, на наш взгляд, будет осуществляться по нескольким направлениям, напрямую связанным с общими процессами в науке. Речь идет об углублении междисциплинарности, взаимопроникновении терминологии, методов, свойственных не только различным отраслям права, но и иным наукам, социальным и естественно-научным, что в конечном счете отразится и на названиях цивилистических диссертаций [9].

Изменяющаяся технологическая реальность породила такое понятие, как «технонаука». Данный термин употребляется как некий обобщающий элемент междисциплинарного взаимодействия науки и техники для обозначения технологического и социального контекста науки. «Понятие указывает на общее признание того, что научное знание не только социально определено и исторически расположено, но и подкреплено и увековечено материальными (нечеловеческими) сетями»¹. Перспективы этого феномена связаны с усилением тенденций к мультидисциплинарности, особенно в инновационных областях знаний и технологий, что породило такие явления, как «техноэтика» и «технокритика».

Если мы посмотрим на существующие дефиниции упомянутых понятий, то обнаружим, что содержательно речь идет именно об определенных методах научного познания.

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Технонаука>

Термин «междисциплинарность» понимается как некий синоним трансдисциплинарности, способ расширения научного мировоззрения, когда рассмотрение того или иного явления выходит за пределы конкретной научной дисциплины (области)¹. Это один из методов научного исследования, вернее, несколько методов, так как различия между терминами все же есть: трансдисциплинарность является обобщающим понятием для нескольких явлений. Междисциплинарность предполагает перенос методов исследования одной научной дисциплины в другую (биомедицина, биофизика и др.). Если же говорить о мультидисциплинарности или полидисциплинарности, то здесь ключевой особенностью метода исследования становится потребность в построении обобщенной картины мира, но методы исследования остаются внутри научных дисциплин.

«Давно уже доказано, что развитие науки не сводится к простому «приращению знаний». Важнейшую роль в ее поступательном движении играют моменты внутренней трансформации, известные как «научные революции» [1, с. 200]. Именно технонаука рассматривается учеными в качестве основного элемента данной революции, связанной не только с исследованием и конструированием нанообъектов, новыми информационными технологиями, биомедициной, но и с областью «когнитивной науки — междисциплинарным комплексом исследований, занимающихся процессами приобретения и использования знаний (включает в себя философию сознания, психологию, нейрофизиологию, лингвистику и теорию искусственного интеллекта)» [1, с. 201]. Таким образом, речь идет уже о новой технологической реальности, НБИК (нано-, био-, инфо-, когно-) технологиях или технологиях природоподобия [7].

Конвергенционные механизмы правового регулирования также становились предметом внимательного изучения ученых-юристов, так как позволяли найти ответы на новые запросы общества к праву, которые не укладывались в традиционные правовые конструкции [16]. Но и конвергенция может рассматриваться не как некий общий тренд в развитии цивилистических исследований, а только в качестве одного из специальных методов изучения общественных отношений в праве.

Если же возвратиться к междисциплинарности как одному из наиболее актуальных методов познания явлений цифровой трансформации, то и этот методологический аспект фактически уже являлся предметом цивилистического исследования. И ведущая роль здесь принадлежит М.Ю. Чельшеву, который обнаружил особенности в развитии правового регулирования отношений в области экономики,

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/>

где «усложнение правовой регламентации, ставит задачу исследования межотраслевых связей гражданского права... формирование целостного представления о системе гражданско-правовых явлений, включающей, кроме того, и соответствующие взаимосвязи» [17, с. 21]. М.Ю. Челышев считал, что защищаемое им направление станет базой для формирования «нового комплексного научного направления в цивилистике — исследования межотраслевых связей гражданского права» [18, с. 21]. Действительно, для формируемых новых предметных областей, находящихся на стыке различных научных областей знаний, эта методология может стать определяющей.

Межотраслевые исследования предопределены еще одним свойством цифровой трансформации, изменившей многие общественные и экономические процессы. Превращение науки в «технонауку» послужило благодатной почвой для развития постиндустриальных торговых, производственных, информационных и прочих сетей и сетевого мышления [3]. Наверное, сложно сделать вывод о том, что породило новую технологическую революцию, — была ли сама наука источником этих преобразований или же, напротив, эволюционные изменения экономики, общества, человеческого сознания породили возникновение новых технологий, определивших другие условия взаимодействия между участниками общественных отношений. Сама «цивилизация выступает как техническая реальность, появление, существование и развитие которой объективно и диктует жизнь, поведение, деятельность любого и каждого индивида» [8, с. 97]. В новой цивилизации мы обнаруживаем изменение экономических связей, уход от традиционных посреднических взаимоотношений. При этом новая структура связей становится еще более сплоченной, перейдя в сетевой формат. «Сетевая структура, в отличие от систем и иерархических структур, имеет горизонтальную организацию. Существенным свойством сетевой организации является то, что каждый узел может быть уникальным и реализовывать свое индивидуальное начало. <...> В этом кроется ее коренное отличие от иерархической структуры, в которой выполнение строго определенных функций исключает индивидуализированный характер» [3].

Отличительной особенностью создания сетей в условиях цифровой экономики становится их базирование на виртуальных ресурсах — цифровых платформах, предполагающих в том числе совместное использование (владение) определенными ресурсами. Цифровые платформы выступают так называемыми агрегаторами услуг, нивелируя различия между частноправовым и публично-правовым статусом как их владельца, так и основных пользователей. Указанная тенденция во многом определила формирование концепции сервисного государства, кото-

рое значительную часть своих функций выводит на платформенные решения. Кейс «Государство как платформа» рассматривается через призму новой модели стоимости активов в экономике [4, с. 8]. Большие данные как ключевой ресурс цифровой экономики становятся важнейшим элементом всей системы управления экономическими и социальными процессами в обществе. Но большие данные как актив не могут принадлежать любым участникам гражданских правоотношений. Основными игроками на данном рынке могут выступать как само государство, так и крупные корпорации, многие из которых трансформируются в виртуальные юридические лица, не имеющие тех классических признаков, которые составляют базис теории правосубъектности в частном праве.

Еще одной особенностью цифровой трансформации общественных процессов становится участие «алгоритмов» — компьютерных программ, искусственного интеллекта в сферах, ранее представленных исключительно человеческим субстратом. При этом разнообразие технологических решений не позволяет применить к ним единые решения с позиции права. В зависимости от направления применения современных технологий и той сущности, которую они заменяют в привычной нам реальности, должны применяться правовые средства и механизмы. Часть компьютерных программ выполняет сервисные функции. Они не замещают собой человека, не обладают пугающими свойствами искусственного интеллекта к самообучению, но их активное внедрение в различные производственные, административно-управленческие и иные процессы приводит к отмиранию ряда профессий, так как программное обеспечение «забирает» этот функционал на себя. В перечень устаревающих интеллектуальных профессий на горизонте 2013—2030 гг. включены юрисконсульты и нотариусы. Вместо этого появится профессия виртуального адвоката¹. Последствия внедрения данных технологий проявятся в «ухуде» массовой профессии с рынка труда. При этом, несомненно, направления профессиональной деятельности, предполагающие креативность, аналитические способности, применение нестандартных решений, останутся в юридической сфере.

Вторая группа технологий относится к замещающим, где происходит передача функций человека компьютеру [15, с. 54]. Для данной группы отношений необходимо выработать специальные правовые режимы, которые должны учитывать отсутствие прямого воздействия воли субъекта права на их изменение. Решение в данных случаях принимает искусственный интеллект. Осознание данного факта приводит к поиску новых юридических механизмов привлечения к ответствен-

¹ <http://atlas100.ru/catalog/menedzhment/virtualnyy-advokat/>

ности разработчиков подобных систем. «В Европейском Союзе скоро разработчики должны будут учитывать требования законодательства как минимум при проектировании систем искусственного интеллекта. Сделано это для главного — не забывать о правах человека, сохранить возможность их реализации, не нарушив функционирование в новом типе общества хрупкого послевоенного мира, базирующегося на фундаментальных актах в области прав человека. Поэтому цифровизация немыслима без гуманизации. Невозможно оцифровывать жизнь человека без того, чтобы его самого не ставить во главу угла, не давать ему возможность управлять цифровыми технологиями, не считаться с ним самим и его правами» [14, с. 120].

Связь новой технологической реальности и института защиты прав человека является базовым условием для совершенствования гражданского законодательства. Технологии искусственного интеллекта, робототехники настолько стремительно развиваются, что не только вызывают определенные страхи и опасения в обществе, но и явно выпадают из системы правового регулирования, которое существенно запаздывает во всех странах [15, с. 135]. И данное обстоятельство также необходимо признать существенной особенностью цифровой экономики. При этом отсутствуют правовое регулирование и теоретические концепции развития права в данной области, которые могли бы оказать позитивное влияние на формирование судебной практики и правоприменения в целом. При этом крупнейшие технологические компании вне данного правового поля не просто используют в своей деятельности «огромное количество персональных данных, оставляемых пользователями Интернета на всех бесплатных сервисах этих компаний. Большие массивы данных служат «сырьем» для дальнейшего развития услуг GAFAM и BATX. Большие данные можно использовать и эксплуатировать очень широко благодаря технологиям ИИ, который «питается» информацией, доступной в Интернете» [24].

Очевидно, что большинство «владельцев» данных не являются получателями тех выгод, которые имеют компании от их использования. Более того, оперирование данными позволяет манипулировать пользователями Интернета, формируя ту или иную маркетинговую стратегию на данных анализа больших данных, изменяя экономическую и иную политику компаний и пр. Граждане оказываются в плену собственных предпочтений, также не проявляя достаточных волевых усилий для свободного выбора. При этом в ст. 128 Гражданского кодекса РФ информация не упоминается в качестве объекта гражданских прав.

Выявленные противоречия в развитии правового регулирования и цифровых технологий обозначили проблему фактического отсутствия юридических ориентиров для новых технологических явлений. «Право

в этих процессах выполняет достаточно пассивную роль и иногда даже выступает препятствием» [21, с. 9]. При этом многие законодательные правила, сформированные для так называемой аналоговой экономики, выступают регуляторным барьером. В некоторых случаях этот барьер выступает действительным ограничением для внедрения цифровых решений. Но существует достаточное количество примеров иного рода, когда новые явления, не сдерживаемые запретами, меняют рынки (сервисы для услуг такси *Uber* не только трансформировали данный рынок, но и масштабировались на иные сферы услуг). Также и «не-стандартные формы занятости позволили обойти традиционные меры защиты, которые предоставляются обычным работникам трудовым законодательством» [21, с. 9].

Эволюция института правосубъектности как базис развития правовой науки

Наука и технологические факторы в целом определяются в качестве социальных институтов, предопределяющих общественное развитие. О.Ю. Рыбаков считает, что этим роль науки не ограничивается. Названные явления — наука и технологии становятся в совокупности «инструментами управления общественным развитием. Эволюция человека становится не только сопряженной с чередующимися промышленными революциями и технологическими укладами, но и зависимой от них» [12, с. 59]. Поэтому существенная трансформация правовых институтов с позиции развития цифровизации связана с правосубъектностью.

Свойства субъекта права были связаны с человеком, его психофизиологическими свойствами. Появление «производной юридической личности» — юридических лиц и государства как субъектов, прежде всего в гражданском праве, — также отправной точкой имело коллективные образования людей, их стремление к объединению и умение вырабатывать консолидированные решения большинства. Новые технологии вносят существенные изменения в эти традиционные представления.

Во-первых, специалисты определили, что «жизненное пространство индивида обретает новую динамично-технологическую насыщенность» [12, с. 60], связь с алгоритмами, доминирование условных символов, знакового взаимодействия усложняет «персонификацию человека» [12, с. 60].

Во-вторых, встал вопрос о признании определенного объема прав за интеллектуальными машинами (роботами, искусственным интеллектом и пр.). «ЕС выступает за новую промежуточную юридическую фигуру, стоящую между вещами (объектами права) и физическими

лицами» [5, с. 132]. С одной стороны, идет речь о том, чтобы правовой статус субъекта как «электронного» лица позволил «роботам зарабатывать деньги, платить налоги, собственные активы и предъявлять иски или получать судебные иски, независимо от их создателей» [5, с. 132]. С другой стороны, одновременно утверждается, что создатели этих интеллектуальных машин «могут как предприниматели иметь права и обязанности (подобно юридическим лицам). А «электронное лицо» может быть комбинацией обоих правовых условий» [5, с. 132]. Представляется, что наличие такого двойственного правового режима еще более запутает ситуацию, позволит так называемым создателям «искусственного разума» уходить от ответственности за причинение вреда в результате собственных неправомерных действий и ошибок в создании того или иного программного кода.

Несмотря на наличие определения искусственного интеллекта и его реальное внедрение в производственные и иные процессы, системного понимания того, какое влияние окажет искусственный интеллект на общество, еще не сложилось. Определено, что технологии искусственного интеллекта влияют на самоидентификацию человека и его социальные связи в мире. Но при решении конкретных аспектов влияния искусственного интеллекта на природу человека появляется достаточно большое число развилочек: от создания различных возможностей до вариантов «недоиспользования, избыточного использования и злоупотребления» [20, с. 704].

При этом нельзя не отметить важность задачи определения правовой природы роботов, наделенных в том числе технологиями искусственного интеллекта: объект это или субъект правоотношений, какому правовому режиму подчиняется. В настоящее время самым актуальным трендом, связанным с этим вопросом, является условие о гражданско-правовой ответственности роботов. Наиболее оптимальными выглядят предложения тех ученых, кто связывает решение данного казуса не столько с правовой природой роботов как таковых, сколько с определением механизма страхования ответственности за возможное нанесение ущерба иным лицам. Это и система обязательного страхования, где задействованы производители или владельцы роботов, и формирование фонда ответственности роботов, и другие возможные варианты [5, с. 132–133].

В-третьих, вводится понятие цифровой идентичности как явления, позволяющего заменить традиционные представления о свойствах и признаках субъекта права. Людской субстрат заменяется полноценным цифровым резидентством организации, вещи и полноценным цифровым резидентством личности человека, включающим управление разрешениями и управление цифровым профилем человека [4, с. 8].

В-четвертых, допускается смешение правового статуса государства как участника правоотношений и государства как технологического комплекса («государство как платформа») [4, с. 2]. Государство, используя платформенные решения для создания суперсервисов, агрегирует не только собственный функционал и те государственные услуги, которые оказывались гражданам и иным субъектам. К участию в новых технологических решениях привлечен и бизнес. Разграничить в этом случае (взаимодействие на цифровой платформе получателей услуг и иных участников, данные услуги предоставляющих) сферы публично-правовых отношений и частноправовых будет крайне сложно. «Фактические новые технологии обновляют «договор» между государством и гражданином, и он становится больше похож на обыкновенное соглашение в смысле соблюдения норм гражданского права... Однако в условиях абсолютного контроля государства за операторами новых технологий технологии будут работать только на государственные интересы» [15, с. 62].

Таким образом, масштабная цифровизация приводит к появлению научного пласта для цивилистических исследований в области правосубъектности, определяющих и применение новых инструментов идентификации и персонификации субъектов, закрепления новых квазиобразований, сочетающих в себе признаки субъекта и объекта правоотношений.

Этика и право: поиск баланса

Отставание правового регулирования от потребностей практики и многомерность технологических явлений, требующих регламентации, в совокупности со скоростью изменений приводят к необходимости использования этического инструментария для определения наиболее эффективного способа управления процессами цифровизации. Эксперты указывают, что законодательство просто «не успевает за скоростью появления и устаревания технологий» [19, с. 7].

Но не только перечисленные аспекты становятся причиной все большего влияния этики на развитие правовой системы. Этика позволяет уравновесить уже появившееся противоречие в использовании больших данных как основного ресурса цифровой экономики. В предпринимательском обороте используются данные, принадлежащие гражданам. Для них экономическая ценность этого ресурса практически неочевидна. Возможно, это один из первых случаев в развитии частного права, когда стоимость того или иного объекта прав не определяется общими экономическими законами. «Огромная стоимость данных и колоссальная заинтересованность в них дата-корпораций» [19, с. 6] не имеют прямого

выхода на интересы владельцев этих данных, равно как и нарушение прав граждан, владельцев данных, может не идентифицироваться последними. Поэтому наиболее важной составляющей в развитии правовой системы цифровой экономики становится институт доверия, построение которого невозможно вне этических норм. Этика, таким образом, рассматривается в качестве «ранней системы предупреждения (минимизации) рисков» [20, с. 703].

Как отмечалось ранее, одной из наиболее сложных проблем становится число участников правоотношений квазисубъектов, наделенных искусственным интеллектом. Требуются, с одной стороны, «юридические и этические механизмы для защиты конфиденциальности и безопасности данных» [19, с. 8], так как возможности контроля со стороны человека за действиями машины становятся ограниченными. С другой стороны, возникает вопрос об обязательствах самих людей «по отношению к искусственному интеллекту, должен ли сам такой интеллект иметь определенные нравственные правила, ограничения, заключенные в программу его работы» [10, с. 51].

Решение ранее озвученных вопросов в области права будет зависеть от той этической концепции, которая станет базовой для работы программистов. А.В. Разин называет две концепции. «Абсолютистская концепция будет запрещать предпринимать действия, направленные на спасение одних (большого количества людей) за счет риска для жизни других, а утилитарная — наоборот, в каких-то ситуациях будет допускать такие решения» [10, с. 53]. Но при этом сам автор акцентирует внимание на крайне важном обстоятельстве, что жесткие этические стандарты, как и избыточное правовое регулирование, могут ограничивать развитие технологий искусственного интеллекта [10, с. 54]. Тем самым окажутся неконкурентоспособными отечественные разработки в отличие от стран, правовые системы которых не приняли стандарт жесткого ограничения.

Новые предметные области для научных исследований

Цифровая экономика дает базу для развития новых предметных тематик в области цивилистических исследований. Если не останавливаться на проблеме жестких ограничений требований к научным специальностям, а такие ограничения выступают барьером в развитии российской правовой науки, то следует особо выделить следующие направления для научных изысканий:

- 1) включение информации в качестве одного из самостоятельных объектов права и изучение в качестве ключевого носителя экономической ценности товара в условиях цифровизации;

2) изучение трансформации права интеллектуальной собственности, где условно выделены три направления для исследований: «развитие правовой защиты патентов, авторских прав и средств индивидуализации; формирование единой системы способов использования и оценки интеллектуальной собственности; дифференциация и усложнение правового регулирования, расширение системы прав на интеллектуальную собственность» [21, с. 10];

3) изучение и конструирование новых правовых режимов для использования в обороте больших данных и других базовых элементов цифровой экономики;

4) разработка регуляторных механизмов и правовых институтов в области робототехники, геной инженерии и пр., которые будут и обеспечивать соблюдение прав человека, и гарантировать конкурентоспособное развитие технологий.

Следует особо отметить области правовых исследований, связанные с применением технологий геной модификации, иным использованием биологического материала человеческого организма. Все элементы человеческого организма фактически включены в гражданский оборот. Более того, развитие геномных исследований в значительной мере способствует коммерциализации данных отношений. На сегодняшний день гражданское законодательство не только не содержит норм, позволяющих регламентировать эту сферу, но и на концептуальном уровне не содержит методологических исследовательских инструментов. Есть отдельные работы, которые даже проводят дифференциацию правового режима использования человеческого биологического материала в обороте (как вещь, результат работы, если он использовался для переработки и получения, например, лекарственного препарата, а также в виде оказания услуги) [18]. Но с позиции научных исследований требуется решение о допустимости принятия к защите и разработке особых требований к оценке научных трудов, выполненных в области междисциплинарного пересечения различных научных сфер.

Правовая регламентация отношений, связанных с искусственным интеллектом и робототехникой, а соответственно и научные исследования в этой области тесным образом связаны с развитием института интеллектуальной собственности. Речь идет не только о ставшей уже банальной проблеме разграничения авторских прав, созданных искусственным интеллектом. Эксперты поднимают иную проблему, более высокого, методологического уровня. Требуется разграничение правового регулирования искусственного интеллекта и роботов, так как эти понятия не являются совпадающими по своему содержанию [13, с. 263–264].

Для науки гражданского права требуется активное вовлечение в процесс разработки моделей правового регулирования как выше-названных проблемных аспектов, так и иных вопросов, связанных с развитием цифровой экономики (мы не затронули проблемы цифровых финансовых активов и новых договорных связей, правовое обеспечение применения сквозных технологий и пр.). С.Ю. Кашкин верно указывает на необходимость скорейшего развития законодательства как варианта более эффективного, чем использование иных инструментов (судебной практики и прецедентного права, но с учетом разработки общенациональной стратегии той или иной предметной области цифровой экономики) [6, с. 136–137]. В Российской Федерации подобная стратегия принята в отношении развития искусственного интеллекта¹. Общий программный документ по цифровой экономике был отменен², но подобная практика (принятие стратегических документов на уровне Правительства РФ или Президента РФ) может быть использована и для других ключевых элементов цифровой экономики (больших данных, квантовых технологий и пр.).

Нельзя не согласиться с Ю.С. Харитоновой, что «сегодня деление на отрасли права не имеет былого значения ни для доктрины, ни для практики. В то же время при определении частных и публичных начал в управлении следует помнить о конвергенции частного и публичного права, сближении и переплетении многих основных понятий» [16, с. 178]. Однако в сфере научных исследований, особенно в части подтверждения притязаний на получение научной степени, отраслевое деление, напротив, имеет жесткие рамки. Это обстоятельство выступает существенным препятствием для развития отечественной науки и ее интеграции в международное научное сообщество, где не только отсутствует аналогичное российскому отраслевое деление, но и активно применяются полидисциплинарные методы исследования, особенно актуальные в части исследовательских проектов [23].

Результаты

Развитие новых предметных областей цивилистической науки имеет существенное значение не только для гражданского права как отдельной отрасли. Это задача более высокого порядка, так как меняющаяся технологическая реальность связана не только с экономикой.

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

² Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс» (документ утратил силу).

Она затрагивает саму природу человека и его общественные, социальные связи. Не случайно и литература, и искусство также озабочены последствиями утверждения технаутки, опираясь на знание человеческой природы и ее тяготение к проявлению честолюбия, опасным социальным экспериментам и пр. Соответственно, технологический и научный прогресс становится источником и базой для появления социальных рисков [22]. Именно по этой причине известные правоведы ставят достаточно острые вопросы о сохранении права как условия и способа решения жизненно важных вопросов для человека на общепринятой гуманистической основе [12, с. 63]. Нельзя не согласиться с опасениями, что опасность подмены или замены права алгоритмическом регулятором, технологическим предписанием, информацией уровня инструкции, указывающей, каким образом действовать в той или иной ситуации человеку [12, с. 63], действительно существует. Более того, в качестве одной из угроз построения нового технологического уклада рассматривается «возможность развития двух параллельных цивилизаций: построенной на естественном биологическом носителе и цивилизации технической, в чем-то — более совершенной, но неспособной полностью заменить естественно развивающуюся цивилизацию» [11, с. 72].

Поэтому нельзя не повторить пророческие слова М.Ю. Чельшева о том, что «в сфере действия межотраслевых связей гражданского права находятся многие приоритетные направления развития отечественной экономики, образующие, в свою очередь, область национальных интересов России» [17]. Гражданское право в различных социально-экономических, политических условиях общественного строя разных стран обеспечивало баланс между потребностями гражданского оборота, стремлением его участников к извлечению прибыли и защитой естественных прав граждан. Аналогичная задача ставится перед цивилистикой и в настоящее время. Следует создать эффективные условия для развития цифровых технологий, в том числе для обеспечения международной конкурентоспособности российских наукоемких технологий и производств, устранить регуляторные барьеры для участников гражданских правоотношений. Но при этом гражданское право за счет своих новых и традиционных инструментов должно гарантировать соблюдение прав граждан как наименее защищенной категории участников процесса цифровизации.

Библиографический список

1. Андреев А.Л. Технаутка // Философия науки. 2011. Т. 16. № 1. С. 200–218.

2. *Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А.* Смысл и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 104–120.

3. *Боброва Л.А.* Сетевой подход к мышлению (Обзор) // *Реферативный журнал ИНИОН РАН. Серия 3. Философия*. 2020. № 1. С. 82–87.

4. *Государство как платформа: Люди и технологии.* ВШГУ. Руководитель цифровой трансформации. М.: РАНХиГС, 2019. 122 с.

5. *Заплатина Т.С.* Нормы и правовая доктрина юридической ответственности роботов и искусственного интеллекта // *Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество»*. 2019. № 3. С. 128–133. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.128>

6. *Кашкин С.Ю.* Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы // *Вестник Российского нового университета*. 2019. № 3. С. 134–144. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.134>

7. *Ковальчук М.В.* Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // *Российские нанотехнологии*. 2011. № 1–2. С. 13–23.

8. *Кудрин Б.И.* Онтология технической реальности // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 94–103.

9. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. Вып. 4 (22). С. 316–324.

10. *Разин А.В.* Искусственный интеллект и цифровое общество: новые этические вызовы // *Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов / отв. ред. В.А. Артемов, О.Ю. Рыбаков*. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 50–58.

11. *Разин А.В.* Этика искусственного интеллекта // *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 57–73.

12. *Рыбаков О.Ю.* Наука, технологии, право в жизненном пространстве современного человека // *Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов / отв. ред. В.А. Артемов, О.Ю. Рыбаков*. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 58–63.

13. *Степанян А.Ж., Заплатина Т.С.* Современные модели и подходы в области регулирования роботов и искусственного интеллекта в государствах, международных организациях и интеграционных объединениях // *Российская правовая система в условиях четвертой*

промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М.: Проспект, 2019. С. 261–267.

14. *Степанян А.Ж.* Регулирование цифровых технологий: цифровизация или гуманизация? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 114–120.

15. *Стрельцова Е.Г., Чайкина А.В.* Основные направления применения цифровых технологий при организации системы разрешения споров в государстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 54–62.

16. *Харитонов Ю.С.* Конвергенция частного и публичного в предпринимательском законодательстве и праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 173–180.

17. *Чельшев М.Ю.* О концепции оптимизации межотраслевых связей гражданского права // Юрист. 2007. № 3. С. 21–23.

18. *Чернусь Н.Ю., Цихоцкий А.В.* Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 81–87.

19. Этика и «цифра» — коротко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский: социальные риски и отраслевые этические вызовы, аналитическая записка к тому 2 доклада «Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 45 с.

20. *Luciano F., Cowls J., Beltrametti M. et al.* AI4People — An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // Minds and Machines. 2018. Vol. 28. Issue 4. Pp. 689–707.

21. *Cohen J.E.* Property and the Construction of the Information Economy: A Neo-Polanyian // <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3061&context=facpub>.

22. *Cornell C.* Remembering the Ancients: Observations on Technoscience in Čapek's R.U.R. (Rossum's Universal Robots) // Bulletin of Science, Technology & Society. 2011. Vol. 31. Issue 2. Pp. 103–112. <https://doi.org/10.1177/0270467610391289>

23. *Kong S.Y., Yaacob N.M., Ariffin A.R.M.* Constructing a Mixed Methods Research Design: Exploration of an Architectural Intervention // Journal of Mixed Methods Research. 2008. Vol. 12. Issue 2. P. 148–165. <https://doi.org/10.1177/1558689816651807>

24. *Thomé H.* Les données : carburant de la troisième révolution industrielle // Questions d'Europe. 2020. No. 548 (<https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0548-les-donnees-carburant-de-la-troisieme-revolution-industrielle>).

References

1. Andreev A.L. *Tekhnonauka* [Technoscience]. *Filosofia nauki – Philosophy of Science*. 2011. Vol. 16. Issue 1. Pp. 200–218. (In Russ.)
2. Akhromeeva T.S., Malinetskii G.G., Posashkov S.A. *Smysl i tsennosti tsifrovoy realnosti: Budushchee. Voiny. Sinergetika* [Meaning and Values of Digital Reality: The Future. Wars. Synergetics]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 2017. Issue 6. Pp. 104–120. (In Russ.)
3. Bobrova L.A. *Setevoi podkhod k myshleniiu (Obzor)* [A Network Approach to Thinking (Review)]. *Referativnyi zhurnal INION RAN. Seriya 3. Filosofia – Abstract Journal INION RAN. Series 3. Philosophy*. 2020. Issue 1. Pp. 82–87. (In Russ.)
4. *Gosudarstvo kak platforma: Liudi i tekhnologii. VShGU. Rukovoditel' tsifrovoy transformatsii* [State as a Platform: People and Technologies. HSGU. Leader of Digital Transformation]. Moscow, 2019. 122 p. (In Russ.)
5. Zaplatina T.S. *Normy i pravovaia doktrina iuridicheskoi otvetstvennosti robotov i iskusstvennogo intellekta* [Norms and Legal Doctrine of Legal Responsibility of Robots and Artificial Intelligence]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo» – Bulletin of Russian New University. Series “Man and Society”*. 2019. Issue 3. Pp. 128–133. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.128> (In Russ.)
6. Kashkin S.Iu. *Pravovoe regulirovanie primeneniia tekhnologii iskusstvennogo intellekta i robototekhniki kak formiruiushchaisia novaia kompleksnaia otrasl' prava v naibolee reprezentativnykh gosudarstvakh i mezh-dunarodnykh integratsionnykh ob"edineniiakh: postanovka problemy* [Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence and Robotics Technologies as an Emerging New Complex Branch of Law in the most Representative States and International Integration Associations: Problem Statement]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta – Bulletin of Russian New University*. 2019. Issue 3. Pp. 134–144. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.19.03.P.134>. (In Russ.)
7. Kovalchuk M.V. *Konvergentsiia nauk i tekhnologii – proryv v budushchee* [Convergence of Science and Technology – a Breakthrough into the Future]. *Rossiiskie nanotekhnologii – Russian Nanotechnologies*. 2011. Issue 1–2. Pp. 13–23. (In Russ.)
8. Kudrin B.I. *Ontologiya tehnikeskoi realnosti* [Ontology of Technical Reality]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 2017. Issue 6. Pp. 94–103. (In Russ.)
9. Kuznetsova O.A. *Nauchnaia problema i nazvaniia tsivilisticheskikh issledovaniy* [Scientific Problem and the Titles of the Civil Researches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013. Issue 4 (22). Pp. 316–324.

10. Razin A.V. *Iskusstvennii intellekt i tsifrovoe obshchestvo: novye eticheskie vyzovy* [Artificial Intelligence and Digital Society: New Ethical Challenges]. In Artemov V.A., Rybakov O.Iu. (eds.). *Nauchno-tehnologicheskie transformatsii v sovremennom obshchestve: npravstvenno-filosofskoe osmyslenie i osobennosti pravovogo regulirovaniia: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific and Technological Transformations in Modern Society: Moral and Philosophical Comprehension and Peculiarities of Legal Regulation: Collection of Scientific Papers]. Moscow, 2019. Pp. 50–58. (In Russ.)

11. Razin A.V. *Etika iskusstvennogo intellekta* [Ethics of Artificial Intelligence]. *Filosofia i obshchestvo — Philosophy and Society*. 2019. Issue 1. Pp. 57–73. (In Russ.)

12. Rybakov O.Iu. *Nauka, tekhnologii, pravo v zhiznennom prostranstve sovremennogo cheloveka* [Science, Technology, Law in the Living Space of a Modern Person]. In Artemov V.A., Rybakov O.Iu. (eds.). *Nauchno-tehnologicheskie transformatsii v sovremennom obshchestve: npravstvenno-filosofskoe osmyslenie i osobennosti pravovogo regulirovaniia: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific and Technological Transformations in Modern Society: Moral and Philosophical Comprehension and Peculiarities of Legal Regulation: Collection of Scientific Papers]. Moscow, 2019. Pp. 58–63. (In Russ.)

13. Stepanian A.Zh., Zaplatina T.S. *Sovremennye modeli i podkhody v oblasti regulirovaniia robotov i iskusstvennogo intellekta v gosudarstvakh, mezhdunarodnykh organizatsiiakh i integratsionnykh ob"edineniiakh* [Modern Models and Approaches in the Field of Regulation of Robots and Artificial Intelligence in States, International Organizations and Integration Associations]. In Rossiiskaia pravovaia sistema v usloviakh chetvertoi promyshlennoi revoliutsii: materialy VI Moskovskogo iuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch. [Russian Legal System in the Context of the fourth Industrial Revolution. Materials of the VI Moscow Legal Forum of the XVI International Scientific and Practical Conference. In 3 parts]. Moscow, 2019. Pp. 261–267. (In Russ.)

14. Stepanian A.Zh. *Regulirovanie tsifrovyykh tekhnologii: tsifrovizatsiia ili humanizatsiia* [Digital Regulation: Digitalization or Humanization?]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIuA) — Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020. Issue 4. Pp. 114–120. (In Russ.)

15. Streltsova E.G., Chaikina A.V. *Osnovnye napravleniia primeneniia tsifrovyykh tekhnologii pri organizatsii sistemy razresheniia sporov v gosudarstve* [The Main Directions of Using Digital Technologies when Organizing a Dispute Resolution System in the State]. *Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika — Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2019. Issue 6. Pp. 54–62. (In Russ.)

16. Kharitonova Iu.S. *Konvergenssiia chastnogo i publichnogo v pred-prinimatel'skom zakonodatel'stve i prave* [Convergence of the Private and Public in Business Law and Law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016. Issue 2. Pp. 173–180. (In Russ.)

17. Chelyshev M.Iu. *O kontseptsii optimizatsii mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava* [On the Concept of Optimization of Interbranch Relations of Civil Law]. *Iurist – Lawyer*. 2007. Issue 3. Pp. 21–23. (In Russ.)

18. Chernus N.Iu., Tsikhotskii A.V. *Grazhdansko-pravovoi rezhim biologicheskogo materiala cheloveka* [Civil Law Regime of Human Biological Material]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal – Russian Legal Journal*. 2019. Issue 1. Pp. 81–87. (In Russ.)

19. *Etika i «tsifra» – korotko o glavnom. Robot-vrach, robot-uchitel, robot-politseiskii: sotsial'nie riski i otraslevye eticheskie vizovy, analiticheskaiia zapiska k tomu 2 doklada «Etika i «tsifra»: eticheskie problemy tsifrovyykh tekhnologii* [Ethics and “Digital” – Briefly about the Main Thing. Robot as a Doctor, Robot as a Teacher, Robot as a Policeman: Social Risks and Industry Ethical Challenges, Analytical Note to Volume 2 of the Report “Ethics and “Digital”: Ethical Problems of Digital Technologies]. Moscow, 2020. 45 p. (In Russ.)

20. Luciano F., Cows J., Beltrametti M. et al. *AI4People – An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations* // *Minds and Machines*. 2018. Vol. 28. Issue 4. Pp. 689–707. (In Eng.)

21. Cohen J.E. Property and the Construction of the Information Economy: A Neo-Polanyian. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3061&context=facpub>. (In Eng.)

22. Cornell C. Remembering the Ancients: Observations on Technoscience in Čapek's R.U.R. (Rossum's Universal Robots). *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2011. Vol. 31. Issue 2. Pp. 103–112. <https://doi.org/10.1177/0270467610391289>. (In Eng.)

23. Kong S.Y., Yaacob N.M., Ariffin A.R.M. Constructing a Mixed Methods Research Design: Exploration of an Architectural Intervention. *Journal of Mixed Methods Research*. 2008. Vol. 12. Issue 2. P. 148–165. <https://doi.org/10.1177/1558689816651807> (In Eng.)

24. Thomé H. Les données : carburant de la troisième révolution industrielle. *Questions d'Europe*. 2020. No. 548. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0548-les-donnees-carburant-de-la-troisieme-revolution-industrielle>. (In Eng.)

Информация об авторе:**О.А. Серова**

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
проректор по учебной работе

Псковский государственный университет
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2

ORCID: 0000-0003-4113-7399

ResearcherID: A-7706-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_37

https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_86

Information about the author:**O.A. Serova**

Pskov State University
2 Lenina Sq., Pskov, 180000, Russia

ORCID: 0000-0003-4113-7399

ResearcherID: A-7706-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_37

https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_86

ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ И ЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ КАК КРИТЕРИЙ НАУЧНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА*

Л.В. Щенникова

Кубанский государственный университет

E-mail: civil_law402@mail.ru

Введение: в статье рассматривается методологическая проблема значения цели цивилистического исследования. Автор с позиций целеполагания анализирует авторефераты диссертаций, выполненные в разные периоды развития российской гражданско-правовой науки, выделяет качественные характеристики этапов, доказывает связь достигнутых результатов с владением исследователем методическими приемами постановки цели. **Цель:** показать значение целеполагания в научном исследовании вообще и в цивилистическом в особенности; рассмотреть связь целеполагания с достижением конкретных научных результатов на примерах диссертационных работ, защищенных по специальности 12.00.03; обосновать необходимость постановки в качестве целей фундаментальных проблем, связанных с выявлением закономерностей развития отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, и созданием эффективных механизмов, их опосредующих. **Методы:** системно-структурный, системно-функциональный, обобщения, абстрагирования, аналогии, логический, статистический, классификации, правового моделирования, сравнительно-правовой, прогнозирования, формально-юридический, исторический. **Результаты:** цивилистическая методология должна учитывать значение цели в организации научной работы. Только умелое владение навыками определения целеполагания может обеспечить в конечном счете создание научно обоснованных механизмов эффективного воздействия гражданско-правовых норм на регулируемые общественные отношения. **Выводы:** 1) любая наука, в том числе наука гражданского права, призвана не только изучать и описывать имеющиеся проблемы, в том числе законотворческие, доктринальные, а также правоприменения. Исследование, чтобы отвечать критерию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00207.

научности, обязано предпринять попытку выявить закономерности развития как регулируемых отношений, так и механизмов, их опосредующих; 2) значение цели в развитии науки было доказано выдающимися философами. Кроме того, само определение науки свидетельствует о том, что целеполагание составляет одну из сущностных ее характеристик; 3) анализ авторефератов ведущих отечественных цивилистов показал, как умелая постановка целей исследования помогла их последовательному достижению, а также созданию качественного категориального аппарата гражданско-правовой науки; 4) анализ современных диссертационных работ показал, что не все молодые исследователи видят значение целеполагания, и этот методологический недостаток автору представляется важным устранить.

Ключевые слова: *цивилистика; понятие науки; философия; целеполагание; авторефераты диссертаций; периодизация развития российской цивилистики; значение цели.*

GOAL SETTING AND ITS ACHIEVEMENT AS A CRITERION OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE FIELD OF CIVIL LAW

L.V. Shchennikova

Kuban State University

E-mail: civil_law402@mail.ru

Introduction: *the article deals with the methodological problem of the meaning of the goal of civil law research. The author analyzes the dissertation abstracts from the point of view of goal setting, which were completed in different periods of the development of Russian civil law science, identifies the qualitative characteristics of the stages, and proves the connection of the achieved results with the researcher's knowledge of the methodological methods of goal setting.* **Purpose:** *to show the value of goal setting in scientific research in general and in civil research in particular; to consider the relationship of goal setting with the achievement of specific scientific results on the examples of dissertations defended in the specialty 12.00.03; to justify the need to set as goals the fundamental problems associated with the identification of patterns of development of relations that are part of the subject of civil law regulation and the creation of effective mechanisms that mediate them.* **Methods:** *system-structural, system-functional, generalization, abstraction, analogy, logical, statistical, classification, legal modeling, comparative legal, forecasting, formal legal, historical.* **Results:** *civil methodology should take into account the importance of the goal in the organization of scientific work.*

*Only a competent possession of goal setting skills can ultimately ensure the creation of scientifically-based mechanisms for effective impact of civil law norms on regulated social relations. **Conclusions:** 1) any science, including the science of civil law, is not only designed to study and describe existing problems, including legislative, doctrinal, and law enforcement. Research, in order to meet the criterion of scientific character, must attempt to identify the laws of development, both regulated relations and mechanisms that mediate them; 2) the significance of the goal in the development of science has been proven by outstanding philosophers. In addition, the very definition of science indicates that goal setting is one of its essential characteristics; 3) the analysis of the author's abstracts of leading Russian tsivilists showed how the skilful setting of research goals helped to achieve them consistently, as well as to create a high-quality categorical apparatus of civil law science; 4) the analysis of modern dissertations showed that not all young researchers see the value of goal-setting and this methodological disadvantage is important for the author to eliminate.*

Keywords: *civil science; concept of science; philosophy; goal setting; dissertations; periodization of the development of Russian civil science; meaning of the goal.*

Введение

Среди вопросов, составляющих предмет методологии цивилистического исследования, можно особо выделить вопрос постановки его цели. Насколько значима для науки проблема целеполагания? Как философская наука определяла роль цели и способности ученого к последовательному ее достижению? На всех ли этапах развития науки было важно ставить цель открытия закономерностей развития природы и общества? На эти вопросы отвечает автор, чтобы сформулировать философские основы значения целеполагания. Особенность цивилистических исследований диктует необходимость обращения к текстам авторефератов диссертаций российских ученых, написанных в разные исторические периоды развития гражданско-правовой науки. Представляется важным составить периодизацию, выделив качественные различия определенных исторических этапов с точки зрения проработки формулировок целей и задач. В итоге ставится задача ответить на вопрос: можно ли считать постановку цели и ее достижение критерием научности проведенного исследования?

Философское звучание целеполагания и его значение в общем понятии научной деятельности

Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя¹.

Ф.М. Достоевский

Начнем свой разговор о цели как категории науки в целом и философской науки в особенности с короткого назидательного рассказа (притчи). Трое юношей пришли к философу и сказали, что хотят стать учеными мужами. Первый рассказал, сколько уже успел повидать в своей жизни и что способен описать увиденное. Второй назвал книги, которые прочитал, — он смог запомнить прочитанное. Третий был робок, но заметил, что изучает медицину и ищет эффективное лекарство, чтобы спасти свою больную мать. Философ, выслушав внимательно, похвалил всех. Для ученого, сказал он, важно наблюдение, не менее важно и прочитать все, что было накоплено предшественниками. Однако самое главное, заключил Учитель, чтобы называться ученым, — это иметь цель преобразований. Найти лекарство — это цель, поэтому третий из юношей ближе всех к этому великому званию.

Учение о роли цели в жизни человека и научном познании создавалось без преувеличения на протяжении столетий, по существу, вырабатывалось в сложных процессах выявления закономерностей развития природы и общества. И только со временем стало понятно истинное значение целеполагания, что позволило Конфуцию сформулировать формулу его святости: «если очевидно, что цели не могут быть достигнуты, не корректируйте цели, корректируйте действия» [13, с. 9]. В понятийном арсенале различных наук понятие цели является центральным. С какими характеристиками ученые связывают это понятие? Выделим из многочисленных признаков четыре, как представляется, сущностные характеристики. Первая связывает цель с проявлением человеческой природы, предвосхищенным будущим результатом, на который направляется волевой процесс. Философы стали оперировать понятием «цель», когда осознали важность идеи блага как высшей цели всего сущего. Теория идей была описана Платоном [20, с. 7–81] и базировалась на познании возможности для идеальной структуры быть целью и смыслом для вещественного мира. Аристотель [1, с. 18–27] в учении о четырех причинных сущностях цель поставил на четвертое место,

¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2019. С. 258.

обозначив ее «целевой причиной», дающей ответ на вопрос «для чего». Вторая характеристика цели фиксирует функции предмета стремлений субъекта, подчеркивая, что он регулирует, стимулирует и придает системность. Г.В. Лейбниц [16, с. 413–429] целевой принцип возвел в основы монадологии. Философ подчеркивал, что в основном законе онтологии в существовании сущности заложена не только возможность, но и цель стремления. Через цель Лейбниц объяснил необходимость развития. Кроме того, целевой принцип способствовал формированию его учения об «оптимальности» мира, в котором цель в сложившихся условиях должна реализовываться наиболее полным образом. Третья характеристика цели акцентирует внимание на том, что это всегда осознанная творческая идея, мыслительная модель, являющаяся итогом свободного самовыражения. И. Кант в «Критике способности суждения» [10, с. 232–258] доказывал, что мышление имеет право и даже обязано рассматривать совокупность явлений как осуществление целей. При этом сама цель, по Канту, остается «вещью в себе». Цель философ понимал как предпосылку и требование познания с позиций внутренней целесообразности. Наконец, цель, и это четвертый признак, наукой всегда связывается с запросами материальной жизни людей, необходимостью удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Г.В.Ф. Гегель [6, с. 185–216] рассматривал цель как одну из основных сил, направленных на процесс становления реальности. В его «Логике» цель, возникая как нечто для себя, преобразуется в реальность, конкретное присутствие в конечных предметах. Подводя итог выделенным и описанным характеристикам, цель как научную категорию можно определить как осознанную человеком идею (модель), которая, предвосхищая будущий результат, регулирует, стимулирует и придает системность его творческой деятельности.

А сейчас попробуем определить место целеполагания в понятии науки, которое предлагалось энциклопедическими словарями разных веков. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [26, с. 192], увидевшем свет в конце XIX — начале XX вв., наука определялась как совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчету и приведенных в известный систематический порядок. Иными словами, наука в рамках изложенного подхода связывалась исключительно с систематизированной совокупностью сведений. В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля [8, с. 1075] понятие науки было представлено как полное и порядочное собрание опытных и умозрительных истин, какой-либо части знаний, стройное последовательное изложение любой отрасли. Как видно, и в этом подходе роль науки ограничивается собиранием и упорядочиванием знаний.

XX в. с его достижениями и революциями позволил внести существенное дополнение в понимание наук. И Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова (первый словарь советской эпохи) [19, с. 311] определил науку уже не только как систему полученных знаний. К этому была добавлена целевая установка, состоящая в необходимости выявления закономерностей изучаемых явлений. Достижение в понимании науки, сформулированное советскими энциклопедистами, было закреплено и в конце XX в. Большим толковым словарем русского языка С.А. Кузнецова [4, с. 606]. В нем под наукой понимается система знаний о закономерностях развития природы и общества, а также о способах воздействия на окружающий мир. Как видим, прогресс в понимании служебной роли научной деятельности очевиден. Наука сегодня представляется не только «собираательницей» знаний. Для того чтобы называться ученым, важно открывать закономерности, а значит, целеполагание оказывается важнейшей составляющей любого научного труда [7]. Таким образом, в научном исследовании, в том числе исследовании цивилистическом, должна быть четко сформулирована идея, сконструирован будущий результат, работа над достижением которого реально обеспечит открытие новых закономерностей в развитии правового регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права.

Постановка целей научного исследования в авторефератах диссертаций, защищенных ведущими учеными советского периода развития России

Советский период развития цивилистической науки оказался очень успешным с точки зрения формирования целой когорты выдающихся исследователей в области гражданского права. Нельзя не вспомнить имена С.С. Алексеева, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, С.М. Корнеева, О.А. Красавчикова, А.Л. Маковского, Ю.К. Толстого, В.Ф. Яковлева. Многие из тех, кто защитил свои диссертации в советский период развития нашей страны, продолжают свою работу, активно публикуя новые и очень актуальные статьи и монографии. Остановим свое внимание на пяти именах ученых, которые внесли заметный вклад в развитие науки, в том числе благодаря искусству определения целей научного исследования.

Е.А. Суханов науке гражданского права посвятил без малого полвека, начав свой путь в 1974 г. с защиты кандидатской диссертации на тему «Проблемы кодификации гражданского законодательства ГДР». Доктором юридических наук он стал в 1986 г., защитив диссертацию на тему «Общие тенденции развития гражданского права

зарубежных европейских стран — членов СЭВ». Впоследствии из-под пера ученого вышли книги, посвященные вещным правам¹, праву собственности², корпоративному праву³. Ученый внес значительный вклад в разработку действующего Гражданского кодекса РФ, принимал участие в создании Концепции развития гражданского законодательства РФ, на основе которой происходило реформирование кодифицированного гражданского закона. Велики заслуги Е.А. Суханова перед Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, поскольку он бессменно на протяжении трех десятков лет руководит здесь кафедрой гражданского права.

Однако главным трудом, обеспечившим Е.А. Суханову стартовые возможности в развитии науки гражданского права, все же является его диссертация на соискание степени доктора юридических наук. Поэтому на целях, сформулированных в ее автореферате, и остановим свое внимание. В первую очередь отметим, что описание целей занимает значительный объем машинописного текста. Цели исследования прописаны обстоятельно [23, с. 5]. Во-вторых, автор обращает внимание на необходимость выявления тенденций развития гражданского права (его подотраслей и институтов) группы стран, объединенных общностью основных социально-экономических условий. Автор подчеркивает, что этот опыт важен для творческого использования в процессе совершенствования национального права, в том числе гражданского права нашей страны. В-третьих, Е.А. Суханов отмечает, что целью его работы является установление закономерностей изменения и развития гражданско-правовой надстройки в конкретных социально-экономических условиях для адекватной оценки конкретных национальных законодательных решений и теоретических конструкций. Несмотря на то что сегодня нет Совета Экономической Взаимопомощи, нет стран социалистического содружества, нацеленных на коммунистическое строительство, да и на В.И. Ленина, цитату которого приводит Е.А. Суханов в обоснование целеполагания своей работы, ссылаться сегодня не принято, тем не менее формулировки автореферата его докторской диссертации и сегодня актуальны. Их актуальность и возможность использования в качестве образца для современных авторов объясняются тем, что ученый ставил своей целью не изучение и описание гражданского права системы государств, а выявление тенденций и закономерностей гражданско-правового регулирования с целью выработки предложений по совершенствованию национального гра-

¹ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.

² Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991. 239 с.: Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М.: Юрист, 1999. 384 с.

³ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 454 с.

жданского законодательства и открытию новых возможностей по наиболее полному удовлетворению интересов и потребностей граждан. Открытый в своей докторской диссертации методологический прием Е.А. Суханов использовал неизменно и во всех своих последующих трудах. На важности целеполагания для любой научной работы по гражданскому праву он воспитывал и всех своих учеников.

В советский период истории диссертацию на соискание ученой степени по специальности 12.00.03 защитил Д.А. Медведев. Известный как политический деятель, на протяжении восьми лет возглавлявший Правительство РФ, Президент страны с 2008 по 2012 г., Д.А. Медведев начинал свою карьеру как исследователь в области гражданского права. Преподавательской и научной деятельности он отдал семь лет своей жизни, работая на юридическом факультете Ленинградского (затем Санкт-Петербургского) государственного университета. Д.А. Медведев преподавал римское и гражданское право, написал четыре главы в трехтомном учебнике «Гражданское право» под редакцией А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия» [18]. Защита диссертации в ведущем вузе страны под руководством профессора В.Т. Смирнова, последующая за этим стремительная карьера молодого ученого не могут не привлекать внимание к автореферату его диссертации. В данном случае нас интересует раздел, посвященный цели его научной разработки [24, с. 5]. Во-первых, следует отметить, что обоснованию цели в данном случае посвящено одно предложение. Иначе говоря, целевая установка не получила всестороннего раскрытия. Во-вторых, автор констатировал, что собирается решить наиболее существенные вопросы в рамках заявленной темы исследования. При этом перечень этих вопросов никак не определен. Не сформулированы вытекающие из этой цели задачи. В-третьих, автор ограничил свои задачи временным периодом — «современной экономической ситуацией». Однако качественные характеристики данного периода развития нашей страны в диссертации не приводятся. В-четвертых, в диссертации была отмечена важность практической реализации идей, которые должны были завершиться выработкой предложений по совершенствованию действующего гражданского законодательства. Отметим, что понимание цели работы Д.А. Медведева складывается точнее, когда знакомишься с содержанием всей диссертации. Действительно, новые экономические идеи конца 1980-х гг. должны были получить законодательное оформление. В то время пришло осознание роли товарно-денежных отношений в развитии страны. Стала понятна необходимость создания многоукладной экономики, признания равенства «всех типов произ-

водителей». Интересно, что Д.А. Медведев увидел закономерность в необходимости превращения права полного хозяйственного ведения, которое в то время закреплялось за государственным предприятием, в право коллективной собственности. Он прогнозировал появление коллективных предприятий (ассоциаций, объединений, товариществ). Как известно, праву коллективной собственности было не суждено появиться в законодательстве России. Товарищества и ассоциации как особые организационно-правовые формы деятельности юридических лиц были одобрены законодателем. Однако выработка понимания необходимого статуса для юридических лиц происходила еще достаточно долго и принималась законодателем не без трудностей. Завешенные работы по кодификации пришлось продолжить в процессах модернизации Гражданского кодекса. И эта кропотливая работа во многом была связана со спорными вопросами статуса коммерческих организаций в нашей стране. Представляется, что пример Д.А. Медведева интересен, поскольку идеи молодого ученого могли бы воплощаться в жизнь всей практической его деятельностью. Однако в данном случае такого не произошло, и на новом этапе своей уже политической жизни он занимался совсем другими вопросами.

Н.А. Баринов является классическим представителем советской школы цивилистики. Он участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен, награжден боевыми наградами. Всю свою жизнь ученый был связан с Саратовским юридическим институтом, позднее Саратовской государственной академией права. Труды профессора были посвящены проблемам имущественных потребностей, договорам бытового подряда и бытового заказа, конкурентному законодательству. Свой путь в науке он начал разработкой проблем договорной ответственности, а докторская диссертация Н.А. Барина назвалась «Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан». Он защитил ее в 1988 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Среди его оппонентов были профессора А.Ю. Кабалкин, Я.А. Куник, Е.А. Суханов. Что касается цели исследования, сформулированной в автореферате [2, с. 5], то, во-первых, следует отметить достаточно солидный объем текста, посвященный ее постановке. Во-вторых, Н.А. Баринов предполагал создать понятие имущественных потребностей, обусловленных отношениями собственности и другими имущественными отношениями, регулируемые гражданско-правовыми нормами. В-третьих, планировалось создание моделей или гражданско-правовых средств обеспечения удовлетворения данных потребностей. Основное внимание автор предполагал уделить формам удовлетворения самых необходимых, жизненно важных потребностей, включая

потребности в товарах и услугах. В-четвертых, ученый ставил своей целью обоснование гражданско-правового принципа всемерного обеспечения и охраны имущественных потребностей советских граждан. В положениях, вынесенных на защиту, все цели, сформулированные в автореферате, получили свою реализацию. Конечно, диссертация профессора Барина не могла быть не окрашена атрибутами эпохи, в том числе ссылками на решения съездов партии, выступления ее лидеров, однако очевидно наличие в работе стержня, который называется целеполаганием и последовательным развитием научной мысли, направленной на его достижение. Н.А. Барин смог прожить красиво и честно долгую, в 92 года, жизнь. Наша эпоха другая, но проблема, поставленная ученым, актуальна и по сей день. Субъекты гражданско-правовых отношений, как и прежде, имеют многочисленные потребности, которые должны быть всемерно обеспечены с использованием созданного наукой и реализованного в правотворческой деятельности законодателя, арсенала гражданско-правовых средств.

В.С. Ем известен широкому кругу юридической общественности как руководитель издательства «Статут». Именно благодаря его замыслу в современном книгоиздательстве были переизданы лучшие отечественные цивилистические исследования разных лет в виде серии «Классика российской цивилистики». В.С. Ем был не только издателем этой серии, он редактировал многие монографии и учебники прошлых лет, писал к ним предисловия. Современные цивилисты благодарны реализованной идее В.С. Ема, поскольку имеют возможность в своих исследованиях использовать богатую базу монографических источников. Задуман был и новый издательский проект — переиздание классики западноевропейской цивилистики, в частности работ немецких цивилистов. В.С. Ем родился и получил высшее юридическое образование в Казахстане, но традиции исследований в области гражданского права ему были привиты в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию на тему «Категория обязанности в советском гражданском праве: вопросы теории» он защитил в 1981 г. под руководством профессора В.П. Грибанова. Выполненное В.С. Емом в начале 80-х гг. прошлого века научное исследование было неординарным и привлекло к себе пристальное внимание советской цивилистики. Не потеряло оно актуальности и сегодня, что позволяет с уверенностью обратиться к содержанию автореферата. Нас будет интересовать целевая установка, выделенная автором диссертации [9, с. 4]. Во-первых, предполагалось создание новой, самостоятельной и сложной правовой категории — гражданско-правовых обязанностей. Исследование этого понятия должно было быть комплексным, охватывая все возможные грани,

выявленные с позиций парных философских категорий: объективного и субъективного, сущности и явления, формы и содержания, свободы и необходимости, возможности и действительности, объекта и субъекта. Во-вторых, предполагалось выявить закономерное соотношение обязанностей с широким кругом других гражданско-правовых категорий, включая правоспособность, правоотношение, норму права, субъективное право, санкцию, меры защиты и меры ответственности. В-третьих, планировалось увидеть роль обязанностей в механизме гражданско-правового регулирования, а также определить их место в этом механизме с учетом видовых особенностей. Как видно, в рамках кандидатской диссертации В.С. Ем планировал не только изучать и описывать, но и, что важно подчеркнуть, выявлять закономерности развития взятой для научного анализа категории. Следует отметить, что полученные результаты доказали реальность поставленных целей. В.С. Ем обосновал деление обязанностей в гражданском праве на обязанности активного и пассивного типа. Пассивные обязанности он также классифицировал, выделив в особую группу обязанности-принципы. В диссертации сделан очень важный теоретический вывод, заключающийся в том, что нельзя смешивать обязанности, опосредующие нормальные экономические отношения, и обязанности, являющиеся следствием правонарушения. Первые являются результатом правомерных действий, поощряются государством, поэтому являются обязательными, но не принудительными. Обязанности второго вида являются следствием возложения на субъектов гражданского права мер защиты и ответственности за совершенные правонарушения. Вот почему они являются элементом юридического содержания принуждения. При этом критерий разграничения выделенных групп, как доказано в диссертации, является объективным. В.С. Ем не написал докторской диссертации, однако сумел войти в историю советской цивилистики благодаря умению сформулировать имеющие фундаментальное для науки значение цели и их последовательно реализовать.

Ярким представителем ленинградской школы советской цивилистики является А.П. Сергеев. Выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета, он прошел все необходимые этапы становления ученого в этом вузе. Он известен как автор учебника «Право интеллектуально собственности в Российской Федерации», который неоднократно переиздавался в 1996–2006 гг. А.П. Сергеев стал соавтором и редактором трехтомного учебника «Гражданское право», впервые изданного в 1995 г. Именно за этот учебник авторский коллектив был награжден первой премией Ассоциации юридических вузов и факультетов за создание лучшего в России учебника для юридических вузов, а также премией Правительства РФ

в области образования. Докторскую диссертацию А.П. Сергеев защитил в 1990 г. на тему «Гражданско-правовая охрана культурных ценностей». Это был период перестройки, в который оказались очень острыми многие экономические, социальные и политические проблемы. Тем не менее ученый обосновал необходимость пристального внимания цивилистической науки к охране культурного наследия, с тем чтобы широкие массы имели доступ к крупнейшим произведениям отечественной и мировой культуры. Интересны и цели, которые поставил А.П. Сергеев в автореферате своей диссертации [22, с. 5]. Во-первых, была обозначена задача создания новой категории науки — категории культурных ценностей. Для этого предполагалось выделить сущностные их признаки, позволяющие отграничивать их от сходных правовых понятий. Во-вторых, предполагалось создание научной классификации культурных ценностей, охраняемых законом. Таким образом, создавалась возможность увидеть исследуемое явление во всем богатстве его видовых различий. В-третьих, автор предполагал систематизировать гражданско-правовые обязательства, имеющие своим объектом культурные ценности. Наконец, важной составляющей работы автор видел выявление причин низкой эффективности механизма гражданско-правовой ответственности за нарушение сохранности культурных ценностей. Знакомство с диссертацией позволяет заключить, что цели, сформулированные в автореферате, автором были достигнуты. В частности, было дано понятие культурных ценностей как продукта всеобщего труда, имеющего важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, поскольку они служат связующим звеном между различными поколениями людей и являются фактором формирования необходимого обществу типа личности. А.П. Сергеев предложил систему способов приобретения государством права собственности на культурные ценности. Им обоснована организация единого учета культурных ценностей, прежде всего памятников истории и культуры со стороны специализированных организаций. Интерес представляют разработанное юридическое понятие коллекции и характеристика особенностей ее правового режима. Ученый сумел обосновать введение в советское право договора купли-продажи государством культурных ценностей с условием пожизненного содержания продавца. Думается, что целеполагание и формы его достижения, предложенные А.П. Сергеевым, могут быть примером для современных исследователей в области гражданского права.

Краткий обзор авторефератов диссертаций, выполненных отечественными учеными в советский период развития нашей страны, показал, что, во-первых, к постановке цели авторы относились в большинстве случаев с необходимой научной ответственностью, формулируя

к разрешению фундаментальные проблемы развития цивилистической науки. Во-вторых, поставленные задачи по созданию категориального аппарата, определению перспектив развития общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, и созданию адекватных механизмов их гражданско-правового регулирования, как было показано, реализовывались. В-третьих, несмотря на то что страна в ближайшей перспективе изменила курс своего экономического и политического развития, разработки советских ученых являются актуальными и в современных условиях благодаря их соответствию критерию научности. В-четвертых, может быть отмечена закономерность, заключающаяся в том, что исследование фундаментальных проблем в области гражданского права стимулировало ученых не покидать работу в высших учебных заведениях с тем, чтобы передавать накопленные знания своим ученикам.

Постановка целей научного исследования в авторефератах диссертаций, защищенных в переходный (к рыночным отношениям) период развития России

Начало 90-х гг. прошлого века ознаменовалось в нашей стране большими социально-экономическими переменами. Было принято политическое решение о строительстве экономики рыночного типа. Соответственно, все ранее существовавшие институты гражданского права должны были подвергнуться пересмотру. В первую очередь необходимо было определить по-новому предмет гражданско-правового регулирования. Имущественные отношения, построенные на плановых началах, необходимо было сделать свободными от вмешательства административно-командной системы. Возрождение частного права потребовало воссоздание его принципов. Отношения собственности, базировавшиеся на государственной, коллективной и личной собственности граждан, необходимо было перевести на базу собственности частной. Важно было создать новые организационно-правовые формы деятельности юридических лиц. Не могли оставаться в неизменном виде институты сделки и гражданско-правового договора. Система договорных отношений потребовала своего развития в новых экономических условиях действия субъектов гражданско-правовых отношений. Круг задач, вставших перед российским законодателем в деле создания гражданского законодательства, был огромен. При этом времени на осознание происходящих процессов, на создание научной концепции развития гражданского законодательства не было. Пришлось опережающими темпами создавать новый Гражданский кодекс РФ. Организованная для его разработки рабочая группа, в которую во-

шли ведущие цивилисты страны, столкнулась с многочисленными трудностями. Стало понятно, что создать основной гражданский закон в кратчайшие сроки целиком не получится. Было решено писать и принимать его по частям. Оглядываясь назад, становится понятным, насколько трудна была задача, поставленная перед разработчиками. Ведь все научные достижения, которыми гордилась советская цивилистика, не могли быть здесь использованы. По идее, нужно было создавать новую гражданско-правовую доктрину и на ее основе уже разрабатывать гражданское законодательство. Однако времени на соблюдение такого классического порядка в действиях не было. Первая часть Гражданского кодекса РФ была принята 30 ноября 1994 г., а введена в действие в своей основе с 1 января 1995 г. С этого момента, как представляется, можно отсчитывать новый этап развития науки гражданского права в нашей стране. Поставленные на повестку дня проблемы гражданско-правового регулирования должны были решаться на основе предложенных в цивилистических исследованиях идей. Вот почему данный этап развития науки можно считать особым, где должны были предъявляться повышенные требования к качеству созданных диссертаций, а значит, и к формулировкам их целей и задач. Для своего анализа возьмем также пять диссертаций, защищенных в этот период ведущими цивилистами страны.

П.В. Крашенинников защитил свою докторскую диссертацию именно в этот период. Сегодня он известен как активный государственный деятель, поскольку является депутатом Государственной Думы 7-го созыва от партии «Единая Россия», председателем Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, а также председателем Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Защита докторской диссертации П.В. Крашенинниковым состоялась в 1997 г. в форме научного доклада, выполняющего функции автореферата, в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Тема работы — «Современные проблемы права собственности и иных вещных прав на жилые помещения». В представленном к защите научном докладе были обозначены цели проведенного исследования [14, с. 2]. Во-первых, автор поставил задачу создания теоретической концепции, на основе которой возможно комплексно решать проблемы, связанные с приобретением и реализацией права собственности на жилые помещения. Во-вторых, автор выделил «две стороны», влияющие на реализацию поставленной задачи: 1) включение жилых помещений в гражданский оборот; 2) формирование и совершенствование законодательства, связанного с правом собственности на жилище. При этом задача по совершенствованию законодательства в жилищной сфере

виделась автором как комплексная, а не только в связи с включением жилых помещений в гражданский оборот. Возникновение права частной собственности на жилые помещения, иначе говоря, статика имущественных отношений также предопределила проблему создания их адекватной гражданско-правовой регламентации. Не случайно и в тексте работы автор ведет речь о нормах, регламентирующих как право собственности и иные вещные права, так и обязательственные отношения с участием жилых помещений. В-третьих, ученым ставилась задача выявления тенденций развития гражданского и жилищного законодательства в их системном взаимодействии. В-четвертых, автор подчеркивал, что главным образом будет выявлять тенденции, а не ограничиваться простым анализом действующего законодательства. Акцент предполагалось делать на выявлении тенденций развития реализационных возможностей субъектов вещно-правовых отношений. Таким образом, задачи работы были связаны с анализом нового категориального аппарата, выявлением тенденций развития отношений в жилищной сфере. Иными словами, П.В. Крашенинников предполагал разрешать выделенные в его многочисленных работах фундаментальные задачи гражданско-правового регулирования отношений в жилищной сфере на качественно новом этапе его развития.

Среди основных научных выводов, сформулированных в виде выносимых на защиту положений, были: 1) особое место права собственности на жилое помещение среди других разновидностей права собственности; 2) необходимость установления пределов осуществления права собственности специально для такого объекта, как жилое помещение; 3) формирование нового специфического вида долевой собственности — долевой собственности на недвижимость в многоквартирных домах; 4) особое вещное право, закрепляемое за членами семьи собственника жилого помещения. В основу анализа ученым была положена гл. 18 Гражданского кодекса РФ, посвященная определению особого места для права собственности и других вещных прав на жилое помещение. Как известно, именно в немногочисленных статьях этой главы были обозначены пределы права собственности на жилые помещения, уточнены права члена семьи собственника жилого помещения в качестве разновидности вещного права, закреплена долевая собственность на общие помещения собственников многоквартирных домов. П.В. Крашенинников сумел в своем исследовании показать перспективы развития законодательства, в том числе в отношении разновидностей иных вещных прав на жилые помещения. Это стало особенно очевидно позднее, когда отраслевое законодательство уточняло содержание права члена семьи собственника жилого помещения. Выявленные П.В. Крашенинниковым в научном докладе закономер-

ности в развитии права собственности и других вещных прав на жилые помещения помогли избежать неожиданных и нежелательных поворотов в их законодательной регламентации. Проведенный анализ конкретного научного доклада является очевидным свидетельством того, как научная постановка исследовательских задач обеспечивает успех их достижения.

В переходный период развития нашей страны докторскую диссертацию по проблемам гражданского права защитила М.Н. Малеина, в настоящее время профессор кафедры гражданского и семейного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Интерес к тексту ее диссертации вызван в том числе фактом ее принадлежности к династии цивилистов. Ее отец, Н.С. Малеин, внес значительный вклад в развитие отечественного гражданского права, проработав около 40 лет в Институте государства и права АН СССР. Он известен как автор, исследовавший природу гражданского правонарушения, гражданско-правовой ответственности, гражданско-правового статуса физического лица. Диссертация М.Н. Малеиной была защищена еще при жизни отца, в 1997 г. Тема исследования – «Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита)». В орбиту научного анализа была включена большая совокупность прав: право на жизнь, здоровье, физическую и психическую неприкосновенность, благоприятную окружающую среду, право на имя, честь и достоинство, деловую репутацию, индивидуальный облик и голос, право на тайну и неприкосновенность частной жизни, личные неимущественные права исполнителей, авторов произведений науки, литературы искусства, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем. В тексте автореферата М.Н. Малеина не соглашается с закрепленным в нормах Гражданского кодекса РФ (ст. 2) приоритетом имущественных отношений перед личными неимущественными. Она говорит о духовных интересах личности, необходимости их более полной охраны. Со всеми этими положениями невозможно не согласиться, тем более что за ними стоит авторитет И.А. Покровского, на труды которого она ссылается. Что касается формулировок целей работы [17, с. 4], то они определены достаточно кратко, но по существу. Целевая установка исследования виделась М.Н. Малеиной как рассчитанный на перспективу анализ гражданских законов, иных правовых актов и судебной практики. На основе проведенного анализа автор предполагала сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. В п. 11 выносимых на защиту положений было уточнено, что изменения предложены в Основы законодательства РФ об охране

здоровья граждан, Патентный закон, Семейный кодекс РФ, Закон «Об авторском праве и смежных правах», а также в Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Спустя два десятка лет мы видим, что хотя многие законы, в тексты которых предлагалось вносить изменения, и прекратили свое действие, тем не менее выполненная в ходе написания диссертации работа над редакциями отдельных их статей была результативной. Что касается общей проблемы личных неимущественных прав, то работа М.Н. Малеиной внесла значительный вклад в определение перспектив их гражданско-правового регулирования и защиты.

Интерес вызывает докторская диссертация представителя ростовской школы гражданского права В.А. Лапача. Он родился и вырос в г. Ростове-на-Дону, закончил сначала факультет иностранных языков Ростовского государственного педагогического института, а затем с отличием юридический факультет Ростовского государственного университета. Первое образование позволило овладеть пятью иностранными языками и, думается, сказалось на плодотворности и правовых исследований в дальнейшем. Вся трудовая и научная жизнь В.А. Лапача (он прожил 62 года) оказалась связана с Ростовским государственным университетом (ныне Южным федеральным университетом). Докторскую диссертацию он защитил в 2005 г. на тему «Система объектов гражданских прав в законодательстве России». Цель работы у В.А. Лапача [15, с. 4] определена очень изящно: он планировал выявить и описать закономерности построения системы объектов гражданских прав с тем, чтобы прогнозировать дальнейшее совершенствование механизма их правового регулирования. Общая цель была систематизирована постановкой конкретных задач. Во-первых, ученый считал важным выявить значение категории объектов прав для правового регулирования общественных отношений. Во-вторых, предполагалось исследование природы объектов и определение их понятия. В-третьих, выделялась задача исследования объектов прав как системы. В-четвертых, планировалось сделать акцент на исследовании понятия имущества как организационного центра системы объектов гражданских прав. Наконец, ставилась задача формулирования проблемы тождества объектов гражданских прав. Умелая постановка целей и задач позволила ученому сформулировать интересные выводы и изложить их в предусмотренной структурой работы системе. Так, объекты прав В.А. Лапач предложил понимать как абстракции — идеи, воспроизводящие руководящее положение (экономическое и правовое) и обусловленность существования общества и индивида товарным обменом. Объекты гражданских прав ученый считал важным отличать от объектов правоотношений, под которыми он понимал волю и сознание обязанного лица. Объектом

субъективного права, по мысли В.А. Лапача, могут быть такие явления, которые закреплены или признаны позитивным правом. Напротив, вымышленные объекты, хотя и используемые фактически некоторыми участниками рыночного оборота, не могут иметь юридического признания и защиты. В числе признаков объектов гражданских прав В.А. Лапач выделял дискретность и системность, под дискретностью понимая их качественную, в том числе физическую или учетную, определенность, а также обособленность от всех других объектов. Изучение диссертации ученого может быть полезным для начинающего исследователя с точки зрения умения четко сформулировать цели и задачи и последовательно их реализовать в достаточно неординарных правовых конструкциях.

В 2003 г. докторскую диссертацию на тему «Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование» защитил И.А. Блинец. Данное исследование привлекает внимание уже потому, что выполнено человеком, занимавшим руководящие должности, в частности в Министерстве печати РФ, Правлении Российского авторского общества, Федеральной службе России по телевидению и радиовещанию, Российском агентстве по патентам и товарным знакам. И.А. Блинец до недавнего времени был ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности. Цели и задачи докторской диссертации ученый описал достаточно подробно [3, с. 5]. Во-первых, им было отмечено, что предполагается комплексное решение проблем права интеллектуальной собственности, с учетом современных требований, стремительного развития технологий, необходимости гармонизации национального законодательства и приведения его в соответствие с нормами новых международных договоров. Во-вторых, в центр внимания ставились категория интеллектуальной собственности как важнейший фактор экономического, научно-технического и культурного развития, ее эволюция и перспективы развития. В-третьих, предполагалось провести системный анализ соотношения категорий «интеллектуальная собственность», «исключительное право», «право собственности». Наконец, автор придавал немаловажное значение в исследовании определению роли государства в решении вопросов реализации и защиты интеллектуальной собственности. Комплексность вопросов, поставленных при определении цели, позволила автору сформулировать 10 положений, вынесенных на защиту. Так, интеллектуальная собственность в работе была определена как совокупность прав на объективно выраженный результат интеллектуальной деятельности. Объекты права интеллектуальной собственности, по мнению И.А. Блинеца, во многих случаях являются вещами, но их состав вещами не исчерпывается, поскольку

является более широким и сложным. Автор считал возможным распространить понятие имущества на объекты, которые не являются вещами, но имеют материальную ценность (знания, информация, особые умения). А.И. Близнец доказывал, что природа права интеллектуальной собственности существенно отличается от исключительных прав, поскольку находится в тесной связи с конституционным правом граждан на доступ к культурным ценностям, на пользование достижениями культуры, науки и техники. Институт права интеллектуальной собственности И.А. Близнец охарактеризовал как комплексный, а попытку его регулирования в рамках отрасли гражданского права — недостаточной. Наконец, в диссертации была обоснована необходимость и целесообразность создания Кодекса интеллектуальной собственности. Подчеркнем, что далеко не со всеми положениями диссертации И.А. Близнеца можно согласиться, поскольку они носят ярко выраженный дискуссионный характер. Особенно это касается понимания права собственности, вещного права, имущества, т.е. фундаментальных понятий гражданского права. Тем не менее представленную работу и ее выводы надо иметь в виду, в том числе потому, что ее автор долгие годы занимал лидирующие позиции в науке, по существу возглавляя это направление исследований и работу молодых ученых, посредством защиты диссертаций, в нашей стране.

В 2011 г. диссертацию на тему «Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве» защитил А.Г. Карапетов. Научным консультантом исследования был В.В. Витрянский. Кроме того, как представляется, важным обстоятельством для обеспечения качества работы было обучение А.К. Карапетова на юридических курсах в Лейденском университете (Голландия). В работе сформулирована общая цель и вытекающие из нее задачи. Так, основную цель [11, с. 3] автор видел в раскрытии максимально широкого спектра проблем института расторжения нарушенного договора на основе выявленных тенденций его развития в зарубежном праве и актах международной унификации договорного права. В качестве основных задач были выделены, во-первых, изучение, систематизация и определение основных тенденций развития института нарушенного договора в зарубежном праве; во-вторых, сопоставление зарубежного опыта с регулированием данных отношений в нашей стране для того, чтобы определить совпадения и различия; в-третьих, разработка общей доктрины расторжения нарушенного договора и определение места данного института в системе средств защиты прав кредитора. Наконец, автор ставил задачу выработки предложений по оптимизации регулирования расторжения нарушенного договора в России. Надо

отметить, что поставленные задачи автором были последовательно реализованы. В работе сформулирован вывод о том, что плодотворным было бы использование зарубежного опыта регламентации исследуемого института, состоящего в признании права кредитора на внесудебный отказ от нарушенного договора в качестве общего правила. Доказано, что односторонний внесудебный отказ, предусмотренный в качестве общего правила, отвечает условиям времени и наиболее адекватен справедливому балансу интересов сторон. Судебный режим расторжения нарушенного договора, по мнению автора, может являться оправданным только в отдельных случаях, в частности при нарушении арендатором договоров аренды недвижимости, а также для расторжения отдельных видов потребительских договоров при их нарушении потребителем. В работе уточнено, что внесудебное расторжение нарушенного договора может быть реализовано только при наличии существенности нарушения, что должно являться важным условием для предотвращения злоупотребления правом. Наконец, в диссертации предложен список из более 20 факторов, которые могут быть оценены законодательством или судебной практикой как существенные нарушения. И в этом случае, как представляется, описание цели и полученных результатов вполне отвечает критерию научности представленного к защите исследования.

В целом анализ диссертаций, защищенных в переходный к рыночным отношениям период, свидетельствует о том, что, во-первых, для защиты избирались фундаментальные проблемы развития науки гражданского права, важные для ее развития в определенный период социально-экономического развития. Во-вторых, авторы умело формулировали цели и задачи, обеспечивая их успешную реализацию. В-третьих, на примерах рассмотренных диссертаций очевиден вывод о том, что постановка цели и ее достижение являются наиважнейшим критерием научности проведенного исследования.

Постановка целей научного исследования в авторефератах диссертаций, защищенных в 2018–2019 гг.

Какими тенденциями характеризуется современный период развития науки? Думается, можно выделить по крайней мере четыре. Первая — это сокращение общего числа ученых-исследователей в России. За последние годы оно (сокращение) составило порядка 6%. При этом больше всего ученых сократилось в естественных и технических сферах, а число исследователей в общественных науках, наоборот, за последние годы выросло (почти на 33%). Если исходить из количества диссертаций, защищенных по специальности 12.00.03, то за последние

годы наблюдается небольшое сокращение: так, если в 2017 г. было защищено 84 диссертации, то в 2018 г. — 78, а в 2019 г. — 77. Вторая тенденция — это положительное влияние на качество работ, представляемых к защите, работы «Диссернета». База данных сообщества содержит тысячи экспертиз кандидатских и докторских работ. Собранная база данных позволила выявить внутренние механизмы работы сети по производству плагиата. Выявлены недобросовестные журналы. Составлены доклады, в которых представлены списки недобросовестных в научном отношении руководителей вузов, судей. «Диссернет» подает сотни заявлений о лишении ученых степеней кандидатов и докторов наук. Безусловно, эта работа приносит свои плоды. Однако находятся новые приемы и методы, позволяющие обходить контроль со стороны «Диссернета». Третья тенденция — это сокращение количества диссертационных советов, больше половины которых сосредоточено в Москве. На остальные города России приходится такое же количество советов, сколько создано в столице нашей страны. И это обстоятельство предопределяет некий дисбаланс, хотя в таких городах, как Саратов, Казань Екатеринбург, Санкт-Петербург, Владивосток, Новосибирск, Красноярск, Томск, Ульяновск, на базе созданных диссертационных советов в 2019 г. происходила защита диссертаций по специальности 12.00.03. Четвертая тенденция связана с разнообразием тематики представленных к защите работ. Важно отметить, что значительное количество работ, защищенных в последние годы, было посвящено сравнительно-правовому анализу российского законодательства с законодательством зарубежных стран. Много диссертаций написано по проблемам искусственного интеллекта, развития цифровых прав. Одновременно сохраняют актуальность темы, связанные со способами обеспечения исполнения обязательств, вещными правами и правом собственности, наследственным правом и защитой интересов правообладателей при нарушении их исключительных прав.

Нас будет интересовать анализ диссертаций, защищенных в 2018—2019 гг., с точки зрения целей, сформулированных в их авторефератах, а если точнее, возможно ли на качественно новом этапе развития цивилистической науки обнаружить примеры недостаточной проработки целеполагания. Обратимся к текстам пяти авторефератов, положенные в основу которых диссертации были защищены в различных диссертационных советах. Так, Г.Б. Хазиева защитила в 2019 г. диссертацию на тему «Гражданско-правовая охрана сценарных произведений в Российской Федерации». В автореферате говорится, что гражданско-правовая охрана сценарных произведений имеет большое значение, поскольку они включают и кинематографические произведения, и театрально-зрелищные представления, а также мультимедийные

продукты, квесты, концертные и другие зрелищные мероприятия. О важности охраны свидетельствует и судебная практика, показывающая прирост дел по данной категории на 230%. Однако цель работы обозначена настолько кратко, что нет возможности оценить, какие конкретно проблемы, связанные с формированием механизмов гражданско-правовой охраны, предполагает решать автор [25, с. 6]. Одно предложение, сформулированное в автореферате, гласит, что цель состоит в «формировании целостного научного представления о гражданско-правовой охране сценарных произведений». Думается, что недостаточная проработка цели повлияла и на формулировку итоговых выводов, только два из которых посвящены собственно проблеме гражданско-правовой охраны сценарных произведений (п. 4, 5 выносимых на защиту положений).

Обратимся к автореферату Н.Н. Владимирова, защитившего в 2019 г. диссертацию на тему «Договорные конструкции аренды земельных участков в законодательстве России и государств Евразийского экономического союза: сравнительно-правовое исследование». Очень подробно автор описал актуальность избранной темы, подчеркнув ее социально-экономический, правотворческий, правоприменительный и доктринальный аспекты. А вот сведения о цели изложены в представленном автореферате более чем скупно [5, с. 8]. При этом формулировка, по сути, повторяет формулу Г.Б. Хазиевой, только применена к договору аренды земельных участков. Автор предполагал тоже составить об этих конструкциях «целостное представление». И здесь отсутствие четко сформулированных цели и задач повлияло на достижение конечного результата — формулировки научных выводов. Так, среди выносимых на защиту положений можно обнаружить пункт, посвященный праву застройки, которое, как известно, никак не может быть отнесено к обязательственному праву аренды.

В качестве примера можно использовать и автореферат диссертации Г.Д. Фатхутдиновой на тему «Охрана прав потребителей в банковских отношениях». Интересная тема, автор приводит любопытную статистику, свидетельствующую об экономической составляющей ее актуальности. Очевидна система проблем, требующих своего разрешения с помощью механизма гражданско-правового регулирования. Однако цель исследования сформулирована также предельно кратко и, по сути, с использованием некоего трафарета, выработанного предшественниками по уже состоявшимся защитах [24, с. 5]. Г.Д. Фатхутдинова решила сформировать «целостное научное представление», но уже о системе гражданско-правовых средств охраны прав потребителей с учетом особенностей банковских отношений. Таким образом, и здесь по содержанию автореферата невозможно

определить, сформированной оказалась задуманная система или нет, поскольку критерий «целостности» представления автором так и остался нераскрытым.

Иллюстрацией складывающейся ситуации отношения к постановке цели исследования может быть автореферат диссертации Д.Г. Копылова, выполненной на тему «Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций». При обосновании актуальности темы автор замечает, что комплексные исследования способов приобретения обществом своих акций отсутствуют, поэтому в диссертации такие способы будут выявлены и предложена их классификация. Однако формулировка цели работы, повторяя уже сказанное в части обоснования актуальности, гласит, что предполагается «изучение» способов приобретения обществом собственных акций, а также особенностей их правового режима [12, с. 8].

Наконец, примером предельной краткости формулировки целеполагания может быть автореферат диссертации И.С. Рудакова на тему «Субъектный состав залогового правоотношения», защищенной в 2018 г. Одна строчка, отведенная на этот пункт автореферата, гласит, что целью является всестороннее исследование субъектного состава залогового правоотношения [21, с. 7].

Подводя итог, следует заключить, что молодым авторам есть у кого поучиться, в том числе в определении целей диссертационного исследования. Ведущие цивилисты разных поколений оставили нам образцы фундаментального отношения к постановке задач, предусматривающих неизменно открытие закономерностей гражданско-правового регулирования.

Основные результаты методологического исследования

Проведенное исследование позволило последовательно ответить на вопросы, сформулированные в его введении:

1. Постановка цели исследования по гражданскому праву является важнейшим вопросом, входящим в предмет методологии цивилистического исследования.

2. Философская наука хотя и не сразу, но пришла к выводу о том, что целеполагание исследования является необходимым критерием оценки его качества.

3. Определение науки включает целеполагание в перечень существенных ее признаков.

4. Выделенные условно этапы развития российской цивилистической науки свидетельствуют о различном отношении ученых к формулировкам целей и задач.

5. Ведущие цивилисты страны неизменно показывали образцы формулировок целеполагания, которые могут быть плодотворно использованы новым поколением молодых ученых.

6. Анализ авторефератов диссертаций, защищенных в 2018–2019 гг., позволил заключить, что в целом ряде случаев авторы достаточно формально относились к постановке цели, что в конечном счете негативно сказалось на системе выводов и положений, выносимых на защиту.

7. Таким образом, можно сделать вывод, что постановка цели исследования и последовательное ее достижение являются наиважнейшим критерием его научности.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.

2. *Баринов Н.А.* Гражданско-правовые проблемы удовлетворения потребностей граждан: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1989. 35 с.

3. *Близнец И.А.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. 14 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт. 2000. 1536 с.

5. *Владимиров Н.Н.* Договорные конструкции аренды земельных участков законодательстве России и государств Евразийского экономического союза: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 29 с.

6. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.

7. *Голубцов В.Г., Кузнецова О.А.* Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 53–77.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков (А. Мамонтов), 1863. 1351 с.

9. *Ем В.С.* Категория обязанности в советском гражданском праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 25 с.

10. *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство. 1994. 367 с.

11. *Каранетов А.Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 48 с.

12. *Копылов Д.Г.* Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2019. 32 с.
13. *Конфуций.* О любви. М.: АВ Паблишинг, 2015. 38 с.
14. *Крашенинников П.В.* Современные проблемы права собственности и иных вещных прав на жилые помещения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. 39 с.
15. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав в законодательстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 16 с.
16. *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
17. *Малеина М.Н.* Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): автореф. дис ... докт. юрид. наук. М., 1997. 15 с.
18. *Медведев Д.А.* Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. 24 с.
19. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцовой. 26-е изд. М.: Оникс, 2010. 736 с.
20. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева; под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 528 с.
21. *Рудаков И.С.* Субъектный состав залогового правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 21 с.
22. *Сергеев А.П.* Гражданско-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1990. 40 с.
23. *Суханов Е.А.* Общие тенденции развития гражданского права зарубежных европейских стран — членов СЭВ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1986. 50 с.
24. *Фатхутдинова Г.Д.* Охрана прав потребителей в банковских правоотношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 21 с.
25. *Хазиева Г.Б.* Гражданско-правовая охрана сценарных произведений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 27 с.
26. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского Т. 20. СПб.: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1987. 964 с.

References

1. *Aristotel. Sobrańie sochinenii: v 4 t. T. 1* [Collected Works. In 4 vols. Vol. 1]. Moscow, 1976. 550 p. (In Russ.)

2. *Barinov N.A. Grazhdansko-pravovye problemy udovletvoreniia potrebnosti grazhdan: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Civil Law Problems of Meeting the Needs of Citizens: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1989. 35 p. (In Russ.)

3. *Bliznets I.A. Pravo intellektual'noi sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Intellectual Property Law in the Russian Federation: Theoretical and Legal Research: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 14 p. (In Russ.)

4. *Kuznetsov S.A. (ed.). Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo iazika* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, 2000. 1536 p. (In Russ.)

5. *Vladimirov N.N. Dogovornye konstruksii arendy zemel'nykh uchastkov v zakonodatel'stve Rossii i gosudarstv Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuzha: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: avtoref. dis ... kand. iurid. nauk* [Contractual Structures for Lease of Land Plots in the Legislation of Russia and the States of the Eurasian Economic Union: a Comparative Legal Study: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 29 p. (In Russ.)

6. *Hegel G.W.F. Nauka logiki: v 3 t. T. 3* [Science of Logic. In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, 1972. 371 p. (In Russ.)

7. *Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. Tsel' tsivilisticheskogo dissertatsionnogo issledovaniia* [Civil Thesis Research Purpose]. In *Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual]. Moscow, 2016. Pp. 53–77. (In Russ.)

8. *Dal V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazika. Chast' 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part 2]. Moscow, 1863. 1351 p. (In Russ.)

9. *Em V.S. Kategoriiia obiazannosti v sovetskom grazhdanskom prave: voprosy teorii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Category of Duty in Soviet Civil Law: Theoretical Questions: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1981. 25 p. (In Russ.)

10. *Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniia* [Criticism of the Ability to Judge]. Moscow, 1994. 367 p. (In Russ.)

11. *Karapetov A.G. Osnovnye tendentsii pravovogo regulirovaniia rastorzheniia narushennogo dogovora v zarubezhnom i rossiiskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The Main Trends in the Legal Regulation of the Termination of a Violated Agreement in Foreign and Russian Civil Law: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 48 p. (In Russ.)

12. *Kopilov D.G. Pravovoe regulirovanie priobreteniia obshchestvom razmeshchennykh aktsii: avtoref. dis. ...kand. iurid. nauk* [Legal Regulation of the Acquisition of Placed Shares by the Company: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 32 p. (In Russ.)

13. *Confucius. O liubvi* [About Love]. Moscow, 2015. 38 p. (In Russ.)
14. *Krashennnikov P.V. Sovremennye problemy prava sobstvennosti i inyykh veshchnykh prav na zhilye pomeshcheniya: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Modern Problems of Property Rights and other Property Rights to Residential Premises: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997. 39 p. (In Russ.)
15. *Lapach V.A. Sistema ob"ektov grazhdanskikh prav v zakonodatel'stve Rossii: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Objects of Civil Rights in the Legislation of Russia: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 16 p. (In Russ.)
16. *Leibniz G.W. Sochineniya: v 4 t. T. I* [Works. In 4 vols. Vol. 1]. Moscow, 1982. 636 p. (In Russ.)
17. *Maleina M.N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan (poniatie, osushchestvlenie, zashchita): avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Personal Non-Property Rights of Citizens (Concept, Implementation, Protection): Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997. 15 p. (In Russ.)
18. *Medvedev D.A. Problemy realizatsii grazhdanskoi pravosubektnosti gosudarstvennogo predpriyatiya: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Problems of the Implementation of Civil Legal Personality of a State Enterprise: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1990. 24 p. (In Russ.)
19. *Ozhegov S.I.; Skvortsova L.I. (ed.). Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 26th ed. Moscow, 2010. 736 p. (In Russ.)
20. *Platon; Losev A.F., Asmus V.F., Takho-Godi A.A. (eds.); Averintsev S.S. (trans.). Sbranie sochinenii: v 4 t. T. 2* [Collected Works. In 4 vols. Vol. 2]. Moscow, 1993. 528 p. (In Russ.)
21. *Rudakov I.S. Sub"ektnii sostav zalogovogo pravootnosheniya: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Subject Composition of the Mortgage Relationship: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 21 p. (In Russ.)
22. *Sergeev A.P. Grazhdansko-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostey: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Civil Protection of Cultural Property: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1990. 40 p. (In Russ.)
23. *Sukhanov E.A. Obshchie tendentsii razvitiya grazhdanskogo prava zarubezhnykh evropeiskikh stran — chlenov SEV: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [General Trends in the Development of Civil Law in Foreign European Countries — CMEA Members: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1986. 50 p. (In Russ.)
24. *Fatkhutdinova G.D. Okhrana prav potrebiteli v bankovskikh pravootnosheniakh: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Protection of Consumer Rights in Banking Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 21 p. (In Russ.)
25. *Khazieva G.B. Grazhdansko-pravovaya okhrana stsennyykh proizvedeniy v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Civil Protection of

Scenario Works in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 27 p. (In Russ.)

26. *Andreevskii I.E., Arseniev K.K., Petrushevskii O.O. (eds.). Entsiklopedicheskii slovar. T. 20* [Encyclopedic Dictionary. Vol. 20]. Saint Petersburg, 1987. 964 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Л.В. Щенникова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права,
Кубанский государственный университет
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ORCID: 0000-0002-1972-2287

ResearcherID: H-3447-2016

Information about the author:

L.V. Shchennikova

Kuban State University
149 Stavropolskaia St., Krasnodar, 350040, Russia

ORCID: 0000-0002-1972-2287

ResearcherID: H-3447-2016

**PHILOSOPHICAL BATTLE AGAINST MORAL HAZARD:
DO WE NEED LAW METHODOLOGY CHANGE
FROM “ALL OR NOTHING PRINCIPLE”
TO “PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY”?**

Olavi-Jüri Luik

University of Tartu

E-mail: olavijuri.luik@gmail.com

Mats Volberg

University of Tartu

E-mail: mats.volberg@ut.ee

Introduction: *this article looks into the central problem in insurance law, where the principle of “all or nothing” applied by insurance providers and legislators to moral hazard (if the risks of people are covered with insurance contracts then the people often change their risk behavior to involve higher risks by presuming that the concluded insurance contract always covers the loss incurred) is being replaced by the principle of proportionality in the modern insurance law of Western countries. **Purpose:** to identify significant methodological changes in determining the scope of performance of an insurance provider’s obligation caused by the application of the principle of proportionality. **Methods:** the authors use the approach of the Baltic Sea States (e.g. Estonia, Lithuania, Russia and Finland) and PEICL (Principles of European Insurance Contract Law¹) in a comparative approach, analyzing the respective paradigmatic methodological shift (which currently among the named countries is directly reflected only in the Finnish Insurance Contract Act²) in the context of practical philosophy. **Results:** the paper demonstrates the necessity to change the paradigmatic legal methodology, according to which the principle of “all or nothing” would be replaced by the principle of proportionality.*

¹ The objective of PEICL (text available online at <https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/forschung/evip/restatement/draft.html>) was to attempt to harmonize the insurance law of European Union member states as a so-called 2 regime law, where the parties could have decided upon conclusion of the insurance contract whether the domestic insurance law or PEICL would apply. The named project, led by academic personnel, unfortunately did not materialize. However, the developed draft can be regarded as the best development under insurance law in the European Union. See more at <https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/forschung/evip/restatement/>.

² Vakuutusopimuslaki [Finnish Insurance Contract Act] No. 28.6.1994/543 // <http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1994/19940543> (in Finn.).

Keywords: insurance law; moral hazard; “all or nothing” principle; proportionality principle.

ФИЛОСОФСКАЯ БИТВА ПРОТИВ РИСКА НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ: НУЖНО ЛИ МЕНЯТЬ МЕТОДОЛОГИЮ ПРАВА С ПРИНЦИПА «ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО» НА ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ?

Олави-Джури Луик

Университет Тарту

E-mail: olavijuri.luik@gmail.com

Матс Волберг

Университет Тарту

E-mail: mats.volberg@ut.ee

Введение: в данной статье рассматривается центральная проблема страхового права, когда принцип «все или ничего», применяемый страховщиками и законодателями по отношению к риску недобросовестности (если риски граждан покрываются договорами страхования, то граждане часто меняют свое поведение в отношении рисков и идут на более высокие риски, предполагая, что заключенный договор страхования всегда покроет понесенный ущерб), заменяется принципом пропорциональности в современном страховом праве западных стран. **Цель исследования:** выявить существенные методологические изменения в определении объема исполнения обязательств поставщиком страховых услуг при применении принципа пропорциональности. **Методы:** авторы используют подход государств Балтийского моря (например, Эстонии, Литвы, России и Финляндии) и PEICL (Принципы европейского договорного страхового права¹) в сравнении, анализируя соответствующий парадигматический методологический сдвиг (который среди названных стран в настоящее время отражен только в Законе Финляндии о дого-

¹ Задача PEICL (текст опубликован по ссылке: <https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/forschung/evip/restatement/draft.html>) состояла в попытке гармонизировать страховое право государств — членов Европейского союза в качестве так называемого законодательства двойного режима, когда стороны могли бы решить при заключении договора страхования, будет ли применяться национальное страховое право или PEICL. Указанный проект, представленный по инициативе научно-преподавательского состава, к сожалению, не был воплощен в жизнь. Однако разработанный проект можно считать лучшей разработкой в страховом законодательстве Европейского союза. Дополнительную информацию см. по ссылке: <https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/forschung/evip/restatement/>.

воре страхования¹⁾ в контексте практической философии. **Результаты:** в статье показана необходимость изменения парадигматической правовой методологии, согласно которой принцип «все или ничего» был бы заменен принципом пропорциональности.

Ключевые слова: страховое право; риск недобросовестности; принцип «все или ничего»; принцип пропорциональности.

Introduction

In economics and insurance, a situation where a person can influence the chance of an event happening where the costs of that event are borne by another person is called moral hazard. This creates a problem for the person who will bear the costs. Take the case of free health insurance provided by the state: if I know that when I get sick my healthcare costs are covered by the state, then I have very little economic incentive to take care of my health. Thus, the state ends up spending more on healthcare than it would have otherwise if people had economic incentives to reduce the risks of getting sick. The usual response to situations where moral hazard arises is to create new incentives. This line of thinking has led to the application of the “all or nothing” principle in insurance: in order to provide individuals with incentives which would make it less likely that the moral hazard of risky behavior occurs, the insured person will not be indemnified even in the slightest case of them having some responsibility for the insurance event.

While there is empirical evidence to suggest that people do in fact change their behavior [see, e.g., 12; 19], the authors believe that this line of thinking is mistaken.

Section 1 of the paper elaborates on the nature of the moral hazard argument and Section 2 describes the traditional response to it: the application of the “all or nothing”. Sections 3 to 5 cover arguments which all point to flaws in the moral hazard argument and thus show why the application of the “all or nothing” principle is not fully justified. Section 6 will present the case for the proportionality principle along with empirical description of its application in some jurisdictions.

The following assumes that we are excluding cases of intentional insurance fraud and other acts of bad faith. Regardless of the following arguments, in cases where people are deliberately trying to cheat the system, we ought to hold them fully responsible.

¹ Vakuutusopimuslaki [Закон Финляндии о договоре страхования] No. 28.6.1994/543 // <http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1994/19940543> (на финском языке).

Moral Hazard Argument

An insurance contract as an *aleatory* contract (in case of an *aleatory* or risky contract it is unclear, which of the contracting parties will lose and which will win) is bilateral: the main obligation of the policyholder is to pay insurance premiums while the main obligation of the insurance provider is to compensate for the loss incurred with the materialization of the insurance risk. Insurance premium is the price of risk – *pretium periculi*. Conclusion of an insurance contract does not mean that the policyholder is exempt from normal and usual diligence. In case of an existing insurance contract, the policyholder must apply elementary measures to avoid loss as they would in case they had not concluded an insurance contract. Insofar as the insurance contract has been concluded to compensate for unexpected and unforeseen damage and with the presumption that the policyholder behaves as usual, then the insurance provider wishes the policyholder not to change their behavior after the conclusion of the insurance contract. This is an issue of *moral hazard*:¹ the tendency of people to change their behavior when some of the risks of their behavior are borne by others, not by them, also in case the risks have been insured [7].

In order to make sure that policyholders would not change their risk behavior, insurance providers lay down in the standard clauses of the insurance contract the obligation to notify about changes in risk circumstances, precautionary measures, obligation to reduce damage in case of occurrence of an insured event – the purpose of these obligations² is to maintain the stability of the insurance contract: a change in the risk behavior of the policyholder during the insurance period will lead to *asymmetric information*³ i.e. a situation, where the details of the risk (forming the basis of insurance premium

¹ In insurance theory (and economic theory) it is a situation, where one party is ready to assume higher risks due to the activities of the other party. For example, insurance providers fear that due to the existence of an insurance contract, policyholders might behave more recklessly than they would behave if there was no insurance contract. See, for example, [5, p. 12].

² In the following, the authors will also discuss cases, where the insurance providers have handled the topic of risk circumstances as risk exclusions, i.e. situations which as if are not covered with insurance. In the authors' view such approach is incorrect from the aspect of insurance theory, and such general conditions should be considered as void general conditions according to the /contra proferentem/ rule. In case of risk exclusion, events which are not covered by insurance protection, are stated in the contract. Neither of the contracting parties may be blamed for objective occurrence of a circumstance named under risk exclusions. The applicant and insurance provider have simply agreed in concluding the insurance contract that specific circumstances are either not covered by insurance (if the insurance risk is limited) or are excluded from insurance coverage (if an all risks insurance contract is concluded).

³ In insurance theory (and economic theory) it is a situation, where one contracting party is better informed than the other. This entails an unbalanced transaction. Examples of this problem are *adverse selection*, *moral hazard*, and monopoly of information. See, for example, [6].

calculation) as presumed by the insurance provider upon conclusion of the insurance contract (assessment and acceptance of the insurance risk) are no longer reflecting the reality, i.e. a situation of *adverse selection*¹ for the insurance provider.²

The Traditional Response to the Moral Hazard Argument: “All or Nothing” Principle

Herman Cousy has claimed that: *“traditionally, insurance contract law was characterised by radical punitive sanctions, governed by an ‘all-or-nothing’ logic. This logic has changed as a result of an incorporation of a consumerist approach: more and more, punitive sanctions have been replaced by more proportionate ones, misbehaviour is only sanctioned insofar as it has caused the insured event to happen, duties and sanctions have been bilateralised, and sanctions are now limited to those instances where a high degree of intention or culpability can be detected. Ultimately, these changes have accounted for the hybrid nature of modern insurance contract law as a move away from business law towards consumer law”* [8, p. 123–131].

Implementing the “all or nothing” principle creates a situation, where the insurance provider is discharged from its performance obligation (on account of a) increase of insurance risk, b) failure to observe safety requirements, c) failure to observe post-event obligations or d) risk exclusions³ by the policyholder) while keeping the insurance premiums. The form of fault of the policyholder also has a significant role primarily in case of failure to observe safety requirements and post-event obligations (insurance risk can increase also on account of objective reasons beyond control of the policyholder and in such

¹ In insurance theory this is a situation, where the parties of an insurance contract are affected by asymmetric information. See, for example, [15, p. 1223–1281]. The Lithuanian researcher of law Tomas Kontautas has pointed out (available online: <https://pdfs.semanticscholar.org/23c4/17f60d4f195723c1fc1b7b99137270d69423.pdf>, p. 6): *“If the policyholder has better knowledge about his risk level than the insurer it is difficult for the latter to assess the risk level (high or low) of the particular policyholder. The insurer has to set the premium somewhere in between the premium for high-risk policyholders and low-risk policyholders. Consequently, high-risk policyholders will pay less and low-risk will pay more than it should be without asymmetry in information about risk levels. Because of the rise in insurance premiums low-risk policyholders will decide not to purchase insurance at all; they will leave the market. This phenomenon is called adverse selection”*.

² For a philosophical discussion on this issue see [10].

³ The authors indicate that insurers also misuse risk exclusions. Risk exclusion is a situation, which is not covered by insurance protection and therefore the insurer has no indemnification obligation. Risk exclusion should be an objective circumstance. None of the contracting parties should be blamed for the occurrence of a risk exclusion as an objective circumstance. The applicant and insurance provider have simply agreed upon conclusion of the insurance contract that certain circumstances or risk exclusions are excluded from insurance coverage. Situations involving wrongful behavior of the policyholder (such as observance of fire safety requirements, traffic rules, etc.) should be covered not by risk exclusions, but by safety requirements.

case the effective law also foresees discharge of the insurer from its performance obligation). A general rule in the insurance says that payment of indemnity is ruled out in cases of intent. For example, the Estonian Law of Obligations Act¹ § 452 (1) lays down that an insurer shall be released from the performance obligation if the policyholder, the insured person or the beneficiary intentionally caused the occurrence of the insured event. Any agreement which derogates from this requirement is void. The ideology behind the exclusion of intent is to exclude indemnification of loss in case of insurance fraud (it can be considered reasonable that a policyholder should not be “rewarded” for intentionally causing the insurance event to happen, if the goal of the intent was to get hold of the indemnity. However, intent can also arise from other circumstances – intent can be targeted at causing an event for non-indemnity reasons (such as willful damaging of own property in a fit of anger) or be caused by mental disorders. In Estonian legal literature [18, p. 492] it is pointed out that the Law of Obligations Act § 452 (1) does not prohibit agreements, whereby the insurance provider is exempt from the indemnity obligation, if the policyholder has caused the loss due to gross negligence. Unfortunately, the insurance and judicial practice in Estonia, Lithuania and Russia shows that even an ordinary negligence on behalf of the policyholder can become a basis for forfeit to indemnity. For example the Moscow Arbitration Court in their 17.10.2017 decision in case No. A40-40561/14 found that a sufficient argument for full discharge of an insurer from performance obligation is when a policyholder has infringed fire safety requirements (such infringement was treated in the insurance contract as an exclusion of risk²). Tallinn District Court in their 20.12.2019 case No. 2-18-4552 discussed a case, where the insurance provider refused to indemnify from voluntary motor vehicle insurance damages caused by a collision with a moose insofar as the driver did not call the police to the accident site. The court of first instance was in favor of insurer’s right to refuse, but the district court satisfied the claim of the policyholder. Vilnius District Court in their 05.07.2019 decision No. e2A-729-603/2019³ for example has been in favor of discharging the insurer from indemnification in a situation, where a car was stolen together with documents that were left in the car – in the given court case the failure to submit documents after the theft was presented as an exclusion of risk.⁴

¹ Available in English: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/515012020004/consolide>.

² In the authors’ opinion, the given situation should be solved through precautionary measures (fulfilment/non-fulfilment of which is assessed), and not through risk exclusion. Risk exclusion should be an objective circumstance – whether a risk is insured or not.

³ Available online: <https://eteismai.lt/byla/6228885518339>.

⁴ Also, in this case the authors find that this could be only considered as a violation of precautionary measures, not as an exclusion of risk. Courts should have declared the respective general condition of risk exclusion void on the grounds of the *contra proferentem* rule.

It is precisely due to negligence that insurance contracts are often entered into. We could argue that in a situation where the insurer's performance obligation is also precluded in case of negligence, the degree of fault and its consequences do not correspond in terms of the proportionality the parties would have achieved if they had negotiated the terms of contract. This represents the case of ignoring the *principle of transparency*¹ and thus the court should, based on the *contra proferentem* rule, not accept the insurer's release from the performance obligation.

The authors point out that even without an insurance contract, people sometimes tend to be negligent. From the aspect of the application of sanctions, how to differentiate between a change in risk behavior caused by insurance contract and a normal risk behavior? Shouldn't the insurance providers include the risk of people not always being "perfect" already in their calculated insurance premiums?

The Underlying Assumptions of Moral Hazard Argument

The moral hazard argument makes few controversial assumptions. First, the argument assumes that people are rational utility maximizers who are estimating the cost, benefits, and risks associated with the choices open to them and then make decisions based on expected utility. One might reply that the empirical data on the existence of changes in behavior in moral hazard situations would suggest otherwise, but that would miss the point. The authors are not denying that people respond to moral hazard situations, what the authors are doubting is that this change in behavior is a conscious decision and therefore worthy of "punishing". It seems obvious that if a person knowingly and intentionally increases their risk since they know that the costs are borne by somebody else, then that is different from a situation in which people unconsciously change their behavior. In one situation the application of the "all or nothing" principle is much more justified than in another. At best, only the most hardcore actuaries might fit the standard of fully rational utility maximizer, and even they would not meet that standard all the time, let alone the "common person".

Second, even if we accept that people are rational utility maximizers who adopt their behavior for an environment of changed incentives, then in order to put the full responsibility on the person it would have to be the case that the person can reasonably assess the change in the environment. Let us assume that the person had a 50% disposition to take an action with 20% chance of

¹ The *principle of transparency* should be understood as a considerably stricter minimum requirement set out in the law for the author of general terms and conditions where the requirement cannot be met just by formulating the terms and conditions in good faith and understandably to a reasonable policyholder.

an accident happening, once the person obtains insurance then the economic cost for the event is transferred to the insurance company. Given that the person still would bear the other costs associated (the administrative cost to file the insurance claim, the personal disutility from the accident itself etc.) the person could not increase their disposition to 100%, but what would be the proper disposition in this situation? Is there a reliable way to assess it and thus change one's behavior? While this might be the case in some situation, if enough details are filled in, we couldn't reasonably expect that it would be the case in all situations. Therefore, again we would be in a place where we cannot assign conscious and intentional acts to the person given that they would be working with incomplete information, thus our propensity to "punish" them with the application of the "all or nothing" principle would not be fully warranted.

Peter Vallentyne's Model of Person-Responsibility

Next, let us turn to the concept of responsibility. The whole issue of moral hazard essentially comes down to responsibility: if and to what extent should we hold a person accountable for their actions.¹ As we have seen the standard approach is to say that they are either fully responsible (and thus will not get indemnified) or they are not responsible at all (and thus will get indemnified). The authors will argue, drawing on a paper written by Peter Vallentyne [16], that this approach is mistaken since it does not take into account all the relevant intricacies of responsibility. Vallentyne [16, p. 58–59] distinguishes between agent-responsibility, causal-responsibility and moral responsibility. The last of these relates to the person's substantive moral duties and liabilities given the occurrence of an event. Because this is a substantive moral question, whether a person is morally responsible for the event will be different depending on which moral theory we adopt. Causal-responsibility refers to the person playing meaningful causal role in the event happening, while agent-responsibility refers to the person being responsible to "*the extent [that the outcome] suitable reflects the exercise of her agency.*" One kind of responsibility need not mean the other kinds. The example Vallentyne uses is flicking a light switch which unbeknownst to the person is set to explode a bomb: there clearly is causal-responsibility but not agent-responsibility.

What follows from making these distinctions is that to hold a person accountable for their actions we need to establish, at the bare minimum, that they are both person- and causally-responsible. As Vallentyne [16, p. 62] writes: "*In order for an individual to be responsible for an outcome, three general conditions must be satisfied: (1) an autonomy condition, that is,*

¹ See, for example, [4].

she must make a suitably autonomous choice, (2) a causal condition, that is, the outcome must be suitably causally related to the choice, and (3) a belief condition, that is, she must have (or should reasonably have) a suitable belief that the outcome is so related."

What we get from this is a way to assign responsibility for an event when the freely chosen and informed choices of the person *increase the probability* of the event. Such a model of assigning responsibility allows to capture the intuition that what is important when an event occurs is both the objective brute chance of it happening and the choice element of the person involved. This can be illustrated by using a modified version of an example case that Vallentyne [16, p. 75] uses. Imagine two persons having to choose which of the two roads to take. One of them is 99% disposed to take the shorter road and the other is 1% disposed to take the shorter road. There is a very low chance (let us say 0,01%) of being mugged on the shorter road and there is no chance of it on the longer road, both persons are fully aware of these chances. If they both choose the shorter road and both get mugged, then following the reasoning behind the moral hazard argument we would have to conclude that the outcome is entirely due to choice (since the background conditions for both persons were the same). But at the same time, it would seem odd to treat both persons equally since one had a massively higher chance of choosing to take the riskier road than the other, thus when the risk realized for both of them then the role each person played in it was very different. And any model of responsibility should be able to account for that difference.

Now, imagine again two persons choosing which road to take, but this time there are three roads with the chance of mugging increasing as the roads get shorter. If one person chooses the middle road and the other person chooses the shortest road and they both get mugged then we should still keep in mind that the second person made a choice that increased the chance of being mugged more than the choice made by the first person. Thus, even if they both got mugged, we can intuitively say that one had a larger contribution to that event occurring than the other. And again, we find that any model of responsibility should be able to reflect that fact. These two example cases differ from cases where an person makes a choice under certainty, i.e., they know for a fact the outcome of their choice, then we can say that the increase in the chance of an event happening is fully caused by the person thus the responsibility for the event is also fully borne by the person.

Once we adopt this model of responsibility offered by Vallentyne [16] the clear conclusion is that the blunt thinking behind the moral hazard argument will not fly anymore. Even if it will be the case that people increase their risk behavior when insured because the costs will be borne by somebody else then given that we have excluded cases of fraud and other acts of bad faith then

these changes in behavior will only account for a portion of the chance of the event occurring. Since there is only partial responsibility for the event there is no real justification for the application of the “all or nothing principle”.

Practical Problems Associated with “All or Nothing” Principle

Fighting against the moral hazard problem by means of the “all or nothing” principle aggravates the “Robin Hood-like” behavior of insurance providers in the authors’ opinion. Namely, in legal literature it is found that insurance fraud is characterized by “Robin Hood-like” behavior – insurance companies are wealthy, and it is no crime to take money from them. Researches [2, p. 20] conducted in Germany and the US indicate that 90–95% of people do not regard embezzlement from an insurance provider as a crime. In Russian science literature it is pointed out that only 5% of insurance fraud is detected and in 85% of these cases the insurance providers do not turn to law enforcement authorities [3, p. 140]. In the US [2], insurance fraud is the second largest type of economic crime after tax fraud bringing economic loss to the society, causing an annual loss of 100 billion USD. The consequence of namely the “all or nothing” principle (even an insignificant wrongful behavior by the policyholder can leave them without indemnification) together with the fact that in case of refusal to pay the indemnity, the insurance provider will keep the insurance premium (in other words, performance of the contract is only unilateral and there will be no restitution in the form of premium refunding) will only give more impetus to Robin Hood-like conduct, in the authors’ view.

Alternative Solution to the Moral Hazard Argument: Proportionality Principle

According to legal literature, the all-or-nothing principle which has existed for a long time in many countries (incl., e.g., Germany and Austria) and has meant loss of protection from insurance policy in case of breach, has been replaced with a tier system that takes into account policyholder’s fault and a causal link between the breach and claim for insurance indemnity. Gross negligence usually gives the insurance provider a possibility to reduce the indemnity, while negligent conduct does not affect their performance obligation.¹

Erasmus School of Law Professor of insurance law Mop van Tiggele-van der Velde states: “*the development that characterises insurance law in*

¹ Rühl G. Precautionary Obligations in European Insurance Contract Law // http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1989538.

the past decades is most clearly reflected in the legislation itself: new insurance law legislation has strengthened the position of the insured – as a consumer – considerably. In order to achieve this higher level of protection, the number of mandatory provisions has been considerably extended, particularly where consumer insurance is concerned. The context behind this development is clear: the insurance contract must offer protection, and in order to guarantee that protection, safeguards are incorporated by the legislator, already mentioned, as well as in case law. <...> The insurer is more and more obliged to adopt a proactive approach to protect the interests of the insured” [17, p. 93–95].

Hence, the principle of ‘all or nothing’ has been replaced by the principle of proportionality in the postmodern insurance law. However, this is not always the case. Helmut Heiss adds that: *“the new German ICA 2008 introduces an entirely new principle through which the ability of an insurer to discharge his liability is limited. This is achieved by reducing the insurance money in proportion to the degree of fault apportioned to the policyholder. However, the right of an insurer to reduce the insurance money payable is limited to cases in which the policyholder has acted with gross negligence. In cases of ordinary negligence, the entire amount of the insurance money will be payable. In contrast, the insurer will be fully discharged in cases of intentional or fraudulent behavior by the policyholder”* [9, p. 105–114].

In Finland, for instance, it has been found that the reduction of the indemnity or refusal to pay is conceivable only where the damages are causally linked to the non-compliance with precautionary measures; at that, the insurer must prove the existence of fault and its relationship with the damages, and only then, if the precautionary measures were not complied with and it was neither intentional or grossly negligent, the indemnity may be reduced by $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ [13, p. 278]. Only in cases of gross negligence can the indemnity be reduced to a greater extent in Finland (refusal or $\frac{1}{2}$). In case of minor negligence, the damages are to be compensated for in full. In cases of intent, circumstances such as age, illness, state of mind, economic situation may determine whether partial compensation might be an option [11, p. 198–200].

Commenting the PEICL approach, Martin Schauer finds that: *“a full discharge may be granted to the insurer only if the policyholder’s or the insured’s act is based on the intention to cause the loss or on recklessness and the knowledge that the loss would probably occur. Even in that case, the policyholder or the insured may claim the insurance money to the extent that the loss was not caused by the act of non-compliance. From this wording the conclusion may be drawn that partial indemnity is possible. If part of the loss would also have occurred if the policyholder and the insured had complied with the precautionary measures, then the insurer remains liable for this part of the loss. If the act of non-compliance is based on ordinary negligence, the amount of the insurance money may be*

reduced if provided in a clear clause in the contract. One may assume that the reduction of the insurance money also applies only if and insofar the negligent act has caused the loss" [14, p. 157–165].

Valeria Gavrilova [1, p. 47–48] explains that people use four different risk-management techniques in everyday life as protection against risks: (1) risk avoidance; (2) loss avoidance; (3); risk acceptance; and (4) risk transfer. In the opinion of the authors it can be claimed that with the continued application of the “all or nothing” principle in the modern insurance system, we cannot speak about risk transfer. This especially in a situation where the insurance provider is discharged from the performance obligation (while taking hold of/maintaining the insurance premium) also in case of policyholder’s usual reckless behavior. Therefore, it is a matter of discussions whether the reduction proportions that have developed in Finnish insurance practice might be taken as a model in other Baltic sea states as Russia, Estonia, Latvia, and Lithuania. The authors call for a change in the paradigmatic legal methodology whereby the “all or nothing” principle would be replaced with the principle of proportionality.

Библиографический список

1. *Гаврилова В.Е.* Страхование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 191 с.
2. *Жилкина М.С.* Страхование мошенничества. М.: Волтерс Клувер, 2004. 192 с.
3. *Фомин И.А., Матвеева С.А.* Проблема страхового мошенничества на современном финансовом рынке // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2007. Вып. 2. С. 140–149.
4. *Andersen M.M., Nielsen M.E.J.* Luck Egalitarianism, Universal Health Care, and Non-Responsibility-Based Reasons for Responsibilization // *Res Publica*. 2015. Vol. 21. Pp. 201–216.
5. *Borch K.* Moral Hazard in Insurance // *Financial Review*. 1984. Vol. 19. Issue 3. P. 12.
6. *Chiappori P.-A., Salanie B.* Asymmetric Information in Insurance Markets: Predictions and Tests // *Handbook of Insurance* / Ed. by G. Dionne. 2nd ed. New York: Springer, 2013. Pp. 397–422.
7. *Cohen L.R., Boardman M.E.* Methodology: Applying Economics to Insurance Law-an Introduction // *Research Handbook on International Insurance Law and Regulation* / Ed. by J. Burling, K. Lazarus. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2011.
8. *Cousy H.* About Sanctions and the Hybrid Nature of Modern Insurance Contract Law // *Erasmus Law Review*. 2013. Vol. 5. Issue 2. Pp. 123–131.
9. *Heiss H.* Proportionality in the New German Insurance Contract Act // *Erasmus Law Review*. 2012. Vol. 5. Issue 2. Pp. 105–114.

10. *Lang G.* Luck Egalitarianism, Permissible Inequalities, and Moral Hazard // *Journal of Moral Philosophy*. 2009. Vol. 6. Pp. 317–338.
11. *Lehtipuro K. et al.* Vakuutuslainsäädäntö [Insurance Legislation]. Sastamala: Finanssi- ja vakuutuskustannus OY, 2010.
12. *Maia A.C., Andrade M.V., Chein F.* Ex-ante Moral Hazard: Empirical Evidence for Private Health Insurance in Brazil // *Nova Economia*. 2019. Vol. 29. Pp. 987–1008.
13. *Rantala J., Pentikäinen T. et al.* Vakuutusoppi [Insurance Doctrine]. Sastamala: Finanssi- ja Vakuutuskustannus OY, 2009.
14. *Schauer M.* Comments on Duration of Contract and Precautionary Measures // *ERA-Forum*. 2008. Vol. 9. Pp. 157–165.
15. *Siegelman P.* Adverse Selection in Insurance Markets: An Exaggerated Threat // *Yale Law Journal*. 2004. Vol. 113. Issue 6. Pp. 1223–1281.
16. *Vallentyne P.* Brute Luck and Responsibility // *Politics, Philosophy & Economics*. 2008. Vol. 7. Pp. 57–80.
17. *Van Tiggele-van der Velde M.* About a New Balance in the Mutual Obligations of Both Parties to a Contract of Insurance and a New System of Sanctions // *Erasmus Law Review*. 2012. Vol. 5. Issue 2. Pp. 93–95.
18. *Varul P., Kull I., Köve V., Käerdi M. et al.* Law of Obligations Act II. Edition with commentaries. Tallinn: Juura, 2007.
19. *Wang J.L., Ching-Fan C. and Tzeng L.Y.* An Empirical Analysis of the Effects of Increasing Deductibles on Moral Hazard // *Journal of Risk and Insurance*. 2008. Vol. 75. Pp. 551–566.

References

1. *Gavrilova V.E.* *Strahovanie* [Insurance]. Moscow, 2012. 191 p. (In Russ.)
2. *Zhilkina M.S.* *Strakhovoe moshennichestvo* [Insurance Fraud]. Moscow, 2004. 192 p. (In Russ.)
3. *Fomin I.A., Matveeva S.A.* *Problema strakhovogo moshennichestva na sovremenom finansovom rinke* [The Problem of Insurance Fraud in the Modern Financial Market]. *Vestnik SPbGU. Ser. 5 – Saint Petersburg State University Bulletin. Series 5*. 2007. Issue. 2. Pp. 140–149. (In Russ.)
4. *Andersen M.M., Nielsen M.E.J.* Luck Egalitarianism, Universal Health Care, and Non-Responsibility-Based Reasons for Responsibilization. *Res Publica*. 2015. Vol. 21. Pp. 201–216 (In Eng.)
5. *Borch K.* Moral Hazard in Insurance. *Financial Review*. 1984. Vol. 19. Issue 3. P. 12 (In Eng.)
6. *Chiappori P.-A., Salanie B.* Asymmetric Information in Insurance Markets: Predictions and Tests. In *Dionne G. (ed.)*. *Handbook of Insurance*. 2nd ed. New York, 2013. Pp. 397–422. (In Eng.)

7. *Cohen L.R., Boardman M.E.* Methodology: Applying Economics to Insurance Law—an Introduction In *Burling J., Lazarus K. (eds.)*. Research Handbook on International Insurance Law and Regulation. Cheltenham, 2011. (In Eng.)
8. *Cousy H.* About Sanctions and the Hybrid Nature of Modern Insurance Contract Law. *Erasmus Law Review*. 2013. Vol. 5. Issue 2. Pp. 123–131. (In Eng.)
9. *Heiss H.* Proportionality in the New German Insurance Contract Act. *Erasmus Law Review*. 2012. Vol. 5. Issue 2. Pp. 105–114. (In Eng.)
10. *Lang G.* Luck Egalitarianism, Permissible Inequalities, and Moral Hazard. *Journal of Moral Philosophy*. 2009. Vol 6. Pp. 317–338. (In Eng.)
11. *Lehtipuro K. et al.* Vakuutuslainsäädäntö [Insurance Legislation]. Sastamala, 2010. (In Finnish).
12. *Maia A.C., Andrade M.V., Chein F.* Ex-ante Moral Hazard: Empirical Evidence for Private Health Insurance in Brazil. *Nova Economia*. 2019. Vol. 29. Pp. 987–1008. (In Eng.)
13. *Rantala J., Pentikäinen T. et al.* Vakuutusoppi [Insurance Doctrine]. Sastamala, 2009. (In Finnish).
14. *Schauer M.* Comments on Duration of Contract and Precautionary Measures. *ERA-Forum*. 2008. Vol. 9. Pp. 157–165. (In Eng.)
15. *Siegelman P.* Adverse Selection in Insurance Markets: An Exaggerated Threat. *Yale Law Journal*. 2004. Vol. 113. Issue 6. Pp. 1223–1281. (In Eng.)
16. *Vallentyne P.* Brute Luck and Responsibility. *Politics, Philosophy & Economics*. 2008. Vol. 7. Pp. 57–80. (In Eng.)
17. *Van Tiggele-van der Velde M.* About a New Balance in the Mutual Obligations of Both Parties to a Contract of Insurance and a New System of Sanctions. *Erasmus Law Review*. 2012. Vol. 5. Issue 2. Pp. 93–95. (In Eng.)
18. *Varul P., Kull I., Kõve V., Käerdi M. et al.* Law of Obligations Act II. Edition with commentaries. Tallinn, 2007. (In Estonian)
19. *Wang J.L., Ching-Fan C., Tzeng L.Y.* An Empirical Analysis of the Effects of Increasing Deductibles on Moral Hazard. *Journal of Risk and Insurance*. 2008. Vol. 75. Pp. 551–566. (In Eng.)

Information about the authors:

Olavi-Jüri Luik

PhD in Law

Attorney at Law at Law Firm LEXTAL (Estonia)

Lector of Insurance Law

University of Tartu

18 Yulikooli St., Tartu, 50090, Estonia

Mats Volberg

PhD in Philosophy

Lawyer at Law Firm LEXTAL (Estonia)

Research Fellow in Practical Philosophy

University of Tartu

18 Yulikooli St., Tartu, 50090, Estonia

Информация об авторах:**Олави-Джури Луик**

Доктор юридических наук

Адвокат, юридическая фирма *Law Firm LEXTAL* (Эстония)

Преподаватель страхового права

Университет Тарту

18 Yulikooli St., Tartu, 50090, Estonia

Матс Волберг

Доктор философских наук

Юрист, юридическая фирма *Law Firm LEXTAL* (Эстония)

Научный сотрудник по направлению практической философии

Университет Тарту

18, Yulikooli st., Tartu, 50090, Estonia

**THE CONCEPT OF GOOD GOVERNANCE
IN THE EU LEGISLATION: ANALYSIS IN THE CONTEXT
OF METHODOLOGY OF THE CIVIL LAW RESEARCH***

Marta Witkowska

University of Warsaw

E-mail: m.witkowska@uw.edu.pl

Elena Kucheryavaya

University of Warsaw

E-mail: elenamulti@yahoo.com

Introduction: actions taken at the level of the European Union and related to the implementation of the European governance model are based on the assumptions of the theory of good governance. The research problem is the analysis of the process of implementation of this model in the decision-making mechanisms in the EU. **Purpose:** to analyse the theoretical framework for the application of the concept of good governance in the European Union, to assess the principles and to diagnose the actors responsible for the efficient functioning of the European governance model. The article verifies the hypothesis that the implementation of the concept of good governance in the European Union leads to the strengthening the elements that democratise and increase the transparency of the principles of its functioning for citizens. **Methods:** the study of these issues is conducted using actor-centred approach and metatheoretical research. The general scientific methods of cognition is used (analysis, synthesis, induction, deduction, description, etc.), as well as theoretical methods of formal and dialectic logic, supplemented by the specific juridical methods (juridical-dogmatic method, system and structure revealing method, and the method of legal norms interpretation). The analysis covers the normative basis of the good governance concept, with particular emphasis on actors involved in the procedures of applying and protecting the civil rights resulting from this concept. **Results:** the networks of individual actors, thematic platforms and transnational associations are active in numerous consultations with the European Commission. This way, they are the main representatives of opinions of the EU Member States' societies and the inspirers to take the necessary decisions. They play a similar role in the implementation

* The article was financed under the Minister of Science and Higher Education's program "DIALOG" for 2019–2021 (Poland).

phase of decisions, when the national administrations is obliged to implement the European standards into national legal acts. Then, the actors participate in consultations with the national authorities and monitor the implementation of EU programmes. **Conclusions:** the conducted analysis proved the functioning of civil participation in the European Union, which also means the existence of civil control mechanisms. However, it is small, in comparison with local governments and business structures. Representatives of civic organisations submit postulates to the European Commission that it is necessary to modify the existing rules. The governments and national officials have better support – both technical, organisational and financial – to participate in monitoring the decision-making process, but representatives of civil society are deprived of any support. These conclusions lead to a reflection that the European governance model is not functioning entirely well. There must be connections between the elements of the good governance system. The presented analysis demonstrates that only some of its fragments are functioning: legal regulations, law, public consultations of several policies. These are the lonely elements of society's influence on decision-making process. The lack of strong systemic connections not only results in instability of the entire structure of EU governance, but also weakens the effectiveness of the law.

Keywords: European Union; good governance; European governance model; White Book; public consultations; civil dialogue; civil rights; rule of law; civil participation; transparency; metatheoretical legal research; methodological suppositions for learning the object.

КОНЦЕПЦИЯ GOOD GOVERNANCE В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марта Витковска

Варшавский университет

E-mail: m.witkowska@uw.edu.pl

Елена Кучерявая

Варшавский университет

E-mail: elenamulti@yahoo.com

Введение: действия, предпринимаемые на уровне Европейского союза, связанные с внедрением европейской модели управления, основаны на теории good governance. Объектом исследования является процесс внедрения данной модели в механизмы принятия решений в Европейском союзе. **Цель:** проанализировать теоретические основы методологии внедрения

концепции *good governance* в правовое поле Европейского союза, оценить принципы и определить участников, ответственных за эффективное функционирование европейской модели управления. В статье проверяется гипотеза о том, что реализация концепции *good governance* в Европейском союзе ведет к укреплению элементов, демократизирующих и повышающих прозрачность принципов функционирования ЕС для граждан. **Методы:** изучение вопроса и проверка гипотезы проводятся с использованием акторо-центрического подхода и метатеоретических исследований. Используются как общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание и др.), так и теоретические методы формальной и диалектической логики, дополненные специфическими юридическими методами (юридико-догматический, системно-структурный и метод толкования правовых норм). Анализ охватывает нормативную основу концепции *good governance* с особым вниманием к субъектам, участвующим в процедурах применения и защиты гражданских прав, вытекающих из этой концепции. **Результаты:** сети сотрудничества, тематические платформы и транснациональные ассоциации активно участвуют в многочисленных консультациях с Европейской комиссией. Таким образом, они являются главными выразителями мнений обществ государств — членов ЕС и вдохновителями для принятия необходимых решений. Они играют аналогичную роль и на этапе реализации решений, когда национальные администрации обязаны внедрять европейские стандарты в национальные правовые акты. Затем они принимают участие в консультациях с органами государственной власти и следят за реализацией программ ЕС. **Выводы:** проведенный анализ доказывает функционирование гражданского участия в Европейском союзе, а также наличие определенного гражданского контроля. Однако участие гражданских организаций невелико по сравнению с органами местного самоуправления и бизнес-структурами. Представители организаций вносят в Европейскую комиссию постулаты о необходимости изменения действующих правил. Правительства и официальные лица имеют лучшую поддержку — как техническую, так и организационную и финансовую — для участия в мониторинге процесса принятия решений, а представители гражданского общества лишены какой-либо поддержки. Эти выводы наводят на размышления о том, что европейская модель управления работает недостаточно хорошо. Между элементами системы *good governance* должна быть стабильная взаимосвязь. Проведенный анализ показывает, что функционируют только некоторые фрагменты: правовые нормы, определенные законы, консультации в рамках некоторых европейских политик. Отсутствие прочных системных связей не только приводит к нестабильности всей структуры управления ЕС, но и снижает эффективность применения разработанных правовых норм.

Ключевые слова: Европейский Союз; *good governance*; модель европейского управления; Белая Книга; консультации; гражданский диалог; верховенство закона; гражданское участие; прозрачность; метатеоретические правовые исследования; методологические предпосылки познания объекта.

Introduction

For many years, political leaders of the EU Member States have been pointing the necessity of taking actions to change the image of European governance. The current style of the decision-making in the EU is not understandable and accessible for citizens, it alienates this political structure from the societies of the EU Member States and, as a result, hinders effective governance.

During the last 20 years, concrete decisions have been made, that can be called “a reform process”, which includes the process of implementation of the *White Paper on European Governance* and the Treaty of Lisbon, especially its new Title II “Provisions on democratic principles”.¹ These documents emphasise the wider openness of the EU policy-making process, involving citizens and organisations, promote greater openness of the system and require responsibility by all parties involved. The proposed instrument is a systematic civil dialogue [16, p. 123–124] with representatives of the regional and local authorities and civic, non-governmental organisations (NGOs), which must be organised in the early phase of policy-making. It provides the better EU law-making, while taking into account regional and local circumstances, and creates partnership arrangements for consultations.²

In the scholar literature, the described activities have been called the process of introducing the European governance model [e.g. 7; 10; 12; 13]. This approach is not very popular. Analysis using the theory of European integration prevails [e.g. 2; 18; 31].

The purpose of the article is to analyse the theoretical framework for the application of the concept of *good governance* in the European Union, and

¹ The most important for our analysis is Art. 10 of the *Treaty on European Union* (TEU): “3. Every citizen shall have the right to participate in the democratic life of the Union. Decisions shall be taken as openly and as closely as possible to the citizen”, and Art. 11 of the TEU: “1. The institutions shall, by appropriate means, give citizens and representative associations the opportunity to make known and publicly exchange their views in all areas of Union action. 2. The institutions shall maintain an open, transparent and regular dialogue with representative associations and civil society...” (Consolidated version of the Treaty on European Union // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>).

² Commission of the European Communities, *European Governance: A White Paper*, COM(2001) 428 final, Brussels, 25 July 2001 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_01_10.

in particular to assess the principles and diagnose the entities responsible for the efficient functioning of the European governance model. The research problem is the analysis of the practical implications of the process of implementing this model in the decision-making mechanisms in the European Union. The research was conducted in theoretical terms. The analysis covered the normative foundations of the concept of *good governance*, with particular emphasis on entities involved in the procedures for applying and protecting the civil rights resulting from this concept.

Methodology of the Research

Within the research, the authors will look for answers to the following questions:

- what actions have been taken in the EU to implement the concept of *good governance*?
- which institutions are responsible for controlling the implementation of the principles of the European governance model?
- which institutions protect the civil rights resulting from *good governance* in the European Union?

The article verifies the hypothesis that the implementation of the concept of *good governance* in the European Union leads to the strengthening the elements that democratise and increase the transparency of the principles of its functioning for citizens. The study of these issues will be conducted using *actor-centred approach* and metatheoretical research.

Turning to the general theoretical foundations, we should define the *concept of a metatheoretical research*. In the most systematic form, the understanding of metatheoretical legal research was presented by V.M. Syrykh [6, p. 423–443]. On the theoretical platform created by him, various approaches were developed. Metatheoretical research are devoted to the application of philosophical, general, special and particular methods of scientific research [1, p. 28]. Scientific works of various scholars are devoted to the study of the methodological suppositios for learning a legal object. In civil law, successful attempts are also made to carry out metatheoretical research aimed at studying the methodological attitudes of cognition of legal phenomena [see more 9, 1. 28–29]. The subject of metatheoretical legal research is the patterns of studying the object of research, the basic principles and rules that allow to get the most reliable knowledge about concrete legal phenomena. In our case it is EU legislation and the process of implementation of the European governance model in the decision-making mechanisms in the EU.¹

¹ The methodology of the study of civil law mechanisms, described in details by S.Iu. Morozov [3] is very useful in this case. In such context can also be interesting the E.M. Tuzhilova-

The general scientific methods of cognition will be used (deduction, induction, description, synthesis, analysis etc.), as well as *theoretical methods of formal and dialectic logic*, supplemented by the specific juridical methods (*juridical-dogmatic method, system and structure revealing method, and the method of legal norms interpretation*).

In the first part of the article, theoretical assumptions and goals of the concept of *good governance* implemented in the EU as a model of European governance will be presented. The activities referred to the implementation of the model of European governance will be characterised in the next part of the article. It will be done using the *actor-centred approach*. The analysis will be focused on the actors – formal and informal institutions of the EU system, whose main task is representation of collective interests and protecting civil rights resulting from the principle of *good governance*.

Introducing the European Governance Model and Implementing the Provisions of the Treaty of Lisbon as a Determinant of Civil Participation Strengthening in the European Union

Actions taken at the European Union level related to the implementation of the European governance model are based on the assumptions of the *theory of good governance* [8; 20; 24; 25; 26]. There is no single definition of this concept. Firstly, some authors treat *good governance* as a *meta-concept*, because the richness of the concept disappears when we try to identify the principles it is founded upon [25, p. 302]. Good governance is understood as the rules governing the functioning of administration and political power (at all levels of government), but there is no catalogue of these rules in the legislation. Secondly, the definition of *good governance* means mechanisms of including interest groups and civic organisations in decision-making processes.

The latter aspect is important for this article, and it will be examined more closely in terms of its impact on the development of civil participation in the EU. This assumption may be made due to the fact that in the *theory of good governance* it contributes to the democratisation of the system. In this case, democratisation is understood as transparency in the functioning of public authorities and administration, as well as the ability to involve citizens in administrative work, including civic organisations, on the basis of appropriate representativeness and pluralism. The discussed component also includes the broadly understood democratisation of management, respect for human rights, minority rights [17], civil control of public authorities and administration, ensuring social consensus and resolving conflicts between different

social interests [25, p. 304]. In this aspect, *good governance* means ensuring participation of society in the governance process based on the partnership principle [22]. It requires two conditions – on the one hand, the creation of effective mechanisms enabling civil participation, and on the other hand – appropriate development of the civil society.

The expression of the presence of the issue of *good governance* in activities undertaken in the European Union is the inclusion of aspects of *good governance* in the EU documents and initiatives, especially by the European Commission. Despite the non-binding nature of *good governance* documents for Member States, these documents are a valuable source of principles and standards that should guide EU Member States when managing public affairs. In *A White Paper on European Governance* prepared by the European Commission and published in 2001, the concept of *good governance* was called a European governance. The *White Paper* proposes five main criteria for European governance: openness, participation, accountability, effectiveness, and coherence.¹ The first three criteria relate to the democratic vision of the EU, the others are closer to the results-oriented, technocratic way of operating. The striving to increase the role of civil participation in the work of administration and accountability of public authorities should be clearly understood. Apart from the aforementioned *White Paper*, other important documents and initiatives include the *European Code of Good Administrative Behaviour*² adopted by the European Parliament in 2001 and the *Action Plan for Better Regulation*.³

The *European Code of Good Administrative Behaviour* has set the standards for the work of the EU administration, primarily with regard to the relationship between the EU institutions and the citizens of the Member States [19]. The Code's provisions support transparency and promote administrative

¹ See more detailed information: Commission of the European Communities, *European Governance: A White Paper*, COM(2001) 428 final.

² The initiator of the development of the *European Code of Good Administrative Behaviour* was Roy Perry, the member of the European Parliament. The *Code* was developed by Jacob Södermann, the European Ombudsman. On 6 September 2001, the European Parliament adopted a resolution on a special report by the European Ombudsman to the European Parliament, following an own-initiative inquiry concerning the existence and general availability of the various EU institutions.

³ The first *Better Regulation* initiative was formally presented at the level of the European Commission and Member States relatively late, in 2002, as one of the priorities of the Lisbon Strategy (2000). However, this initiative has been on the EU agenda since the Edinburgh Summit in 1992 due to the discussion on the quality of legislation. Since 2004, not only the Commission has participated in its work, but also Council Presidencies. It is not a single document and is therefore often referred to as a policy or action programme. See more information on the official website of the European Commission: https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how/better-regulation-guidelines-and-toolbox_en.

culture. The purpose of adopting the Code is to build trust through dialogue between citizens and the European Union and to develop the highest standards of acting in the EU institutions. Pursuant to the provisions of the Code, *good governance* should be based on the principles of lawfulness, absence of discrimination, proportionality, absence of abuse of power, impartiality, independence, objectivity, consistency, fairness and courtesy.¹ These standards gain a legal basis through the inclusion of the right to good administration in the *Charter of Fundamental Rights of the European Union*,² which is a part of the treaties after the changes introduced by the Treaty of Lisbon [16, p. 125].

The aim of the *Action Plan for Better Regulation* is to improve the quality of regulations at the EU level, and as a result – to create a better legislation background for economic growth and employment in the Member States. Improving the quality of regulations is intended to reduce bureaucratic problems and create better regulations for both consumers and business. Better regulations are based on transparency and taking into account opinions of the citizens and stakeholders (e.g. businessmen, local administrations and scientists). The main activities undertaken under the *Action Plan for Better Regulation* in the aspect of civil participation in the policy-making process concern:

- review and simplification of the existing EU law, including the improvement of its accessibility, transparency and readability;
- organising multilateral consultations at the stage of legislative initiatives developed by the European Commission;
- estimation and reduction of administrative costs resulting from the EU law;
- looking for alternatives to laws and regulations (such as self-regulation or co-creation with the legislator and the stakeholders).

The elements of the *Action Plan for Better Regulation* are, for example, the Communication from the European Commission *Implementing the Community Lisbon programme: A strategy for the simplification of the regulatory environment*, COM(2005) 535, of 25 October 2005, and the Communication from the Commission *Better Regulation for Growth and Jobs in the European Union*, COM(2005) 97 final, of 16 March 2005.

The next step in implementing this policy was the setting of standards of the Commission communication *Smart Regulation in the European Union*, COM(2010) 543. It is the creation of the EU policy and regulations in the most effective way, which brings the benefits to the citizens and enterprises.

In the years 2014–2019, when Jean-Claude Juncker was the President of the European Commission, the implementation of the abovementioned

¹ European Code of Good Administrative Behaviour // <https://www.ombudsman.europa.eu/pl/publication/en/3510>.

² See https://www.citizensinformation.ie/en/government_in_ireland/european_government/eu_law/charter_of_fundamental_rights.html.

policy became one of the ten priority objectives.¹ The *Better Regulation Toolkit* provides more detailed guidances concerning the following issues:²

- applying the general principles of better regulation,
- carrying out an impact assessment,
- identifying impacts,
- implementation, transposition and preparing legislation,
- monitoring the application of an intervention,
- conducting evaluations and fitness checks,
- consultations and stakeholders,
- application of methods, models, cost-benefit analyses.

The effect of the Commission's intensified work was the development of a set of guidelines and documents presenting the principles, tools and procedures necessary for the application of the *Action Plan for Better Regulation*.³ The main principle of this programme is openness and transparency of the decision-making process. Citizens and stakeholders have the opportunity to participate in the policy and law-making process, and activity at the EU level is based on proven knowledge and an understanding of the impact of regulations. It is important that described principles are treated as European standards which, in accordance with the principles of the EU law, must then be implemented and applied also in the EU Member States.

During the present term of the European Commission, chaired by Ursula von der Leyen, the concept of *good governance* is being further implemented and finds its place in one of the six main priorities as an instrument of strengthening democracy and efficient governance in the EU.⁴

One of the instruments of the implementation of the concept of *good governance* (and extremely important determinant of the flow of information, ideas and intangible content between citizens, their representatives and the public authorities, and thus broad civil participation in the European Union) is regulation of the principles of subsidiarity and its observance. It has been guaranteed in Art. 5 of the Treaty on European Union⁵ and in Protocols 1

¹ European Parliament, From jobs to migration: the European Commission's 10 priorities // <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20150904IFG91614/odzatrudnienia-po-demokratyczna-zmiane-10-priorytetow-komisji-junckera>.

² European Commission, Better regulation: why and how // https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how_en.

³ See more European Commission, Better regulation toolbox // https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how/better-regulation-guidelines-and-toolbox/better-regulation-toolbox_pl#documents.

⁴ See more European Commission, Priority: A new push for European democracy // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy_en.

⁵ Art. 5, point 3 of the TEU, as amended by the Lisbon Treaty: "3. Under the principle of subsidiarity, in areas which do not fall within its exclusive competence, the Union shall act only if and in so far as the objectives of the proposed action cannot be sufficiently achieved by the Member States, either at central level or at regional and local level, but can rather, by

and 2.¹ The principle of subsidiarity, introduced as a treaty norm in the *acquis communautaire*, is the guardian of relations between the levels, and it prohibits intervention in areas of powers not delegated without the consent of the lower level.

It can be seen as the basic guarantor of the functioning of the model of participatory democracy, as it allows solving issues at the lowest level – it leaves individual communities the right for independence and subjectivity [23, p. 24]. The supplement to the aforementioned treaty norm in the aspect of developing civil participation is Art. 2 of the *Protocol on the application of the principles of subsidiarity and proportionality*, annexed to the Treaties. According to this document, in the version after the changes introduced by the Treaty of Lisbon: “Before proposing European legislative acts, the Commission shall consult widely. Such consultations shall, where appropriate, take into account the regional and local dimension of the action envisaged”.²

Another principle regulating the implementation of the concept of *good governance* in the European Union is the principle of partnership. It is understood very broadly, especially in the EU cohesion policy. It means the obligation to cooperate and work out all arrangements at every stage of the programming, implementation and monitoring procedure, both for programmes and projects, by various entities and institutions participating at various levels of the European Union system. They are the EU institutions (mainly the European Commission), national administration (especially ministries responsible for the implementation of national regional policy), as well as regional and local authorities. The partnership principle also covers active participation of civic organisations and economic entities in these processes.

The process of consultation with stakeholders on the policy content in the EU has been called a systematic civil dialogue. It is implemented both in the development of policy and its objectives at the EU level and at the level of the Member States.

reason of the scale or effects of the proposed action, be better achieved at Union level. The institutions of the Union shall apply the principle of subsidiarity as laid down in the Protocol on the application of the principles of subsidiarity and proportionality. National Parliaments ensure compliance with the principle of subsidiarity in accordance with the procedure set out in that Protocol”.

¹ *Protocol (No. 1) on the role of national parliaments in the European Union* and *Protocol (No. 2) on the application of the principles of subsidiarity and proportionality* were annexed to the Treaties.

² *Protocol on the Application of the Principles of Subsidiarity and Proportionality*, Art. 2 // https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/protocol_no_2_on_the_application_of_the_principles_of_subsidarity_and_proportionality_dec2004_en.pdf.

European Governance Model – Activities Aimed at its Implementation

Confirmation of the correctness of the assumptions of the concept of *good governance* in the EU can be found in activities aimed at implementing the postulates of the *White Paper on European Governance*. Representatives of the subnational level are involved in selected areas in creating, applying and enforcing EU rules and programmes. The development of forms of expression of interest and participation of representatives of this level in creating the content of EU policy takes place both at the institutionalised level in the form of established advisory bodies and in the form of organised representation of organisations and interest groups – business and non-business lobbying in Brussels [see more 27]. The organised forms are: the European Economic and Social Committee (EESC)¹ and the Committee of the Regions². Both forms of participation within the European Union (institutionalised and non-institutionalised) are the subject of this analysis, because they complement each other and are alternative channels for expressing interest and active participation in creating the content of the EU policy.

The EESC has been established for advisory function to the Council of the European Union, the European Parliament and the European Commission on matters relating to economic and social policy [16, p. 125; 27, p. 349]. Its task is, among others, supporting the debate in cooperation with national economic and social councils. It has developed a unique position in the integration process as a representation of the broadly understood civil society actors: employers, trade unions, farmers, consumers and other interest groups and civic organisations. The EESC's task is to encourage these actors to be more active in shaping the European Union's policy. The Committee is a forum for reaching a compromise between economic and social groups and for issuing a common opinions, as far as possible, and not for promoting solutions that are beneficial only to one party.

A significant intensification of lobbying activities in the European Union took place with the entry into force of the *Single European Act* on 1 July 1987.³ In the context of the functioning of interest groups and the development of forms of active participation of representatives of the societies of the Member States in the decision-making process at the European level, it was the first and decisive modification of the founding treaties. It was also important for the position and role of self-government and local authorities in the process of European integration. The *Single European Act* established the EU regional

¹ Established on the basis of the first founding documents – Rome Treaties (1957).

² Established later, with the entry into force of the Maastricht Treaty (1992).

³ The Single European Act // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11986U/TXT&from=EN>.

policy, which initiated the establishment of regional representations. The document stipulated the following purposes:

- increasing innovation of production, mainly by raising the level of education or the issue of professional retraining;
- improvement of living and working conditions so as to enable their equalisation, while maintaining simultaneous progress, adequate social protection;
- dialogue between social partners;
- development of human resources allowing to raise and maintain the level of employment;
- counteracting social exclusion.

Similar purposes were to be pursued by the European Social Fund (ESF).¹ Interest groups and non-governmental organisations acting in the Member States have become the main and direct beneficiaries of the activities supported by ESF. They received a valuable source of financing for their activities for which they were established. They can still prepare projects and implement them at the national state level, thereby contributing to the achievement of abovementioned purposes.

The task of the Committee of the Regions is articulation of the interests of local and regional authorities of the EU Member States. This is implemented by consulting activities within: economic, social and territorial cohesion (including structural funds), cross-border cooperation, environmental protection, education, vocational training, youth issues, culture, health protection, trans-European transport networks, telecommunications and energy. The CoR must be informed of the consultations with the EESC by the other EU institutions and, if the issues relate to a regional problems, CoR can submit its own opinions [27, p. 354]. It should be emphasised that the Committee does not represent a homogeneous environment. The interests and motivations of regional and local authorities are different. Regions are usually represented by famous and influential politicians who look for the EU support for big projects and solutions for entire regions. On the other hand, the representatives of local authority may come from small towns [27, p. 354]. The problem of the CoR's representativeness is also related to the fact that the decision on the number of seats for individual Member States does not take into account the degree of decentralisation, but only the number of the population.

The Committee of the Regions is an important political body in the EU, participating in the decision-making process, so it is treated as a lobbying target by regional groups that try to push through their particular interests, and as a

¹ The European Social Fund, established in 1974, supports measures aimed to facilitate the employment of workers and to increase their geographical and occupational mobility within the Community, as well as to facilitate their adaptation to changes in industry and production systems, in particular through vocational training and retraining.

formal representative of the regions in other EU institutions.¹ The CoR contributes to promoting democracy and European civil society as well as cultural, linguistic and territorial diversity. It is an “advocate” of autonomy for regional and local authorities and the strengthening of decentralisation processes in the Member States. It also supports the development of interregional cooperation – it creates cooperation platforms and networks, and organises forums for the experience exchange. Moreover, CoR upholds the principles of subsidiarity and proportionality, as well as fairness and solidarity, so that all territorial units are provided with similar development opportunities [27, p. 363].

The CoR very efficiently assimilated the concept of European governance emphasising the autonomy and equivalence of participation of representatives of the subnational level in the European decision-making process. In numerous documents prepared by the Committee, we can find references to the multi-level nature of the European Union.²

Apart from official representation in the Committees, there are also alternative forms of participation of representatives of subnational interest, focusing mainly on the European Commission [11, p. 88]. This is due to its powers to initiate legislative processes and manage structural funds. These alternative forms of representation are European associations of NGOs, local governments’ organisations, and numerous representation offices established by regional and local governments’ associations from the EU Member States. Horizontal structures of cooperation between non-governmental organisations were most often created on the basis of well-organised social movements, such as environmental movements, protection of consumer rights or improvement of the social status of women [15]. At the next stage of their development, cooperation between patron organisations and European branches of international non-governmental organisations and other associations from particular industries was noted, in order to combine knowledge and competences in the field of their interest. These actors started to form different groups for expressing a common position on horizontal issues [27, p. 355]. European NGOs’ networks represent their members and supporters at the political arena by putting pressure on political actors on specific issues (e.g. draft legislative acts, position papers and press releases), by collecting and sharing information between the national and European levels, and by strengthening the capacity of the network to participate in the European process (e.g. training national organisations on EU issues) [27, p. 365]. Their activity focuses on staying in close contact with the EU institutions, point-

¹ Committee of the Regions mission statement, CdR 56/2009 fin, Brussels, 21 April 2009 // <https://cor.europa.eu/en/about/Documents/About/CoR%20mission%20statement/EN.pdf>.

² For example, CoR opinion: Building a European Culture of Multilevel Governance: Follow-Up to the Committee of the Regions’ White Paper, CIVEX-V-020, 94th plenary session, 15 and 16 February 2012, CdR 273/2011 fin.

ing to problems affecting the involved actors, suggesting the best solutions, and sometimes even presenting their own legislative proposals [21, p. 223].

The activity of representatives of the regional and local communities at the EU level has brought them success, as they managed to force the Commission to change its approach to understanding and taking into account subnational interests. The Commission proposed the structured regular dialogue with associations of regional and local authorities. It takes place in the early phase of the EU policy making. On 19 December 2003, the Commission issued an appropriate communication¹ establishing the permanent nature of the dialogue and defining the scope of the Committee of the Regions participation in it. The aim of the dialogue is to improve the knowledge of the main directions and guidelines of the EU policy and to coordinate the implementation of EU policies between the Commission and regional and local governments. In the framework of this new formula of consultations, we can distinguish a *general dialogue* concerning issues of a general nature (e.g. the Commission's annual work programme) and *thematic dialogue* oscillating around specific areas of EU policies (e.g. agricultural, maritime or competition policy).

The *White Paper on European Governance* indicated the need to increase the participation of civil society at the stage of consultations, projects and policy-making, as well as directing the political debate. This postulate was introduced as a rule to the treaty norms after the changes by the Treaty of Lisbon. Consultations introduced by the European Commission have become the main activities implementing the aforementioned European governance standards, and thus stimulating the activity of national actors at the EU level [29]. They are open to a wide public opinion or can be conducted in a narrow circle with selected partners depending on the subject (targeted consultations). The most common forms of consultation are *Green Papers*² and other documents with questions for a written answers. Moreover, the Commission is supported by advisers, experts³ and committees.⁴ The consultation by the

¹ Dialogue with associations of regional and local authorities on the formulation of European Union Policy, COM(2003) 811, Brussels, 19 December 2003 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2003:0811:FIN:EN:PDF>.

² *Green Papers* (introduced in 1984) are intended to stimulate reflection and initiate consultations at the European level on specific topics. The consultation launched by the *Green Paper* could later lead to the publication of a *White Paper*, which will propose a set of concrete measures. The analysis of the intensity of use of these instruments – see more [9].

³ On the basis of the Communication from the Commission on the collection and use of expertise by the Commission: principles and guidelines “*Improving the knowledge base for better policies*”, COM(2002) 713 final, Brussels, 11 December 2002. In addition, the diagnosis and description of the above phenomenon was undertaken by Å. Gornitzka and U. Sverdrup [14].

⁴ For example, CONECCS (*Consultation, the European Commission and Civil Society*). It was a database containing information on formal consultative bodies. Its purpose was to provide information on committees and other bodies, thanks to the participation in which, civil society organisations can participate in consultations. On 21 March 2007, the Commission adopted a

European Commission is mainly regulated in two documents: – the Commission Communication *Interactive Policy Making*, COM(2001) 1014, and the Commission Communication *Towards a reinforced culture of consultation and dialogue – General principles and minimum standards for consultation of interested parties by the Commission*, COM(2002) 704.

After the adoption of the above-mentioned two documents crucial for the consultation process, the next important step was the development of the on-line register of expert groups advising on specific policy areas, indicating the category to which they belong (e.g. scientists, representatives of industry, trade unions, NGOs or national governments). Last years, the number of expert groups has increased by 40%, proving that consultation with them has become an integral part of the EU policy making [14].

A definition of *interest group representation* was also needed. It was described in the Commission Communication in 2008 year.¹ According to it, these are activities aimed at influencing the policy-making and decision-making processes of the European institutions. In this document, the Commission announced the development of a *Code of Conduct* for interest representatives² and the creation of a new register,³ which should include all entities – regardless of their legal status, as long as they conduct activities that meet the definition provided. The process of regulation of transparency and forms of dialogue with interested parties culminates in the program of development and working methods prepared by the President of the European Commission for the Commission in order to increase its effectiveness.⁴

The most common and most accessible source of information for a wide public opinion, and also a tool for expressing opinions, is the Internet. The first online consultation was conducted via the website “*Your voice in Europe*”.⁵ This page has now been closed and the portal “*Have your say*” has

communication *Follow-up to the Green Paper ‘European Transparency Initiative’*, COM(2007) 127 final, Brussels, 21 March 2007. As a result of the actions taken, the committee decided to create in the spring of 2008 a *Voluntary Register for Interest Representatives*. Consequently, the existing base CONECCS has been closed.

¹ Communication from the Commission, European Transparency Initiative: A framework for relations with interest representatives (Register and Code of Conduct), COM(2008) 323 final, Brussels, 27 May 2008 // <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0323:FIN:EN:PDF>.

² Code of Conduct // https://ec.europa.eu/transparencyregister/public/staticPage/displayStaticPage.do?locale=en&reference=CODE_OF_CONDUCT.

³ Transparency Register // <https://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do?locale=en#en>.

⁴ Communication from the President, The Working Methods of the Commission 2010–2014, C (2010) 1100, Brussels, 10 February 2010 // http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/president/news/documents/pdf/c2010_1100_en.pdf.

⁵ This website was created under the initiative *Interactive Policy Shaping*, i.e. the Commission’s minimum standards for consultation. Better forms of managing legislation in the Union

been created.¹ These are electronic consultations, open to anyone willing to share own experience.² Consultations' topics are also available on the websites of the individual Directorates-General responsible for the preparation of the draft regulations. Usually these web-pages are linked to the home page of the internet consultation. Such consultations can also be conducted only with the selected organisations registered in the Transparency Register.

Conducting public consultations did not meet all the expectations from the European governance model. First of all, during consultations, citizens and organisations can only express opinions on the given topics and evaluate the submitted proposals. They cannot ask questions or propose problematic issues. The response to this problem was the organization of citizens' panels. However, only a limited number of citizens from different Member States participate in those panels. During the meetings, important issues related to public interest are discussed [28, p. 133]. In 2009, for the purposes of implementing the provisions of the Treaty of Lisbon, the European Parliament adopted a resolution³ in which this type of public consultations was called *civil dialogue* [16, p. 123–124]. Meetings on problematic issues for citizens with participation of competent Commissioners are organised in different cities of the EU Member States.⁴

Consulting aimed to broadly involvement of citizens in the EU policy-making process is not the only activity undertaken to increase civil participation. At the EU level, media platforms for citizens and their representation have been created, giving direct access to the institution's documents and the possibility of giving opinions on legislative proposals. There are satellite TV channels such as: *Europe by Satellite* and *EUROPARLTV*, websites of each institution and, additionally, several specific ones, such as: www.EUtube.eu, ec.europa.eu/yourvoice, www.cafebabel.com. Their task is to stimulate the development of European public debate [30, p. 286 ff.].

should be found by using this instrument (Contribute to Law-Making // http://ec.europa.eu/yourvoice/index_en.htm).

¹ Welcome to Have your say // <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say>.

² An example of the most numerous participation in consultations is the package REACH (Registration, Evaluation and Authorization of Chemicals), where over 6,400 opinions were collected. The purpose of the REACH draft legislative act is developing a more uniform, transparent and safer model of management of chemicals in the European Union.

³ European Parliament resolution of 13 January 2009 on the perspectives for developing civil dialogue under the Treaty of Lisbon (2008/2067(INI)): Developing civil dialogue under the Treaty of Lisbon // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:046E:0023:0026:EN:PDF>.

⁴ European Commission, Citizens' Dialogues. // http://ec.europa.eu/debate-future-europe/index_en.htm.

Conclusions

The concept of *good governance* is a modern concept of effective and well-organised management. The implementation and development of this concept may be a solution for the need of improving the operational effectiveness and efficiency of cooperation between public sector institutions and other entities at various levels – central, regional and local.

As a result of the conducted in this article research, it was indicated that there is a clear correlation between the quality of the European governance and social effects. The implementation of the European governance model is open to dialogue and the use of social activity, while ensuring that the influence of civil society is real, and the conclusions of the consultations are implemented. Moreover, it should be stated that the Commission is in favor of wider participation and responsibility of the regional level representatives in the implementation of certain EU policies, in particular the regional policy. In addition to the channel of institutionalised advocacy, various forms of networks and thematic cooperation have been developed, complementing lacks resulting from the formalisation of the expression of interest in the form of established Committees. Therefore, it is also necessary to develop an organisational and IT support system for the process of implementing these methods in public administration institutions, also with the use of EU subsidies.

Moreover, barriers to the implementation of the European governance model were found during this research. These barriers are caused by the complex nature of the decision-making process. In this process, the scope of support provided to the project of the European Commission for forcing initiatives and advocating grassroots interests at the stage of initiating legislative acts is mainly limited to the conceptual level. The draft legislative act, consulted and approved within the civil dialogue, may be changed by the governments of states voting over it (in the EU Council) or as a result of numerous amendments proposed by the European Parliament. Often in the Council, the governments of the EU Member States, even those with a highly decentralised territorial structure, tend to maintain the broadest possible control over the actions of sub-state authorities. On the one hand, this is a politically understandable procedure, but on the other hand, it is important that excess centralisation does not frustrate the concept of European governance and that it does not diminish the effectiveness of Europe and does not waste the opportunities of European integration [22, p. 28].

The networks of individual actors, thematic platforms and transnational associations are the most active in the first phase of the decision-making process. They are the main representatives of the opinions of the societies of the Member States, the inspirers of taking the necessary decisions, and the basic

partner for consultations conducted by the European Commission. They play a similar role in the implementation phase, when the national administration is obliged to transpose European standards into national legal acts. Then they participate in public consultations with the national authorities and monitor the implementation of the EU programmes.

The presented model of European governance has one significant drawback. In the last key phase of the decision-making process, there is no possibility to introduce the participatory element of the evaluation and control of the process. The theoretical model of *good governance* applied in the European Union system has a multi-level system of judicial control.

The functioning of civil participation in the European Union means the existence of a certain civil control. However, it is limited, in comparison with local governments and business structures [16, p. 144; 27, p. 367; 30, p. 134, 287–288]. Representatives of civic organisations submit postulates to the European Commission that it is necessary to modify the existing rules. The governments and national officials have better support – both technical, organisational and financial – to participate in monitoring the decision-making process, but representatives of civil society are deprived from any support.

These conclusions lead to the assumption that the European governance model is not functioning entirely well. There must be connections between the elements of the *good governance* system. The presented analysis demonstrates that only some of its fragments are functioning: legal regulations, law, consultations of several policies. These are the lonely elements of society's influence on decision-making process. The lack of strong systemic connections not only results in instability of the entire structure of European governance, but also weakens the effectiveness of the law.

The authors positively verified the hypothesis that the implementation of the concept of *good governance* in the European Union leads to strengthening the elements that democratise and increase the transparency of the principles of its functioning for citizens. The cooperation of the EU institutions with civic organisations is an expression of the conviction that the quality of the developed policy depends on ensuring the broad participation of the civil society in the creation of concepts and the implemented activities [30, p. 288]. Civil participation and networks of non-governmental organisations in the multi-level system of the EU is extremely important due to the increasing the guarantee of legal protection from the European level and the civil control of the EU institutions involved in the creation of politics and law.

Библиографический список

1. Голубцов В.Г. Метатеоретические правовые исследования в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических иссле-

ований. 2020. Вып. 2. С. 26–47. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-26-47>

2. *Кавешников Н.Ю.* Методы управления в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 8. С. 49–60. (In Russ.)

3. *Морозов С.Ю.* Методология исследования гражданско-правовых механизмов // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2020. Вып. 2. С. 250–266. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266>

4. *Серова О.А., Лескова Ю.Г.* Междисциплинарные исследования: Проблемы методологии // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2020. Вып. 2. С. 267–280. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-267-280>

5. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2013. 464 с.

6. *Тужилова-Орданская Е.М.* Взаимодействие частного и публично-го права: методология исследования проблемы // *Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей*. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 286–304.

7. *Börzel T.* European Governance: Negotiation and Competition in the Shadow of Hierarchy // *Journal of Common Market Studies*. 2010. Vol. 48. Issue 2. Pp. 191–219.

8. *Congleton R.D.* Ethics and Good Governance // *Public Choice*. 2020. Vol. 184. Issue 3–4. Pp. 379–398.

9. *Cieślak Z., Górka M.* Informacja na temat zielonych i białych ksiąg jako instrumentów wykorzystywanych w ramach postępowania legislacyjnego // *Zeszyty Prawnicze Biura Studiów i Ekspertyz Kancelarii Sejmu*. 2007. Vol. 3. Issue 7. Pp. 39–52.

10. *Accountability and European Governance* / Ed. by D. Curtin, P. Mair, Y. Papadopoulos. London; New York: Routledge, 2012. 264 p.

11. *Dumała H.* Zgromadzenie Regionów Europejskich jako grupa interesów regionalnych jednostek terytorialnych // *Przegląd Europejski*. 2020. Issue 1. Pp. 77–93. (In Pol.). <https://doi.org/10.31971/1641-2478pe.1.20.5>

12. *Dumitru A.S.* Does the European Governance Strengthen as a Result of the Reform Process Adopted by the Treaty of Lisbon? // *EUROPOLITY*. 2020. Vol. 14. Issue 1. Pp. 81–110.

13. *Fumasoli T., Stensaker B., Vukasovic M.* Tackling the Multi-Actor and Multi-Level Complexity of European Governance of Knowledge: Transnational Actors in Focus // *European Educational Research Journal*. 2018. Vol. 17. Issue 3. Pp. 325–334.

14. *Gornitzka Å., Sverdrup U.* Who Consults? Expert Groups in the European Union // http://www.arena.uio.no/publications/working-papers2007/papers/wp07_12.xml.

15. *Kołodziejska A., Bąba W.* Polski Lobbying w Unii Europejskiej // *Zeszyty Naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie*. 2006. Issue 701. Pp. 115–139.

16. *Kucheryavaya E.V.* Rola i miejsce organizacji pozarządowych w procesie integracji europejskiej i reformowania UE // *Podmioty integracji europejskiej z perspektywy reformowania Unii Europejskiej*. Warszawa: ELIPSA, 2017. Pp. 114–149.

17. *Kucheryavaya E.V., Witkowska M., Kalinovskaya V., Seleznev P., Zabanova S., Fediakin A.* The Multiculturalism Policy in Europe // *Online Journal Modelling the New Europe*. 2020. Issue 32. Pp. 58–71. <https://doi.org/10.24193/ojmn.2020.32.04>.

18. *Kurczewska U.* Lobbying i grupy interesu w Unii Europejskiej. Warszawa: PWN, 2011. 504 p.

19. *Opaliński M.* Europejskie standardy dobrej administracji // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej we Wrocławiu*. 2011. Issue 26 – Wyzwania w zarządzaniu współczesną administracją. Pp. 169–193.

20. *Pomeranz E.F., Stedman R.C.* Measuring Good Governance: Piloting an Instrument for Evaluating Good Governance Principles // *Journal of Environmental Policy and Planning*. 2020. Vol. 22. Issue 3. Pp. 428–440.

21. *Skawiński F.* Reprezentacja interesów regionów w Unii Europejskiej. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008. 292 p.

22. *Skawiński F.* Zasada partnerstwa oraz kontakty trójstronne jako sposoby realizacji governance w Unii Europejskiej: spojrzenie z perspektywy regionów // *Problemy Rozwoju Miast*. 2006. Vol. 3. Issue 1-4. Pp. 18–30.

23. *Sowa K.Z.* Społeczeństwo obywatelskie a polityka – uwagi o historycznych uwarunkowaniach i perspektywach społeczeństwa obywatelskiego w Polsce // *Państwo i Społeczeństwo*. 2008. Issue 1. Pp. 13–25.

24. *Stoke G.* Governance as Theory: Five Propositions // *International Social Science Journal*. 1998. Vol. 50. Issue 155. Pp. 27–28.

25. *Van Doeveren V.* Rethinking Good Governance: Identifying Common Principles // *Public Integrity*. 2001. Vol. 13. Issue 4. Pp. 301–318.

26. *European Governance: Policy Making Between Politicization and Control* / Ed. by G.P.E. Walzenbach. London: Routledge, 2006. 256 p.

27. *Witkowska M.* Europejskie grupy interesu jako podmioty modernizacji // *Modernizacja Unii Europejskiej* / Ed. by K.A. Wojtaszczyk. Warszawa: ASPRA-JR, 2011. Pp. 347–368.

28. *Witkowska M.* Ponadnarodowa partycypacja obywatelska // *Społeczeństwo obywatelskie w procesie integracji europejskiej* / Ed. by M. Witkowska. Warszawa: ASPRA-JR, 2009. Pp. 122–135.

29. Witkowska M. Przewyciężanie kryzysu w procesie integracji europejskiej poprzez zmiany regulacji dotyczących udziału obywateli UE w podejmowaniu i realizacji decyzji // *Przegląd Europejski*. 2015. Issue 1(35). Pp. 64–95. <https://doi.org/10.31338/1641-2478pe.1.15.3>.

30. Społeczeństwo obywatelskie w procesie integracji europejskiej / Ed. by M. Witkowska. Warszawa: ASPRA-JR, 2009. 290 p.

31. Witkowska M., Kuźelewska E., Potorski R., Czub J.F., Kucheryayeva E.V., Dłuski S. Podmioty integracji europejskiej z perspektywy reformowania Unii Europejskiej. Warszawa: ELIPSA, 2017. 186 p.

References

1. Golubtsov V.G. *Metateoreticheskie pravovye issledovaniia v tsivilistike* [Metatheoretical Legal Research in Civil Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani* – *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 26–47. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-26-47> (In Russ.)

2. Kaveshnikov N.Iu. *Metody upravleniia v Evropeiskom Soiuzie* [Methods of Governance in the European Union]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* – *World Economy and International Relations*. 2015. Issue 8. Pp. 49–60. (In Russ.)

3. Morozov S.Iu. *Metodologii issledovaniia grazhdansko-pravovykh mekhanizmov* [Methodology for the Study of Civil Law Mechanisms]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani* – *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 250–266. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266> (In Russ.)

4. Serova O.A., Leskova Yu.G. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia: problemy metodologii* [Interdisciplinary Research: Problems of Methodology]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani* – *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 267–280. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-267-280> (In Russ.)

5. Syrykh V.M. *Istoriia i metodologii iuridicheskoi nauki: uchebnik* [History and Methodology of Legal Science: Textbook]. Moscow, 2013. 464 p. (In Russ.)

6. Tuzhilova-Ordanskaia E.M. *Vzaimodeistvie chastnogo i publichnogo prava: metodologii issledovaniia problemy* [The Interaction of Private and Public Law: The Methodology of the Problem Research]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017]. Moscow, 2017. Pp. 286–304. (In Russ.)

7. Börzel T. European Governance: Negotiation and Competition in the Shadow of Hierarchy. *Journal of Common Market Studies*. 2010. Vol. 48. Issue 2. Pp. 191–219. (In Eng.)
8. Congleton R.D. Ethics and Good Governance. *Public Choice*. 2020. Vol. 184. Issue 3–4. Pp. 379–398. (In Eng.)
9. Cieślak Z., Górka M. Informacja na temat zielonych i białych ksiąg jako instrumentów wykorzystywanych w ramach postępowania legislacyjnego. *Zeszyty Prawnicze Biura Studiów i Ekspertyz Kancelarii Sejmu*. 2007. Vol. 3. Issue 7. Pp. 39–52. (In Pol.)
10. Curtin D., Mair P., Papadopoulos Y. (eds.). Accountability and European Governance. London; New York, 2012. 264 p. (In Eng.)
11. Dumała H. Zgromadzenie Regionów Europejskich jako grupa interesów regionalnych jednostek terytorialnych. *Przegląd Europejski*. 2020. Issue 1. Pp. 77–93. <https://doi.org/10.31971/1641-2478pe.1.20.5> (In Pol.)
12. Dumitru A.S. Does the European Governance Strengthen as a Result of the Reform Process Adopted by the Treaty of Lisbon? *EUROPOLITY*. 2020. Vol. 14. Issue 1. Pp. 81–110. (In Eng.)
13. Fumasoli T., Stensaker B., Vukasovic M. Tackling the Multi-Actor and Multi-Level Complexity of European Governance of Knowledge: Transnational Actors in Focus. *European Educational Research Journal*. 2018. Vol. 17. Issue 3. Pp. 325–334. (In Eng.)
14. Gornitzka Å., Sverdrup U. Who Consults? Expert Groups in the European Union. URL: http://www.arena.uio.no/publications/working-papers2007/papers/wp07_12.xml. (In Eng.)
15. Kołodziejaska A., Bąba W. Polski Lobbying w Unii Europejskiej. *Zeszyty Naukowe Akademii Ekonomicznej w Krakowie*. 2006. Issue 701. Pp. 115–139. (In Pol.)
16. Kucheryavaya E.V. Rola i miejsce organizacji pozarządowych w procesie integracji europejskiej i reformowania UE. In *Podmioty integracji europejskiej z perspektywy reformowania Unii Europejskiej*. Warszawa, 2017. Pp. 114–149. (In Pol.)
17. Kucheryavaya E.V., Witkowska M., Kalinovskaya V., Seleznev P., Zubanova S., Fediakin A. The Multiculturalism Policy in Europe. *Online Journal Modelling the New Europe*. 2020. Issue 32. Pp. 58–71. (In Eng.) <https://doi.org/10.24193/ojmne.2020.32.04>
18. Kurczewska U. Lobbying i grupy interesu w Unii Europejskiej. Warszawa, 2011. 504 p. (In Pol.)
19. Opaliński M. Europejskie standardy dobrej administracji. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej we Wrocławiu*. 2011. Issue 26 – Wyzwania w zarządzaniu współczesną administracją. Pp. 169–193. (In Pol.)
20. Pomeranz E.F., Stedman R.C. Measuring Good Governance: Piloting an Instrument for Evaluating Good Governance Principles. *Journal of*

Environmental Policy and Planning. 2020. Vol. 22. Issue 3. Pp. 428–440. (In Eng.)

21. *Skawiński F.* Reprezentacja interesów regionów w Unii Europejskiej. Warszawa, 2008. 292 p. (In Pol.)

22. *Skawiński F.* Zasada partnerstwa oraz kontakty trójstronne jako sposoby realizacji governance w Unii Europejskiej: spojrzenie z perspektywy regionów. *Problemy Rozwoju Miast*. 2006. Vol. 3. Issue 1–4. Pp. 18–30. (In Pol.)

23. *Sowa K.Z.* Społeczeństwo obywatelskie a polityka – uwagi o historycznych uwarunkowaniach i perspektywach społeczeństwa obywatelskiego w Polsce. *Państwo i Społeczeństwo*. 2008. Issue 1. Pp. 13–25. (In Pol.)

24. *Stoke G.* Governance as Theory: Five Propositions. *International Social Science Journal*. 1998. Vol. 50. Issue 155. Pp. 27–28. (In Eng.)

25. *Van Doeveren V.* Rethinking Good Governance: Identifying Common Principles. *Public Integrity*. 2001. Vol. 13. Issue 4. Pp. 301–318. (In Eng.)

26. *Walzenbach G.P.E. (ed.)*. European Governance: Policy Making Between Politicization and Control. London, 2006. 256 p. (In Eng.)

27. *Witkowska M.* Europejskie grupy interesu jako podmioty modernizacji. In *Wojtaszczyk K.A. (ed.)*. Modernizacja Unii Europejskiej. Warszawa, 2011. Pp. 347–368. (In Pol.)

28. *Witkowska M.* Ponadnarodowa partycypacja obywatelska. In *Witkowska M. (ed.)*. Społeczeństwo obywatelskie w procesie integracji europejskiej. Warszawa, 2009. Pp. 122–135. (In Pol.)

29. *Witkowska M.* Przewycięzanie kryzysu w procesie integracji europejskiej poprzez zmiany regulacji dotyczących udziału obywateli UE w podejmowaniu i realizacji decyzji. *Przegląd Europejski*. 2015. Issue 1(35). Pp. 64–95. <https://doi.org/10.31338/1641-2478pe.1.15.3> (In Pol.)

30. *Witkowska M. (ed.)*. Społeczeństwo obywatelskie w procesie integracji europejskiej. Warszawa, 2009. 290 p. (In Pol.)

31. *Witkowska M., Kuźlewska E., Potorski R., Czub J.F., Kucheryaeva E.V., Dłuski S.* Podmioty integracji europejskiej z perspektywy reformowania Unii Europejskiej. Warszawa, 2017. 186 p. (In Pol.)

Information about the authors:

Marta Witkowska

Dr hab., Associate Professor,

Expert of the European Commission in Poland – the Member of “Team Europe”

Department of Law and Institutions of the European Union

Faculty of Political Science and International Studies

University of Warsaw

26/28 Krakowskie Przedmieście St., Warsaw, 00-927, Poland

ORCID: 0000-0003-3202-486X

ResearcherID: ABC-1786-2020

Scopus Author ID: 57217235806

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.24193/OJMNE.2020.32.04>

Elena Kucheryavaya

PhD

Faculty of Political Science and International Studies

University of Warsaw

26/28 Krakowskie Przedmieście St., Warsaw, 00-927, Poland

ORCID: 0000-0002-6139-4635

ResearcherID: I-7834-2015

Scopus Author ID: 57217227294

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.24193/OJMNE.2020.32.04>

<https://doi.org/10.31648/pw.5458>

Информация об авторах:

Марта Витковска

Хабилитированный доктор политических наук,

профессор кафедры права и институтов Европейского союза,

эксперт Европейской комиссии в Польше — член «*Team Europe*»

Факультет политологии и международных исследований

Варшавский университет

ORCID: 0000-0003-3202-486X

ResearcherID: ABC-1786-2020

Scopus Author ID: 57217235806

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.24193/OJMNE.2020.32.04>

Елена Кучерявая

Доктор гуманитарных наук,

Факультет политологии и международных исследований

Варшавский университет

ORCID: 0000-0002-6139-4635

ResearcherID: I-7834-2015

Scopus Author ID: 57217227294

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.24193/OJMNE.2020.32.04>

<https://doi.org/10.31648/pw.5458>

ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЦИВИЛИСТИКЕ И АТТЕСТАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

УДК 34.09

<https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-163-180>

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДИССЕРТАЦИИ

А.В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: gabov@igpran.ru

Введение: в статье рассматривается достаточно редко попадающий в фокус внимания отечественных исследователей правовой феномен дополнительного заключения по диссертации, который регулируется нормами Положения о присуждении ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842) (далее — Положение о присуждении ученых степеней) и Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (утв. приказом Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093) (далее — Положение о диссертационном совете). Актуальность вопроса объясняется происходящими процессами трансформации всех основных элементов государственной системы научной аттестации.

Цель: показать основные элементы института дополнительного заключения, проблемы его правового регулирования, в том числе в связи изменениями, внесенными в государственную систему научной аттестации Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-тех-

нической политике»» (далее — Закон № 148-ФЗ), а также направления совершенствования данного института. **Методы:** системный анализ, исторический метод. **Результаты:** выявлены цели института дополнительного заключения по диссертации; отмечены дефекты в регулировании дополнительного заключения по диссертации; с учетом значительного изменения государственной системы научной аттестации в связи получением рядом организаций права самостоятельного присуждения ученых степеней, а также накопившейся практики применения данного института сформулированы направления его совершенствования. **Выводы:** по мнению автора статьи, от института дополнительного заключения не следует отказываться: он вполне может быть востребован в будущем и в деятельности организаций, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени. Действующее регулирование института дополнительного заключения требует полной реновации.

Ключевые слова: государственная система научной аттестации; аттестация; присуждение ученых степеней; диссертация; экспертиза диссертации; диссертационный совет; критерии диссертации; Высшая аттестационная комиссия; экспертный совет; дополнительное заключение по диссертации.

ADDITIONAL CONCLUSION ON A DISSERTATION

A.V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Belgorod State National Research University

E-mail: gabov@igpran.ru

Introduction: the article deals with the legal phenomenon of an additional conclusion on a dissertation that rarely comes into the focus of attention of domestic researchers, which is regulated in the Regulations on Awarding Academic Degrees and the Regulations on the Council for the Defense of Dissertations for the Degree of Candidate of Science, for the Degree of Doctor of Science. The relevance of the issue is explained by the ongoing processes of transformation of all the main elements of the state system of scientific certification. **Purpose:** to show the main elements of this institute, the problems of its regulation, including in connection with the changes made to the state system of scientific certification by Federal Law of 23 May 2016 No. 148-FZ “On Amendments to Article 4 of the Federal Law ‘On Science and State Scientific and Technical Policy’” (hereinafter — Law No. 148-FZ), as well as the directions for improving legal regulation of this institute. **Methods:** system analysis, historical method. **Results:**

*the goals of the institute of additional conclusions on the dissertation are revealed; marked defects in the regulation of additional conclusion on the dissertation; given the significant changes in the state system of scientific attestation in connection with the receipt of a number of organizations right of self-awarding degrees, as well as the accumulated practice of application of this institute, the directions of its improvement are formulated. **Conclusions:** according to the author of the article, the institute of additional conclusion should not be abandoned, it may well be in demand in the future and in the activities of organizations, those who have received the right to independently award academic degrees. The current regulation of the institute of additional conclusion requires complete renovation.*

Keywords: *state system of scientific attestation; attestation; awarding of scientific degrees; dissertation; dissertation examination; dissertation council; dissertation criteria; Higher Attestation Commission; expert council; additional conclusion on the dissertation.*

Введение

Главным элементом государственной системы научной аттестации в Российской Федерации является диссертационный совет.

Диссертационный совет в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) и подзаконными нормативными актами¹ принимает диссертацию к предварительному рассмотрению, проводит экспертизу соответствия представленной диссертаций², принимает ее к защите, а также присуждает ученую степень.

Диссертационный совет — как по функциям, которые он выполняет, так и по требованиям к его составу³ — это сообщество экспертов самой

¹ Диссертационные советы, образуемые решением Минобрнауки России, — согласно Положению о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете, а диссертационные советы, образуемые в организациях, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, — на основании соответствующих документов данных организаций.

² О соответствии темы и содержания диссертации научным специальностям и отраслям науки, по которым диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации, о полноте изложения материалов диссертаций в работах, опубликованных соискателем ученой степени, о выполнении требований к публикации основных научных результатов диссертации, предусмотренных п. 11 и 13 Положения о присуждении ученых степеней, о соблюдении требований, установленных п. 14 Положения о присуждении ученых степеней.

³ И они одинаковы как для советов, созданных решениями Минобрнауки России, так и для советов, созданных организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней.

высокой квалификации. Тем не менее отечественная модель аттестации с советского времени и вплоть до 2016 г., когда часть организаций получила право самостоятельного присуждения ученых степеней¹, предусматривает оценку диссертации и материалов диссертационных дел специальными государственными органами с задействованием экспертов, объединенных в экспертные советы по соответствующим научным специальностям.

Нормативные акты советского периода предусматривали при проведении соответствующей экспертизы возможность принятия решений о необходимости проведения дополнительной экспертизы диссертации. В одних актах для такой экспертизы предусматривалась альтернатива: либо направить на «рецензию», либо на «дополнительное заключение»; так, п. 76 Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий (утв. постановлением Совмина СССР от 29 декабря 1975 г. № 1067) указывал, что экспертный совет «в необходимых случаях» направляет «диссертации на рецензии или на дополнительные заключения о их соответствии необходимым требованиям в специализированные советы». Впоследствии как советские, так и постсоветские нормативные акты упоминали о направлении диссертации вместе с аттестационным делом *только на дополнительное заключение* (см. п. 41 Положения о порядке присуждения ученых степеней и ученых званий (утв. постановлением Совмина СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186)). Отметим, что в последнем указанном документе такое дополнительное заключение называлось «*коллективной рецензией*», однако в более поздних актах данная формулировка более не использовалась.

Случаи использования института дополнительного заключения

Действующее регулирование государственной системы научной аттестации предусматривает два случая использования дополнительного заключения:

— *во-первых*, на этапе рассмотрения Минобрнауки России диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, диссертации на соискание ученой степени доктора наук и аттестационных дел (далее — диссертация). При установлении Экспертным советом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее соответственно — Экспертный совет и ВАК России) в процессе проведения экспертизы диссертации ее несоответствия установленным

¹ На основании Закона № 148-ФЗ. Подробнее см.: [3, с. 54–55, 77–80].

критериям и требованиям¹ ВАК России на основании рекомендации Экспертного совета вправе рекомендовать² Минобрнауки России направить диссертацию на дополнительное заключение в другой диссертационный совет (т.е. не в тот совет, в котором была осуществлена защита диссертации);

— *во-вторых*, в процессе рассмотрения заявления о лишении ученой степени³. В данном случае мы встречаем косвенное упоминание дополнительного заключения: в п. 76 Положения о присуждении ученых степеней говорится о продлении срока принятия Минобрнауки России решения по заявлению о лишении ученой степени в случае *направления заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему материалов в другой диссертационный совет на дополнительное заключение*. При этом п. 65–77 Положения о присуждении ученых степеней никаких иных положений не устанавливает.

Основания для принятия решения о направлении диссертации на дополнительное заключение

Анализ нормативных актов советского и постсоветского периодов показывает, что для направления диссертации на дополнительное заключение (в процессе ее рассмотрения) использовались следующие основания:

— *некачественная экспертиза при защите диссертации в диссертационном (специализированном совете)*⁴;

¹ См. Положение об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (утв. приказом Минобрнауки России от 25 декабря 2013 г. № 1393).

² Здесь надо отметить некоторые юридико-технические дефекты в части изложения полномочий: если п. 4 Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 237) указывает на то, что ВАК России *«вырабатывает рекомендации»* для Минобрнауки России о направлении диссертации на дополнительное заключение, то п. 44 Положения о присуждении ученых степеней устанавливает, что ВАК России *направляет* диссертацию на дополнительное заключение.

³ Подается физическим или юридическим лицом в Минобрнауки России в течение 10 лет со дня принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени.

⁴ Соответствующие формулировки встречаем в п. 41 Положения о порядке присуждения ученых степеней и ученых званий (утв. постановлением Совмина СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186), п. 40 Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий (утв. постановлением Правительства РФ от 24 октября 1994 г. № 1185), п. 36 Положения о порядке присуждения ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74) (в первоначальной редакции). О примерах того, что относится к проявлениям некачественной экспертизы, см.: [1, с. 195–196].

— *некачественная подготовка заключения диссертационного совета*¹;

— *несоответствие содержания представленных в аттестационном деле материалов и диссертации (в случае ее представления в Экспертный совет) установленным Положением о присуждении ученых степеней критериям, которым должна отвечать диссертация*².

Последнее основание используется в действующем Положении о присуждении ученых степеней. Указанная формулировка основания для принятия соответствующего решения Экспертным советом и ВАК России, с нашей точки зрения, представляется оптимальной. «Некачественная экспертиза», «некачественная подготовка заключения» — понятия, не в полной мере определенные, которые предполагают излишнюю степень усмотрения при принятии соответствующих решений. Действующее же основание предельно конкретно, оно исключает технические замечания³: решение принимается на основании соответствия/несоответствия требованиям (критериям), предъявляемым к диссертации.

Критерии, которым должна отвечать диссертация, в настоящее время установлены: для организаций, диссертационные советы в которых создаются решениями Минобрнауки России, — в отдельном разделе Положения о присуждении ученых степеней (п. 9—14), а для организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, — соответствующими документами таких организаций⁴. Положение о присуждении ученых степеней устанавливает две группы соответствующих критериев: *общие для любой диссертации* (научность; новизна; аргументированность положений, выводов; самостоятельность исполнения; внутреннее единство; известность (публичность) результатов, содержащихся в диссертации; корректность заимствований), а также *специальные требования*, сформулированные исходя из вида диссертации (отдельно для кандидатской и для докторской диссертации) и ее содержания (отдельно для диссертации, имеющей

¹ См. п. 36 Положения о порядке присуждения ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74, в ред. постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475).

² См. п. 44 Положения о присуждении ученых степеней.

³ Их последствия регулируются п. 39 Положения о присуждении ученых степеней, а для организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, — соответствующими документами таких организаций.

⁴ Согласно ст. 4 Закона о науке организации, получившие право самостоятельно присуждения ученых степеней, вправе устанавливать собственные критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней; такие критерии не могут быть ниже аналогичных критериев, установленных Положением о присуждении ученых степеней.

прикладной характер, и отдельно для диссертации, имеющей теоретический характер)¹.

Основания направления заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему материалов на дополнительное заключение не вполне ясны.

Можно предположить, что специальных оснований нет; диссертационный совет, в который направляются материалы на дополнительное заключение, будет устанавливать наличие/отсутствие оснований, указанных в п. 65 Положения о присуждении ученых степеней (нарушение требований, установленных п. 2 и 3 Положения о присуждении ученых степеней, и (или) критериев, установленных п. 9–14 этого же документа).

При ответе на вопрос об основаниях важно понимать несколько принципиальных моментов:

– Экспертный совет *вправе* принять рекомендацию (заключение) для ВАК России о направлении диссертации на дополнительное заключение, *но делать этого не обязан*; пределы усмотрения Экспертного совета определяются в данном случае им самим на основании экспертной оценки (экспертизы);

– ВАК России на основании заключения Экспертного совета *вправе* рекомендовать Минобрнауки России направить диссертацию на дополнительное заключение, но может принять иное решение — заключение Экспертного совета для него не носит обязательного характера; пределы усмотрения здесь ничем не определены; по существу, как и в случае с Экспертным советом, главное основание для принятия любого решения — экспертная оценка (экспертиза);

– никаких положений о возможностях Минобрнауки России принять иное решение, если есть рекомендация ВАК России направить диссертацию на дополнительное заключение, соответствующие нормативные акты не устанавливают.

Выбор диссертационного совета для направления диссертации на дополнительное заключение

Действующие нормативные документы не определяют основания выбора диссертационного совета, в который направляется на дополнительное заключение диссертация. Данный пробел восполняется использованием сложившихся в государственной системе научной аттестации деловых обыкновений: соответствующий диссертационный совет должен осуществлять защиту по специальности, по которой

¹ Подробнее см.: [2, с. 3–15].

защищена диссертация; организация, при которой создан диссертационный совет, не должна быть задействована в защите диссертации, направленной на дополнительное заключение (она не была ведущей организацией или ее работники не были официальными оппонентами); считается, что таким образом «снимается» потенциальный конфликт интересов, который может сказаться на объективности подготовки дополнительного заключения.

Вопрос о выборе диссертационного совета имеет в настоящее время и еще один проблемный аспект, связанный с изменениями государственной системы научной аттестации. Сейчас в данной системе функционируют как диссертационные советы, создаваемые Минобрнауки России, так и диссертационные советы, создаваемые организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней на основании Закона № 148-ФЗ. В связи с этим возникает вопрос: может ли ВАК России рекомендовать Минобрнауки России направлять диссертации на дополнительное заключение в диссертационные советы, создаваемые организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней?

Прямо названный вопрос законодательством не решен. Следует отметить, что согласно п. 1 Положения о присуждении ученых степеней и п. 1 Положения о диссертационном совете действие указанных подзаконных нормативных актов не распространяется на организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней. При этом в п. 4 Положения о диссертационном совете установлено, что диссертационный совет «дает дополнительные заключения по диссертациям, защита которых проводилась в других диссертационных советах». Учитывая, что данный документ, как было отмечено выше, не распространяется на организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней, можно предположить, что под «диссертационным советом» в п. 4 Положения о диссертационном совете понимается исключительно диссертационный совет, созданный Минобрнауки России. Таким образом, можно предположить, что возможность ВАК России рекомендовать Минобрнауки России направлять диссертации на дополнительное заключение в диссертационные советы, создаваемые организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней, исключена.

Вместе с тем нельзя не отметить, что документы ряда организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, *предусматривают порядок рассмотрения диссертаций, направленных Минобрнауки России на дополнительное заключение* (см., например, разд. 9 Положения о диссертационном совете Физико-технического

института им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук¹, разд. 8 Положения о диссертационных советах Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН² и др.).

С нашей точки зрения, этот вопрос требует однозначного и положительного решения в Положении о присуждении ученых степеней и Положении о диссертационном совете; *ВАК России должен иметь определенно и ясно сформулированное право рекомендовать, а Минобрнауки России направлять диссертации, защита которых осуществлена в диссертационных советах, созданных Минобрнауки России, в диссертационные советы, созданные организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней.*

Возникает, как думается, необходимость урегулировать вопрос и в обратную сторону: теоретически можно представить, что необходимость направления диссертации на дополнительное заключение может возникнуть и у организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней. Соответственно, такие организации тоже должны иметь возможность направлять диссертации, защищенные в созданных в них советах, в диссертационные советы, созданные Минобрнауки России. Подобная ситуация как минимум может возникнуть при рассмотрении заявлений о лишении присужденной ученой степени.

Порядок подготовки и принятия дополнительного заключения диссертационным советом

Этот порядок в настоящее время регулируется для диссертационных советов, созданных Минобрнауки России, одним документом — Положением о диссертационном совете.

Положение о диссертационном совете содержит следующие нормы в части рассмотрения диссертаций, направленных на дополнительное заключение.

Во-первых, направленная на дополнительное заключение диссертация должна быть рассмотрена диссертационным советом *в течение двух месяцев со дня поступления* (п. 57 Положения о диссертационном совете). Нормативные документы не предусматривают никаких возможностей для сокращения или — что гораздо более актуально для диссертационных советов — для увеличения таких сроков. Между тем столь жесткий срок для рассмотрения при всех дисциплинирующих

¹ См.: <http://www.ioffe.ru/index.php?row=13&subrow=0>.

² См.: http://www.niboch.nsc.ru/lib/exe/fetch.php/ru/education/council/приказ_55_2019_положения_2.pdf.

моментах имеет значительный минус — отсутствие учета реальных обстоятельств, при которых сроки должны быть изменены. Типичный пример — ситуация с приостановлением деятельности научных и образовательных организаций в период распространения коронавирусной инфекции (здесь вопросы переноса заседаний решались решениями и письмами Минобрнауки России). Отметим, что помимо диссертации в организацию, диссертационный совет при которой готовит дополнительное заключение, направляется также и аттестационное дело соискателя. Как видно, Положение о диссертационном совете даже теоретически не допускает ситуации, когда диссертация и аттестационное дело поступают в диссертационный совет в разные даты. Между тем подобная ситуация (и даже не теоретически) может возникнуть. Как в таком случае считать двухмесячный срок — неясно. Этот вопрос, хотя и является техническим, требует специального регулирования; такого же регулирования требует вопрос о том, каковы должны быть последствия предоставления диссертации и аттестационного дела в состоянии, не позволяющем с ними работать (не читается текст по каким-то причинам и пр.).

Во-вторых, установлено правило о том, что на одном заседании диссертационного совета готовится только одно дополнительное заключение по диссертации; при этом диссертации, направляемые Минобрнауки России на дополнительное заключение, рассматриваются в первоочередном порядке (п. 24 Положения о диссертационном совете).

В-третьих, после поступления диссертации из Минобрнауки России диссертационный совет на своем заседании создает *комиссию диссертационного совета* для ознакомления с диссертацией, *оценки критических замечаний*, высказанных ВАК Россией на этапе рассмотрения аттестационного дела, и представления диссертационному совету проекта дополнительного заключения по диссертации.

Требования к количественному и качественному составу данной комиссии аналогичны тем, которые предъявляются к комиссии, создаваемой при принятии диссертации к предварительному рассмотрению в соответствии с п. 31 Положения о диссертационном совете и п. 18 Положения о присуждении ученых степеней, в частности: количественный состав такой комиссии — не менее трех человек; в их число могут входить члены диссертационного совета, являющиеся специалистами по проблемам каждой научной специальности защищаемой диссертации; в состав комиссии могут также включаться специалисты в соответствующей области науки, не являющиеся членами диссертационного совета (в том числе не являющиеся работниками организации, на базе которой создан диссертационный совет), отве-

чающие требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов; председателем комиссии назначается член диссертационного совета — работник организации, на базе которой создан диссертационный совет. Комиссия формируется открытым голосованием членов диссертационного совета простым большинством голосов таких членов, участвующих в его заседании.

При оценке полномочий рассматриваемой комиссии диссертационного совета следует особо обратить внимание на следующие обстоятельства:

— *только и исключительно* указанная комиссия готовит проект дополнительного заключения; подготовки каких-либо альтернативных проектов заключений нормативные акты не предусматривают; соответственно, у диссертационного совета нет возможности отказаться от проекта и принять за основу обсуждения какой-то другой проект, подготовленный иными лицами; при этом полного соответствия содержания проекта дополнительного заключения, подготовленного комиссией, и дополнительного заключения, которое в итоге принимает диссертационный совет, Положение о диссертационном совете (п. 62) формально не предусматривает. Однако то, каким образом происходит трансформация проекта в итоговый текст дополнительного заключения, *нормативные акты не определяют*. Предположим, что был подготовлен проект дополнительного заключения, который вызвал неприятие в ходе обсуждения большинства членов диссертационного совета, — что тогда делать? Времени (да и правовой возможности) на подготовку нового проекта нет, а принимать решение надо; к тому же п. 57–63 Положения о диссертационном совете не предусматривают внесения изменений в проект дополнительного заключения, а лишь дискуссию членов диссертационного совета. Пункты 61 и 62 Положения о диссертационном совете устанавливают процедуру тайного голосования — *без указания того, по какому вопросу оно проводится*, а затем еще голосования за принятие дополнительного заключения. Чему посвящено первое голосование? Видимо, определению того, соответствует ли диссертация установленным критериям и требованиям, но тогда возникает другой вопрос: зачем проводить отдельное голосование по дополнительному заключению, в котором как раз и должно быть установлено такое соответствие/несоответствие? Закрепленная законом конструкция видится тяжеловесной и создающей риски расхождения содержания первого решения диссертационного совета и решения по дополнительному заключению. С нашей точки зрения, в настоящее время *следует исходить из того, что на второе голосование ставится вопрос о принятии проекта дополнительного заключения, подготовленного комиссией диссертационного совета, без*

внесения в него каких-либо изменений. Если члены диссертационного совета имеют мнение иное, чем члены комиссии совета, то они могут выразить его, отказавшись от участия в голосовании или проголосовав против проекта заключения диссертационного совета (здесь можно провести аналогию с защитой диссертации: ее текст в ходе обсуждения также не подлежит изменению — свое отношение к ней члены диссертационного совета выражают в ходе голосования). В будущем следует, как думается, *однозначно закрепить в нормативных документах, что на голосование должен ставиться один вопрос — об утверждении проекта дополнительного заключения; кроме того, необходимо однозначно определиться с тем, может ли указанный проект подвергнуться изменениям в ходе дискуссии на диссертационном совете, и если может, то в какой форме и в какой степени;*

— круг вопросов, который рассматривает комиссия диссертационного совета, определен предельно конкретно в п. 57 Положения о диссертационном совете: а) *ознакомление с диссертацией и материалами аттестационного дела соискателя ученой степени* и б) *оценка критических замечаний, высказанных ВАК России на этапе рассмотрения аттестационного дела.* Как видно, комиссия диссертационного совета хотя и имеет все материалы аттестационного дела и тексты, но строит свою работу только вокруг оценки критических замечаний ВАК России, отраженных в материалах аттестационного дела. Говоря иначе, перед нами не новая (дополнительная) защита, а оценка результатов экспертизы диссертации со стороны Экспертного совета и ВАК России. В таком подходе есть безусловные плюсы для соискателя ученой степени, уже проделавшего до этого большой путь по продвижению результатов своих научных исследований. Однако есть и вопросы. По существу, диссертационный совет оценивает работу Экспертного совета и ВАК России, тогда как предметом оценки на предмет выявления соответствия/несоответствия установленным критериям должны быть сама диссертация и материалы аттестационного дела. Возникает следующий вопрос: как реагировать комиссии диссертационного совета и самому диссертационному совету, если в ходе подготовки проекта дополнительного заключения были выявлены несоответствия критериям, не отмеченные в заключениях Экспертного совета и ВАК России? Если подходить строго формально, то комиссия диссертационного совета должна их игнорировать, ведь она оценивает только *критические замечания*, высказанные ВАК России на этапе рассмотрения аттестационного дела. Однако такой подход обесценивает экспертный потенциал диссертационного совета, дающего дополнительное заключение; он может привести к тому, что диссертационная работа, не соответствующая критериям, в итоге

«проскочит» благополучно все проверочные инстанции в государственной системе научной аттестации. Поэтому, с нашей точки зрения, диссертационный совет, принимающий дополнительное заключение, вправе отразить и иные несоответствия работы критериям в случае их выявления, а нормативные акты в указанной части требуют соответствующей корректировки.

В-четвертых, п. 58 Положения о диссертационном совете предусматривает право соискателя на предварительное ознакомление с проектом дополнительного заключения по диссертации не позднее чем за 10 дней до даты проведения заседания диссертационного совета. К сожалению, порядок реализации этого права не урегулирован: неясно, как и когда направляется (и направляется ли вообще) такой проект соискателю, в каком виде (просто текст или копия реального документа со всеми реквизитами и подписями) он ему предоставляется для ознакомления и пр. Подобное положение дел нельзя признать сколь-нибудь удовлетворительным. Очевидно, что нормативные акты должны прямо фиксировать, что организация, в которой создан диссертационный совет, принимающий дополнительное заключение, должна направить в установленный срок по адресу (адресам) соискателя, указанным в аттестационном деле, проект заключения; также должно быть указано, что проект заключения доступен для ознакомления в указанный срок у секретаря диссертационного совета, а соискатель имеет право в любой момент времени ознакомиться с ним. Впрочем, есть и более простой вариант решения этой проблемы: проект дополнительного заключения после его подготовки и подписания размещается на сайте организации в информационной сети «Интернет» для всеобщего ознакомления, в том числе и самим соискателем.

В-пятых, п. 58 Положения о диссертационном совете предусматривает обязательный круг лиц, которые приглашаются на заседание диссертационного совета по принятию дополнительного заключения: соискатель ученой степени; председатель или заместитель председателя диссертационного совета, в котором проходила защита диссертации; официальные оппоненты по диссертации; представитель ведущей организации; научный руководитель или научный консультант соискателя; ведущие специалисты в соответствующей отрасли знания. При этом присутствие указанных лиц на заседании диссертационного совета не является обязательным, однако сказывается на порядке его проведения:

— в случае присутствия на заседании диссертационного совета соискателя ученой степени ему после выступления председательствующего на заседании и секретаря диссертационного совета предоставляется слово для изложения существа и основных положений

диссертации, ответов на вопросы в устной или письменной форме; после окончания дискуссии и до начала голосования ему также предоставляется заключительное слово (п. 59 и 60 Положения о диссертационном совете); кроме того, ему объявляется принятое дополнительное заключение по диссертации (п. 62 Положения о диссертационном совете);

— все указанные лица вправе принимать участие в дискуссии, как лица, «присутствующие на заседании диссертационного совета» (п. 60 Положения о диссертационном совете).

Часть приведенных положений вызывает удивление. Хорошо видно, что они не в полной мере соответствуют кругу вопросов, который рассматривает комиссия диссертационного совета: если оценке подлежат критические замечания, высказанные ВАК России на этапе рассмотрения аттестационного дела, *то зачем соискателю предоставляется возможность «изложения существа и основных положений диссертации»?* Ведь, еще раз это подчеркнем, принятие дополнительного заключения — это не новая защита диссертации. Строго говоря, нормы Положения о диссертационном совете в данной части должны быть приведены в соответствие между собой.

В-шестых, п. 60 Положения о диссертационном совете предусматривает обсуждение проекта дополнительного заключения и дискуссию. Такой подход не вызывает каких-то существенных замечаний, поскольку в полной мере соответствует правовому положению диссертационного совета как экспертной научной структуры. Однако, как уже было отмечено выше, требуется более определенная квалификация результатов обсуждения и дискуссии: формально они не должны (если исходить из текущего регулирования) отражаться в проекте дополнительного заключения, поскольку представляют собой лишь публичную оценку со стороны экспертов — членов диссертационного совета и иных присутствующих лиц выводов заключения. Если же будет воспринят иной подход, а именно целесообразность учета высказанных в ходе дискуссии замечаний, чего нет сегодня, то требуется закрепить процедурные вопросы изменения текста проекта заключения (голосование членов диссертационного совета прямо на заседании за изменения).

В-седьмых, как уже было отмечено, п. 61 и 62 Положения о диссертационном совете предусматривают два голосования — тайное и открытое — по принятию дополнительного заключения. Помимо высказанных выше замечаний и предложений по этой части Положения о диссертационном совете, нельзя не обратить внимание на разность голосов, которыми принимаются данные решения: первое решение принимается («решение диссертационного совета

считается положительным...»), если за него проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ членов диссертационного совета, участвовавших в его заседании, а вот второе – простым большинством голосов таких членов. С нашей точки зрения, оснований для различий в количестве голосов не усматривается.

В-восьмых, Положением о диссертационном совете предусматривается оформление и направление результатов деятельности диссертационного совета, принявшего дополнительное заключение:

– диссертационный совет в течение двух недель со дня своего заседания направляет в Минобрнауки России дополнительное заключение по диссертации, стенограмму заседания, подписанную председателем и ученым секретарем диссертационного совета и заверенную печатью организации, на базе которой создан диссертационный совет (при наличии печати), а также диссертацию соискателя ученой степени и его аттестационное дело;

– копия дополнительного заключения по диссертации выдается соискателю ученой степени по его просьбе в течение двух недель со дня проведения заседания диссертационного совета, на котором было принято дополнительное заключение.

Последствия направления диссертации на дополнительное заключение для срока рассмотрения аттестационных дел

Положение о присуждении ученых степеней устанавливает жесткие сроки рассмотрения аттестационных дел. В частности, п. 52 указанного документа определяет, что срок принятия Минобрнауки России решения о выдаче диплома доктора наук *не может превышать шести месяцев со дня поступления аттестационного дела в Минобрнауки России*. Однако данный пункт предусматривает значительное продление этого срока в случае направления Минобрнауки России диссертации и аттестационного дела на дополнительное заключение. В таком случае указанный срок *может быть продлен до 11 месяцев*. Отметим, что данная норма не предусматривает субъекта, принимающего решение о продлении срока, а также момент принятия такого решения. Очевидно, что в названном пункте должно быть закреплено, что решение принимается Минобрнауки России одновременно с принятием решения о направлении диссертации на дополнительное заключение в форме распорядительного документа.

Продление сроков в связи с направлением на дополнительное заключение заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему материалов предусматривается и п. 76 Положения о присуждении ученых степеней. Согласно этому пункту срок принятия

Минобрнауки России решения по заявлению о лишении ученой степени не может превышать шести месяцев со дня поступления в Минобрнауки России документов, предусмотренных п. 70 Положения о присуждении ученых степеней. Однако данный срок может быть продлен Минобрнауки России в случае направления заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему материалов в другой диссертационный совет на дополнительное заключение. Срок, на который продлевается рассмотрение материалов, при этом не указывается.

Помимо того, что в названном пункте, как мы отмечали выше, не вполне понятно, когда и по какому основанию возникает необходимость направления материалов на дополнительное заключение, не совсем ясен и момент начала течения срока. Ссылка на п. 70 Положения о присуждении ученых степеней может на самом деле означать несколько стартовых точек (для этого достаточно посмотреть содержание данного пункта), а потому комментировать положения п. 76 Положения о присуждении ученых степеней в настоящее время затруднительно и по большому счету бессмысленно — здесь требуется полная его корректировка.

Выводы

Как показывает проведенный анализ, институт дополнительного заключения имеет множество недостатков — начиная от самой цели его существования до значительного количества вопросов содержательного и юридико-технического характера, а потому как для целей осуществления качественной научной экспертизы диссертационных исследований, так и для целей обеспечения интересов соискателей этот институт требует реновации.

Данный институт рано «хоронить» и «списывать» как устаревший в силу постепенного расширения круга организаций, получающих право самостоятельного присуждения ученых степеней, по следующим причинам:

- сохраняется значительное число диссертационных советов, созданных решением Минобрнауки России;

- такой институт (в измененном виде), как думается, вполне может быть востребован в деятельности диссертационных советов, созданных в организациях, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, в особенности при разрешении конфликтных ситуаций (при направлении апелляций и заявлений о лишении ученой степени), когда может потребоваться независимый квалифицированный арбитр в виде авторитетного диссертационного совета.

Крайне важно сегодня воссоединить две подсистемы государственной системы научной аттестации через этот институт: как мы отметили выше, Минобрнауки России должен иметь право направлять диссертации, защита которых осуществлена в диссертационных советах, созданных Минобрнауки России, в диссертационные советы, созданные организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней. Следует сформировать и обратный канал связи: организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней, должны иметь право направлять на дополнительное заключение в диссертационные советы, созданные Минобрнауки России (скорее всего, здесь следует закрепить, что с их согласия), диссертации и заявления о лишении ученой степени.

Библиографический список

1. *Выскуп В.Г.* Состояние и проблемы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации // Вестник ОГУ. 2003. № 6. С. 194–198.
2. *Габов А.В.* О критериях диссертационных исследований в организациях, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени // Юрическое образование и наука. 2019. № 11. С. 3–15.
3. *Габов А.В.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 48–88.

References

1. *Vyskub V.G.* *Sostoianie i problemy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii* [Condition and Problems of Certification of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of Higher Qualification]. *Vestnik OGU – Herald of the Orenburg State University*. 2003. Issue 6. Pp. 194–198. (In Russ.)
2. *Gabov A.V.* *O kriteriiakh dissertatsionnykh issledovaniy v organizatsiakh, poluchivshikh pravo samostoitel'no prisuzhdat' uchenye stepeni* [On the Criteria of Dissertation Research in Organizations That Have Obtained the Right to Independently Award Academic Degrees]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science*. 2019. Issue 11. Pp. 3–15. (In Russ.)
3. *Gabov A.V.* *Gosudarstvennaia sistema nauchnoi attestatsii kak predmet pravovogo regulirovaniia v postsovetskoe vremia* [State System of Scientific Attestation as a Subject of Legal Regulation in the Post-Soviet Time]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Vol. 2. Pp. 48–88. (In Russ.)

Информация об авторе:**А.В. Габов**

Член-корреспондент РАН

Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

Научный руководитель Юридического института

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Information about the author:**A.V. Gabov**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia

Belgorod State National Research University

85 Victory St., Belgorod, 308015, Russia

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АСПИРАНТУРЕ (АДЬЮНКТУРЕ)*

А.В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: gabov@igpran.ru

А.Е. Шерстобитов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: sher1007@yandex.ru

Введение: в предлагаемой статье рассматриваются проблемы института аспирантуры (адъюнктуры). Дискуссия по этим проблемам уже довольно значительное время разделяет все научное экспертное сообщество на два лагеря. Эксперты, составляющие первый из них, полагают, что аспирантура (адъюнктура) — это один из уровней высшего образования. Эксперты, входящие во второй лагерь, настаивают на том, что главная задача аспирантуры (адъюнктуры) — это подготовка научного исследователя, а не преподавателя; соответственно, аспиранты (адъюнкты) должны не прослушивать курсы лекций и сдавать экзамены, а заниматься научной работой. Актуальность вопроса объясняется обсуждением целого ряда законодательных инициатив, направленных на изменение правового регулирования аспирантуры (адъюнктуры). **Цель:** показать пути решения проблем института аспирантуры (адъюнктуры), в том числе дав оценку проектам изменений нормативных актов. **Методы:** системный анализ,

* При подготовке настоящей статьи были использованы материалы Экспертного заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» (см.: [14, с. 85–89]), материалы Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ по проекту федерального закона № 860618-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», в подготовке которых участвовали авторы данной работы, а также материалы следующего исследования: [4, с. 44–88].

исторический метод. Результаты: проанализированы документы политико-правового характера, а также проекты нормативных актов, направленные на реформирование института аспирантуры (адъюнктуры), сформулированы направления его совершенствования. *Выводы:* по мнению авторов статьи, институт аспирантуры (адъюнктуры) несовместим с системой высшего образования в силу разности целей, которые достигаются в образовательном процессе и в процессе подготовки научного исследования в аспирантуре (адъюнктуре), так что иного выхода, кроме как полный и решительный вывод института аспирантуры (адъюнктуры) из абсолютно чуждой ему сферы высшего образования в сферу науки, нет и не может быть; только тогда можно рассчитывать на возрождение этой действительно важнейшей формы подготовки научных и педагогических кадров высшей категории.

Ключевые слова: наука; образование; государственная система научной аттестации; аспирантура; адъюнктура; диссертация.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL PERSONNEL IN POSTGRADUATE STUDIES

A.V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Belgorod State National Research University
E-mail: gabov@igpran.ru

A.E. Sherstobitov

Lomonosov Moscow State University
E-mail: sher1007@yandex.ru

***Introduction:** this article discusses the problems of the institute of postgraduate studies (adjunct studies). The discussion on these issues has been dividing the entire scientific expert community into two camps for quite some time. The experts who make up the first of these camps believe that postgraduate studies (adjunct studies) are one of the levels of higher education. The experts who make up the second camp insist that the main task of postgraduate studies (adjunct studies) is to train a scientific researcher, not a teacher; accordingly, graduate students (adjuncts) should not attend courses of lectures and pass exams, but engage in scientific work. The relevance of the issue is explained by the discussion of a number of legislative initiatives aimed at changing the legal regulation of postgraduate studies (adjunct studies). Purpose:* to show ways to solve the problems

*of the institute of postgraduate studies (adjunct studies), including by evaluating the draft changes in regulations. **Methods:** system analysis, historical method. **Results:** analyzed documents of a political and legal nature, as well as draft regulations aimed at reforming the institute of postgraduate studies (adjunct studies), formulated directions for its improvement. **Conclusions:** according to the authors, the institute of postgraduate studies (adjunct studies) is not compatible with the system of higher education because of the difference in goals that are achieved in the educational process and in the preparation of scientific research in postgraduate studies (adjunct studies), so that there is no and can be no other way than complete and decisive withdrawal of the institute of postgraduate studies (adjunct studies) from absolutely alien to him sphere of higher education in the sphere of science; only in this case, you can count on the revival of this truly important form of training scientific and pedagogical personnel of the highest category.*

Keywords: science; education; state system of scientific attestation; postgraduate studies; adjunct studies; dissertation.

Проблемы правового регулирования подготовки научных и научно-педагогических кадров вообще и с использованием таких форм, как аспирантура (адъюнктура), в частности продолжительное время находятся в центре обсуждения научной общественности и государственных органов, ответственных за выработку и реализацию государственной политики в области науки и образования.

Причина такого пристального внимания связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с неудовлетворительным состоянием аспирантуры (адъюнктуры). Этот важнейший институт для пополнения научных и научно-педагогических кадров научных организаций и организаций высшего образования молодыми исследователями уже долгое время находится в состоянии перманентного кризиса. Число лиц, защитивших диссертации после окончания аспирантуры (адъюнктуры), снижается как в абсолютном, так и процентном выражении (эта тенденция хорошо видна из статистических данных, которые приводятся в специальных исследованиях [11, с. 33–34]). В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» (далее — Проект закона № 860618-7)¹, который в настоящее время стал Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской

¹ См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/860618-7>.

Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 517-ФЗ)¹ указано, что объем защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук в 2017 г. составлял всего 32%. Как справедливо отмечалось в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)», многие талантливые молодые люди, к сожалению, предпочитают не поступать в аспирантуру, а прикрепляться в качестве соискателей, поскольку не видят никакого смысла в «обучении» в нынешней аспирантуре, предлагающей им в третий раз прослушать дисциплины, уже прослушанные и сданные ими дважды (в бакалавриате и магистратуре) [14, с. 88].

Финансовое обеспечение аспирантов, которое могло бы стимулировать приток молодых кадров в науку, оставляло и оставляет желать лучшего. Как отмечается в специальных исследованиях, «уровень поддержки аспирантов во время обучения не позволяет большинству из них полностью посвятить свое время и другие ресурсы исключительно обучению и диссертационному проекту. Стандартная стипендия аспиранта почти в три раза меньше размера прожиточного минимума, при этом отсутствует развитая система финансовой поддержки или кредитования аспирантов. Подавляющее большинство аспирантов работают параллельно с обучением, поскольку именно заработная плата является для них основным источником дохода (80%)...» [10, с. 41]. Указанный недостаток многие исследователи справедливо называют среди прочих в качестве одной из причин низких показателей защиты диссертаций в постсоветский период [13, с. 147]. На это накладывалось и низкое финансирование науки и образования в целом, низкий социальный статус лиц, работающих в данной сфере, а это, само собой разумеется, снижало привлекательность научной карьеры и востребованность аспирантуры (также см.: [12, с. 336]).

Во-вторых, с признанием государством значения науки для развития экономики страны. Как указывается в Стратегии научно-технологического развития РФ (утв. указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642² (п. 8), «первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции

¹ См. официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>. Согласно ч. 1 ст. 14 Закона № 517-ФЗ он вступает в силу с 1 сентября 2021 г.

² См. указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»// СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности». Государство ожидает значительной отдачи от научной сферы; формулирует политико-правовые и стратегические установки, в соответствии с которыми наука относится к числу важнейших приоритетов развития (см., например, указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹).

Достижение стратегических целей государства в сфере науки невозможно без эффективной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров, которая должна обеспечить поддержание и развитие ведущих научных школ.

Уже в начальный постсоветский период развития подготовка научных и научно-педагогических кадров стала предметом регулирования законодательства об образовании. Статья 25 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-I «Об образовании»² относила аспирантуру и адъюнктуру к послевузовскому профессиональному образованию. Соответственно, как отмечается в литературе, до принятия Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании)³ «программы аспирантуры относились к программам «послевузовского образования», лицензировались и реализовывались по конкретным специальностям научных работников, определенным номенклатурой. Освоение программ не вело к присвоению квалификации и выдаче документов об образовании. Вузы и научные организации имели право самостоятельно устанавливать сроки приема и начала обучения по этим программам. Обучение предполагало подготовку диссертации и сдачу кандидатских экзаменов» [7; 6, с. 171; 8, с. 240]. По мнению некоторых авторов, «данная система была продолжением сложившейся советской системы аспирантуры, основной целью которой являлась подготовка научных и научно-педагогических кадров» [7].

Следует отметить, что аспирантура (адъюнктура) не была составной частью государственной системы научной аттестации (здесь мы используем современный термин; вместе с тем отметим, что название данной системы в разные годы в постсоветский период было различным (подробнее см.: [4, с. 44–88])), поэтому данный институт не был урегулирован в законодательстве о науке. Достаточно сказать, что в первоначальной редакции Федерального закона от 23 августа 1996 г.

¹ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817; 2018. № 30. Ст. 4717.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797 (с посл. изм. и доп., в настоящее время утратил силу).

³ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 (с посл. изм. и доп.).

№ 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке)¹ слово «аспирантура» упоминалось только один раз. В ст. 11 Закона о науке среди основных принципов, на основании которых осуществляется государственная научно-техническая политика, был назван следующий принцип: «интеграция научной, научно-технической и образовательной деятельности на основе различных форм участия... аспирантов... в научных исследованиях и экспериментальных разработках...».

В 2012 г. в правовом регулировании аспирантуры (адъюнктуры) наступил новый этап, связанный с принятием Закона об образовании: аспирантура (адъюнктура) стала *уровнем профессионального образования* (ст. 10 Закона об образовании), заканчивающегося государственной итоговой аттестацией и, в зависимости от ее успешности, либо выдачей диплома исследователя, либо справки об обучении или о периоде обучения.

Как показывает анализ различных исследований, такое изменение нельзя назвать необдуманном². В работах, среди которых и труды участников разработки проекта Закона об образовании, отмечается: *«Главная дилемма — оставить ли аспирантуру в ее традиционном облике, когда главная цель — диссертация, или превратить ее в образовательную программу с курсами, зачетами, какими-то дополнительными испытаниями, текстами, которые надо написать помимо диссертации»* [9, с. 298]. А.С. Кельсина и Е.С. Мироненко констатировали, комментируя изменения, внесенные в правовой режим аспирантуры Законом об образовании: *«Изменения в законодательстве в отношении аспирантуры не являются чисто внешними, они направлены на смену традиционно сложившейся формы обучения. Традиционно сложившаяся форма обучения предполагала в ней отведение времени только на написание и защиту диссертации, что, по мнению законодателей научного сообщества, уже не отвечает сегодняшним требованиям мировой науки»* [8, с. 240].

В пользу состоявшегося в 2012 г. решения были высказаны как аргументы, связанные с неэффективностью прежней модели аспирантуры

¹ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137 (с посл. изм. и доп.).

² Следует отметить, что в ходе обсуждения высказывались и гораздо более радикальные подходы, заключающиеся в ликвидации института аспирантуры как таковой. Так, О.В. Андреева, критикуя еще проект Закона об образовании, отмечала: «Уравнивая с Европой уровни высшего образования, было бы логично ввести вместо аспирантуры понятие, принятое в Европе, — «докторантура». Поскольку в России имеется такая форма научной деятельности, как докторантура, следовало бы ввести уточняющее определение в понятие «докторантура», применив к ныне действующей аспирантуре наименование «докторантура первой ступени», а к самостоятельным докторским исследованиям — «докторантура второй ступени» [1, с. 102–103].

(адъюнктуры)¹, так и аргументы, в основу которых была положена необходимость учета европейского опыта, в частности так называемого Болонского процесса².

Какими бы аргументами ни обосновывали инновации в правовом режиме аспирантуры 2012 г., понятно, что замыслы были самые благие и амбициозные, — в реальности же все получилось так, как сказал Виктор Степанович Черномырдин: *«Хотели как лучше, а получилось как всегда»*. Новое регулирование привело к еще большему разрыву между системой подготовки научных и научно-педагогических кадров и государственной системой научной аттестации. Необходимость освоения образовательных программ, отсутствие обязательности подготовки диссертации по итогам обучения, отдельные нестыковки законодательства о науке и об образовании привели к тому, что система подготовки научных и научно-педагогических кадров перестала выполнять функцию воспроизводства научных кадров, выпуская «в свет» так называемых исследователей с дипломами.

Даже незначительный период функционирования новой аспирантуры (адъюнктуры), несколько не улучшив ситуацию с результатами ее деятельности (скорее, наоборот, только значительно ее ухудшив), привел к поляризации позиций исследователей.

Как отмечается в литературе, здесь обозначились две группы, условно именуемые сторонниками «диссертационного» подхода, которые «полагают, что целевым назначением аспирантуры является научная

¹ А.С. Кельсина и Е.С. Мироненко пишут: «Вступление в силу Федерального закона «Об образовании в РФ», принятие ряда других законодательных актов направлены на реформирование аспирантуры, модернизацию системы подготовки научно-педагогических кадров, а также оценку ее эффективности. Это обусловлено процессами, связанными с преодолением недостатков сложившейся российской системы послевузовского профессионального образования, достижением преемственности и согласованности между образовательными программами высшей школы и аспирантуры» (см.: [8, с. 239]).

² А.С. Кельсина и Е.С. Мироненко отмечают, что «реформирование российского образования определяется, в частности, и Болонским процессом, который ориентирован на ликвидацию барьеров в развитии науки и образования, формирование единого образовательного пространства в Европе, приведение к единым стандартам национальных систем образования... После присоединения Российской Федерации к Болонской декларации (2003 г.) сделаны определенные шаги на пути реформирования российского школьного и вузовского образования. В 2013 г. была гармонизирована аспирантура и в ее программу включена образовательная составляющая, а также и приведено к определенным стандартам количество часов на освоение программы согласно требованиям Болонского процесса» [8, с. 240]. Они же отмечают (со ссылкой на работу Т.Ю. Гвильдис [6]), что «осуществление программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, на третьей ступени высшего образования, является важным шагом по пути интеграции российского образования в европейское образовательное пространство...» [8, с. 243]).

работа и защита диссертации, образовательная же часть программы (в том виде и с теми функциями, которые определены образовательным стандартом) лишь отвлекает аспирантов от подготовки диссертации», и сторонниками «образовательного» подхода [2, с. 6]. Примечательно, что такое разделение имеет место не только в экспертном сообществе, но и среди государственных служащих, отвечающих за реализацию нормативных документов в области науки и образования, что наглядно проявилось в ходе подготовки так и не принятого пока проекта нового закона о науке, в ходе работы над которым раздел, касающийся аспирантуры (адъюнктуры), менялся несколько раз, причем довольно радикально¹.

В целом, однако, консенсус состоял в том, что реформа не привела к положительным результатам и законодательство требует изменений — вопрос только в том, насколько радикальными они должны быть. Комментируя обсуждение данной острой проблемы (правового положения аспирантуры (адъюнктуры)), отдельные исследователи выделили два подхода — «хирургический» и «терапевтический». Так, *Б.И. Бедный* и *Е.В. Чупрунов* пишут: «В настоящее время обсуждаются два принципиально разных подхода к реформированию российской аспирантуры. Первый — радикальный («хирургический») — основан на том, что аспирантура не должна позиционироваться в качестве уровня образования, ее функционирование должно регулироваться законом о науке либо самостоятельными нормативными документами. В основе второго подхода («терапевтического»), опирающегося на мировой опыт... предположение о том, что российская аспирантура может успешно функционировать в качестве третьего уровня высшего образования, но при этом необходимо учитывать и нормативно закрепить ряд особенностей профессионального исследовательского образования, принципиально отличающих программы подготовки аспирантов от программ бакалавриата и магистратуры» [5, с. 10].

Регулярная и аргументированная критика со стороны научного сообщества текущего положения дел с подготовкой научных (прежде всего) кадров привела к тому, что был сформулирован ряд поручений руководства страны о необходимости радикального изменения ситуации. В частности, по итогам заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию, состоявшегося 27 ноября 2018 г., Президентом РФ было дано поручение Правительству РФ (Пр-2558, п. 2 а)) «представить предложения, касающиеся совершенствования программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и *отнесения обучения в аспирантуре по таким программам к научной деятельности*».

¹ О работе над этим законом см.: [3, с. 80–84].

Формулировка поручения, очевидно, представляет пример не радикального, а именно мягкого изменения ситуации, ведь аспирантуру не предполагалось полностью «вывести» из сферы законодательства об образовании.

По итогам определенных обсуждений на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был внесен Проект закона № 860618-7, посвященный совершенствованию правового регулирования отношений, возникающих в сфере прохождения обучения и проведения итоговой аттестации в аспирантуре (адъюнктуре).

В целом появление Проекта закона № 860618-7, а также принятого Закона № 517-ФЗ нельзя не приветствовать.

Крайне важно, на наш взгляд, содержание пояснительной записки к указанному проекту, где довольно жестко характеризуется текущее состояние подготовки научных и педагогических кадров высшей квалификации в аспирантуре (адъюнктуре) после начала действия Закона об образовании: «Действующая модель аспирантуры (адъюнктуры) не обязывает лиц, завершивших обучение в аспирантуре (адъюнктуре), в дальнейшем защищать диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук и является одной из возможных траекторий подготовки к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, поскольку постановлением № 842¹ установлен механизм защиты диссертации без освоения программ аспирантуры.

Таким образом, на пути к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в рамках освоения программ аспирантуры (адъюнктуры) выпускник аспирантуры защищает фактически две научно-квалификационные работы (диссертации) — одну в форме научного доклада рамках прохождения государственной итоговой аттестации, вторую — диссертацию на соискание ученой степени...

На основании изложенного следует, что *программы аспирантуры (адъюнктуры), имеющие государственную аккредитацию и реализуемые в соответствии с ФГОСами, больше направлены на освоение образовательной программы аспирантуры (адъюнктуры), а не на научную деятельность и подготовку диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, что и вытекает из цели проведения государственной аккредитации образовательных программ, установленной Законом об образовании».*

¹ Имеется в виду постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») (СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074 (с посл. изм. и доп.)) (далее — Положение о присуждении ученых степеней).

Подобная оценка положения дел, видимо, должна была вести к формулированию радикальных предложений по улучшению ситуации. Однако Закон № 517-ФЗ таких радикальных изменений не предлагает.

Данный Закон предусматривает разработку программ аспирантуры (адъюнктуры) не на основе федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), а на основе федеральных государственных требований (ФГТ); согласно п. 8 ст. 2 Закона об образовании ФГТ определены как обязательные требования к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) и дополнительным предпрофессиональным программам, устанавливаемые уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в соответствии с указанным Законом.

Закон № 517-ФЗ отменяет государственную аккредитацию программ аспирантуры (адъюнктуры) при соблюдении академических прав обучающихся (в том числе отсрочки призыва на военную службу).

Закон № 517-ФЗ определяет, что вместо государственной итоговой аттестации вводится итоговая аттестация, которая предполагает защиту либо представление обучающимся диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, которая будет защищаться в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней позднее. Необходимо весьма положительно оценить такие изменения формы государственной итоговой аттестации. Согласно изменениям в ст. 59 Закона об образовании итоговая аттестация по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) проводится в форме оценки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в целях определения ее соответствия установленным Правительством РФ критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней.

Статья 11 Закона об образовании дополняется важным положением о том, что обучение по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) осуществляется по научным специальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной Минобрнауки России.

Отмечая и поддерживая положительные моменты Закона № 517-ФЗ, мы полагаем, что радикального улучшения ситуации и прорыва (так необходимого для достижения стратегических целей, которые ставит руководство страны в сфере научной деятельности) изменения, внесенные данным Законом, не принесут. Он не решает принципиальный вопрос об исключении положений об аспирантуре (адъюнктуре) из Закона об образовании (отказ от понимания аспи-

рантуры (адъюнктуры) как уровня высшего образования) и об урегулировании соответствующих вопросов в рамках законодательства о научной и научно-технической деятельности (в настоящее время в части основ — в Законе о науке). Закон № 517-ФЗ выводит разработку программ аспирантуры (адъюнктуры) из-под действия ФГОСов и вводит категорию ФГТ, оставляя аспирантуру (адъюнктуру) в рамках Закона об образовании. Хорошо видно, что разработчики Проекта закона № 860618-7 упорно держались за сложившееся разграничение регулирования в части подготовки научных и научно-педагогических кадров и в части вопросов защиты диссертации, хотя никакого положительного эффекта для российской науки в таком правовом решении нет.

Возврат престижа аспирантуры (адъюнктуры), а во многом и ее смысла как важнейшей формы подготовки научных кадров высшей категории заключается в принципиальном отказе от аспирантуры как третьего уровня высшего образования, изъятии всех правовых норм об аспирантуре (адъюнктуре) из Закона об образовании. Наиболее адекватным вариантом в целом является развитие системы подготовки научных и научно-педагогических кадров как подсистемы государственной системы научной аттестации.

Как отмечается в научной литературе, «в идеале обе подсистемы (подготовки диссертации и защиты диссертации) не могли существовать отдельно: одна (подготовка) должна была быть соподчинена другой (защите) хотя бы просто в силу целесообразности: главное — получить приращение нового научного знания, результата, а также готового (квалифицированного), прошедшего все стадии необходимой научной социализации ученого (исследователя)» [4, с. 51].

Такой подход должен был в идеале найти и соответствующее правовое решение — регулирование этой системы как самостоятельного предмета отдельным массивом законодательства о научной и научно-технической деятельности, ядро которой должен составлять профильный закон, где эта системы должна быть структурно обособлена.

По сути дела, Закон № 517-ФЗ вводит «ослабленный» вариант нынешней аспирантуры, поскольку допускает в рамках итоговой аттестации не только защиту, но и возможность представления обучающимся диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, которая будет защищаться в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней позднее.

С нашей точки зрения, институт аспирантуры (адъюнктуры) принципиально несовместим с системой высшего образования, построенной по модели бакалавриата и магистратуры, поскольку был разработан для системы высшего образования, построенной по модели

специалитета. В связи с этим он конфликтовал и будет конфликтовать с Болонской системой. Но можно высказать и более принципиальную позицию: этот институт вообще не должен быть частью системы образования в силу того, что их цели совершенно иные. Тут можно возразить, что при таком подходе молодые исследователи не получают педагогических навыков, однако данный вопрос как раз является решаемым, но не предопределяющим отнесение аспирантуры к системе образования.

Библиографический список

1. *Андреева О.В.* Аспирантура в Российской Федерации: новые подходы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 4. С. 102–113.
2. *Бедный Б.И.* Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. № 4. 2017. С. 5–16.
3. *Бедный Б.И., Чупрунов Е.В.* Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 9–20.
4. *Габов А.В.* Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 48–88.
5. *Габов А.В., Путило Н.В., Гутников О.В.* Проект Федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 4. С. 385–399.
6. *Гильдис Т.Ю.* Аспирантура в структуре высшего образования // Университет им. В.И. Вернадского. 2014. № 4 (54). С. 169–177.
7. *Кельсина А.С.* К вопросу о новой модели российской аспирантуры // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). <https://doi.org/10.15838/ttdi.2018.5.45.12>
8. *Кельсина А.С., Мироненко Е.С.* Состояние и перспективы развития подготовки кадров высшей квалификации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (171). С. 239–244.
9. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. Н.В. Путило, Н.С. Волкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД Юриспруденция, 2015. 480 с.
10. Портрет современного российского аспиранта / С.К. Бекова, И.А. Груздев, З.И. Джафарова, Н.Г. Малошенок, Е.А. Терентьев; На-

циональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 60 с.

11. Статистика науки и образования. Вып. 3. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. 200 с.

12. Хохлова Н.И., Рустамова Л.Р. Проблема подготовки научно-педагогических кадров в высшей школе // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 335–342.

13. Шевелева Н.А. Аспирантура: синтез или конфликт науки и образования? // Журнал российского права. 2017. № 11 (251). С. 145–157.

14. Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2019 г. Материалы IX международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». 24 декабря 2019 г. М.: Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, 2019. 662 с.

References

1. Andreeva O.V. *Aspirantura v Rossiiskoi Federatsii: novye podhody* [Postgraduate Studies in the Russian Federation: New Approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya — Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2012. Issue 4. Pp. 102–113. (In Russ.)

2. Bednyi B.I. *Novaia model' aspirantury: pro et contra* [New Model of Postgraduate Studies: Pro et Contra]. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*. 2017. Issue 4. Pp. 5–16. (In Russ.)

3. Bednyi B.I., Chuprunov E.V. *Sovremennaya rossiiskaya aspirantura: aktual'nye napravleniia razvitiia* [Modern Russian Postgraduate Studies: Current Directions of Development]. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*. 2019. Issue 3. Pp. 9–20. (In Russ.)

4. Gabov A.V. *Gosudarstvennaia sistema nauchnoi attestatsii kak predmet pravovogo regulirovaniia v postsovetskoe vremia* [State System of Scientific Attestation as a Subject of Legal Regulation in the Post-Soviet Time]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniia — Methodological Problems of the Civil Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 48–88. (In Russ.)

5. Gabov A.V., Putilo N.V., Gutnikov O.V. *Proekt Federalnogo zakona o nauke — novyi format pravovogo regulirovaniia nauchnoi i innovatsionnoi deiatelnosti* [Draft Federal Law on Science — a New Format of Legal Regulation of Scientific and Innovative Activities]. *Vestnik Permskogo universiteta*.

Iuridicheskie nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Vol. 4. Pp. 385–399. (In Russ.)

6. *Gvil'dis T.Yu. Aspirantura v strukture vysshego obrazovaniia* [Postgraduate Studies in the Structure of Higher Education]. *Universitet im. V.I. Vernadskogo — V.I. Vernadsky University.* 2014. Issue 4 (54). Pp. 169–177. (In Russ.)

7. *Kel'sina A.S. K voprosu o novoi modeli rossiiskoi aspirantury* [Revisiting the New Model of Postgraduate Studies in Russia]. *Voprosy territorial'nogo razvitiia — Territorial Development Issues.* 2018. Issue 5 (45). <https://doi.org/10.15838/tidi.2018.5.45.12> (In Russ.)

8. *Kel'sina A.S., Mironenko E.S. Sostoianie i perspektivy razvitiia podgotovki kadrov vysshei kvalifikatsii* [Status and Prospects of Development of Training of Highly Qualified Specialists]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki — Transactions of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2016. Issue 2 (171). Pp. 239–244. (In Russ.)

9. *Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo Rossii. Novaia vekha razvitiia: monografiia* [Educational Legislation of Russia New Milestone of Development: Monograph] / L.V. Andreichenko, V.L. Baranov, B.A. Bulaevskii et al.; ed. by N.V. Putilo, N.S. Volkova; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Yurisprudentsiia Publishing House, 2015. 480 p. (In Russ.)

10. *Portret sovremennogo rossiiskogo aspiranta* [Portrait of a Modern Russian Postgraduate Student] / S.K. Bekova, I.A. Gruzdev, Z.I. Dzhabarova, N.G. Maloshonok, E.A. Terent'ev; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. M.: HSE University, 2017. 60 p. (In Russ.)

11. *Statistika nauki i obrazovaniia. Vyp. 3. Podgotovka nauchnykh kadrov vysshei kvalifikatsii v Rossii. Inf.-stat. mat.* [Statistics of Science and Education. Issue 3. Training of Highly Qualified Scientific Personnel in Russia. Information and Statistical Material]. M.: SRI FRCEC, 2018. 200 p. (In Russ.)

12. *Khokhlova N.I., Rustamova L.R. Problema podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v vysshei shkole* [The Problem of Training Scientific and Pedagogical Personnel in Higher Education]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bryansk State University Herald.* 2017. Issue 4 (34). Pp. 239–244. (In Russ.)

13. *Sheveleva N.A. Aspirantura: sintez ili konflikt nauki i obrazovaniia?* [Postgraduate Studies: Synthesis or Conflict of Science and Education?]. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law.* 2017. Issue 11 (251). Pp. 145–157. (In Russ.)

14. *Ekspertnye zakliucheniia Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po kodifikatsii i sovershenstvovaniuu grazhdanskogo zakonodatel'stva 2019 g. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Grazhdan-*

skoe pravo Rossii. Itogi goda". 24 dekabrya 2019 g. [Expert Opinions of the Council under the President of the Russian Federation on Codification and Improvement of Civil Legislation 2019. Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference "Civil Law of Russia. Results of the Year". 24 December 2019]. М.: Council under the President of the Russian Federation on Codification and Improvement of Civil Legislation; Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev, 2019. 662 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

А.В. Габов

Член-корреспондент РАН

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

Научный руководитель Юридического института

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

А.Е. Шерстобитов

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, 1,

стр. 13 (4-й учебный корпус)

Information about the authors:

A.V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia

Belgorod State National Research University

85 Victory St., Belgorod, 308015, Russia

A.E. Sherstobitov

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Bldg. 13 (4th education building), GSP-1,

Moscow, 119991, Russia

ПЕРТУРБАЦИЯ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ И МЕСТО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В НОВОЙ СИСТЕМЕ*

И.В. Ершова

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: inna.ershova@mail.ru

Введение: внимание к проблематике научных специальностей объясняется рядом факторов содержательного и формально-институционального характера. Злободневность исследованию придает прогнозируемое изменение номенклатуры научных специальностей, в том числе и по юриспруденции. **Цель:** выявление последствий и оценка результатов грядущих изменений с экстраполированием выводов на науку предпринимательского права. **Методы:** анализа, синтеза, сравнения, историзма, описания, интерпретации, прогнозирования, а также социологический и исторический методы. **Результаты:** предпринят экскурс в историю вопроса: охвачены дореволюционный, советский и постсоветский периоды. На основе фактических данных показано, что перманентные изменения системы научных специальностей по юриспруденции являются традицией отечественной науки. При этом ранее указанные изменения носили эволюционный характер. Освещена текущая ситуация с диссертационными исследованиями в рамках действующей номенклатуры. Выявлены факторы популярности научной специальности 12.00.03, среди которых стабильность, удачная компоновка отраслей, востребованность ученых. Подтвержден вывод о правильности сохранения предпринимательского права в рамках одной специальности с гражданским правом. Показаны сущностные и бюрократические проблемы научной специальности 12.00.07. Приведены данные социологического исследования, результаты которого говорят о дивергенции и прогрессирующей автаркии в сфере социальных наук. Дана характеристика основных ожидаемых изменений номенклатуры научных специальностей по юри-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 18-29-15032 «Концепт правового статуса научных работников в России и зарубежных странах: теоретико-компаративное исследование».

спруденции, в том числе таких, как укрупнение, отказ от отраслевого критерия при формировании. Сделан прогноз о последствиях введения указанных новшеств. Высказано авторское мнение относительно места предпринимательского права в новой системе научных специальностей. Обращено внимание на возможные проблемы, и предложен путь их преодоления. **Выводы:** новую парадигму научных специальностей по юриспруденции следует оценить положительно. Ее применение позволит приблизиться к междисциплинарности, комплексности научных исследований, созданию диссертаций как целостных проектов. Помимо содержательной стороны новая номенклатура призвана минимизировать проблемы при формировании диссертационных советов, подборе кандидатур официальных оппонентов, научной организации.

Ключевые слова: научные специальности; номенклатура; юриспруденция; частное право; публичное право; гражданское право; предпринимательское право; диссертационный совет; комплексность; междисциплинарность.

PERTURBATION OF SCIENTIFIC SPECIALTIES IN LAW AND THE PLACE OF BUSINESS LAW IN THE NEW SYSTEM

I.V. Ershova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: inna.ershova@mail.ru

Introduction: attention to the problems of scientific specialties is explained by a number of factors of a substantive and formal-institutional nature. The predicted change in the nomenclature of scientific specialties, including law, makes the research topical. **Purpose:** to identify the consequences and evaluate the results of future changes with extrapolation of conclusions to the science of business law. **Methods:** analysis, synthesis, comparison, historicism, description, interpretation, forecasting, as well as sociological and historical methods. **Results:** an excursion into the history of the issue is made: the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods are covered. Based on the actual data, it is shown that permanent changes in the system of scientific specialties in law are a tradition of Russian science. At the same time, the previously mentioned changes were of an evolutionary nature. The current situation with dissertation research within the current nomenclature is highlighted. Factors of popularity of the scientific specialty 12.00.03 are revealed, among which—stability, successful arrangement of branches, demand for scientists. The conclusion about the correctness of preserving business law within the same specialty with civil law is confirmed.

*Essential and bureaucratic problems of the scientific specialty 12.00.07 are shown. The article presents the data of a sociological study, the results of which indicate divergence and progressive autarky in the field of social Sciences. The characteristics of the main expected changes in the nomenclature of scientific specialties in law, including such as consolidation, rejection of the industry criterion in the formation are given. A forecast is made about the consequences of the introduction of these innovations. The author's opinion is expressed regarding the place of business law in the new system of scientific specialties. Attention is drawn to possible problems and a way to overcome them is suggested. **Conclusions:** the new paradigm of scientific specialties in law should be evaluated positively. Its application allows us to approach the interdisciplinarity, complexity of scientific research, and the creation of dissertations as integral projects. In addition to the content side, the new nomenclature is designed to minimize problems in the formation of dissertation councils, selection of candidates for official opponents, and scientific organizations.*

Keywords: *scientific specialties; nomenclature; jurisprudence; private law; public law; civil law; business law; dissertation council; complexity; interdisciplinarity.*

Введение

Проблематика научных специальностей занимает умы профессиональной общественности уже на протяжении не одного столетия. И это объясняется рядом причин сущностного и формального свойства. Содержательно любая научная деятельность, будучи направленной на получение и применение новых знаний, происходит в рамках основного направления, именуемого сферой, областью и т.п. С другой стороны, научный работник в абсолютном большинстве случаев проводит исследовательскую деятельность в рамках коллектива, являющегося структурным подразделением университета, научного института либо иной организации, что в свою очередь предполагает принадлежность к определенной отрасли. Да и сам «вход» в науку, коим условно можно считать защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предполагает предварительный выбор научной специальности для поступления в аспирантуру и сдачи кандидатского экзамена.

Актуальность исследованию придают перманентно ведущиеся дискуссии о номенклатуре научных специальностей. Указанная полемика не могла не затронуть и сферу юриспруденции.

Экскурс в историю вопроса

Проблематика научных специальностей по юриспруденции уходит корнями в прошлое. При этом экскурс в историю подготовки и аттестации научных кадров России предпринимался неоднократно [3], становясь предметом в том числе и диссертационных исследований [26].

Как отмечают ученые, в Российской империи перечень классов (разрядов) наук по юридическим факультетам определялся: Положениями о производстве в ученые степени (1819, 1837, 1844, 1864 гг.); Уставами Дерптского (1803, 1820, 1865 гг.), Московского, Харьковского, Казанского (1804 г.) и Варшавского университетов (1869 г.), а затем — Общим уставом Российских университетов (1884 г.) [25]. Обратим внимание на любопытный факт: Положения о производстве в ученые степени устанавливали преимущества для имевших таковые лиц при занятии ими должностей гражданской службы. К примеру, Положение о производстве в ученые степени 1844 г. предусматривало, что удостоенные ученых степеней утверждались при поступлении на гражданскую службу в следующих классах: доктор — в 8-м, магистр — в 9-м, кандидат — в 10-м [13].

Отметим, что Общий устав Российских университетов (1884 г.) рассматривал (а) гражданское право, гражданское судоустройство и судопроизводство и (б) торговое право и торговое судопроизводство в качестве самостоятельных разрядов отраслевых юридических наук.

Все ученые степени и связанные с ними права были отменены декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. Новая система степеней была введена в СССР только в 1934 г., а годом раньше — создана Высшая аттестационная комиссия [15].

Номенклатура специальностей научных работников принималась с различными уточнениями и дополнениями 11 раз в редакциях 1934, 1937, 1953, 1957, 1962, 1963, 1969, 1972, 1977, 1984, 1988 гг. Анализ набора научных юридических специальностей периода СССР позволяет выявить разнонаправленные тенденции укрупнения и дифференциации научных юридических специальностей. Для нашей темы важно акцентировать внимание и на том, что увеличение научных юридических специальностей за счет других отраслей наук не было характерным для отрасли юридических наук [25].

Заметим, что возродившееся после «юридической трагедии» 1930-х гг. хозяйственное право было включено в перечень научных специальностей в 1969 г., в дальнейшем оно было усилено арбитражным процессом.

В постсоветский период номенклатура научных специальностей по юриспруденции также неоднократно пересматривалась и коррек-

тировалась. Так, в 1995 г. хозяйственное право трансформируется в своего «законного наследника» — предпринимательское право, при этом оставаясь в специальности 12.00.04 — Предпринимательское право; арбитражный процесс. И только в 2000 г., когда приказом Министерства науки и технологий РФ от 25 января 2000 г. № 17/4 была утверждена новая номенклатура специальностей научных работников, предпринимательское право получило «юридическую прописку» в специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Автору данной статьи довелось испытать описанные перемены на собственном опыте. Так, подготовленная в 1994 г. диссертация на тему «Имущество и финансы предприятий» [9] в силу многогранности затронутых в ней проблем была защищена по двум научным специальностям: 12.00.03 — Гражданское право; семейное право; гражданский процесс и 12.00.04 — Хозяйственное право; арбитражный процесс. А уже в 2001 г. диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте (теоретические проблемы и пути совершенствования)» [10] была представлена в диссертационный совет по специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Текущее состояние

Действующая в период написания данной статьи номенклатура научных специальностей (утв. приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027) сохраняет предпринимательское право в «цивилистической компании» 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Плодотворный результат такого единства подтвержден статистическими данными. По старой доброй «трешке» функционирует значительное число диссертационных советов, а количество защит конкурирует лишь со специальностью 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право [7].

Секрет успеха 12.00.03 видится в совокупности ряда факторов, влияющих на выбор научной специальности, среди которых стабильность, перспективность и междисциплинарность. Немаловажно и то, что для будущих кандидатов и докторов юридических наук, выполнивших диссертацию по цивилистической науке, открываются большие перспективы членства в диссертационных советах, оппонирования, участия в редакционных советах и коллегиях журналов и т.п. Да и трудоустройство специалиста, имеющего диплом по специальности 12.00.03, не вызовет особых сложностей.

Поскольку сферой научных интересов автора статьи является предпринимательское право, обратим внимание на важные для нашей темы результаты исследования. С.И. Суслова, проанализировав тематику и количество диссертаций, представленных по специальности 12.00.03 за период с 1 января 2015 г. по 15 мая 2018 г., отметила особую сложность в разграничении количественного соотношения работ по дисциплинам «гражданское право» и «предпринимательское право», объясняя это известной научной дискуссией и применяя для разделения «довольно механический критерий». Автор пришла к следующему выводу: «Сложность, а подчас невозможность разделения данных тем еще раз подтверждает правильность решения о сохранении данных научных дисциплин в рамках одной специальности. Их разделение породило бы серьезные проблемы с проводимыми научными исследованиями, критериями их отнесения к соответствующей специальности и, думается, негативно сказалось бы на развитии науки как гражданского, так и предпринимательского права в независимости от занимаемой учеными позиции по их соотношению» [20]. Рискую навлечь на себя гнев соратников по лагерю предпринимательского права, позволим себе солидаризироваться с таким заключением.

Анализируя текущую ситуацию, нельзя обойти вниманием научную специальность 12.00.07 — Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право, объективно-субъективные сложности с которой уже стали притчей во языцех. Это не могло не сказаться как на числе диссертационных советов, в которых открыта специальность 12.00.07 (среди «традиционных» ВАКовских диссертационных советов на этот шаг решился только Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), так и на очень низком количестве защищенных работ [7]. Нежелание образовательных и научных организаций включать в свою орбиту специальность 12.00.07 объясняется сложностями, возникающими как на стадии формирования состава диссертационного совета, так и на всех этапах его функционирования. А соискатели ученой степени не стремятся взвалить на себя бремя «первопроходцев», преодолевая массу препятствий сложносочиненной научной специальности.

Ситуацию усугубило то, что изначальная диада 12.00.07 — Корпоративное право; энергетическое право приказом Минобрнауки России от 23 марта 2018 г. № 209 была дополнена компонентой конкурентного права, причем ревизия паспорта специальности 12.00.03 прошла поверхностно. Научная дискуссия по данному вопросу велась в экспертном сообществе, освещалась на страницах журналов [6] и посему не нуждается в дополнительных комментариях. Напомним лишь о предостережениях специалистов, предупреждавших, что «выделение научной специальности «конкурентное право» неизбежно приведет

к нарушению логики внутри специальности 12.00.03, а также необоснованным противоречиям между данной специальностью и новой специальностью «конкурентное право»; это не только повлечет дифференциацию научной специальности 12.00.03, но и породит неблагоприятную тенденцию, ведущую к нарушению целостности данной специальности, а также неоправданной фрагментации юридического знания, исключающего комплексный подход к изучению и рассмотрению соответствующих проблем» [6, с. 146].

Опасения полностью оправдались. Соискатели не желают переходить на экзотическую 12.00.07, доказывая, что объект исследования выполненной ими диссертации соответствует области исследования 12.00.03 (что объективно правильно). Зачастую смежность проблематики влечет за собой необходимость защиты работ по двум специальностям, а это в свою очередь — сдачу дополнительного кандидатского экзамена.

Можно и далее перечислять сложности, с которыми сталкиваются молодые ученые, их научные руководители, представители диссертационного и экспертного советов. Негативным последствием сколопалительных и не до конца продуманных нововведений стал тот факт, что выделение специальности 12.00.07 не помогло решить задачу подготовки кадров высшей квалификации в соответствующих сферах и предложить профессиональному сообществу весомые доктринальные идеи. Очевидно, что оказавшиеся в одной упряжке «лебедь, рак и щука» не смогли сдвинуть с места научный воз.

Мы разделяем мнение Е.Ю. Грачевой и Н.А. Власенко, полагающих, что «в современной науке, в том числе юридической, дифференциация научного знания достигла такой степени, что уже, на наш взгляд, негативно сказывается на формировании единой научной картины мира. В таких условиях юридическая наука нуждается скорее в интеграции научного знания, а не в дальнейшем дроблении ее на составляющие» [6, с. 148].

Важно и то, что результатом предпринятого социологами анализа корпуса докторских диссертаций за период 2006–2016 гг. в России явился вывод о большей закрытости дисциплинарного мира социальных наук при их сопоставлении с естественными. «Мы наблюдаем, — отмечают ученые, — продолжающуюся *дивергенцию* — социальные науки тяготеют к прогрессирующей автаркии, в то время как естественные — к большему взаимопроникновению». Изучив научные профили консультантов, оппонентов и кандидатов на основании данных о 20 093 докторских диссертациях, социологи сделали заключение: «Исследования в смежных областях между правом, экономикой, историей или психологией или не ведутся, или ведутся параллельными кур-

сами, не пересекающимися на докторских защитах», при этом в праве суверенитет близок к абсолютному — юриспруденция практически не соприкасается с внешним миром [17, с. 86, 96–102].

Как представляется, сегодня можно не только говорить об автаркии внутри юриспруденции в целом, но и выявить систему замкнутого воспроизводства в рамках каждой из научных специальностей, особенно узких. Проблема усугубляется несовершенством юридической техники, демонстрирующей богатую ассортиментную матрицу терминов.

Так, согласно Положению о присуждении ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 1 октября 2018 г.); далее — Положение) для предварительного ознакомления с диссертацией диссертационный совет создает комиссию, в состав которой входят члены диссертационного совета, являющиеся специалистами по *проблемам каждой научной специальности* защищаемой диссертации. В состав названной комиссии могут включаться специалисты в соответствующей *области науки*, не являющиеся членами диссертационного совета (п. 18 Положения).

На этапе принятия диссертации к защите тот же диссертационный совет назначает: а) официальных оппонентов по диссертации из числа компетентных в соответствующей *отрасли науки* ученых, имеющих публикации в соответствующей *сфере исследования* (п. 22 Положения); б) ведущую организацию, широко известную своими достижениями в соответствующей *отрасли науки* и способную определить научную и (или) практическую ценность диссертации (п. 24 Положения).

При этом паспорта научных специальностей оперируют термином «*область исследования*».

На практике такая многоголосица порой переходит в какофонию мнений членов диссертационного совета, а в совокупности с жесткими и тем более узкими границами паспортов научных специальностей еще больше усиливает выявленную социологами дивергенцию. Поддержим мнение С.И. Суловой, которая в процессе изучения понятия «комплексность» указала: «комплексные (межотраслевые) исследования на уровне диссертационных исследований по одной специальности невозможны» [19, с. 372]. Уверены, что возведение мощных межотраслевых барьеров не способствует повышению научного уровня диссертационных исследований.

От эволюции к революции

Известно, что в настоящее время система научных специальностей подвергается реформированию. На момент написания данной статьи новая номенклатура прошла обсуждение в экспертном сообществе

и направлена для официального оформления в соответствующие властные структуры.

Из доступной информации можно сделать вывод о том, что применительно к юриспруденции предвидятся изменения, которые можно охарактеризовать как революционные. Таким образом, эволюция остается в прошлом. Допуская возможный пересмотр решения на этапах согласования и утверждения, все же позволим обозначить свою позицию относительно предстоящей ломки.

Итак, очевидно, что в основу реформы положен курс на укрупнение. Это наглядно даже с арифметических позиций: вместо полутора десятков разработчиками предложено пять научных специальностей по юриспруденции. Думается, что такое решение можно поддержать.

Далее, можно говорить об отходе от отраслевого формирования содержания специальностей. Не скрою, что для юриста, возвращенного в лоне традиционной юриспруденции, такой вариант оказался неожиданным.

В этой связи актуальным видится высказанная С.С. Алексеевым позиция, согласно которой «публичное и частное право — это не отрасли, а целые сферы, зоны права (суперотрасли)» [2, с. 23]. По мнению В.К. Андреева, «различие права на публичное и частное — скорее вопрос философии права, а не критерий для разграничения отраслей права» [4, с. 9].

Итак, допуская, что сегодня в основу разграничения научных специальностей положена философия права, попробуем определить свое место в данной системе. Находящаяся в фокусе интересов автора проблематика предпринимательского права с большой долей вероятности должна занять место в специальности «Частноправовые (цивилистические) науки». При этом ясно, что проблематика предпринимательского права коррелируется и с научной специальностью «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Определение места предпринимательского права в цивилистических науках выглядит логичным, ибо в условиях свободы предпринимательской и иной экономической деятельности именно гражданско-правовые начала составляют фундамент, на котором строятся предпринимательские отношения. Да и как нам всем известно, понятие предпринимательской деятельности закреплено в ст. 2 Гражданского кодекса РФ.

С другой стороны, автор относит себя к лагерю ученых, разделяющих позицию о комплексности отрасли предпринимательского права [1, с. 56–57]. Так, Е.П. Губин и П.Г. Лахно квалифицируют предпринимательское право как самостоятельную комплексную интегрированную отрасль российского права, имеющую тенденцию перерастания

в основную отрасль [16, с. 40, 43]. Профессор В.С. Белых также отмечает, что «предпринимательское право — это комплексная отрасль, гармонично сочетающая публично-правовые и частноправовые начала» [5, с. 32]. Да и едва ли не в каждой из признаваемых сегодня отраслей права мы находим как элементы частного, так и элементы публичного. Позволим себе утверждать, что в чистом виде на сегодня не существует собственно публичных и собственно частных отраслей права. В этих условиях особенную актуальность приобретает теория *конвергенции* частного и публичного права, разработанная Н.М. Коршуновым [12].

Таким образом, применительно к предпринимательскому праву вопрос о частном и публичном приобретает особую окраску. Анализ всех отправных элементов, положенных в основу деления права на частное и публичное (интерес, предмет, метод правового регулирования), в рамках предпринимательского права дает основание утверждать, что они вбирают в себя и частные, и публичные начала. В этой связи актуальным представляется исследование Ю.С. Харитоновой «Частное и публичное предпринимательское право» [11, с. 64–79].

Выход из прогнозируемой сложной ситуации видится в тщательной проработке паспорта научной специальности «Частноправовые (цивилистические) науки», включая формулу специальности и области исследования. Как представляется, задача названного документа — если уж не устранить, то хотя бы сгладить, гармонизировать затянувшуюся дискуссию между «хозяйственниками» и «цивиристами». Напомним, что гармония в переводе с древнегреческого *ἁρμονία* либо латинского *harmonia* означает согласование разнородных и даже противоположных (конфликтных) элементов.

Мы солидарны с И.М. Мацкевичем в том, что «в нашей стране традиция точного регламентирования системных вопросов настолько сильна, что малейшее ее разбалансирование ведет к неминуемым серьезным проблемам» [14, с. 10]. Четкая регламентация позволит избежать неопределенности на всех этапах становления научного работника высшей квалификации — от подготовки к кандидатскому экзамену и его сдачи до определения охвата проблем диссертационного исследования и публичной защиты.

Проводя анализ новой укрупненной частноправовой специальности, отметим и тот факт, что она создает возможность объединения представителей материального и процессуального права, обеспечивая тем самым комплексный подход к оценке защищаемых работ. Попутно заметим стабильно малое количество защит по процессуальной специальности 12.00.15, в первую очередь докторских диссертаций [7]. Это приводит к большому кадровому голоду и соответственно к сложностям создания и функционирования диссертационных советов даже

в ведущих юридических вузах страны (например, в Университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА)). Как представляется, подоплека сего печального факта имеет как объективный, так и субъективный характер. В целом же заданный вектор реформирования научных специальностей позволит приблизиться к созданию истинно комплексных работ

Говоря о плюсах предстоящей пертурбации нельзя обойти вниманием и потребности цифровой экономики. Проблемы формирующегося цифрового права [21] (а они уже сейчас стали значимыми проблемами юридического бизнес-образования [27] и с большой долей вероятности будут являться предметом будущих диссертационных исследований) настолько многоаспектны и междисциплинарны, что в условиях сохранения старой системы не смогли бы уложиться в «прокрустово ложе» узкой научной специальности. Мы полностью солидарны с О.А. Серовой, которая отмечает: «Масштабы предполагаемых и происходящих изменений настолько велики, что не позволяют осуществлять научные исследования исключительно в рамках отраслевого регулирования и требуют привлечения философско-правовых концептов и теорий, более тесного взаимодействия с представителями *IT*-направлений в науке» [18, с. 359].

И если сегодня, на этапе ликвидации цифровой безграмотности [28], рамки узкой научной специальности уже становятся тормозом, то завтра, в эпоху цифровой зрелости, полинаучная сущность исследований станет насущной потребностью. Да и ключевые компетенции цифровой экономики, перечень которых был утвержден приказом Минэкономразвития России от 24 января 2020 г. № 41, могут быть сформированы и раскрыты лишь на уровне межотраслевых исследований. Учитывая, что большая часть «цифровых компетенций» относится к категории *soft skills*, полагаем, что и традиционные исследовательские компетенции юристов [8] в новых условиях потребуют переосмысления и трансформации.

Наконец, нельзя не упомянуть о набирающем популярность проектно-подходе к научным исследованиям [30], что, в частности, подтверждено в наукометрическом обзоре глобальных исследований в области управления проектами [31]. Для нас очевидно, что полноценный проект на уровне диссертационной работы должен носить характер межотраслевого (в аспекте отраслей юриспруденции), а в перспективе — междисциплинарного исследования [29]. И это дополнительный аргумент в защиту предстоящих укрупнений научных специальностей.

В заключение отметим, что удовлетворяющие потребностям теории и практики научные исследования, в полной мере претендующие на статус межотраслевых, в арсенале цивилистических диссертационных исследований конечно есть. Ярким примером тому являются

труды М.Ю. Чельшева — как кандидатская [22; 23], так и докторская диссертации [24]. Написанные соответственно в 1998 и 2008 гг., рассматриваемые сочинения в определенной степени опередили свое время.

Кандидатская работа молодого ученого явно шагнула за рамки научной специальности 12.00.03. Определив в качестве цели исследования «правовой анализ проблемы взаимодействия гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей» [22; 23], М.Ю. Чельшев блестяще ее достиг. При этом с позиции сегодняшнего дня всем понятно, что защита подобной работы только по специальности 12.00.03 в диссертационном совете и тем более ее прохождение в Экспертном совете ВАК в настоящее время были бы невозможны.

Что же касается докторской диссертации М.Ю. Чельшева, объектом исследования которой явился «комплекс теоретических и практических вопросов, обусловленных системной организацией межотраслевых связей гражданского права» [24], то и она явно раздвигает строгие рамки специальности 12.00.03, в полной мере отвечая требованиям комплексности. Данный факт во многом обусловил непреходящую актуальность работы, которая с годами не ослабевает, а напротив, усиливается, подтверждая тем самым дар научного предвидения автора.

Выводы

Изменившаяся парадигма научных специальностей по юриспруденции скорее благо для развития науки. Явное укрупнение, отказ от отраслевого начала — эти и иные факторы позволяют выйти на определенный уровень междисциплинарности диссертаций; решить задачу комплексности научных исследований; приблизиться к созданию целостных проектов, что является веянием времени.

С прикладных позиций новая номенклатура поможет избежать многих сложностей при формировании самих диссертационных советов, а также при подборе кандидатур официальных оппонентов, научной организации. Безусловно, данные выводы являются лишь прогнозами. Однако вспомним, что среди ключевых компетенций цифровой экономики названы саморазвитие в условиях неопределенности, креативное и критическое мышление. Как представляется, при работе в новых условиях указанные навыки окажутся весьма востребованными.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы предпринимательского права: учебник / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2020. 448 с.

2. *Алексеев С.С.* Частное право: научно-публицистический очерк. М.: Статут, 1999. 160 с.

3. *Андреев А.Ю.* Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1 (62). С. 62–87.

4. *Андреев В.К.* Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России. М.: РАП, 2012. 276 с.

5. *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2005. 432 с.

6. *Грачева Е.Ю., Власенко Н.А.* Конкурентное право и Номенклатура специальностей научных работников по юридическим наукам // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 142–148.

7. *Грачева Е.Ю.* Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 14–20.

8. *Ершова И.В.* Исследовательские компетенции юристов: в поисках места и значения // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 9–25. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-9-25>

9. *Ершова И.В.* Правовое регулирование финансов предприятия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 184 с.

10. *Ершова И.В.* Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте (теоретические основы и пути совершенствования): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. 445 с.

11. Концепция частного и публичного права: монография / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 175 с.

12. *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 240 с.

13. *Криворученко В.К.* Присуждение ученых степеней в России в первой половине XIX века // Управление мегаполисом. 2012. № 4. С. 79–98.

14. *Мацкевич И.М.* Динамика научного образования // Юридическое образование и наука. 2017. № 4. С. 7–11.

15. *Парсамов В.С., Шалаева А.В.* ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения: препринт WP6/2014/04. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2014. 40 с.

16. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2017. 992 с.

17. *Сафонова М.А., Соколов М.В.* Иерархия дисциплин и устройство междисциплинарных связей в России, 2006–2016: анализ корпуса до-

кторских диссертаций // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 86–105.

18. *Серова О.А.* Проблемы развития методологии гражданско-правовых исследований в цифровую эпоху // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 351–362.

19. *Суслова С.И.* О комплексности в цивилистических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 363–381.

20. *Суслова С.И.* Специальность 12.00.03: статистическое исследование тематики и количества диссертационных работ, представленных к защите // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С. 48–54.

21. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

22. *Чельшев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с использованием предпринимателей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. 215 с.

23. *Чельшев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с использованием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.

24. *Чельшев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

25. *Ягудеева И.А.* История развития специальностей научных работников по юридическим наукам в России // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9–2. С. 153–161.

26. *Якушев А.Н.* Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России (1747–1918): история и опыт реализации: приложения к диссертации (отдельный том): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

27. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Kvitsinia N.* The Phenomenon of Digitization in Legal Business Education Check for Updates // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. Pp. 145–152.

28. *Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Trofimova E.V.* Digital Literacy of Lawyers as a Condition of Legal Support for Business in the Digitization Era // Advances in Intelligent Systems and Computing, Vol. 1100AISC. Pp. 139–147.

29. *Ershova I.V., Enkova E.E., Levushkin A.N., Dzhindzholiia K.K.* Project-Based Approach in Training Business Lawyers for Digital Economy Through the Prism of Goal Setting // Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks. International Scientific and Practical Conference. 2020. P. 1005.

30. Jørgensen L., Åsgård T. Trust and Control in Project Management // *Procedia Computer Science*. 2019. Vol. 164. Pp. 397–406.
31. Toledo R.F. de, Miranda Junior H.L., Farias Filho J.R., Costa H.G. A Scientometric Review of Global Research on Sustainability and Project Management Dataset // *Data in Brief*. 2019. Vol. 25. Article 104312.

References

1. Ershova I.V. (ed.). *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava: uchebnik* [Current Problems of Business Law: Textbook]. Moscow, 2020. 448 p. (In Russ.)
2. Alekseev S.S. *Chastnoe pravo: nauchno-publicisticheskii ocherk* [Private Law: A Scientific and Journalistic Essay]. Moscow, 1999. 160 p. (In Russ.)
3. Andreev A.Iu. *Vozniknovenie sistemy rossiiskikh uchenykh stepenei v nachale XIX v.* [The Emergence of the System of Russian Academic Degrees at the Beginning of the 19th Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 2: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi — Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church*. 2015. Issue 1 (62). Pp. 62–87. (In Russ.)
4. Andreev V.K. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava Rossii* [Actual Problems of Civil and Business Law of Russia]. Moscow, 2012. 276 p. (In Russ.)
5. Belykh V.S. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii: monografiia* [Legal Regulation of Business Activity in Russia: Monograph]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)
6. Gracheva E.Iu., Vlasenko N.A. *Konkurentnoe pravo i Nomenklatura spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov po iuridicheskim naukam* [Competitive Law and the Nomenclature of Specialties of Researchers in Legal Sciences]. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*. 2018. Issue 2. Pp. 142–148. (In Russ.)
7. Gracheva E.Iu. *Aktual'nye voprosy nauchnoi ekspertizy dissertatsionnykh pravovykh issledovanii* [Current Issues of Scientific Expertise of Dissertation Legal Research]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science*. 2019. Issue 7. Pp. 14–20. (In Russ.)
8. Ershova I.V. *Issledovatel'skie kompetentsii iuristov: v poiskakh mesta i znacheniiia* [Research Competencies of Lawyers: In Search of Places and Meanings]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovanii — Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 9–25. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-9-25> (In Russ.)
9. Ershova I.V. *Pravovoe regulirovanie finansov predpriiatiia: dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal Regulation of the Company's Finances: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1994. 184 p. (In Russ.)

10. *Ershova I.V. Pravovoi rezhim gosudarstvennogo imushchestva v khoziaistvennom oborote (teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniia): dis. ... dokt. iurid. nauk* [Legal Regime of State Property in Economic Turnover (Theoretical Bases and Ways of Improvement): Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. 445 p. (In Russ.)

11. *Ivanov V.I., Kharitonova Iu.S. (eds.). Kontseptsiiia chastnogo i publichnogo prava: monografiia* [The Concept of Private and Public Law: Monograph]. Moscow, 2013. 175 p. (In Russ.)

12. *Korshunov N.M. Konvergentsiia chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki* [Convergence of Private and Public Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2011. 240 p. (In Russ.)

13. *Krivoruchenko V.K. Prisuzhdenie uchenykh stepenei v Rossii v pervoi polovine XIX veka* [Awarding Academic Degrees in Russia in the First Half of the 19th Century]. *Upravlenie megapolisom – Management of a Megalopolis*. 2012. Issue 4. Pp. 79–98. (In Russ.)

14. *Matskevich I.M. Dinamika nauchnogo obrazovaniia* [Dynamics of Scientific Education]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science*. 2017. Issue 4. Pp. 7–11. (In Russ.)

15. *Parsamov V.S., Shalaeva A.V. VAK i problemy nauchnoi attestatsii v SSSR v 1930-e gody. Itogi i perspektivy izucheniia: preprint WP6/2014/04* [The Problems of the System of the Scientific Attestation in the USSR in the 1930s. Results and Perspectives of the Study: Working Paper WP6/2014/04]. Moscow, 2014. 40 p. (In Russ.)

16. *Gubin E.P., Lakhno P.G. (eds.). Predprinimatel'skoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Business Law of the Russian Federation: Textbook]. 3rd ed. Moscow, 2017. 992 p. (In Russ.)

17. *Safonova M.A., Sokolov M.V. Ierarkhiia distsiplin i ustroistvo mezhdistsiplinarnykh svyazei v Rossii, 2006–2016: analiz korpusa doktorskikh dissertatsii* [Hierarchy of Disciplines and the Structure of Interdisciplinary Relations in Russia, 2006–2016: Analysis of the Corpus of Doctoral Dissertations]. *Sotsiologiiia nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology*. 2016. Vol. 7. Issue 4. Pp. 86–105. (In Russ.)

18. *Serova O.A. Problemy razvitiia metodologii grazhdansko-pravovykh issledovaniiv tsifrovuiu epokhu* [Problems of Development of the Methodology of Civil Law Research in the Digital Age]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniiv – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 351–362. (In Russ.)

19. *Suslova S.I. O kompleksnosti v tsivilisticheskikh issledovaniiaakh* [On the Complexity in Civil Law Studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniiv – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 363–381. (In Russ.)

20. *Suslova S.I. Spetsial'nost' 12.00.03: statisticheskoe issledovanie tematiki i kolichestva dissertatsionnykh rabot, predstavlennykh k zashchite* [Specialty

12.00.03: Statistical Research of the Subject and Number of Dissertations Submitted for Defense]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Journal of Law*. 2018. Issue 2. Pp. 48–54. (In Russ.)

21. Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Tsifrovoe pravo: uchebnik* [Digital Law: Textbook]. Moscow, 2020. 640 p. (In Russ.)

22. Chelyshev M.Iu. *Vzaimodeistvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s ispol'zovaniem predprinimatelei: dis. ... kand. iurid. nauk* [Interaction of Civil and Tax Law in the Regulation of Relations with the Use of Entrepreneurs: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 1998. 215 p. (In Russ.)

23. Chelyshev M.Iu. *Vzaimodeistvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s uchastiem predprinimatelei* [Interaction of Civil Law and Tax Law in the Regulation of Relations with the Participation of Entrepreneurs]. Moscow, 2014. 160 p. (In Russ.)

24. Chelyshev M.Iu. *Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Inter-branch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

25. Zhagudaeva I.A. *Istoriia razvitiia spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov po iuridicheskim naukam v Rossii* [History of Development of Scientific Specialities in Line of Jurisprudence in Russia]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy – Scientific Problems of Humanitarian Research*. 2009. Issue 9–2. Pp. 153–161. (In Russ.)

26. Iakushev A.N. *Organizatsionno-pravovoi analiz podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniia uchenykh stepenei v universitetakh i akademiiakh Rossii (1747–1918): istoriia i opyt realizatsii: prilozheniia k dissertatsii (otdel'nyi tom): dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal Analysis, Research Training and the Award of Degrees at Universities and Academies of Russia (1747–1918): History and Experiences: Applications to the Thesis (the Separate Volume): Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1999. (In Russ.)

27. Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Kvitsinia N. The Phenomenon of Digitization in Legal Business Education Check for Updates. *Studies in Computational Intelligence*. 2019. Vol. 826. Pp. 145–152. (In Eng.)

28. Ershova I.V., Tarasenko O.A., Enkova E.E., Trofimova E.V. Digital Literacy of Lawyers as a Condition of Legal Support for Business in the Digitization Era. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100AISC. Pp. 139–147. (In Eng.)

29. Ershova I.V., Enkova E.E., Levushkin A.N., Dzhindzholiia K.K. Project-Based Approach in Training Business Lawyers for Digital Economy Through the Prism of Goal Setting. In *Theory and Practice of Project Management in Education: Horizons and Risks*. International Scientific and Practical Conference. 2020. P. 1005. (In Eng.)

30. Jørgensen L., Åsgård T. Trust and Control in Project Management. *Procedia Computer Science*. 2019. Vol. 164. Pp. 397–406. (In Eng.)

31. Toledo R.F. de, Miranda Junior H.L., Farias Filho J.R., Costa H.G. A Scientometric Review of Global Research on Sustainability and Project Management Dataset. *Data in Brief*. 2019. Vol. 25. Article 104312. (In Eng.)

Информация об авторе:

И.В. Ершова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского
и корпоративного права
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
ORCID: 0000-0002-3327-6201
ResearcherID: F-9688-2017

Information about the author:

I.V. Ershova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 123995, Russia
ORCID: 0000-0002-3327-6201
ResearcherID: F-9688-2017

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ

С.И. Суслова

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Введение: влияние материальных отраслей права на содержание и развитие процессуальных отраслей давно обосновано в юридической литературе. Вместе с тем цивилисты, ограниченные рамками номенклатуры научных специальностей по юридическим наукам, не имеют возможности проводить диссертационные исследования, направленные на выявление влияния процессуальных отраслей на нормы материального права. Применительно к научным исследованиям изучение подобного воздействия в настоящее время допустимо только в рамках специальности 12.00.15. Реформирование номенклатуры научных специальностей в сторону ее укрупнения создает основу для развития научной теории межотраслевых связей, разработанной М.Ю. Чельшевым. Углубленное изучение межотраслевого взаимодействия гражданского права и гражданского процесса не только будет способствовать развитию научных знаний, но и позволит решать практические проблемы на ином методологическом уровне. **Цель:** проанализировать этапы формирования научных специальностей в контексте соотношения гражданского права и процесса, выявить достоинства и недостатки объединения и разделения гражданского права и процесса при проведении научных исследований, провести анализ диссертационных работ в различные периоды развития науки гражданского права и науки гражданского процесса, сформулировать пути совершенствования направлений научных исследований для преодоления разрыва между науками гражданского права и процесса. **Методы:** эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялся юридико-догматический частнонаучный метод. **Результаты:** выявлены основные взгляды на соотношение материальных и процессуальных отраслей в юридической науке; проиллюстрировано, что межотраслевой подход допустим в настоящее время только для диссертационных работ по специально-

сти 12.00.15, что привело к практически полному отсутствию научных исследований по данной тематике в цивилистической науке; обоснована необходимость установления двустороннего характера соотношения и взаимодействия материального и процессуального блоков в системе права на основе теории межотраслевых связей. **Выводы:** реформирование номенклатуры научных специальностей по праву в сторону их укрупнения должно позитивно сказаться на преодолении разрыва, сложившегося между работами по гражданскому праву и цивилистическому процессу за последние годы их раздельного существования. Особенно это касается цивилистической науки, которая развивала собственные научные теории в отрыве от возможностей их реализации в рамках процессуального права. Методологическая основа для решения указанных задач уже сформирована — это межотраслевой метод, применение которого обосновано и продемонстрировано в работах М.Ю. Чельшева.

Ключевые слова: номенклатура; материальные и процессуальные отрасли; гражданское право; гражданский процесс; исследования; специальность.

ON INTERACTION OF MATERIAL AND PROCEDURAL LAW IN THE CONTEXT OF REFORMING THE NOMENCLATURE OF SCIENTIFIC SPECIALTIES IN JURISPRUDENCE

S.I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Introduction: the influence of the material branches of law on the content and development of procedural branches has long been substantiated in the legal literature. At the same time, civil law scholars, limited by the scope of the nomenclature of scientific specialties in legal sciences, do not have the opportunity to conduct dissertation research aimed at identifying the influence of procedural branches on the norms of substantive law. With regard to scientific research, the study of such an impact is currently permissible only within the specialty 12.00.15. Reforming the nomenclature of scientific specialties towards its enlargement creates the basis for the development of the scientific theory of intersectoral relations, developed by M.Iu. Chelyshev. An in-depth study of the intersectoral interaction of civil law and civil procedure will contribute not only to the development of scientific knowledge, but also will allow solving practical problems at a different methodological level. **Purpose:** to analyze the stages of the formation of scientific specialties in the context of the relationship between civil

*law and procedure, to identify the advantages and disadvantages of uniting and dividing civil law and procedure in scientific research, to analyze dissertations in different periods of development of the science of civil law and the science of civil procedure, to formulate ways to improve directions of research to bridge the gap between the science of civil law and procedure. **Methods:** empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. The legal-dogmatic private scientific method was used. **Results:** identified the main views on the ratio of material and procedural branches in legal science; it is illustrated that the intersectoral approach is currently admissible only for dissertations in the specialty 12.00.15, which led to an almost complete absence of scientific research on this topic in civil science; substantiated the need to establish the bilateral nature of the relationship and interaction of material and procedural block. **Conclusions:** reforming the nomenclature of scientific specialties by right in the direction of their enlargement should have a positive effect on bridging the gap that has developed between works on civil law and civil law procedure in the last years of their separate existence. This is especially true of civil science, which developed its own scientific theories in isolation from the possibilities of their implementation within the framework of procedural law. The methodological basis for solving these problems has already been formed – this is an intersectoral method, the application of which is justified and demonstrated in the works of M.Iu. Chelyshev.*

Keywords: *nomenclature; material and procedural industries; civil law; civil procedure; research; specialty.*

Введение

Ни у кого из юристов не вызывает сомнения тот факт, что отрасли материального и процессуального права находятся в тесном взаимодействии. Вместе с тем изучение истории номенклатуры научных специальностей по юриспруденции демонстрирует, что право и процесс как научные специальности развивались по-разному. Присутствуют как значительные временные периоды их «существования» в рамках одной специальности, так и периоды их разделения и обособленного развития. В первом случае научные исследования не были зажаты рамками исключительно материального или процессуального права, позволяли представить научную работу, раскрывающую проблему с позиции двух отраслей. Во втором же случае, как представляется, отрасли научных знаний получали импульс для узкоспециализированного развития, для формирования собственных научных теорий, для более глубокого исследования частных научных проблем. Каждое из указанных направлений

развития юридической науки имеет свои положительные и отрицательные стороны. Последние тенденции, связанные с очередным реформированием номенклатуры научных специальностей, направленные на существенное укрупнение отраслей научных знаний, свидетельствуют о том, что побеждает подход, сторонники которого обосновывают, что «сложившиеся в нашей стране еще с советских времен требования к содержанию диссертаций... делят, с разной степенью обоснованности и успешности, юридическую науку на сегменты... это «рвет по живому» междисциплинарные связи, формирует узких «отраслевиков» и, как следствие, узких специалистов» [2, с. 30].

В рамках данной работы предлагается проанализировать достоинства и недостатки научных исследований в сфере гражданского права и процесса с учетом их самостоятельного или раздельного проведения, а также оценить перспективы развития научных знаний в данной области с учетом предложенной в настоящий момент номенклатуры научных специальностей по праву.

Научные исследования в сфере гражданского права и процесса: история и статистика

Обращение к научным работам, специально посвященным истории развития номенклатуры научных специальностей, свидетельствует о том, что гражданское право и процесс как научные дисциплины долгое время не разделялись. Это происходило как на начальном этапе формирования разрядов юридических наук, так и в советский и российский периоды различных номенклатур научных специальностей. Так, с 1803 по 1917 г. утверждаются 44 разряда юридических наук, которые включают: историко-теоретические; отраслевые; зарубежные науки, а среди отраслевых наук выделяются гражданское право, гражданское судоустройство и судопроизводство. В свою очередь, гражданское право, гражданское судоустройство и судопроизводство включают четыре разряда наук: 1) право гражданское и гражданское судопроизводство в Российской империи (1804 г.); 2) гражданское законоведение (1837, 1844 гг.); 3) гражданское право (1864 г.); 4) гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство (1869, 1884 гг.) [27, с. 155].

В отдельных документах судопроизводство дополнялось применительно ко всем юридическим наукам. Так, например, Положение о производстве в ученые степени (1819 г.) включало 17 разрядов наук, среди которых к юридическим разрядам относились: богословие и право гражданское и каноническое; право естественное, частное, публичное и народное, дипломатика; право римское; право российское

публичное, гражданское и уголовное; частное право присоединенных губерний; судопроизводство ко всем сим частным правилам.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, после 80 лет реформ к 1884 г. окончательно закрепились восемь разрядов юридических наук, по которым университеты могли присуждать ученые степени. И среди этих разрядов присутствуют лишь отрасли материального права (государственное право; гражданское право; международное право; полицейское право; римское право; уголовное право; финансовое право и церковное право). При этом учеными прямо акцентируется внимание, что произошел отказ от включения в один разряд нескольких отраслей права [5].

Советский период развития научных специальностей в рассматриваемом нами аспекте отличался явными и устойчивыми тенденциями по объединению гражданского права и процесса в рамках одной научной специальности. Единственным примером «дробления» является выделение хозяйственного права и арбитражного процесса (1977, 1984, 1988 гг.) и соответственно предпринимательского права и арбитражного процесса (1995 г.) наряду с гражданским правом и процессом, что было практическим воплощением в науке всем известной дискуссии о соотношении гражданского и хозяйственного (предпринимательского) права.

И только в 2000 г. впервые произошло выделение самостоятельной «процессуальной» научной специальности 12.00.15 — Гражданский процесс; арбитражный процесс. Соответственно, раздельное существование гражданского права и процесса в качестве научных специальностей имеет 20-летнюю историю.

Предложенный в настоящий момент Проект номенклатуры научных специальностей¹ предлагает в разделе «Право» выделение всего пяти специальностей: теоретико-правовые исторические науки; публично-правовые науки (государственно-правовые науки); частно-правовые науки (цивилистические науки); уголовно-правовые науки; международно-правовые науки. Обращает на себя внимание, что, так же как и в перечне 1884 г., в нем отсутствует указание на процессуальные науки. Безусловно, в ближайшее время мы получим комментарии на этот счет, соответствующие положения найдут раскрытие в паспортах данных научных специальностей. Однако очевидно, что возможно двоякое решение вопроса в ракурсе науки гражданского права и науки гражданского процесса. С одной стороны, как это опять же присутствовало в отечественной истории («судопроизводство ко

¹ https://rcc.msu.ru/sites/default/files/attachments/proekt_novoy_nomenklatury_nauch.spetsial'nostey_2020.pdf

всем сим частным правилам»), процессуальные науки должны дополнять каждую из предложенных правовых наук. Соответственно, гражданский и арбитражный процессы должны войти в состав научной специальности «частноправовые науки», уголовный процесс — в состав научной специальности «уголовно-правовые науки», а административный процесс — в состав научной специальности «публично-правовые науки (государственно-правовые науки)». С другой стороны, во всех учебниках по теории права процессуальные отрасли отнесены к публичным отраслям права, поэтому диссертационные работы по гражданскому процессу с точки зрения устоявшегося понимания и используемой терминологии не должны включаться в специальность «частноправовые науки».

Небольшой исторический экскурс, приведенный выше, дает основание для предварительных выводов о том, что имеется фактический материал для анализа вопроса об эффективности разделения научных исследований в сфере материальных и процессуальных наук в целом и гражданского права и процесса в частности. Предлагаем проанализировать взаимосвязь материальных и процессуальных отраслей научных знаний (гражданского права и процесса) на основе имеющихся данных о защищенных кандидатских и докторских диссертациях в тот период, когда данные исследования проводились в рамках одной научной специальности (1980—2000 гг.), а также за период их обособленного существования (2000—2020 гг.).

Проведем общий обзор тематики и количества подготовленных к защите диссертаций за выбранный период¹.

Всего за период с 1980 по 2000 г. по специальности 12.00.03 подготовлено 993 диссертационных исследований. 113 из них содержат в своем наименовании указание на проблематику гражданского процесса, три — арбитражного. Одна работа [10] непосредственно посвящена исследованию вопросов о влиянии норм материального права на гражданское процессуальное право.

¹ Даже простой сбор информации по количеству и тематике защищенных диссертаций в настоящий момент не дает полностью объективной картины. На сайте РГБ в каталоге авторефератов диссертаций прямо указано, что в нем отражаются поступления авторефератов диссертаций с 1986 г. по настоящее время. Достаточно полные данные о диссертациях по праву содержатся в каталоге Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» до 2015 г. На сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) содержатся данные о представленных к защите работах только с 2012 г. Именно поэтому при подсчете примерных цифр подготовленных диссертационных исследований по интересующим нас специальностям мы будем основываться на данных всех трех указанных сайтов, информация на которых дополняет друг друга: на данных сайта ВАК (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/>), научной библиотеки издательства «Спарк» (<http://lawlibrary.ru/>) и электронного каталога РГБ (<https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser>).

За период с 2000 по 2020 г. по специальности 12.00.15 подготовлено 546 диссертационных исследований¹. В шести из них наряду с процессуальной тематикой в названии прямо обозначается обращение к нормам материального права: материальный и процессуальный аспект, соотношение норм материального и процессуального права, теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей, соотношение материальных и процессуальных правоотношений и др. [6; 14; 26]. За этот же период по специальности 12.00.03 подготовлено 3994 диссертационных исследования.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что общая тенденция, связанная с формулированием тем диссертационных исследований, не изменялась вне зависимости от самостоятельного или раздельного существования гражданского права и гражданского процесса (предпринимательского права и арбитражного процесса). Исследования в рамках материального права проводились обособлено от процесса, тогда как исследования в рамках процесса в незначительном количестве случаев в своем названии прямо упоминали о «взаимосвязи», «влиянии» или «соотношении» материальных и процессуальных норм и правоотношений. Другое дело, что значительное число работ по процессу посвящено процессуальным особенностям рассмотрения тех или иных материальных споров (в жилищной сфере, в семейном праве, в трудовых спорах и т.д.), что априори предполагает обращение к материальным нормам в выбранной исследователем сфере общественных отношений. Выявлено нами и некоторое количество диссертаций², защитившихся одновременно по двум специальностям — 12.00.03 и 12.00.15. Более детально об этих тенденциях и их причинах поговорим далее.

Гражданское право и процесс при проведении научных исследований: вопросы влияния, соотношения, взаимодействия

Как уже было отмечено выше, представители цивилистической³ (материальной) науки, за редким исключением, не стремились в диссертационных исследованиях обращаться к процессуальной сторо-

¹ С более детальным анализом количества и тематики диссертационных исследований по специальности 12.00.15 можно ознакомиться, например, в следующей работе: [11].

² По нашим оценкам, таких работ за период 2000–2020 гг. было 14: 11 кандидатских и три докторских диссертации.

³ Говоря здесь и далее «цивилистическая наука» и «цивилисты», мы имеем в виду науку гражданского права и ученых, защитивших научно-квалификационные работы по специальности 12.00.03.

не вопроса. И если после 2000 г. это предопределялось паспортом научной специальности, то до этого момента подобное положение вещей можно объяснить лишь отдельными субъективными факторами и сложившимся порядком вещей. Основной причиной, как представляется, является некая главенствующая роль, которая отведена гражданскому праву по сравнению с гражданским процессом. Другими словами, материальное право (гражданское право) является самодостаточным образованием, и правовые исследования не требуют выявления межотраслевого взаимодействия, тогда как процессуальное право (гражданский процесс) возникло и существует лишь для того, чтобы обеспечивать реализацию норм материального права, а значит, установление взаимосвязи, соотношения, взаимного влияния — это прерогатива процессуальной науки и интересно лишь ее представителям. Откуда возникло такое положение вещей, сказать сложно, ведь еще Е.В. Васьковский отмечал, что «различие между гражданским правом и гражданским процессом — то же, что, например, между телом, рассматриваемым в его движении, и самим движением тела, между птицей, наблюдаемой нами во время полета, и самим полетом птицы. Науки гражданского права тесно связаны между собой, и резко очерченной границы между ними провести невозможно» [цит по: 3, гл. I, § 1].

Обратимся к работам специалистов в области гражданского права и процесса, исследовавших в своих работах обозначенный вопрос. Отдаем себе отчет, что не можем охватить все высказывания ученых в данной сфере, поэтому позволим себе объединить их в отдельные группы, выделив несколько исходных тезисов.

Тезис первый. Влияние норм материального права на гражданско-процессуальное право бесспорно. Подобное влияние демонстрируется учеными-процессуалистами применительно к различным институтам гражданского процесса. Делаются выводы о том, что такое влияние приводит к появлению межотраслевых институтов¹, а также формированию комплексных отраслей и институтов законодательства [4].

Вместе с тем нельзя не констатировать, что на фоне общего молчания цивилистов именно работы одного из них существенно увеличили внимание ученых к указанной проблематике. Безусловно, речь идет о докторской диссертации М.Ю. Чельшева на тему «Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование»

¹ Одни процессуалисты полагают, что подобные нормы, содержащиеся в материальном законодательстве, носят процессуальный характер, другие говорят о материально-правовом характере этих норм. Не углубляясь в дискуссию, отметим лишь, что эти нормы не только расположены в законодательных актах материально-правового характера, но и являются частью соответствующих материально-правовых институтов. См.: [18].

[25], а также многочисленных научных статьях данного ученого, посвященных обозначенному вопросу [20; 21; 22; 23; 24]. Выделив целую главу в своей работе на изучение межотраслевых связей гражданского права и отраслей публичного права на основе анализа взаимосвязи с процессуальными правовыми отраслями, ученый заложил основу для развития данных идей в дальнейшем представителями как цивилистической, так и процессуальной науки [8].

Тезис второй. Наряду с работами, где исследуется исключительно одностороннее воздействие (влияние), начинают появляться утверждения о взаимовлиянии материальных и процессуальных отраслей права. Так, например, Д.Б. Абушенко пишет о том, что исследование влияния материального права на институты цивилистического процесса позволит «более свободно выстраивать внутренние связи между разноотраслевыми институтами — логика их взаимопроникновения, межотраслевого «сплетения» будет следовать неким общим представлениям, сформулированным применительно к выявленному влиянию материального права на конкретные институты цивилистического процесса» [1, гл. II]. Более того, процессуалисты опровергают саму идею о «первичности, базовости» материальных отраслей по сравнению с «производными, вторичными» процессуальными отраслями и формулируют вывод о двустороннем диалектическом характере соотношения и взаимодействия материального и процессуального¹ блоков в системе права. «Весьма важным представляется в теории права детальное отражение взаимовлияния и взаимозависимости рассматриваемых частей нормативно-правовой материи» [12].

С данными выводами нельзя не согласиться. Более того, именно об этом обоснованно говорил М.Ю. Чельшев, когда выделял и разграничивал в положениях новизны в докторской диссертации такие термины, как «межотраслевое взаимодействие» и «межотраслевое взаимное влияние» [25]. Представляется, что укрупнение номенклатуры научных специальностей, если гражданский процесс все же будет объединен с частным правом, позволит подготовить и защитить диссертационные работы, более детально отражающие элементы такого межотраслевого влияния и межотраслевого взаимодействия, что в зна-

¹ В тексте статьи употребляется термин «правового», а не «процессуального». Здесь, видимо, имеет место опечатка. Вместе с тем по тексту работы и дальнейшим выводам очевидно, что речь идет о взаимодействии материального и процессуального блоков. Так, в частности, автор пишет: «В связи с этим с точки зрения системно-функционального подхода материальное право не обладает первичным характером по отношению к процессуальному, они с необходимостью предполагают совместное действие в отношении друг друга и по отношению к регулируемым ими общественным отношениям» ([12]).

чительной степени предопределил решения множества задач прикладного характера, возникающих в правоприменительной практике на стыке гражданского права и гражданского процесса.

В России как стране континентального права пока вряд ли возможны еще более серьезные сдвиги с точки зрения взглядов на соотношение материальных и процессуальных отраслей, которые наблюдаются в странах прецедентного права. Однако положительные тенденции, безусловно, должны восприниматься как в научной среде, так и в правоприменении. Так, представители науки уголовного процесса, характеризуя страны общего права, отмечают, что «доминирование «судейского» права привело к повышению роли процессуального права по сравнению с правом материальным. Исторически в силу слабого развития законодательства суды, формулируя нормы материального права, затрагивали многие вопросы права процессуального». Более того, ученые отмечают не только тесное переплетение, взаимную обусловленность и взаимное дополнение норм материального и процессуального права, но и тот факт, что появление новой материальной нормы расценивается не только с позиции необходимости закрепления, но и с точки зрения возможности ее реализации в рамках процессуального права [15]. Представляется, что цивилистическим работам в последние годы не хватает выводов и предложений именно в указанной плоскости. Наверное, единственным исключением из такого вывода являются научные исследования в области защиты гражданских прав, где традиционно связь между гражданским правом и процессом проявлялась наиболее наглядным образом. Затронем этот вопрос чуть более подробно.

Защита гражданских прав: сфера гражданского права или гражданского процесса?

Несмотря на наличие в паспорте специальности 12.00.03 отдельного раздела о защите гражданских прав¹, традиционно продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, соответствует ли научной специальности работа, посвященная проблемам защиты. Это, безусловно, основывается на том, что защита гражданских прав является неоспоримым критерием отнесения того или иного явления к сфере науки гражданского процесса [9]. Механическое дробление изучения защиты с позиции материального и процессуального аспекта, как

¹ 1.11. Защита гражданских прав. Судебная защита, самозащита, меры оперативно-го воздействия. Меры государственного принуждения, применяемые для защиты гражданских прав. Государственно-принудительные меры превентивного (предупредительного) характера. Гражданско-правовые санкции.

представляется, является наглядным примером негативных последствий разделения права и процесса в рамках различных специальностей. При этом цивилисты оказывались в худшем положении по сравнению с процессуалистами. Основываясь на паспорте 12.00.15, последние абсолютно обоснованно могли изучать «влияние материального права на развитие гражданского процесса», а потому не просто затрагивать, а глубоко исследовать межотраслевые связи гражданского права и процесса, тогда как представителям специальности 12.00.03 строго настрого запрещалось уходить при исследовании в вопросы процесса, иначе диссертация не будет соответствовать научной специальности и придется ее защищать по двум специальностям, что, безусловно, осложняет путь к степени любого соискателя. Именно поэтому число диссертаций, защищенных одновременно по специальностям 12.00.03 и 12.00.15 за 20 лет, не является значительным. При этом большая часть из них — это диссертации, посвященные проблемам защиты [см., напр.: 7; 13; 16; 17; 19].

За период с 2012 по 2020 г. сайт ВАК показывает, что тематика защиты была очень востребована цивилистами: за восемь лет к защите представлено 66 диссертационных исследований в данной области. Цивилисты исследовали проблематику защиты прав потребителей, семейных прав, интеллектуальных прав, жилищных прав, вещных, корпоративных, договорных и иных прав. Ряд работ посвящен непосредственно средствам и способам защиты субъективных гражданских прав.

Ознакомление с содержанием данных работ и выдвигаемыми для защиты положениями новизны еще раз подтверждает, что цивилисты, проводя такие исследования, вынуждены сужать предметное поле научных изысканий и замыкаются лишь на материальном аспекте проблематики защиты. Это приводит к тому, что глубокие теоретические выводы остаются лишь вкладом в науку и не оказывают влияния на правоприменение, поскольку вопрос о реализации тех или иных материальных норм в рамках процесса и исполнительного производства даже не поднимается.

В случае объединения гражданского права и процесса в рамках одной научной специальности данный вопрос перестанет быть актуальным. Вместе с тем созданный за 20 лет разрыв в научных исследованиях по праву и процессу не будет преодолен мгновенно. За это время система подготовки научных кадров создала «узких отраслевиков», и цивилистам, сознательно и вынужденно не вникающим в проблемы науки гражданского процесса, будет непросто изменить методологию исследований. При этом абсолютно очевидно, что межотраслевой метод, предложенный М.Ю. Чельшевым, не должен лежать в основе

всех работ, которые проводятся в настоящее время в рамках специальности 12.00.03, однако в работах, посвященных проблематике защиты гражданских прав и интересов, как представляется, должен использоваться обязательно.

Выводы

Реформирование номенклатуры научных специальностей по праву в сторону их укрупнения должно позитивно сказаться на преодолении разрыва, сложившегося между работами по гражданскому праву и цивилистическому процессу за последние годы их раздельного существования. Особенно это касается цивилистической науки, которая развивала собственные научные теории в отрыве от возможностей их реализации в рамках процессуального права. Методологическая основа для решения указанных задач уже сформирована — это межотраслевой метод, применение которого обосновано и продемонстрировано в работах М.Ю. Чельшева.

Библиографический список

1. *Абушенко Д.Б.* Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 319 с.

2. *Аврутин Ю.Е.* К вопросу о паспорте номенклатуры специальностей научных работников // Юрическое образование и наука. 2015. № 4. С. 29—31.

3. *Андреев Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2010. 464 с.

4. *Бабенко Н.А.* Становление комплексных отраслей и институтов законодательства — результат взаимодействия материальных и процессуальных норм права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 9 (105). С. 37—41.

5. *Балеевских П.С., Муранов А.И.* Отечественная история нормативной регламентации номенклатур специальностей научных работников применительно к юриспруденции // Правоведение. 2008. № 5. С. 243—259.

6. *Боровиков С.А.* Влияние норм материального права на нормы арбитражного процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 175 с.

7. *Бурцева Л.А.* Гражданско-правовые проблемы применения косвенного иска как способа защиты хозяйственных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.

8. *Валеев Д.Х., Голубцов В.Г.* Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 34–44.

9. *Воронов А.Ф.* Предмет науки гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2. С. 8–54.

10. *Грось Л.А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 528 с.

11. *Девяцкий Э.И.* Специальность 12.00.05: статистическое исследование тематики и количества диссертационных работ, представленных к защите // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1. С. 50–57.

12. *Донцова К.Б.* Негативные формы проявления взаимосвязи материального и процессуального права // Правовая культура. 2018. № 2 (33). С. 112–119.

13. *Елисеев Н.Г.* Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 41 с.

14. *Магомедова М.А.* Теория и практика взаимодействия арбитражного процессуального и материальных отраслей права: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. 209 с.

15. *Малешина А.В.* Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. 480 с.

16. *Меребашвили Т.А.* Материальные и процессуальные вопросы взаимного страхования ответственности судовладельцев: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 216 с.

17. *Монахов Д.А.* Сервитуты и их судебная защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.

18. *Решетникова И.В.* Материальное и процессуальное право: аспекты взаимодействия // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П.В. Крашенинникова: Екатеринбург, 21 июня 2014 г. М.: Статут, 2014. С. 184–192.

19. *Скворцов О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. 775 с.

20. *Чельшев М.Ю.* О формах межотраслевых связей гражданского права и совместном применении гражданско-правовых норм и норм других правовых отраслей в судебной практике // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ. М.: МГЮА, 2009. Т. 2. С. 261–267.

21. *Чельшев М.Ю.* Межотраслевой метод юридических исследований в цивилистической науке как средство познания межотраслевых

связей гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 116–123.

22. *Чельшев М.Ю.* О цивилистическом инструментарии в сфере действия процессуального права // Развитие процессуального законодательства: к 5-летию действия АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации»: матер. межд. науч.-практ. конф., посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. Т.Е. Абовой. Воронеж, 15–16 февраля 2008 г. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 185–193.

23. *Чельшев М.Ю.* О межотраслевых и внутриотраслевых связях гражданского права // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 105–112.

24. *Чельшев М.Ю.* О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального права // Российский следователь. 2005. № 10. С. 13–16.

25. *Чельшев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2009. 40 с.

26. *Шестакова Н.Д.* Недействительность сделок: процессуальный и материальный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 188 с.

27. *Ягудеева И.А.* История развития специальностей научных работников по юридическим наукам в России // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 9-2. С. 153–161.

References

1. *Abushenko D.B. Problemy vzaimovlianiia sudebnykh aktov i iuridicheskikh faktov material'nogo prava v tsivilisticheskom protsesse: monografiia* [Problems of Mutual Influence of Judicial Acts and Legal Facts of Substantive Law in Civil Procedure: Monograph]. Tver, 2013. 319 p. (In Russ.)

2. *Avrutin Iu.E. K voprosu o pasporte nomenklatury spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov* [On the Question of the Passport of the Nomenclature of Specialties of Scientific Workers]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science*. 2015. Issue 4. Pp. 29–31. (In Russ.)

3. *Andreev Iu.N. Mekhanizm grazhdansko-pravovoi zashchity* [Mechanism of Civil Legal Protection]. Moscow, 2010. 464 p. (In Russ.)

4. *Babenko N.A. Stanovlenie kompleksnykh otraslei i institutov zakonodatel'stva — rezul'tat vzaimodeistviia material'nykh i protsessual'nykh norm prava* [The Formation of Complex Branches and Institutions of Legislation Is the Result of the Interaction of Material and Procedural Norms of Law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika — Law and State: Theory and Practice*. 2013. Issue 9 (105). Pp. 37–41. (In Russ.)

5. *Baleevskikh P.S., Muranov A.I. Otechestvennaia istoriia normativnoi reglamentatsii nomenklatur spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov primenitelno k iurisprudentsii* [Domestic History of Normative Regulation of the Nomenclatures of Specialties of Scientific Workers in Relation to Jurisprudence]. *Pravovedenie — Jurisprudence*. 2008. Issue 5. Pp. 243–259. (In Russ.)

6. *Borovikov S.A. Vliianie norm material'nogo prava na normy arbitrazhnogo protsessual'nogo prava: dis. ... kand. iurid. nauk* [Influence of the Norms of Substantive Law on the Norms of Arbitration Procedural Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2005. 175 p. (In Russ.)

7. *Burtseva L.A. Grazhdansko-pravovie problemy primeneniia kosvennogo iska kak sposoba zashchity khoziaistvennykh obshchestv: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Civil Law Problems of the Use of an Indirect Claim as a Way to Protect Business Entities: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 21 p. (In Russ.)

8. *Valeev D.Kh., Golubtsov V.G. Metodologicheskie aspekty mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Methodological Aspects of Interbranch Relations of Civil Procedural Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy — Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 34–44. (In Russ.)

9. *Voronov A.F. Predmet nauki grazhdanskogo protsessa* [The Subject of Science of Civil Procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa — Herald of Civil Procedure*. 2013. Issue 2. Pp. 8–54. (In Russ.)

10. *Gros L.A. Vliianie norm material'nogo prava na grazhdanskoe protsessual'noe pravo (nauchno-prakticheskie problemy): dis. ... dokt. iurid. nauk* [Influence of the Norms of Substantive Law on Civil Procedural Law (Scientific and Practical Problems): Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1999. 528 p. (In Russ.)

11. *Devitskii E.I. Spetsial'nost 12.00.05: statisticheskoe issledovanie tematiki i kolichstva dissertatsionnykh rabot, predstavlennykh k zashchite* [Specialty 12.00.05: Statistical Research of the Topic and the Number of Dissertations Submitted for Defense]. *Prolog: zhurnal o prave — Prologue: Journal of Law*. 2020. Issue 1. Pp. 50–57. (In Russ.)

12. *Dontsova K.B. Negativnye formy proiavleniia vzaimosvyaizi material'nogo i protsessual'nogo prava* [Negative Forms of Manifestation of the Relationship Between Material and Procedural Law]. *Pravovaia kultura — Legal Culture*. 2018. Issue 2 (33). Pp. 112–119. (In Russ.)

13. *Eliseev N.G. Dogovornoe regulirovanie grazhdanskikh i arbitrazhnykh protsessual'nykh otnoshenii: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Contractual Regulation of Civil and Arbitration Procedural Relations: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 41 p. (In Russ.)

14. *Magomedova M.A. Teoriia i praktika vzaimodeistviia arbitrazhnogo protsessual'nogo i material'nykh otraslei prava: dis. ... kand. iurid. nauk* [Theory

and Practice of Interaction of Arbitration Procedural and Material Branches of Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Makhachkala, 2002. 209 p. (In Russ.)

15. *Mareshina A.V. Prestupleniia protiv zhizni v stranakh obshchego prava* [Crimes Against Life in Common Law Countries]. Moscow, 2017. 480 p. (In Russ.)

16. *Merebashvili T.A. Material'nye i protsessual'nye voprosy vzaimnogo strakhovaniia otvetstvennosti sudovladel'tsev: dis. ... kand. iurid. nauk* [Material and Procedural Issues of Mutual Liability Insurance of Shipowners: Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 216 p. (In Russ.)

17. *Monakhov D.A. Servituti i ikh sudebnaia zashchita: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Easements and their Judicial Protection: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 25 p. (In Russ.)

18. *Reshetnikova I.V. Material'noe i protsessual'noe pravo: aspekty vzaimodeistviia* [Substantive and Procedural Law: Aspects of Interaction]. In *Aktualnye problemy chastnogo prava: sb. st. k iubileiu P.V. Krasheninnikova: Ekaterinburg, 21 iuniia 2014 g.* [Actual Problems of Private Law: Collection of Articles to the Anniversary of P.V. Krasheninnikov: Yekaterinburg, 21 June 2014]. Moscow, 2014. Pp. 184–192. (In Russ.)

19. *Skvortsov O.Iu. Problemy treteiskogo razbiratel'stva predprinimatel'skikh sporov v Rossii: dis. ... dokt. iurid. nauk* [Problems of the Arbitration of Business Disputes in Russia: Dr. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 775 p. (In Russ.)

20. *Chelyshev M.Iu. O formakh mezhotraslevikh svyazei grazhdanskogo prava i sovmestnom primenenii grazhdansko-pravovykh norm i norm drugikh pravovykh otraslei v sudebnoi praktike* [On the Forms of Inter-Branch Relations of Civil Law and the Joint Application of Civil Law and Norms of other Legal Branches in Judicial Practice]. In *Mater. mezhd. nauch.-prakt. konf., posviashch. 15-letiiu Konstitutsii RF. T. 2* [Materials of the International Scientific Practical Conference, Dedicated to the 15th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Vol. 2]. Moscow, 2009. Pp. 261–267. (In Russ.)

21. *Chelyshev M.Iu. Mezhotraslevoi metod iuridicheskikh issledovanii v tsivilisticheskoi nauke kak sredstvo poznaniia mezhotraslevikh svyazei grazhdanskogo prava* [Interdisciplinary Method of Legal Research in Civil Science as a Means of Cognition of Interbranch Relations of Civil Law]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn' – Legal Policy and Legal Life*. 2008. Issue 4. Pp. 116–123. (In Russ.)

22. *Chelyshev M.Iu. O tsivilisticheskoi instrumentarii v sfere deistviia protsessual'nogo prava* [On Civil Law Tools in the Sphere of Procedural Law]. In *Razvitiie protsessual'nogo zakonodatel'stva: k 5-letiiu deistviia APK RF, GPK RF i Federal'nogo zakona RF «O treteiskikh sudakh v Rossiiskoi Federatsii»: mater. mezhd. nauch.-prakt. konf., posviashch. iubileiu Zasluzhennogo deiatel'ya nauki RF, dokt. iurid. nauk, prof. T.E. Abovoi. Voronezh, 15–16 fevralia 2008 g. Vyp. 4* [Development of Procedural Legislation: To the 5th Anniversary of

the RF Arbitration Procedure Code, RF Civil Procedure Code and the RF Federal Law “On Arbitration Courts in the Russian Federation”: Materials of the International Scientific Practical Conference, Dedicated to the Anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law Sciences, Prof. T.E. Abova. Voronezh, 15–16 February 2008. Issue 4]. Voronezh, 2008. Pp. 185–193. (In Russ.)

23. *Chelyshev M.Iu. O mezhotraslevykh i vnutriotraslevykh svyaziakh grazhdanskogo prava* [On Intersectoral and Intraindustry Relations of Civil Law]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal – Russian Legal Journal*. 2007. Issue 2. Pp. 105–112. (In Russ.)

24. *Chelyshev M.Iu. O mezhotraslevykh svyaziakh ugovovno-protsessual'nogo, grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [On Intersectoral Relations of Criminal Procedural, Civil and Civil Procedural Law]. *Rossiiskii sledovatel' – Russian Investigator*. 2005. Issue 10. Pp. 13–16. (In Russ.)

25. *Chelyshev M.Iu. Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Studies: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2009. 40 p. (In Russ.)

26. *Shestakova N.D. Nedeistvitelnost sdelok: protsessual'nyi i material'nyi aspekty: dis. ... kand. iurid. nauk* [Invalidity of Transactions: Procedural and Material Aspects: Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 188 p. (In Russ.)

27. *Iagudaeva I.A. Istoriia razvitiia spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov po iuridicheskim naukam v Rossii* [The History of the Development of Specialties of Scientific Workers in Legal Sciences in Russia]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy – Scientific Problems of Humanitarian Research*. 2009. Issue 9–2. Pp. 153–161. (In Russ.)

Информация об авторе:

С.И. Суслова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(2\).299-307](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307)

<https://doi.org/10.1051/e3sconf/20199108071>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-322-347>

Information about the author:

S.I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

МЕТОДЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347

<https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-232-256>

ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

В.А. Болдырев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

E-mail: vabold@mail.ru

Введение: *сравнение диссертаций по гражданскому праву с диссертациями по другим юридическим специальностям, особенно уголовно-правового цикла, неизбежно приводит к мысли об отсутствии в российской правовой науке фундаментальных цивилистических трудов, которые бы базировались на статистическом анализе эмпирического материала. Диссертанты зачастую подтверждают или опровергают тем или иным случаем или их набором свою идею, имеющую действительную или мнимую научную ценность. Нередко изучение широкой группы кейсов становится фундаментом для глубоких научных выводов, изменения первоначальных воззрений диссертанта или предложения новых гипотез, однако и в этих случаях наблюдения авторов не носят характер статистических. Само утверждение о недостаточном использовании в гражданско-правовой науке статистических методов требует не просто провозглашения с указанием на его очевидность, а прямых доказательств данного обстоятельства. Цель: подтвердить или опровергнуть тезис о редком использовании статистических методов в гражданско-правовых исследованиях, установить причины редкого использования (в случае подтверждения тезиса).*

Методы: используются формально-логические методы, статистические методы, сравнительный метод. **Результаты:** тезис о редком использовании статистических методов в гражданско-правовых исследованиях подтвержден. Предложен индекс объективной обусловленности использования статистических методов в правовых исследованиях. Индекс показывает, что роль условно-субъективного компонента, т.е. сложившихся традиций ведения научных исследований по различным специальностям, имеет значение, но не является решающей для характеристики методологических основ ведения научно-исследовательской работы. Избрание конкретным исследователем статистических методов ведения научной работы детерминировано двумя основными количественными параметрами ведения исследовательской работы всем научным сообществом по соответствующей специальности: 1) шириной сектора анализируемой правовой действительности, в том числе объемом законодательства, регулирующего общественные отношения; 2) количеством работающих в соответствующей сфере исследователей.

Ключевые слова: гражданское право; правовая статистика; статистические методы; научная специальность; научно-техническая информация; рубрикатор; закон больших чисел.

THE CIVIL LAW STATISTICS

V.A. Boldyrev

Perm State University

E-mail: vabold@mail.ru

Introduction: comparison of dissertations in civil law with dissertations in other legal specialties, especially the criminal law cycle, inevitably leads to the idea that there are no fundamental civil law works in Russian legal science, which would be based on a statistical analysis of empirical material. Dissertation candidates often confirm or deny by one or another case or a set of them their idea, which has real or imaginary scientific value. Often, the study of a wide group of cases becomes the foundation for deep scientific conclusions, changes in the initial views of the dissertation candidate or the proposal of new hypotheses, however, in these cases, the authors' observations are not statistical. The very statement about the insufficient use of statistical methods in civil law science requires not just a declaration with an indication of its obviousness, but direct evidence of this circumstance. **Purpose:** to confirm or refute the thesis about the rare use of statistical methods in civil law research, to establish the reasons for the rare use (if the thesis is confirmed). **Methods:** formal logical methods, statistical

methods, comparative method are used. Results: the thesis about the rare use of statistical methods in civil law research is confirmed. The index of the objective conditionality of the use of statistical methods in legal research is proposed. The index shows that the role of the conditionally subjective component, that is, the established traditions of conducting scientific research in various specialties, is important, but not decisive for characterizing the methodological foundations of conducting scientific research. The choice by a particular researcher of statistical methods of conducting scientific work is determined by two main quantitative parameters of conducting research work by the entire scientific community in the relevant specialty: (a) the breadth of the sector of the analyzed legal reality, including the volume of legislation regulating public relations; (b) the number of researchers working in the relevant field.

Keywords: civil law; legal statistics; statistical methods; scientific specialty; scientific and technical information; rubricator; the law of large numbers.

Постановка проблемы (введение)

Сравнение диссертаций по гражданскому праву с диссертациями по другим юридическим специальностям, особенно уголовно-правового цикла, неизбежно приводит к мысли об отсутствии в российской правовой науке фундаментальных цивилистических трудов, которые бы базировались на статистическом анализе эмпирического материала.

В какой бы последовательности мы не располагали слова «статистика» и «юриспруденция» в словосочетаниях, вопрос о применении статистических методов для целей анализа явлений из области права стоит очень остро.

Д.А. Савченко считает, что **правовая статистика** «помогает определить характер и масштаб юридических задач, но сама по себе не дает ответа на вопрос о путях их решения» [7, с. 212], а **статистическая юриспруденция** «характеризуется использованием статистических методов для решения юридических задач, таких, например, как квалификация правонарушений, а также установление их причин и разработка мер предупреждения» [7, с. 212]. На наш, взгляд, такое разделение является надуманным, а словосочетание «статистическая юриспруденция» через логическую цепочку с использованием категорий «статистическая погрешность» и «статистическая закономерность» неизбежно выводит на нелепую мысль о существовании «среднестатистической юриспруденции».

Думается, что закономерности развития русского языка не способствуют использованию категории «статистическая юриспруден-

ция», но, конечно, не отменяют необходимости исследования явлений из области права, в том числе юридических текстов (нормативных, правоприменительных и доктринальных) с использованием статистических методов. Основываясь на данных соображениях, мы говорим о цивилистической (гражданско-правовой) статистике, а не статистической цивилистике.

Сбор и анализ эмпирического материала — обязательный этап большинства исследований, итогом которых является кандидатская или докторская диссертация. В то же время число диссертаций по юриспруденции, где исследование статистических закономерностей образует стержень работы, трудно назвать значительным. Количество диссертаций, написанных юристами в постсоветский период и содержащих слово «статистика» в названии, можно пересчитать по пальцам одной руки [1; 5; 8; 10].

Наблюдение за практикой применения норм гражданского права сегодня чаще всего осуществляется с довольно слабого, малопродуктивного ракурса. Диссертанты зачастую подтверждают или опровергают тем или иным случаем или их набором, когда они отражены в судебном акте, свою идею, имеющую действительную или мнимую научную ценность. Нередко изучение широкой группы кейсов становится фундаментом для глубоких научных выводов, изменения первоначальных воззрений диссертанта или предложения новых гипотез, однако и в этих случаях наблюдения авторов не носят характер статистических. По сути, исследователем не столько выявляются объективные закономерности правоприменения, сколько формулируется свое субъективное мнение о них, а затем транслируется окружающим как истина без серьезной проверки.

«Правовая статистика играет существенную роль в информационном обеспечении законотворчества, способствует выявлению направлений корректировки правоприменительной деятельности. Не менее важна совершенная система правовой статистики и как источник данных для социальных прогнозов, в том числе в сфере правового регулирования», — отмечал Е.А. Павлодский в своей докторской диссертации «Проблемы теории и методологии гражданско-правовой статистики и ее значение для совершенствования законодательства» [5, с. 1]. Он же отмечал, что «правовая статистика наименее развитая область статистической науки» [там же, с. 1–2]. Состояние гражданско-правовой статистики полностью соответствует данному утверждению в настоящее время, т.е. по истечении трех десятков лет от момента его формулировки.

Попробуем определить причины сложившегося положения дел, хорошо наблюдаемого даже в работах, посвященных методологиче-

ским вопросам правоведения [6]. Разговор о путях выхода из ситуации сложен и требует правильной постановки самой проблемы.

Само утверждение о недостаточном использовании в гражданско-правовой науке общенаучных [4, с. 261], а отнюдь не специальных (отраслевых) статистических методов — методов описания и изучения массовых явлений, допускающих количественное (численное) выражение, — требует не просто провозглашения с указанием на его очевидность, а прямых доказательств данного обстоятельства.

Желательно, чтобы доказательства могли быть перепроверены любым специалистом без проведения глубокого погружения в ход работы. Наиболее подходящим для этой цели механизмом мы посчитали использование частоты упоминания слова «статистика» в исследованиях, относящихся к различным отраслям правовой науки.

Поиск и анализ информации

***Допущение 1.** В настоящем исследовании принято допущение, согласно которому использование в опубликованной работе, в частности в названии, аннотации или ключевых словах, термина «статистика» свидетельствует об использовании при ее подготовке статистических методов.*

Субъективный фактор при таком подходе оказывал минимальное влияние на ход и результат работы. Сбор информации осуществлялся с использованием поисковой системы и базы данных Научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU»¹, именуемой профессиональным сообществом также «НЭБ».

Безусловно, данные по результатам поиска в НЭБ с течением времени будут меняться при сохранении поисковых значений неизменными. Это объясняется пополнением библиотеки, т.е. увеличением объема исследуемых данных. Однако сколько-либо существенного расхождения в соотношении выявленных абсолютных показателей быть не может. Соответственно, достоверность представленных данных может быть проверена любым исследователем.

Поиск необходимой информации осуществлялся нами с указанием в поисковых полях следующей информации (знаком «+» отмечен выделенный при поиске параметр, знаком «—» отмечен существующий, но не выделенный при поиске параметр):

1. **«Что искать»:** «статистика»;
2. **«Где искать»:** + в названии публикации, + в аннотации; + в ключевых словах; — в списках цитируемой литературы; — в названии организаций авторов; — в полном тексте публикации;

¹ <https://elibrary.ru/querybox.asp?scope=newquery>

3. **«Тип публикации»:** + статьи в журналах; + диссертации; + книги; + отчеты; + материалы конференций; + патенты; + депонированные рукописи;

4. **«Параметры»:** + искать с учетом морфологии; – искать похожий текст; – искать в публикациях, имеющих полный текст на eLibrary.Ru; – искать в публикациях, доступных для Вас; – искать в результатах предыдущего запроса.

Поиск в НЭБ осуществлялся 21 июля 2020 г. в источниках, поступивших в НЭБ за все годы, и вне зависимости от года осуществления публикации.

В поле **«Тематика»** последовательно отражались поисковые значения, соответствующие Государственному рубрикатору научно-технической информации (Государственный рубрикатор НТИ или ГРНТИ): Общие вопросы (код 10.01.00); Теория государства и права (10.07.00); История государства и права (10.09.00); История политических и правовых учений (10.11.00); Конституционное (государственное) право (10.15.00); Муниципальное право (10.16.00); Административное право (10.17.00); Информационное право (10.19.00); Финансовое право (10.21.00); Предпринимательское право (10.23.00); Гражданское право (10.27.00); Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс) (10.31.00); Арбитражно-процессуальное право (арбитражный процесс) (10.33.00); Патентное право. Право промышленной собственности (10.35.00); Авторское право и смежные права (10.41.00); Наследственное право (10.45.00); Семейное право (10.47.00); Аграрное право (10.51.00); Правовые проблемы охраны окружающей среды. Экологическое право (10.53.00); Земельное право (10.55.00); Лесное право (10.57.00); Водное право (10.59.00); Воздухоохранное право (10.60.00); Законодательство о недрах (10.61.00); Законодательство о животном мире (10.62.00); Трудовое право (10.63.00); Право социального обеспечения (10.67.00); Правоохранительные органы (10.71.00); Уголовное право (10.77.00); Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) (10.79.00); Криминология (10.81.00); Уголовно-исполнительное право. Пенитенциария (10.83.00); Криминалистика (10.85.00); Судебная статистика (10.86.00); Международное право (10.87.00); Международное частное право (10.89.00); Государство и право отдельных стран (10.91.00).

В ходе исследования также были получены данные о количестве упоминаний слова «статистика» в рубрике более высокого порядка — с кодом «10.00.00» и названием «Государство и право. Юридические науки». Общее количество публикаций, содержащих слово «статистика», при выборе названного поискового значения составило 11 248.

Если суммировать количество публикаций, содержащих все то же слово «статистика», в рубриках более низкого порядка (перечислен-

ных ранее), количество упоминаний оказывается выше в 1,46 раза и составляет 16 462. Такое рассогласование информации объясняется следующим.

Пункт 4 ГОСТ Р 7.0.49-2007 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Государственный рубрикатор научно-технической информации. Структура, правила использования и ведения»¹ содержит абзац 3 следующего содержания: «Государственный рубрикатор НТИ представляет собой иерархическую классификационную систему знаний с универсальным тематическим охватом».

Вместе с тем п. 3.4 предисловия к Государственному рубрикатору НТИ² установлено: «В Рубрикаторе использовано сочетание иерархии с фасетным принципом. Последний проявляется в наличии совокупности рубрик, повторяющейся в разных классах в виде группы «Общие вопросы», а также в применении типовых классификационных делений в разных разделах Рубрикатора».

Как согласовать приведенное положение ГОСТ Р 7.0.49-2007 о иерархическом характере знания, отраженного в ГРНТИ, с положением самого рубрикатора, где сказано, что в ГРНТИ применяется наряду с иерархическим методом также и фасетный метод?

Прежде чем отвечать на данный вопрос, вспомним, что такое иерархический и фасетный методы.

Требования к классификатору, построенному на **иерархическом методе** классификации, сводятся к следующим правилам: 1) классификационные группировки, расположенные на одной ступени классификатора, не должны пересекаться, т.е. не должны включать в себя аналогичных понятий; 2) на каждой ступени классификатора для разделения вышестоящей группировки должен использоваться только один признак; 3) сумма подмножества всегда должна давать делимое множество объектов; 4) не должно оставаться объектов, не вошедших в состав классификационной группировки [3].

К классификатору, построенному на **фасетном методе** классификации, предъявляются следующие требования: 1) должен соблюдаться принцип непересекаемости фасета, т.е. состав признаков одного фасета не должен повторяться в других фасетах этого же класса; 2) в состав классификатора должны быть включены только такие фасеты и признаки, которые необходимы для решения конкретных задач [3].

¹ Приказ Ростехрегулирования от 12 марта 2007 г. № 29-ст «Об утверждении национального стандарта» // СПС «КонсультантПлюс».

² <https://www.tspu.edu.ru/tspu/files/file/grnti.pdf>

Если оставить из приведенных правил те, которые относятся к нашему случаю, придем к выводу, что классификатор, построенный с использованием фасетного метода, отличается от классификатора, построенного с использованием иерархического метода, так же как типология (в которой используется несколько признаков для выделения типов) отличается от собственно классификации (для которой характерно использование единого критерия деления явлений).

Понятно, что совмещение иерархического и фасетного методов неизбежно приводит к дублированию некоторых систематизируемых источников информации. Результатом дублирования является расхождение между количеством упоминаний слова «статистика» в интересующей нас рубрике более высокого порядка (10.00.00 — Государство и право. Юридические науки) и упоминаний этого слова в совокупности названных рубрик более низкого порядка.

Таким образом, утверждение, согласно которому ГРНТИ представляет собой иерархическую классификационную систему знаний, справедливо, так как при построении данного классификатора использовался иерархический метод. Поскольку одновременно использовался и фасетный метод, произошло «задвоение» некоторой информации.

Полные результаты анализа исследуемой области по всем названным тематическим рубрикам могли бы оказаться полезными для правоведов, однако объем статьи не позволяет предложить его читателю.

Учитывая собственный опыт, связанный с работой в составе диссертационных советов, мы приняли решение продемонстрировать различия использования статистических методов в источниках, относящихся к трем научным специальностям, по которым присуждаются ученые степени, а именно **12.00.03** — *Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право*; **12.00.08** — *Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право*; **12.00.09** — *Уголовный процесс*.

Принимая во внимание, что в рамках обозначенных научных специальностей рассматриваются научные проблемы, публикации о которых размещены в различных тематических рубриках НЭБ, приводим информацию об использованном в проведенном исследовании соответствии тематических рубрик по ГРНТИ — специальностям по официальной номенклатуре научных специальностей¹.

Научная специальность с шифром 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное

¹ Приказ Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» // СПС «КонсультантПлюс».

право — охватывает рубрики ГРНТИ: «Предпринимательское право» (код 10.23.00); «Гражданское право» (код 10.27.00); «Патентное право. Право промышленной собственности» (код 10.35.00); «Авторское право и смежные права» (код 10.41.00); «Наследственное право» (код 10.45.00); «Семейное право» (код 10.47.00); «Международное частное право» (код 10.89.00).

Научная специальность с шифром 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право — охватывает рубрики ГРНТИ: «Уголовное право» (код 10.77.00); «Криминология» (код 10.81.00); «Уголовно-исполнительное право. Пенитенциария» (код 10.83.00).

Научная специальность с шифром 12.00.09 — Уголовный процесс — соответствует рубрике ГРНТИ «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» (код 10.79.00).

Соответствие рубрик ГРНТИ кодам научных специальностей устанавливалось на основании знаний автора о системе отечественного права. В результате были получены данные о частоте упоминания слова «статистика» в научных текстах, соответствующих названным специальностям.

Таблица 1.

Упоминание слова «статистика» в работах, размещенных в НЭБ

Научная специальность	Общее число работ в НЭБ	Число работ в НЭБ с релевантным словом «статистика»	Доля работ с релевантным словом «статистика»
12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	427030	1552	0,003634405
12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	505980	5048	0,009976679
12.00.09 — Уголовный процесс	166394	923	0,005547075

Заметим, что доля работ, содержащих слово «статистика», по специальности **12.00.08** — уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право, составляющая 0,009976679 и могущая быть округленной до 1%, является самой высокой не только в числе названных трех сравниваемых специальностей, но и по всем юридическим специальностям.

Подчеркнем, это не означает, что только в одной из 100 работ, написанных в рамках уголовно-правового цикла, используются статистические методы. Речь идет о том, что научные работы по этой специальности маркированы словом «статистика» (в названии публикации, аннотации или ключевых словах) в одном случае из 100. Сам по себе данный показатель ни о чем не говорит — он приобретает ценность при сравнении данных об использовании слова «статистика» при маркировании работ, содержащихся в НЭБ, по другим специальностям.

Сравнение частоты использования данного слова позволяет сделать вывод о том, насколько реже используются статистические методы при ведении исследований в рамках других научных специальностей

Наблюдение первое. При ведении научных исследований по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право — статистические методы используются чаще всего. В сравнении с научными исследованиями по специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право — статистические методы используются при ведении научных исследований: а) по специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право — в 2,74 раза реже; б) по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс — в 1,79 раза реже.

Сами по себе сделанные выводы, по-видимому, имеют определенную ценность для организации научной деятельности. За ними закономерно должно следовать предложение «расширить поле» и «увеличить глубину» статистических исследований правовой действительности по разным научным специальностям. Собственно, данный вывод не является новым для правовой науки. Так, К.С. Евсиков «считает целесообразным расширить использование статистических методов в процессе проведения научных исследований в юридической сфере, в частности *повсеместно* использовать метод сбора и группировки эмпирических данных [курсив наш. — В.Б.]» [2, с. 70].

Необходимо объяснить причины, по которым статистический инструментарий используется часто именно в научных исследованиях по специальности 12.00.08.

Статистическое исследование дает хорошие результаты только в том случае, когда выполняются два важных условия: 1) область исследования поддается адекватному наблюдению с учетом количества и качества регистрируемых событий; 2) количество исследователей

достаточно для точного учета событий и формирования обоснованных выводов.

Область наблюдения для наук уголовно-правового цикла значительно меньше, чем для наук гражданского цикла. Принимать данный тезис на веру опасно, потому попытаемся доказать его доступными нам средствами.

***Допущение 2.** Примем допущение, согласно которому область статистического наблюдения для конкретной научной юридической специальности напрямую связана с количеством правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. Чем больше правовых норм регулируют общественные отношения, тем больше соответствующая сфера общественного бытия, а значит, и больше сфера наблюдения, которую следует обозреть ученому, работающему над проблемами, характерными для специальности.*

Практически невозможно сколько-либо точно подсчитать количество правовых норм, приходящихся на ту или иную отрасль права. Это объясняется рядом причин, главной из которых является разное понимание того: а) где начинается и заканчивается одна отрасль права и начинается другая; б) как подсчитывать правила поведения, т.е. нормы, — по числу параграфов, статей, пунктов в нормативных правовых актах.

Для целей нашего исследования достаточно приблизительного установления соотношения количества норм различных отраслей права, которое можно подсчитать путем установления отношения количества знаков (с пробелами) в основных (кодифицированных) — нормативных правовых актах.

Данные о количестве знаков (с пробелами) получены с использованием текстового редактора *Microsoft Word* после сохранения в формате *RTF* текстов кодифицированных законов в актуальной на 17 июля 2020 г. редакции, найденных в справочной правовой системе «КонсультантПлюс».

Научной специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право — соответствуют кодифицированные нормативные правовые акты: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ¹ (720 434 знаков), Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ² (594 991 знаков), Гражданский кодекс Российской Федерации (часть

¹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ¹ (149 803 знаков), Гражданский кодекс Российской Федерации² (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (540 804 знаков), Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ³ (183 691 знаков).

Научной специальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право — соответствуют кодифицированные нормативные правовые акты: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ⁴ (844 425 знаков), Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ⁵ (341 464 знаков).

Научной специальности 12.00.09 — Уголовный процесс — соответствует кодифицированный нормативный правовой акт — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ⁶ (970 339 знаков).

Таблица 2.

Соотношение объемов кодексов, регулирующих общественные отношения, исследуемые в рамках научных специальностей

Научная специальность	Объем кодексов в знаках (с пробелами)	Отношение количества знаков в кодексах по наблюдаемой специальности к количеству знаков в кодексах по специальности 12.00.08
12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	2189723	1,846482259
12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	1185889	1
12.00.09 — Уголовный процесс	970339	0,818237626

¹ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

² СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

³ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Наблюдение второе. Области исследований для научных дисциплин, определяемые по объемам кодексов, регулирующих соответствующие общественные отношения, образуют пропорцию к области научного исследования по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: а) специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право – 1,84; б) специальность 12.00.09 – Уголовный процесс – 0,81.

Наиболее точный вывод о соотношении ученых, активно работающих по определенным научным специальностям, можно сделать на основании данных о количестве допущенных к защите диссертаций.

Количество объявлений о защите диссертаций по специальностям было установлено при помощи официального сервиса¹ Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, размещенных в период с 1 января 2018 г. по 21 июля 2020 г.

Таблица 3.

Количество объявлений о защите диссертаций по научным специальностям, сделанных после 1 января 2018 г. (на 21 июля 2020 г.)

Научная специальность	Количество объявлений о защите диссертаций	Отношение количества объявлений по наблюдаемой специальности к числу объявлений по специальности 12.00.08
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	177	0,790178571
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	224	1
12.00.09 – Уголовный процесс	132	0,589285714

Наблюдение третье. Число активных исследователей по любой из юридических специальностей ниже числа исследователей по спе-

¹ https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list

циальности 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право и образует отношение для: а) специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право — 0,79; б) специальности 12.00.09 — Уголовный процесс — 0,58.

Имея приведенные показатели, продемонстрируем, как выравнивается общая картина использования статистического метода учеными, работающими в рамках различных научных специальностей, в зависимости от размера области исследования и числа активных исследователей.

Хорошую картину для сравнения можно получить на основе показателя (индекса), который мы предлагаем именовать *индексом объективной обусловленности использования статистических методов в правовых исследованиях* и обозначать латинской буквой «О» (от англ. *objective conditionality* — объективная обусловленность), выводимого по следующей формуле:

$$O = S * C / A,$$

где *S* (от англ. *statistics* — статистика) — доля работ в НЭБ по наблюдаемой научной специальности, содержащих слово «статистика»;

C (от англ. *code* — кодекс) — отношение объема кодексов, регулирующих общественные отношения, исследуемые в рамках наблюдаемой научной специальности, к объему кодексов по дисциплине 12.00.08;

A (от англ. *author* — автор) — отношение количества объявлений о защите диссертаций по наблюдаемой специальности к числу объявлений о защите диссертации по специальности 12.00.08.

По поводу приведенной формулы стоит дать комментарии.

Во-первых, чем больше область исследования, тем меньше вероятность, что диссертант будет вынужден использовать статистические методы. Соответственно, большой объем наблюдения, особенно в условиях динамично меняющегося законодательства, будет приводить к тому, что за рамки догматического и откровенно комментаторского типа исследования большая часть авторов просто не смогут (не успеют) выйти.

Выработанные «правила приличия» к объему диссертационного исследования (для кандидатской диссертации — около 200 листов, для докторской диссертации — около 400 листов) ориентируют любого автора на соответствующий объем. Редкий специалист, стремящийся к получению ученой степени, будет предпринимать усилия, существенно выходящие за рамки усилий, необходимых в среднем.

Если область исследования значительно уже, осуществлять статистическое наблюдение за ней гораздо проще. Более того, такое наблюдение в ряде случаев становится абсолютно необходимым, чтобы выйти на заданный объем научного труда без откровенных компиляции или плагиата.

В рамках наук уголовно-правового цикла поле исследования значительно меньше, отсюда следуют приводящие цивилистов в недоумение темы кандидатских диссертаций по уголовному праву, связанные с применением мер уголовно-правовой ответственности в отдельных федеральных округах и даже регионах, несмотря на то, что уголовное законодательство находится в компетенции федеральной власти. Как видится, это не что иное, как прием искусственного расширения границ исследований с целью подготовки диссертаций по надуманным или малозначительным темам.

Во-вторых, чем больше количество исследователей, занимающихся той или иной проблематикой, тем выше вероятность, что они рано или поздно начнут пристально вглядываться в различные количественные и качественные характеристики явлений, которые могут быть подвергнутыми статистическому анализу. Большое количество исследователей в области уголовного права дает возможность использовать статистические методы гораздо чаще, поскольку число «вглядывающихся» в закономерности оказывается несоизмеримо большим. Однако у ситуации есть и иная, отрицательная сторона.

Насколько опасно существование большого правоохранительного аппарата, стремящегося оправдать свое существование выявлением несуществующих или открыто провоцируемых нарушений, настолько вредно вовлечение в научную деятельность «лишних» исследователей. Усилия субъекта, обладающего формально подтвержденными научными компетенциями, неизбежно будут на что-то направлены, в том числе на конструирование и предложение к принятию новых уголовно-правовых норм. Современная практика широкого использования государством мер уголовно-правового принуждения имеет в своей основе ряд факторов, одним из которых, на наш взгляд, является существование излишнего числа исследователей закономерностей данной области, увлеченно делающих законотворческие предложения и предложения о совершенствовании правоприменительной практики, не способствующие в действительности обеспечению развития общества.

Вместе с тем для целого ряда специальностей, имеющих широчайшее поле для исследований, количество соискателей непростительно мало, особенно по специальности **12.00.06** (Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право), по ко-

торой мы обнаружили 13 объявлений о защите диссертаций за три года исследуемого периода (2018–2020). Важность данной специальности и одновременная недооценка норм соответствующих законов государством и предпринимательским сообществом подтверждается недавней экологической катастрофой, связанной с разливом мазута г. Норильске.

Похожая картина наблюдается со специальностью **12.00.13** (Информационное право), по которой обнаружено девять объявлений о защите. На фоне признания государством важности ИТ-сектора для экономики такой подход вряд ли допустимо считать обоснованным, даже учитывая, что часть вопросов информационного права может объективно рассматриваться в рамках традиционных, более фундаментальных дисциплин, в частности гражданского права.

Таблица 4.

Индексы объективной обусловленности применения статистических методов по научным специальностям

Научная специальность	Доля работ со словом «статисти- ка» (S)	Отношение кол-ва зна- ков в кодек- сах по науч- ной спец-ти к числу зна- ков в кодек- сах по спец- ти 12.00.08 (C)	Отношение количества объявлений по наблюда- емой спец- ти к числу объявлений по спец-ти 12.00.08 (A)	Индекс объ- ективн. об- усл-ти при- мен. стат. методов (O)
12.00.03 – Гра- жданское право; предпр. право; семейное право; международное частное право	0,003634405	1,846482259	0,790178571	0,008492845
12.00.08 – Уго- ловное право и криминология; уголовно-исполни- тельное право	0,009976679	1	1	0,009976679
12.00.09 – Уголов- ный процесс	0,005547075	0,818237626	0,589285714	0,007702249

Таблица 5.

Соотношение индексов объективной обусловленности использования статистических методов в правовых исследованиях

Научная специальность	Показатель объективной обусловленности применения статистических методов	Отношение наблюдаемого индекса объективной обусловленности к индексу объективной обусловленности по специальности 12.00.08
<i>12.00.03</i> – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	0,008492845	0,851269793
<i>12.00.08</i> – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	0,009976679	1
<i>12.00.09</i> – Уголовный процесс	0,007702249	0,772025372

Наблюдение четвертое. Анализ данных об использовании слова «статистика» в работах, размещенных в НЭБ, с принятием в учет трех наиболее популярных отраслевых научных специальностей (с шифрами 12.00.03, 12.00.08, 12.00.09) позволяет утверждать о существовании следующей закономерности: применение статистических методов находится в прямой зависимости от количества исследователей, работающих в исследуемой области правовой действительности, и обратной зависимости от размера области исследования, в том числе объема кодифицированного нормативного материала.

Отношение индексов объективной обусловленности использования статистических методов в правовых исследованиях для научных специальностей 12.00.03 и 12.00.09 (0,85 и 0,77) к этому же индексу по специальности 12.00.08 показывает, что выбор методов научного исследования, в том числе и статистических методов, довольно строго предопределен количественными показателями научной работы: числом исследователей и размером исследуемой области.

Таблица 6.

Рейтинг популярности научных специальностей по объявлениям о защите диссертаций, сделанным позже 1 января 2018 г. (на 21 июля 2020 г.)

№ п/п	Шифр научной специальности	Наименование научной специальности	Количество объявлений о защите диссертаций по специальности
1	12.00.08	Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	224
2	12.00.03	Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	177
3	12.00.01	Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	141
4	12.00.09	Уголовный процесс	132
5	12.00.02	Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	95
6	12.00.12	Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность	93
7	12.00.14	Административное право; административный процесс	84
8	12.00.10	Международное право; Европейское право	73
9	12.00.11	Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность	43
10	12.00.04	Финансовое право; налоговое право; бюджетное право	41
11	12.00.15	Гражданский процесс; арбитражный процесс	36

№ п/п	Шифр научной специальности	Наименование научной специальности	Количество объявлений о защите диссертаций по специальности
12	12.00.05	Трудовое право; право социального обеспечения	24
13	12.00.06	Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право	13
14	12.00.13	Информационное право	9
15	12.00.07	Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право	2

Выводы

Вывод первый. Расчет предложенного в данной работе индекса объективной обусловленности использования статистических методов в правовых исследованиях показывает, что роль условно-субъективного компонента, т.е. сложившихся традиций ведения научных исследований по различным специальностям, имеет значение, но не является решающей для характеристики методологических основ ведения научно-исследовательской работы. Избрание конкретным исследователем статистических методов ведения научной работы детерминировано двумя основными количественными параметрами ведения исследовательской работы всем научным сообществом по соответствующей специальности: 1) шириной сектора анализируемой правовой действительности, в том числе объемом законодательства, регулирующего общественные отношения; 2) количеством работающих в соответствующей сфере исследователей. Качественная сторона исследуемой области (характер, уровень императивности и степень определенности норм, регулирующих исследуемые общественные отношения) имеет гораздо меньшее значение.

Как отмечалось ранее, лидером со значительным отрывом среди всех формализованных научных направлений является специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, по которой защищено 225 диссертаций, т.е. в 1,25 раза больше диссертаций, чем по цивилистической специальности за исследуемый период 2018–2020 гг. В двойке тех же лидеров-специальностей за 2017 г. отношение близко и составляет 1,2 раза (83 диссертации против 69) [9, с. 51].

Бить тревогу нужно еще и по той причине, что уголовно-правовой цикл специальностей (12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность) представлен совокупностью из 449 диссертаций (224 + 132 + 93). Если посчитать долю этих работ в общем объеме исследований за три анализируемых года (1187 диссертаций), то она составит 37,82% (449/1187).

Однако и эта цифра отражает драматичность сюжета недостаточно. Из общего числа работ стоит вычесть работы, относящиеся к специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (141 диссертация), поскольку она является общетеоретической и в ее рамках затрагиваются вопросы частноправового и уголовно-правового регулирования. При таком подходе процент работ уголовно-правового цикла поднимается до 42,92%. Можно ли ожидать, что в обществе, в котором юридическая наука развивается в такой пропорции наиболее активных исследователей, где над проблемами криминального цикла работает 42,92% исследователей, уровень уголовных репрессий будет низким?

Для тех, кто решит проверить ход исследования, поставить его под сомнение, в том числе проанализировав соотношение предложенного показателя объективной обусловленности применения статистических методов по другим научным специальностям, заметим следующее.

Применение статистического метода исследователями на основе предложенного индекса для ряда научных специальностей охарактеризовать не получится. Например, для специальности 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс – предложенный показатель не будет характеризовать ситуацию сколько-либо точно, поскольку число сделанных объявлений о защите диссертаций недостаточно для формирования адекватного вывода (при 36 объявлениях за три исследованных года). Предложенный показатель будет характеризовать действительность адекватно лишь там, где можно говорить о работе закона больших чисел.

Что касается других научных специальностей, входящих в первую пятерку наиболее популярных (т.е. специальностей 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве и 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право), то здесь область исследования невозможно оценить по избранному критерию, поскольку ни для одной из названных специальностей нехарактерны конкретный кодекс или сумма кодифицированных актов, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений.

Вывод второй. Дополнительное финансовое стимулирование работ, а также увеличение набора на обучение в аспирантуры и докторантуры по юридическим научным специальностям, не относящимся к уголовно-правовому циклу, и прежде всего по дисциплинам частноправового цикла будут иметь закономерным следствием гуманизацию общества, права и правоприменения.

Речь не идет о посвящении большего внимания непременно частно-правовым специальностям. Мы говорим о необходимости перераспределения потока соискателей ученых степеней, сегодня проходящего по каналу наук уголовно-правового цикла, в пользу иных наук, в том числе административного, финансового, информационного и экологического права.

Если говорить о специальности 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, то здесь число защищаемых диссертаций велико, хотя большая область исследования, на наш взгляд, требует для перехода к широкому применению статистических методов увеличения числа ученых, занимающихся соответствующей проблематикой. Требуется и кардинальное изменение подхода к стандартам подготовки диссертаций со стороны научных школ.

Взвешенным подходом, который способен оказать позитивное влияние на использование статистических методов в цивилистических трудах (т.е. увеличить такое использование), являются выработка со стороны научного сообщества, в том числе его членов, входящих в состав диссертационных советов, скептического отношения к формально-догматическому подходу ведения исследований и прямое стимулирование применения статистических методов. Стоит лишь обсуждать, как это сделать корректно: в рамках неформального установления или закрепления формализованной рекомендации на уровне кафедр университетов, выпускающих работу на защиту, требования об обязательном использовании статистических методов. Делаем важную оговорку: если, конечно, эти методы уместны с учетом формулировки темы.

Изложение научной гипотезы (а последний вывод качественного характера все же является скорее гипотезой) в конце публикуемой работы не следует расценивать как принятие автором морального обязательства по ее проверке.

Перераспределение научно-исследовательской активности от уголовно-правового цикла, куда допущен крен современной отечественной юридической науки, явно выходит за рамки возможностей отдельного автора. Требовать от государства, в котором силовые структуры во многом определяют направление государственной политики (при

этом в основу деятельности силовых структур которых ложится как раз законодательство уголовно-правового цикла), довольно сложно по причинам объективного характера, ввиду инертности общества и функционирующих социальных структур.

Поскольку за сложившимся положением дел стоят интересы довольно значительной по количественному составу и весьма могущественной социальной группы, неизбежен вывод, что явление носит объективный характер, поэтому его изменение — задача очень сложная.

Большая сложность возникнет и с доказыванием справедливости тезиса о высокой эффективности смены приоритетов в научных диссертационных исследованиях, если принятие его за основу даст позитивный результат в виде гуманизации общества, закона и правоприменения.

Проверка такого тезиса возможна лишь на большой дистанции времени. Понять, влияет ли изменение изучаемой специальности позитивно на гуманность общества, права и правоприменения, будет можно в лучшем случае через десятилетие. При этом ни один исследователь в условиях многофакторной зависимости состояния общества не возьмется утверждать, что позитивные изменения стали следствием именно данного решения — относящегося к сфере формальных научных изысканий по различным специальностям.

Многофакторность мира препятствует формированию выводов в сложных саморазвивающихся системах на значительных временных дистанциях. Кроме того, имеются серьезные сложности измерения степени гуманности, а значит, и гуманизации общества и государства.

Тем не менее для нас очевидно: учитывая, что ученые степени, а особенно по юриспруденции, высоко ценятся в среде государственных служащих, стремящихся к карьерному росту, изучение данными, зачастую весьма пассионарными людьми научных идей частного права и иных правовых дисциплин способно оказать самое серьезное влияние на стиль управления в государстве. Приложение минимальных сил для воздействия на общество именно в точке обучения, предшествующего определению границ научного сообщества по формальному критерию — присуждению им ученых степеней, — способно принести на значительной, но обозримой дистанции большой позитивный эффект человечеству.

Библиографический список

1. *Андрюшечкина И.Н.* Организация ведения судебной статистики судов общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 339 с.

2. *Евсиков К.С.* Проблемы использования методов юридической статистики в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1–2. С. 67–71.

3. Классификатор: материал из Википедии – свободной энциклопедии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80>.

4. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.

5. *Павлодский Е.А.* Проблемы теории и методологии гражданско-правовой статистики и ее значение для совершенствования законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1990. 29 с.

6. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. М.: Буки Веди, 2020. 365 с.

7. *Савченко Д.А.* О взаимосвязи юриспруденции и статистики // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2015. № 6–3. С. 211–213.

8. *Савюк Л.К.* Основы теории и методологии правовой статистики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 59 с.

9. *Ушакова А.П.* Сколько диссертаций защищается по юридическим наукам? (Статистическое исследование) // Пролог: журнал о праве. 2017. № 3. С. 49–55.

10. *Шиханов В.Н.* Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 33 с.

References

1. *Andriushechkina I.N.* *Organizatsiia vedeniia sudebnoi statistiki sudov obshchei iurisdiktsii: dis. ... kand. iurid. nauk* [Organization of Maintaining Judicial Statistics of Courts of General Jurisdiction: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 339 p. (In Russ.)

2. *Evsikov K.S.* *Problemy ispolzovaniia metodov iuridicheskoi statistiki v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of Using Methods of Legal Statistics in the Russian Federation]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki – Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2014. Issue 1–2. Pp. 67–71. (In Russ.)

3. *Klassifikator: material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii* [Classifier: Material from Wikipedia, the Free Encyclopedia]. URL: <https://ru.wikipedia>.

org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80. (In Russ.)

4. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniia v tsivilisticheskikh dissertatsiiakh* [Methods of Scientific Research in Civil Theses]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2014. Issue 4 (26). Pp. 254–270. (In Russ.)

5. Pavlodskii E.A. *Problemy teorii i metodologii grazhdansko-pravovoi statistiki i ee znachenie dlia sovershenstvovaniia zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Problems of the Theory and Methodology of Civil Law Statistics and its Importance for Improving Legislation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1990. 29 p. (In Russ.)

6. Ponkin I.V., Redkina A.I. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: uchebnik* [Methodology of Scientific Research and Applied Analytics: Textbook]. Moscow, 2020. 365 p. (In Russ.)

7. Savchenko D.A. *O vzaimosvyaži iurisprudentsii i statistiki* [On the Relationship Between Jurisprudence and Statistics]. *Novaia nauka: Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia – New Science: Current State and Development Paths*. 2015. Issue 6–3. Pp. 211–213. (In Russ.)

8. Saviuk L.K. *Osnovy teorii i metodologii pravovoi statistiki: dis. ... dokt. iurid. nauk* [Fundamentals of the Theory and Methodology of Legal Statistics: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1999. 59 p. (In Russ.)

9. Ushakova A.P. *Skol'ko dissertatsii zashchishchaetsia po iuridicheskim naukam? (Statisticheskoe issledovanie)* [How Many Theses are Defended in Legal Sciences? (Statistical Research)]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Journal of Law*. 2017. Issue 3. Pp. 49–55. (In Russ.)

10. Shikhanov V.N. *Dostovernost' ugolovnoi statistiki v sisteme kontrolya prestupnosti (po materialam Irkutskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [The Reliability of Criminal Statistics in the Crime Control System (Based on Materials from the Irkutsk Region): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 33 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.А. Болдырев

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский
университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016

Information about the author:**V.A. Boldyrev**

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-1454-6886**ResearcherID:** H-1270-2016

ОСНОВА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА АНАЛОГИИ

В.П. Васькевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет

НИУ «Высшая школа экономики»

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

Введение: статья посвящена исследованию вопросов применения метода аналогии в процессе познания основополагающих начал правовой регламентации активной экономической деятельности. **Цель:** показать возможности применения метода аналогии в цивилистических исследованиях, в частности в процессе анализа основополагающих начал (принципов) предпринимательского права и их применения в правовой регламентации активной экономической деятельности, выявить проблемные аспекты, возникающие у ученых и правоприменителей, связанные с определением и анализом содержания указанных начал (принципов) регулирования активной экономической деятельности. **Методы:** аналогии в юриспруденции, теоретические методы формальной и диалектической логики, методы дедукции и индукции, эмпирические методы сравнения, описания, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проведенный анализ основополагающих принципов предпринимательского права как наиболее урегулированного вида активной экономической деятельности с применением принципа аналогии позволил установить их особенности в правовой регламентации активной экономической деятельности, в том числе и в области профессионального спорта как одного из ее видов. **Выводы:** выявлено, что исследованные базовые принципы, безусловно, применимы в качестве общих принципов правового регулирования активной экономической деятельности. Предпринимательская деятельность является основным видом активной экономической деятельности и на сегодняшний день наиболее обеспечена правовыми нормами. Однако существующее многообразие форм активной экономической деятельности подтверждает, что не все общеизвестные, общепринятые принципы предпринимательского права в полной мере применимы к регулированию активной экономической деятельности или, иначе говоря, они могут использоваться с учетом ряда особенностей.

Ключевые слова: методы научного исследования; метод аналогии; принципы предпринимательского права; основополагающие начала, постулаты, подходы, идеи; принципы-регуляторы; правовое регулирование; активная экономическая деятельность; профессиональный спорт.

THE BASIS OF ACTIVE ECONOMIC ACTIVITIES LEGAL REGULATION: APPLICATION OF THE ANALOGY METHOD

V.P. Vaskevich

Kazan (Volga Region) Federal University

National Research University Higher School of Economics

E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

Introduction: the article explores the application of the analogy method in the process of analyzing the basic principles of active economic activity legal regulation. **Purpose:** to show the possibilities of the analogy method in civil studies, in particular, in the process of analyzing the principles of business law and their application in the active economic activity legal regulation, identifying problems arising among scientists and legal practitioners related to determining the content of these principles. **Methods:** analogies in jurisprudence, theoretical methods of formal and dialectical logic, deduction and induction method, empirical comparison methods, descriptions, comparative legal method. **Results:** the analysis of the business law principles using the method of analogy made it possible to ascertain their features in the legal regulation of active economic activity, including the field of professional sports. **Conclusions:** it was established that these principles are applicable as general principles of active economic activity legal regulation. Entrepreneurial activity is the main type of active economic activity and is currently the most normatively regulated. However, the existing variety of active economic activity forms confirms that not all generally accepted principles of business law are fully applicable to the regulation of active economic activity or can be used with considering a number of features.

Keywords: methods of scientific research; analogy method; principles of business law; fundamental principles, postulates, approaches, ideas; principles-regulators; legal regulation; active economic activity; professional sports.

Введение

Научные исследования осуществляются, как известно, по определенным правилам, точнее можно сказать, необходимым обязательным

установлениям, закрепляющим процедуру ведения указанных изысканий. В процессе проведения научного изыскания такие правила неизбежно побуждают исследователя обращаться к определенным методам познания и использовать их в своей научной деятельности. Это в полной мере касается любой области науки, будь то естественные, гуманитарные или точные науки. Не является исключением и наука гражданского права, как и цивилистика в целом. В частности, учитывая слабую в определенной степени детализированность положений гражданского права, а также еще недостаточно наработанную практику применения действующих новейших нормативных правовых актов, в первую очередь законов, является очевидным, важным и необходимым, как нам представляется, применение аналогии как метода познания тех или иных категорий и явлений науки гражданского права.

Как известно, по правилам дедукции или индукции аналогия противопоставляется логике и логическим выводам (в формально-логическом отношении). Аналогия представляет собой умозаключение, в котором мысль следует от частного к частному, а не от общего к частному, и заключение является чаще всего вероятностным и подлежит дальнейшему подтверждению (верификации — искусственная латынь *verificatio* — свидетельство, удостоверение в подлинности) [18, с. 122]. Аналогия как метод используется не только в научном познании, но и в правоприменении [см., напр.: 10].

Относительно метода аналогии до настоящего времени ведется научная дискуссия как теоретической, так и практической направленности касаясь вопроса о разграничении таких понятий, как аналогия и аналогия закона. Так, например, А.Д. Гетманова приходит к выводу о схожести аналогии в логике, аналогии закона и аналогии права: «в аналогии права и аналогии закона — это также перенос, но не свойств предмета, а норм и правовых принципов на неурегулированный законом случай» [3, с. 279]. Как представляется, норма права понимается автором как составная часть правоотношения, которая путем аналогии переносится на подобное неурегулированное общественное отношение, в результате чего оно становится правоотношением. Иными словами, нормативная конструкция является моделью, которая схожее общественное отношение превращает в правоотношение посредством аналогии. По мнению В.В. Лазарева, аналогия закона представляет собой логический прием, при помощи которого «осуществляется перенос признака урегулированности правом одних обстоятельств на другие, связанные с первым по остальным признакам» [11, с. 91]. А.В. Германов приходит к заключению, что отличие исследуемых аналогий кроется в субъектном составе, поскольку применение аналогии закона осуществляется легитимно, в рамках властного процесса [2, с. 132–135].

Отметим, что невозможно заранее обусловить применимость или неприменимость аналогии в рамках какого-либо правового института, поскольку этот вопрос всегда будет разрешаться исключительно в плане текущей «жизнедеятельности права». Следует также учитывать, что именно метод аналогии способствует увеличению объема знаний, имеющихся в распоряжении исследователя. При аналогии (традуктивных умозаклучений) посылки и вывод выражают знание одинаковой степени общности. В традуктивных умозаклучениях истинность исходных посылок еще не позволяет говорить об истинности вывода. Однако именно недедуктивные умозаклучения способны инициировать у исследователя творческое начало, расширить его познания в сфере юриспруденции [14, с. 3].

В процессе исследования основных идей и начал правовой регламентации активной экономической деятельности [5, с. 43–52] метод аналогии оказался наиболее удачно и успешно применим, поскольку перенос отношений из одной системы в другую осуществляется на основании определенного соответствия между элементами этих систем. В частности, применение метода аналогии позволило нам установить, что те виды доходной экономической деятельности (помимо предпринимательской), которые можно отнести к активной экономической деятельности, схожи с предпринимательской деятельностью. Вместе с тем по процедуре появления субъектов активной экономической деятельности, по характеру самой деятельности, по экономической обеспеченности и по ряду иных критериев они отличаются от деятельности предпринимательской. Следовательно, не все принципы правового регулирования предпринимательской деятельности уместны в регламентации активной экономической деятельности либо они применимы с учетом определенных особенностей.

Результаты

Исследуя основополагающие идеи правовой регламентации активной экономической деятельности, применив метод аналогии, мы обратились к уже устоявшейся в правовой науке системе принципов права, лежащих в основе регулирования предпринимательской деятельности. Такие принципы полностью не могут быть исключены из механизма правовой регламентации активной экономической деятельности, так как и предпринимательская, и иная доходная экономическая деятельность являются разновидностями активной экономической деятельности. Следовательно, далее будет логичным взять за базу и опираться на принципы правовой регламентации деятельности предпринимателей, поскольку она в большей степени обеспечена нормами права,

правоприменительной практикой, в том числе судебной, и научной доктриной. Но в соответствующих случаях мы будем делать необходимые оговорки относительно иной приносящей доход деятельности, урегулированной на сегодняшний день еще достаточно слабо. Тем не менее определенные нормы появляются, нарабатывается практика, требующие научного анализа и осмысления.

В числе основных принципов, воздействующих на предпринимательскую деятельность, традиционно указываются следующие.

1. Принцип свободы предпринимательской деятельности, основанный на положениях Конституции РФ, ст. 8 которой гарантирует свободу экономической деятельности. В указанный принцип традиционно вкладывается следующий смысл: предоставление предпринимателю права выбора осуществления или неосуществления предпринимательской деятельности, организационно-правовой формы, сферы деятельности. Осуществление предпринимательской деятельности предполагает самостоятельное формирование предпринимателем имущественной основы своей деятельности, используя для этого как денежные средства, так и любое не изъятое из гражданского оборота имущество. Принцип неразрывно связан с такими принципами гражданского права, как свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [4, с. 42–43; 6, с. 13–14; 15, с. 30–31].

Конкретизируя положения ст. 8 в ст. 34 и 35, Конституция РФ устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Из смысла этих норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, которая Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ) провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства [21, с. 226].

Как нам представляется, данный принцип в основном можно отнести и к одному из общих принципов активной экономической деятельности. Это объясняется тем, что, во-первых, содержательно сходны эти виды деятельности, направленные на извлечение дохода; во-вторых, там и тогда, где и когда активная экономическая деятельность направлена не на простое получение прибыли, а на получение средств для самого существования субъекта (некоммерческие организации, человек, которому нужно выживать, и он должен искать, где и как заработать средства для элементарного выживания), должно действовать глобальное правило: или государство само обеспечивает человека работой и тем самым доходом, или позволяет человеку для

обеспечения его семьи и для воспроизводства рода человеческого искать, находить и осуществлять активную экономическую деятельность.

Незыблемость принципа свободы активной экономической деятельности зиждется на Конституции РФ, что свидетельствует о его значимости в обеспечении стабильности процесса регулирования активной экономической деятельности. Однако нельзя, на наш взгляд, утверждать, что данный принцип является всеобщим для всех видов активной экономической деятельности. Проведем некоторые параллели, наглядно подтверждающие наши умозаключения. Осуществляя некоторые виды иной (отличной от предпринимательской) активной экономической деятельности, субъект подпадает под установленные нормативные ограничения (разумные они или нет, это другой вопрос) на занятие некоторыми видами такой деятельности, в том числе и предпринимательской. Например, нотариус не может воспользоваться правом свободного выбора осуществления или неосуществления предпринимательской деятельности, сферы деятельности и т.д. Наоборот, нотариус не вправе заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью (за исключением преподавательской, научной или иной творческой деятельности), а также оказывать посреднические услуги при заключении договоров (ст. 6 Основ законодательства РФ о нотариате). Таким образом, полагаем обоснованным заключить следующее: принцип свободы предпринимательской деятельности, с одной стороны, гарантирует свободу активной экономической деятельности в целом, с другой — не может быть всеобщим для данной деятельности, поскольку для отдельных видов активной экономической деятельности есть ряд ограничений (выбор организационно-правовой формы, сферы деятельности и т.д.), не позволяющих говорить об универсальности принципа свободы предпринимательской деятельности применительно к иным видам активной экономической деятельности.

2. Принцип многообразия форм собственности, основывающийся на признании за предпринимателем права иметь имущество в собственности. Принудительное отчуждение имущества, включая используемое для предпринимательской деятельности, для государственных нужд допускается только при условии предварительного и равноценного замещения [4, с. 45–46; 15, с. 34]. В научной литературе высказываются также различные точки зрения относительно названия и содержания данного принципа, например «принцип признания многообразия и юридического равенства частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности и равной их защиты» [18, с. 10–11], «плюрализма» [13, с. 525] и «равной защиты всех форм собственности» [16, с. 345]. Как мы видим, в отечественной доктрине

сложилось однозначное мнение относительно данного принципа, который в настоящее время зиждется на Конституции РФ (ст. 8, 9, 34, 35). Основой же для становления и развития частной собственности и частного сектора экономики послужили два нормативных правовых акта: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-І «О собственности в РСФСР» и Закон РФ от 3 июля 1991 г. № 1531-І «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», давно утратившие юридическую силу. Поскольку имущественная основа экономики давно изменилась, и в настоящее время ее фундаментом являются частный капитал и частная собственность, а юридическое равенство частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности закреплено конституционными нормами, вряд ли на сегодняшний день можно сказать, что многообразие всех форм собственности является принципом предпринимательской и иной активной экономической деятельности. Очевидно, мы должны говорить о том, что институт собственности должен одинаково обеспечиваться, поддерживаться, охраняться и защищаться. Следовательно, рассматриваемый принцип (в общепризнанном понимании именуется «принципом многообразия форм собственности») можно обозначить как принцип равной защиты всех форм собственности (принцип равенства при обладании и реализации возможностями, вытекающими из наличия права собственности, не зависимо от того, какая это форма). В таком понимании данный принцип сохраняется для активной экономической деятельности. Если рассматриваемый принцип интерпретировать как возможность равного использования имущества, он не сохраняется. Это касается, например, квартир, возможности строить многоквартирные дома из собственного кирпича и т.д. При всем при этом защитить необходимо всякую собственность.

Таким образом, правовая интерпретация в отношении сегодняшней действительности, с учетом вышеизложенного, требует, чтобы анализируемый принцип понимался не как принцип многообразия форм собственности, а как принцип равной защиты всех форм собственности. С таким положением и действием этого принципа мы должны полностью согласиться. Но там и тогда, где и когда мы начинаем понимать его как возможность свободного использования имущества для осуществления самых разных видов активной экономической деятельности, здесь мы согласиться не можем, поскольку оказываются разными стартовые возможности, неравными возможности по использованию и т.д.

Стабильность института собственности, на наш взгляд, призван обеспечивать принцип «равной защиты всех форм собственности», поскольку он является важнейшей составляющей активной экономи-

ческой деятельности, в основе которой и лежит имущество в том или ином виде. С точки зрения задач регулирования активной экономической деятельности вопрос о защите всех форм собственности является центральным. На практике равная защита всех форм собственности субъектов активной экономической деятельности должна обеспечиваться и осуществляться судебной властью.

3. Принцип свободного перемещения объектов предпринимательской деятельности, получивший законодательное закрепление на уровне Основного закона страны и ГК РФ. В частности, ст. 8 Конституции РФ гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств. Пункт 5 ст. 1 ГК РФ допускает возможность ограничения перемещения товаров и услуг исключительно уровнем нормативного правового акта, положениями которого она может быть установлена (федеральный закон), при условии, что такие ограничения необходимы (цель ограничения) для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [15, с. 34]. В доктрине данный принцип еще называют как «принципом единого экономического пространства», т.е. «свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств» на всей территории Российской Федерации также относится к числу конституционных (ст. 8, 74 Конституции РФ). Согласно этому принципу на территории РФ не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств.

Ограничения могут вводиться в соответствии с необходимостью обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей [17]. Данный принцип был весьма актуален в 90-е гг. прошлого столетия, поскольку действительно в тот период были установлены «внутренние границы» между субъектами Российской Федерации, что серьезным образом затрудняло хозяйственный оборот внутри страны. Субъектами Российской Федерации самостоятельно устанавливались границы, взимались различного рода пошлины, сборы и т.д., что, безусловно, препятствовало свободному перемещению товаров, услуг и финансовых средств. В настоящее время в Российской Федерации на конституционном уровне гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ).

На принцип свободного перемещения объектов предпринимательской деятельности как устоявшегося и общепринятого явления хотелось бы взглянуть с несколько иного ракурса. Учитывая нынешнее

состояние и уровень экономического развития страны, на наш взгляд, данный принцип можно объединить с таким принципом, как принцип свободного ведения активной экономической деятельности, исходя из территории, вне зависимости от места нахождения, в пределах одного и того же суверена (принцип территориальной свободы ведения активной экономической деятельности).

Мы говорим именно о ведении активной экономической деятельности, а не только о свободном перемещении объектов. Необходимо отметить, что могут быть различные оговорки, ограничения и т.д., например свободные или особые экономические зоны (СЭЗ или ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР). Но здесь речь уже идет о разных правовых режимах, а саму активную экономическую деятельность можно вести или нет? Иными словами, установление различных правовых режимов не может нивелировать значение принципа свободного ведения активной экономической деятельности, предложенного нами. Это не означает, что не может быть принципа свободного перемещения объектов любой активной экономической деятельности, поскольку он может и, скорее всего, будет привязан к тому, в какой степени этот вид деятельности нужен и необходим на той или иной территории, тем более что сама предпринимательская деятельность не отменяется. Пусть, допустим, будет высокосвободная экономическая деятельность в эксклаве (анклаве) «Калининградская область», или, предположим, введены разные правовые режимы на Дальнем Востоке России (Дальневосточный федеральный округ), и т.д.

Таким образом, полагаем, что актуальность принципа свободного перемещения объектов предпринимательской деятельности (относительно активной экономической деятельности его можно было бы именовать «принципом единства территории при осуществлении активной экономической деятельности») на сегодняшний день весьма незначительна, несмотря на то, что он признан правовой доктриной и правоприменительной практикой. Такое признание совсем не означает, что этот принцип должен быть в активной экономической деятельности. Могут быть изъятия и очень существенные, некоторые виды экономической деятельности вообще запрещены и т.д. На современном этапе экономической и правовой действительности это не принцип, это нечто иное — устоявшаяся практика, обычай, идея и т.д.

4. Принцип свободы конкуренции и ограничения монополистической деятельности также нашел свое закрепление в ст. 8 и 34 Конституции РФ, в соответствии с которыми в Российской Федерации гарантируются поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности

и не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Как справедливо отмечает И.В. Ершова, соблюдение данного принципа — необходимое условие развития рыночной экономики и осуществления предпринимательской деятельности. Важная роль в поддержании конкуренции, борьбе с недобросовестными формами ее проявления и монополистической деятельностью отводится Закону о защите конкуренции [17]. Данный принцип получил развитие в целом ряде законодательных актов о защите конкуренции на товарном и финансовом рынках, о естественных монополиях и др. Нарушителями антимонопольного законодательства могут быть не только предприниматели, но и государственные органы (например, если они устанавливают запреты на ввоз/вывоз потребительских товаров) [18, с. 10—11].

По нашему мнению, указанный принцип, как и принципы баланса частных и публичных интересов, государственного регулирования предпринимательской деятельности, имеет публично-правовую природу. Их место в основании регламентации предпринимательской и активной экономической деятельности в целом обусловлено обнаружением в правовом регулировании рассматриваемой деятельности частноправовых и публично-правовых начал. В этом и суть проявления принципа единства и дифференциации правового регулирования активной экономической деятельности, включая предпринимательскую.

Безусловно, публично-правовая природа правового регулирования важна и необходима, поскольку государство, устанавливая ограничения и запреты, в конечном счете обеспечивает функционирование других принципов. Смысл установления запретов не в ограничении, а в закреплении определенных правил поведения субъектов активной экономической деятельности. При этом недопустимо, чтобы публично-правовые и частноправовые начала приводили к незаконному ограничению прав других субъектов активной экономической деятельности, в том числе и потребителей. Наша точка зрения находит свое подтверждение не только в законодательстве, но и в практике его применения. Приведем позицию Верховного Суда РФ: «Закон о защите конкуренции исходит из открытого перечня действий, которые могут быть сочтены в качестве злоупотребления доминирующим положением, называя в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции примеры наиболее распространенных видов данного антимонопольного нарушения. С учетом положений ч. 1 ст. 2 Закона о защите конкуренции, п.п. 3—4 ст. 1, абзаца второго п. 1 ст. 10 ГК РФ это означает, что на хозяйствующих субъектах, занимающих доминирующее положение, возлагается общая обязанность воздерживаться от такого использования своей рыночной силы, которое бы приводило к негативным последствиям

для конкуренции и (или) непосредственному причинению ущерба иным участникам рынка, включая потребителей, извлечению выгоды из использования доминирующего положения в отношениях с ними»¹.

Подводя итог нашим размышлениям, с учетом позиции суда, отметим, что действия одного субъекта ограничиваются с той целью, чтобы другой субъект действовал или его интересы не пострадали, и это относится не только к потребителю, но и к предпринимателю. Полагаем необходимым обратить внимание на то, что в отношении отдельных видов активной экономической деятельности требуется проверка действия анализируемого принципа. В частности, критериями такой проверки могут быть показатели, уже установленные в Законе о защите конкуренции или близкие к ним, например объем производимой продукции, сегмент рынка, соотношение с другими в этой же товарной группе и т.д. Как нам представляется, такие критерии должны быть установлены в пользу понижения применительно в первую очередь к некоммерческим организациям (потребительские кооперативы, товарищества собственников недвижимости (ТСН) товарищества собственников жилья (ТСЖ), садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества и т.д.), самозанятым и иным субъектам активной экономической деятельности. Наша точка зрения связана с экономическими реалиями текущего периода времени. Как известно, все, что заработают некоммерческие организации, они потратят на те цели, ради которых созданы. Самозанятые граждане — сколько они могут заработать? Прожиточный минимум или немного больше? Если заработал — уже хорошо, нет необходимости прибегать к государственной поддержке и помощи.

Давно назрела необходимость перейти к адресной публично-правовой помощи и поддержке (налоговые льготы, адресное субсидирование и т.д.), поскольку у нас ее как таковой нет. Если субъект зарабатывает достаточно много, не будет помощи, если мало — ему необходима поддержка. В этом направлении мы и должны работать, кропотливо и скрупулезно создавая необходимое правовое обеспечение.

5. Принцип государственного регулирования предпринимательской деятельности традиционно выделяется в научной литературе. Нельзя не согласиться с мнением ученых, что государственное регулирование предпринимательства и экономики в целом осуществляется в любом государстве. При этом в зависимости от экономического, социального, политического уровней развития национальных особенностей и иных

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 марта 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

факторов различаются формы и методы такого регулирования [16, с. 35–36]. Как справедливо отмечает И.В. Ершова, основной целью государственного регулирования предпринимательской деятельности является достижение баланса частных интересов предпринимателей и публичных интересов государства и общества в целом [17, с. 38–42]. Объективности ради отметим, что в доктрине данный принцип обозначают также как принцип баланса частных интересов предпринимателей и публичных интересов государства и общества в целом [18], в то время как И.В. Ершова под таким балансом понимает цель государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Как нам представляется, государственное регулирование должно быть направленно именно на достижение баланса частных и публичных интересов. Для уравнивания интересов предпринимателей, общества и государства последнее обязано осуществлять справедливое регулирование на нормативном правовом уровне, обеспечив такое регулирование принудительной силой государства. Наша точка зрения находит свое подтверждение в правовой позиции Конституционного Суда РФ, который в своем постановлении от 16 июля 2004 г. № 14-П отмечает, что законодатель должен соблюдать вытекающие из ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст. 8, 17, 34 и 35 требования, в силу которых ограничение федеральным законом свободы предпринимательской деятельности возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости, адекватно, пропорционально, соразмерно и необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, и не затрагивает само существо конституционных прав¹.

Относительно активной экономической деятельности рассматриваемый принцип можно отнести к общим принципам, поскольку достижение разумного баланса частных интересов субъектов активной экономической деятельности, общества и публичных интересов государства — одна из основных задач на пути к повышению благосостояния граждан и построению развитого, сильного и сбалансированного гражданского общества. На этапе сегодняшнего экономического и политического уровней развития страны мы находимся еще только на начальной стадии такого строительства.

6. Принцип законности, как общепризнано, является общеотраслевым принципом. Анализируемый принцип по сути своей должен быть основой любого правового государства с развитым и сильным

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» (абз. 2 п. 2) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6.

гражданским обществом. И.В. Ершова, например, выделяет два аспекта данного принципа в предпринимательской деятельности: строгое соблюдение законодательства (законов и подзаконных нормативных правовых актов) при осуществлении предпринимательской деятельности, т.е. самими предпринимателями; такое же строгое соблюдение законодательства органами государственной власти и местного самоуправления и законность нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность [17]. Похожие взгляды высказываются и другими ученым. Например, Т.А. Скворцова и М.Б. Смоленский отмечают, что принцип законности обязателен как для предпринимателей, так и для государственных органов, регулирующих их деятельность. Законность обеспечивает стабильность экономики и ее финансовой системы [18].

Для активной экономической деятельности данный принцип имеет существенное значение в качестве общего принципа. Для успешного ведения активной экономической деятельности ее субъекты должны понимать «правила игры», устанавливаемые государством. Такие правила должны быть адекватными, взвешенными и справедливыми, нацеленными не просто на собирание налогов, а позволяющие развиваться малому и среднему бизнесу, позволяющие, например, самозанятым гражданам обеспечить себя и свои семьи достойным уровнем жизни. Иными словами, данный принцип призван обеспечить баланс частных интересов субъектов активной экономической деятельности, общества и публичных интересов государства.

Учитывая значение указанного принципа, мы предложили бы выделить в нем три взаимосвязанных и взаимозависимых элемента. На первое место поставим законность нормативных правовых актов и иных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов активной экономической деятельности, а также государственных и муниципальных органов. Только адекватные и справедливые законы (проще говоря, законодательство в широком понимании) позволяют обеспечить политическую, экономическую и финансовую стабильность государства и общества в целом. На второе место мы поставим строгое соблюдение законодательства органами государственной власти и местного самоуправления. Как показывает практика, наличие самых совершенных законов не есть гарантия их исполнения, в первую очередь органами власти. На третьем месте — строгое соблюдение законодательства субъектами активной экономической деятельности.

Хотелось бы отметить, что в доктрине выделяют и иные принципы предпринимательского права. Например, В.С. Белых указывает на принцип свободы договора [1, с. 73–78], Г.Л. Знаменский называет принцип ограничения вмешательства государственных органов в хо-

зяйственные отношения [22, с. 25–34], В.В. Кванина пишет о принципе недопустимости произвольного вмешательства в предпринимательскую деятельность хозяйствующих субъектов и компенсации причиненного им вреда [7, с. 113–122], принцип экономической свободы, защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов и поощрения предприимчивости в хозяйствовании выделяет В.С. Мартынянов [12] и т.д. Не будем более останавливаться и рассматривать принципы предпринимательского права, поскольку основные из них мы проанализировали с позиции применимости и значимости для регулирования активной экономической деятельности, в том числе и деятельности в сфере профессионального спорта, являющего одним из видов активной экономической деятельности.

В целом относительно системы принципов, регулирующих предпринимательские отношения, хотелось бы указать, что в научной доктрине имеются и иные точки зрения, веские и обоснованные. В частности, В.Ф. Попондопуло указывает, что «принципы предпринимательского (коммерческого) права – это суть принципы частного права, проявляющиеся особым образом в сфере предпринимательства» [9]. Он отмечает, что количество и наименование принципов частного права определяются по-разному в юридической литературе. Легальное закрепление они нашли в ст. 1 и ряде других статей ГК РФ. К принципам частного права (соответственно и предпринимательского) В.Ф. Попондопуло относит: принцип дозвоительной направленности частноправового регулирования; принцип равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений; принцип неприкосновенности собственности; принцип свободы договора; принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав; принцип восстановления нарушенных прав; принцип судебной защиты нарушенных прав [9]. По мнению И.В. Ершовой, с подходом В.Ф. Попондопуло можно согласиться, лишь встав на позицию признания предпринимательского (коммерческого) права подотраслью гражданского права [17].

Если же еще глубже посмотреть на проблематику принципов гражданского права, то нельзя не обратить внимания на позицию А.В. Коновалова, предложившего следующую их систематизацию: 1) высшие принципы права; 2) общеправовые принципы; 3) общеправовые гражданско-правовые принципы; 4) функциональные принципы гражданского права [8, с. 19]. Среди высших универсальных принципов А.В. Коновалов выделяет принципы добросовестности, разумности и справедливости [8, с. 19]. В числе предложенных 17 общеправовых принципов обратим внимание на принцип неотчуждаемости и авто-

ритета закона или исполняющего его роль судебного решения (законности) [8, с. 19–20]; презумпции предвидения субъектом вероятных последствий совершаемых им действий [20].

Отраслевых принципов А.В. Коновалов предлагает 49. Безусловно, вопрос не в количестве выявленных принципов, а в общем подходе к пониманию и представлению о принципах гражданского права. В частности, автор под принципами гражданского права понимает «объективные, универсальные, глобальные идеи, устанавливающие модели возникновения, развития и прекращения гражданских правоотношений, построенных на началах равенства их участников, децентрализации и координации их поведения, для эффективного регулирования общественных отношений» [8, с. 17]. Представляется, что принципы права и идеи, взгляды, подходы правовой регламентации тех или иных отношений не суть одно и то же, поскольку идеи, взгляды, подходы и т.д. могут так и остаться таковыми, не став принципами права никогда. Следовательно, знак равенства между принципами права и идеями, какими бы они общими или глобальными ни были, поставить нельзя.

Выводы

1. Проведенное исследование позволяет утверждать, что аналогия как метод мышления, ее место в отечественной правовой доктрине и практике, ее гносеологические и эвристические возможности важны и необходимы в юриспруденции, поскольку имеет место недостаточность законодательного предвидения, если, конечно, оставить в стороне то, что можно назвать правотворческой халатностью. Перспективы использования метода аналогии в современной правовой науке и практике обширны.

2. На сегодняшний день еще не сложился, но уже зарождается (хотя бы в теории) дифференцированный подход к правовому регулированию различных видов активной экономической деятельности. Следовательно, мы можем говорить только о некоторых основополагающих началах, постулатах, подходах и идеях, которые в идеале могут лечь в основу правовой регламентации такой деятельности.

3. Законодательное регулирование активной экономической деятельности необходимо и крайне важно. Как нам представляется, все субъекты экономических отношений должны четко понимать и знать «правила игры», установленные и продиктованные государством, что является залогом экономической стабильности государства в целом. Для того чтобы установить вполне адекватные «правила игры», необходимо соответствующее понимание того, каким образом добиться

устойчивости оборота. Как мы видим, именно постулаты, подходы и идеи («регуляторы») должны лечь в основу будущих специальных «принципов-регуляторов» правовой регламентации активной экономической деятельности, которые и позволят добиться необходимой устойчивости и экономической стабильности государства.

Библиографический список

1. *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2010. 432 с.
2. *Германов А.В.* Аналогия в логике и аналогия закона (на примере гражданского процессуального законодательства) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 132–135.
3. *Гетманова А.Д.* Логика для юристов. М.: ОМЕГА-Л, 2007. 415 с.
4. *Гущин В.В., Дмитриев Ю.А.* Российское предпринимательское право: учебник. М.: ЭКСМО, 2005. 735 с.
5. *Демиева А.Г.* Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ex jure*. 2020. № 2. С. 43–52.
6. *Ершова И.В.* Предпринимательское право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИД Юриспруденция, 2006. 560 с.
7. *Кванина В.В.* О методологических подходах к принципу недопустимости произвольного вмешательства в предпринимательскую деятельность хозяйствующих субъектов и компенсации причиненного им вреда // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 113–122.
8. *Коновалов А.В.* Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. 73 с.
9. Коммерческое (предпринимательское) право: в 2 т. Т. 1: учебник / под ред. В.Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 608 с.
10. *Кузнецова О.А.* Гражданско-правовые принципы и аналогия права // Российский юридический журнал. 2005. № 2 (46). С. 84–91.
11. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.
12. *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право. Т. 1: Общие положения. Курс лекций. М.: БЕК, 1994. 298 с.
13. *Ожегов С.И., Шведов Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

14. *Петровский Н.А.* Метод аналогии в юриспруденции // Современное право. 2009. № 5. С. 3–6.
15. *Предпринимательское право России: учебник* / отв. ред. В.С. Бельх. М.: Проспект, 2009. 656 с.
16. *Предпринимательское право: учебник и практикум для вузов* / под ред. Н.И. Косяковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 447 с.
17. *Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров* / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. 848 с.
18. *Скворцова Т.А., Смоленский М.Б.* Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 400 с.
19. *Словарь иностранных слов* / гл. ред. Ф.И. Петров. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1941.
20. *Словарь русского языка: в 4 т.* / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
21. *Танага А.Н.* Принцип свободы договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 226 с.
22. *Хозяйственное право: учебник* / под ред. Мамутова В.К. К.: Юринком Интер, 2002. 897 с.

References

1. *Belykh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossii* [Legal Regulation of Business Activity in Russia]. Moscow, 2010. 432 p. (In Russ.)
2. *Germanov A.V. Analogiia v logike i analogiia zakona (na primere grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva)* [Analogy in Logic and Analogy of the Law (on the Example of Civil Procedure Legislation)]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii — Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2016. Issue 1 (108). Pp. 132–135. (In Russ.)
3. *Getmanova A.D. Logika dlia iuristov* [Logic for Lawyers]. Moscow, 2007. 415 p. (In Russ.)
4. *Gushchin V.V., Dmitriev Iu.A. Rossiiskoe predprinimatel'skoe pravo: uchebnik* [Russian Business Law: Textbook]. Moscow, 2005. 735 p. (In Russ.)
5. *Demieva A.G. Grazhdanskii kodeks kak osnova aktivnoi ekonomicheskoi deiatel'nosti* [The Civil Code as the Basis of Active Economic Activity]. *Ex jure*. 2020. Issue 2. Pp. 43–52. (In Russ.)
6. *Ershova I.V. Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik* [Business Law: Textbook]. 4th ed. Moscow, 2006. 560 p. (In Russ.)
7. *Kvanina V.V. O metodologicheskikh podkhodakh k printsipu nedopustimosti proizvol'nogo vmeshatel'stva v predprinimatel'skuiu deiatel'nost' khoziaistvuiushchikh sub"ektov i kompensatsii prichinennogo im vreda* [On Methodological

cal Approaches to the Principle of Inadmissibility of Arbitrary Interference in Business Activities of Economic Entities and Compensation for Harm Caused to them]. In *Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017]. Moscow, 2017. Pp. 113–122. (In Russ.)

8. *Konovalov A.V. Printsipy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniia: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Principles of Civil Law: Methodological and Practical Aspects of the Research: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 73 p. (In Russ.)

9. *Popondopulo V.F. (ed.). Kommercheskoe (predprinimatel'skoe) pravo: v 2 t. T. 1: uchebnik* [Commercial (Business) Law. In 2 vols. Vol. 1: Textbook]. 5th ed. Moscow, 2016. 608 p. (In Russ.)

10. *Kuznetsova O.A. Grazhdansko-pravovye printsipy i analogiia prava* [Civil Law Principles and Analogy of Law]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal – Russian Law Journal*. 2005. Issue 2 (46). Pp. 84–91. (In Russ.)

11. *Lazarev V.V. Probely v prave i puti ikh ustraneniia* [Gaps in the Law and Ways to Eliminate Them]. Moscow, 1974. 184 p. (In Russ.)

12. *Martemianov V.S. Khoziaistvennoe pravo. Vol. 1: Obshchie polozeniiia. Kurs lektsii* [Commercial Law. Vol. 1: General Provisions. Course of Lectures]. Moscow, 1994. 298 p. (In Russ.)

13. *Ozhegov S.I., Shvedov N.Iu. Tolkovyi slovar' russkogo iazika: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.)

14. *Petrovskii N.A. Metod analogii v iurisprudentsii* [The Method of Analogy in Law]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2009. Issue 5. Pp. 3–6. (In Russ.)

15. *Belykh V.S. (ed.). Predprinimatel'skoe pravo Rossii: uchebnik* [Russian Business Law: Textbook]. Moscow, 2009. 656 p. (In Russ.)

16. *Kosiakova N.I. (ed.). Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Business Law: Textbook and Practice for Universities]. 3rd ed. Moscow, 2020. 447 p. (In Russ.)

17. *Ershova I.V. (ed.). Predprinimatel'skoe pravo: Pravovoe soprovozhdenie biznesa: uchebnik dlia magistrav* [Business Law: Legal Support of Business: Textbook for Masters]. Moscow, 2017. 848 p. (In Russ.)

18. *Skvortsova T.A., Smolenskii M.B.; Skvortsova T.A. (ed.). Predprinimatel'skoe pravo: uchebnoe posobie* [Business Law: Textbook]. Moscow, 2014. 400 p. (In Russ.)

19. *Petrov F.I. (ed.). Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 1941. (In Russ.)

20. *Eygenieva A.P. (ed.). Slovar' russkogo iazika: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. 4th ed. Moscow, 1999. 702 p. (In Russ.)
21. *Tanaga A.N. Printsip svobody dogovora v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. iurid. nauk* [The Principle of Freedom of Contract in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2001. 226 p. (In Russ.)
22. *Mamutov V.K. (ed.). Khoziaistvennoe pravo: uchebnik* [Commercial Law: Textbook]. Kiev, 2002. 897 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В.П. Васьяевич

Кандидат юридических наук,

доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

Доцент департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин

НИУ «Высшая школа экономики»

109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3

ORCID: 0000-0003-1105-8278

ResearcherID: B-9130-2018

Information about the author:

V.P. Vaskevich

Kazan (Volga Region) Federal University

18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia

National Research University Higher School of Economics

3 Bolshoi Trekhsviatitel'skii per., Moscow, 109028, Russia

ORCID: 0000-0003-1105-8278

ResearcherID: B-9130-2018

ПРАВОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Г. Голубцов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Д.Х. Валеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: valeev55@gmail.com

Введение: в цивилистических научных работах авторы нередко указывают в качестве методологической основы работы на использование методов правового моделирования. Однако из текста работы далеко не всегда понятно, где и по каким причинам исследователем применялся упомянутый метод. Во многом такая ситуация вызвана отсутствием достаточных знаний о сущности и возможностях такого метода научного познания, а также о правилах, случаях и порядке его использования. **Цель:** раскрыть содержание и показать перспективы использования метода правового моделирования при осуществлении частноправовых исследований. **Методы:** использовались преимущественно общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, описание и др.), а также специально-юридические (юридико-догматический, правового моделирования и др.). **Результаты:** доказана возможность и (в некоторых случаях) необходимость использования в юридических изысканиях метода как теоретического, так и эмпирического правового моделирования. Объяснена сущность двух типов правового моделирования: нормативно-правового и поведенческого, которые должны использоваться в диалектическом единстве и взаимосвязи. Выделены три этапа правового моделирования: построение правовой модели; сравнение построенной модели и фактического правового явления; прогнозирование перспектив развития правового явления на основе построенной модели.

Ключевые слова: юридическая методология; цивилистическая методология; методы научного познания; моделирование; правовое моделирование; теоретическое моделирование.

LEGAL MODELING AS A METHOD OF CIVIL RESEARCH

V.G. Golubtsov

Perm State University

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

D.Kh. Valeev

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: valeev55@gmail.com

Introduction: the authors of the scientific works on civil law often refer to the use of legal modelling methods as the methodological basis of their work. However, from the text of the work it is not always clear where and for what reasons the above method was used by the researcher. This situation is largely caused by the lack of sufficient knowledge about the essence and possibilities of this scientific cognition method, as well as about the rules, situations and order of its use. **Purpose:** to reveal the contents and show the perspectives of using the legal modelling method for performing private law researches. **Methods:** the general scientific cognition methods were mainly used (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, description and others), along with the specific juridical methods (juridical-dogmatic method, legal modelling method and others). **Results:** the possibility and (in some cases) the necessity to use both the theoretical legal modelling method and the empiric legal modelling method was proved. The essence of two types of legal modelling was explained: of the normative-legal type and of the behavioural type which should be used in dialectical unity and interrelation. Three stages of legal modelling were identified: building a legal model; comparing the constructed model with the actual legal phenomenon; forecasting the prospects for the development of the legal phenomenon on the basis of the constructed model.

Keywords: juridical methodology; civil methodology; scientific cognition methods; modelling; legal modelling; theoretical modelling.

Введение

Как показывает анализ действующих нормативных установлений, метод научных исследований во всех паспортах научных специальностей по юридическим наукам определен абсолютно одинаково: он представляет собой систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм изучения гражданского

права, предпринимательского права; семейного права; международного частного права. В числе упомянутых средств и способов познания принципы: развития предмета исследования, его логической определенности, исторической конкретности и диалектической связи между логическим и историческим способами познания, системности и всесторонности исследования; общенаучные подходы: системный, генетический, деятельностный; методы анализа и синтеза, теоретического моделирования, культурно-исторического анализа, исторической реконструкции, аналогии, экстраполяции, юридической интерпретации и другие исследовательские средства современной социогуманитаристики¹. Как видим, в числе методов правового познания назван метод теоретического моделирования, причисленный к «исследовательским средствам современной социогуманитаристики».

Моделирование — это общенаучный метод познания, связанный с построением моделей и их изучением с целью познания объекта исследования (оригинала), «заключающийся в замене изучаемого объекта его специально созданным аналогом или моделью, по которому определяются или уточняются характеристики оригинала» [22, с. 29].

В юриспруденции такой метод используется прежде всего для совершенствования признаков и характеристик исследуемого объекта. При этом изучается непосредственно не оригинал (правовое явление), а его модель, однако полученные результаты изучения модели переносятся на оригинал: «любая теоретическая модель в правоведении означает некоторое частичное тождество структур оригинала и изучаемого предмета» [5, с. 18].

Правовое моделирование обладает большим научно-познавательным потенциалом, позволяя исследовать сложные социально-правовые и нормативно-правовые объекты, физический, непосредственный контакт с которыми у исследователя объективно ограничен. Моделирование во многих случаях значительно упрощает и ускоряет процесс исследования и получения его результатов: «В результате моделирования создается модель, которая будучи аналогичной исследуемому объекту, отображает и воспроизводит в более простом виде свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта. При этом модель в процессе познания позволяет исследователю получить новую информацию о самом исследуемом процессе, явлении и предмете познания» [8, с. 93].

При этом теоретики права признают одной из современных проблем теории государства и права «отсутствие жизнеспособной методики модельного способа исследования правовых явлений» [31,

¹ <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>

с. 193], что затрудняет его применение при осуществлении отраслевых исследований.

В большинстве случаев авторы цивилистических диссертаций, указывая во введении работы на использование метода правового моделирования, не объясняют, где и зачем он применен, в каком методологическом значении и с какими целями он в принципе использовался. Применению метода правового моделирования должно предшествовать уяснение его сущности, видов и функций, а также методики его использования (методологического протокола применения). Особое значение для исследователя имеет учет различий между нормативно-правовым и поведенческим правовым моделированием.

Понятие и классификации моделей в праве

Слово «модель» (от лат. *modulus*) в толковом словаре имеет несколько значений: 1) образец какого-н. изделия или образец для изготовления чего-н., а также предмет, с которого воспроизводится изображение; 2) уменьшенное (или в натуральную величину) воспроизведение или макет чего-н; 3) тип, марка конструкции; 4) схема какого-н. физического объекта или явления; 5) манекенщик или манекенщица¹.

Для цивилистических исследований, на наш взгляд, приемлемо только первое значение модели — как некоторого образца, с которого должно произойти воспроизведение правового явления. В цивилистике модель — это мысленный, абстрактный образ оригинала, который формирует исследователь, собирая признаки, элементы, связи объекта познания воедино.

Подчеркнем, что моделирование правовых явлений и процессов имеет особое значение в исследовании «юридических объектов» окружающей действительности, так как их практически невозможно изучать путем непосредственного воздействия, например, через натуральный эксперимент. В модели воспроизводятся принципы организации и функционирования оригинала, модель всегда объективно связана с последним, и, исследуя ее, мы получаем новые данные о самом правовом явлении.

Моделирование преследует две цели: во-первых, познать само правовое явление через анализ его признаков, свойств, характеристик, выделенных для моделирования; во-вторых, предсказать, спрогнозировать развитие, динамику, изменение, будущее оригинала.

Здесь также следует заметить, что моделирование как метод цивилистического познания тесно связан с другими смежными методами и во

¹ Толковый словарь Ожегова // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/108678>.

многим используется в совокупности с ними. Однако такое взаимодействие методов в рамках избранной исследователем методологии не должно приводить к отождествлению разных средств и инструментов познания. Например, моделирование смешивают с такими приемами формальной логики, как абстрагирование, дефинирование. Так, В.В. Лазарев, С.В. Липень пишут, что моделирование «позволяет формулировать научные понятия, отражающие общие свойства явлений, абстрагироваться от их конкретных, случайных свойств» [16, с. 261]. В научной литературе встречается даже указание на существование понятийных моделей. Однако вместо логической операции определения понятия применять метод моделирования нерационально, поскольку последний является более сложным, трудоемким методом, используемым для изучения сложных систем, а не отдельных понятий. Дефинирование и моделирование имеют различные методологические протоколы использования. Так, например, определение понятия мошенничества как обмана и отграничение его от злоупотребления доверием, на наш взгляд, ошибочно названо теоретико-правовым моделированием [27].

Не следует также правовое моделирование приравнивать к правовому мышлению в целом: моделированию правовых ситуаций, судебных решений и их последствий, выбору способа разрешения конкретного спора, квалификации обстоятельств юридического дела: «...моделирование правоприменительной деятельности суда заключается в рассмотрении и анализе версий, выдвинутых сторонами, и предварительной юридической квалификации обстоятельств, на которых построены эти версии» [9, с. 68]. Как видим, при таком подходе моделирование отождествляется с процессом юридического мышления и практически неразлично с общим юрико-догматическим методом познания. Конструирование юридического знания и правовое моделирование — это не одно и то же [34].

В связи с этим важно также видеть взаимосвязь и различия между правовой теорией и правовым моделированием: «Процесс моделирования тех или иных общественных процессов невозможно осуществить без опоры на теоретическое описание ряда определенных социальных явлений. Основная задача теории выступает в создании неких границ познания для моделирования, наполняя его определенными категориями и позволяя использовать другие инструменты познания. Те теории, которые получили наибольшее развитие, которые являются развернутыми по отношению к другим, уже включают в себя прогностическое содержание, выражающееся в абстрактных моделях и вариантах взаимодействия разнообразных общественных процессов» [18, с. 215]. При отождествлении юридического мышления и правового моделирования теория и модель практически сливаются. Нельзя

забывать о том, что моделирование — это метод научного познания, а теория — его конечная цель и результат.

Подчеркнем, что правовое моделирование — это описание правового явления при помощи взаимосвязанных, сочетающихся друг с другом элементов (символов). Правовая модель — это подобие реального правового явления, отражающая его специфические признаки и характеристики в определенной комбинации, это не различные версии правового события.

Следует также различать правовое моделирование и иноотраслевое (например, математическое, экономическое) моделирование правовых процессов и явлений [4]. Последнее требует специальных знаний и применения специальных отраслевых методологических и методических средств и, как правило, оно может предшествовать правовому моделированию. При этом правовое моделирование может использоваться при моделировании, например, экономических, социальных процессов [23].

Правовое моделирование может быть тесно связано со сравнительно-правовым методом познания, однако заимствование правового регулирования из зарубежного правопорядка не есть само правовое моделирование. Так, утверждается, что правовое моделирование — это «системная оценка действующих правовых моделей наиболее интенсивно развивающихся государств или их отдельных социальных сегментов (прототипа), которые обеспечивают эффективное функционирование и развитие как экономических и других отношений, так и государства в целом, производимая в целях обоснования практического внедрения оптимальных, апробированных на практике правовых моделей государств, выбранных в качестве прототипа, для введения определенных сегментов государственного устройства в другой стране с учетом ее специфики и особенностей» [1, с. 96]. Системная оценка зарубежных правовых моделей представляет собой часть компаративистского исследования и может предшествовать построению отечественной правовой модели механизма правового регулирования или юридической конструкции. Так, например, в штате Чако Аргентинской Республики была заимствована английская правовая модель суда присяжных [32].

Возвращаясь к предмету исследования, рассмотрим виды правовых моделей.

Основная классификация моделей в науке — это их дифференциация на материальные и идеальные.

Моделирование как метод исследования используется как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. На эмпирическом уровне моделируются материальные модели, основанные на изучении объекта при помощи материального аналога. В юриспруденции такое модели-

рование используется в криминалистической науке при моделировании, например, места преступления. В цивилистике такое невозможно, поскольку, например, залог или общее собрание акционеров как материальные объекты смоделировать нельзя в принципе.

На теоретическом уровне исследования происходит идеальное моделирование.

При идеальном моделировании между моделью и объектом возникает не физическая (материальная), а мысленная связь. Поэтому нередко идеальное моделирование называют мысленным экспериментом, что не совсем верно, поскольку идеальное моделирование носит теоретический характер и отличается «от эксперимента, являющегося частным случаем практической деятельности человека» [10, с. 24].

Различают формализованное и неформализованное (интуитивное) идеальное моделирование.

При первом модель формализована при помощи знаковых систем (схем формул, чертежей) или при помощи образов (например, шаров как образцов электронов). Например, И.А. Кузьмин предлагает использовать такое моделирование применительно к познанию юридической ответственности и пишет, что «построение модельных таблиц и диаграмм (блок-схем), отражающих внутреннее строение юридической ответственности и внешние связи, упрощает работу исследователя, стремящегося проникнуть в сущность соответствующих структурных элементов и связей» [15, с. 70].

При интуитивном моделировании используется «некоторое не зафиксированное точно мысленное отражение реальности, служащее основой для рассуждения и принятия решений» [20, с. 22]. Фактически любой образ объекта, формируемый в голове исследователя, является интуитивной моделью. Качество такой модели во многом зависит от компетенции, квалификации и профессионального опыта субъекта познания. Однако противопоставление интуитивного и теоретического моделирования необоснованно: и формализованное, и интуитивное моделирование происходят на теоретическом уровне познания и в этом смысле они оба представляют собой теоретическое моделирование. Точно так же неверным будет рассмотрение интуитивного и научного моделирования как противоположностей. Безусловно, интуитивное моделирование присутствует и на бытовом уровне: каждый может интуитивно, основываясь на своем жизненном опыте, смоделировать образ «прекрасного дня», однако в методологии науки можно вести речь только о научном интуитивном моделировании.

В научной методологии идеальное (теоретическое) моделирование имеет большое значение: «Развитие любой науки можно трактовать...

как построение идеальных моделей. Умение строить идеальные... модели, достаточно точно описывающие и объясняющие свойства реальных процессов и систем, служит признаком зрелости науки» [20, с. 24].

Однако отметим, что в теории права отсутствует четкое различие между теоретическими и идеальными правовыми моделями. Так по формам отображения выделяют материальные, теоретические (объективированные) и метатеоретические (идеальные) модели, относя к последним правовые парадигмы, стиль правового мышления, правовые методы [3, с. 15].

Подчеркнем, что в паспортах научных юридических специальностей к методам исследования отнесено только теоретическое моделирование, что не совсем верно с учетом отсутствия четких и единообразных критериев выделения такого вида моделирования. Кроме того, одним из случаев эмпирического (не теоретического) моделирования является социально-правовой эксперимент. На наш взгляд, следует в качестве самостоятельного вида специальных методов познания в цивилистике называть именно правовое моделирование, что позволит причислить и теоретическое, и иные используемые виды моделирования в праве к исследовательской методологии.

Для юридической науки также большое значение имеет классификация моделирования на дескриптивное и прескриптивное [28, с. 14]. Первое отвечает на вопрос, что представляет из себя существующий объект, второе — каким этот объект должен быть (желаемый оригинал). Если исследователь строит на основе действующего законодательства (отражает реальные существующие свойства объекта) юридическую конструкцию договора залога — это дескриптивное моделирование. При прескриптивном моделировании ученый предлагает принципиально новую модель (юридическую конструкцию) залога, желаемую для закрепления в законодательстве в будущем с учетом изменяющихся объективных условий или появившихся новых обстоятельств.

Этапы правового моделирования

Первым этапом является сегментирование и изучение правового явления, создание одной или нескольких предварительных моделей этого явления. Фактическим результатом этой стадии является построение модели. Очевидно, что модель будет состоять из взаимосвязанных элементов, поиск которых — главная задача правового моделирования. Например, в теоретической модели взаимосвязи нормы права, правового отношения и юридического факта выделены следующие структурные элементы:

«— *предметная сторона*, которую образуют концепции, идеи, отражаемые в праве, задающие алгоритм и интенсивность правового воздействия на общественные отношения,

— *процедурная сторона*, которой следует считать правовое отношение, поскольку в нем реализуются нормативное закрепление общественных отношений, этапы и стадии властноорганизующей деятельности государственных органов,

— *обеспечительная сторона*, в качестве которой выступает юридический факт, взаимодействующий с предметной составляющей теоретической модели, обеспечивающий динамику правового отношения» [25, с. 9–10].

Различное сочетание и наполнение элементов модели позволяет говорить о существовании разнообразных моделей правового регулирования. Так, построение модели инновационной функции государства предполагает характеристику следующих элементов: меры стимулирования инновационной деятельности; программные установки инновационного развития государства; меры государственной поддержки науки; меры налоговой поддержки инновационной деятельности; меры поддержки и развития инновационной инфраструктуры; меры бюджетной поддержки инноваций; правовая регламентация отношений интеллектуальной собственности; меры поддержки инновационно ориентированного малого и среднего предпринимательства [30, с. 41–42].

Главная задача этого этапа — выявить не только элементы, но и общее для всех элементов свойство (признак), которое позволяет им взаимодействовать в рамках избранной модели и устраняет уникальные характеристики каждого элемента, не «работающие» в модели.

Во-вторых, сравнение построенной модели и фактического правового явления, при этом модель может быть скорректирована или изменена. Так, например, в диссертации о правовом моделировании регулирования инвестиционных отношений была предложена модель гражданско-правового регулирования этих отношений с закреплением соответствующих правовых норм в части пятой ГК РФ, в которой предлагалось расположить «легальные определения понятий «инвестиционная деятельность», «инвестиционный проект», «инвестор», а также специальные гражданско-правовые средства, относящиеся к: а) особенностям правового регулирования прав собственности в инвестиционном процессе; б) правовому механизму осуществления отдельных правовых форм инвестиционной деятельности как договорного, так и корпоративного плана; в) особенностям правового статуса иностранного инвестора; г) понятию эффективности и основным принципам управления инвестиционным проектом,

понятию «национальный проект», «мегапроект», «приоритетный проект» и др.» [2, с. 12–13].

В-третьих, прогнозирование перспектив дальнейшего процесса развития правового явления на основе построенной модели: «конкретная правовая модель позволяет познать, как будут развиваться события и насколько эффективно будет то или иное правовое решение в плане жизнеспособности и устойчивости» [31, с. 193]. Так, например, автор, разработав правовую модель оборота недвижимости как совокупности определенных элементов (субъекты, правовой режим объектов, вещные права в статике и динамике, защита прав на недвижимость), справедливо указывает, что «практически значимо сопоставление идеальной правовой модели с реально существующими отношениями в сфере оборота недвижимости и тенденциями их развития для формулирования рекомендаций по совершенствованию правового механизма или принятию организационных мер» [24, с. 11].

Создание моделей позволяет отличить одно правовое явление от другого. Например, построение модели траста (доверительной собственности) по англосаксонскому праву позволило отграничить траст от гражданско-правового договора в романо-германском правовом понимании [29, с. 22].

В целом построенная правовая модель, экстраполированная на различные правовые явления, позволяет сделать вывод, относятся ли данные явления к одному роду. Например, классическая правовая модель юридической ответственности при наложении ее на явление позитивной ответственности показывает, что последняя не относится к юридической ответственности, а является чем-то иным, совпадает с моделью правомерного поведения.

Типы правового моделирования

Наиболее сложный вопрос цивилистического моделирования тесно связан с теоретико-правовой дискуссией о нормативно-правовом и поведенческом правовом моделировании, коренящейся в различии между нормативным и социологическим пониманием права.

Так, А.С. Безруков, посвятивший правовой модели специальное теоретическое исследование, дает ей следующее определение: «созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании

объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу» [3, с. 11].

С таким подходом полемизирует Е.Н. Салыгин, считая, что вышеупомянутый автор «не предполагает создание теоретической правовой модели на основе наблюдения. Для него право — это не социальный факт, который можно изучать при помощи наблюдения или иным эмпирическим образом, а логическая система, постигаемая абстрагированием и идеализацией. Эта система, судя по всему, не развивается, поскольку в определении говорится о возможности построения структурных моделей и не содержится указания на возможность создания прогностических и причинноследственных моделей» [28, с. 17]. При этом Е.Н. Салыгин прямо указывает на то, что он исходит из широкого социологического понимания права, «подразумевающего под ним не только официальную нормативную систему, но и общественные отношения, ставшие результатом официального нормативного воздействия на поведение людей» [28, с. 18].

Действительно, большинство публикаций о правовом моделировании сфокусированы на понимании права как совокупности правовых норм. И в таком смысле мы можем говорить прежде всего о нормативно-правовом моделировании. Его результат — модель правового регулирования тех или иных гражданских отношений. На наш взгляд, она может быть представлена либо моделью механизма правового регулирования (например, модель участия государства в гражданских отношениях [7]), либо моделью юридической конструкции (например, модель договора отказа от наследства [19]). При этом модели правового регулирования более объемны и масштабны, чем модели юридических конструкций, последние часто являются частью первых.

Так, например, правовая модель российской бюджетной системы определена как «комплекс структурно взаимосвязанных финансово-правовых конструкций и обслуживающих его правовых факторов, принципов, категорий и понятий, характеризующий устройство и функционирование национальной бюджетной системы на современном этапе развития российской государственности» и в число ее элементов включены: финансово-правовая конструкция «публичный бюджет», финансово-правовая конструкция межбюджетных отношений, целеполагание и кумулятивный положительный результат объединения бюджетов в бюджетную систему, принципы бюджетной системы, факторы, обуславливающие построение и сбалансированное функционирование бюджетной системы в Российской Федерации, механизмы обеспечения сбалансированности бюджетной системы в режиме обратной связи [6, с. 12–13].

Однако следует заметить, что модели юридических конструкций обладают и самостоятельным значением. Можно выделить универсальные цивилистические модели, например, юридического лица или гражданско-правового договора. Каждая такая модель может быть охарактеризована посредством выделения совокупности ее гражданско-правовых признаков по нескольким критериям, например: предмет и существенные условия договора, субъектный состав и права и обязанности субъектов, форма договора, порядок заключения, изменения и прекращения. Применяя эту универсальную правовую модель к разновидностям договора, мы получаем множество моделей гражданско-правовых договоров. Таким же образом универсальную модель юридического лица мы можем применить к отдельным видам организаций, получив общую модель системы юридических лиц по российскому законодательству.

В научной литературе также обосновано выделение универсальной теоретической правовой модели юридической ответственности через совокупность «теоретических конструктов, которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом», к которым отнесены понятие, основания, меры и правоотношения юридической ответственности [26, с. 21]. Через указанные теоретические конструкты мы можем построить правовые модели различных видов юридической ответственности, в том числе гражданско-правовой.

В европейском праве идет активный поиск нормативной правовой модели «корпоративного директора» (юридического лица как члена совета директоров); пока в ней выделены три элемента: «благоприятствующее положение, обязательное назначение постоянного представителя и правило солидарной ответственности» [33].

Если же на право смотреть с более широких, социологических позиций, то в понятие права следует включать не только правовые нормы и статьи законов, но и правоотношения и правовое поведение их участников. И здесь речь должна идти о моделях правового *поведения*, а не регулирования.

Так, в одной из диссертационных работ исследовались правовые модели координации экономической деятельности субъектов в анти-монопольной сфере и под такими моделями понималась «комплексная характеристика координации экономической деятельности, формирующаяся с учетом совокупности указанных критериев, включающая в себя признаки рыночного и правового положения субъектов координационного взаимодействия, а также отражающая функциональное содержание процесса координации». При этом поведенческая модель субъектов характеризовалась автором как «внутренняя организация взаимосвязанных комплексов субъективных прав и юридических обя-

занностей субъектов координационного взаимодействия, составляющих содержание правового основания, устанавливающего программу правовой связи (правоотношения) между указанными субъектами», а также проводилась следующая классификация: «по критерию рыночного положения координируемых субъектов координация может быть горизонтальной и вертикальной; по способу координационного взаимодействия субъектов координации экономической деятельности — прямой (непосредственной) и косвенной (координация третьим лицом); по правовому основанию — договорной, корпоративной и фактической (неправовой)» [12, с. 10–12].

В другой диссертации холдинг рассматривается как определенная конструкция правового поведения — «гражданско-правовая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов» [13, с. 7].

В этих примерах мы видим моделирование именно правового поведения субъектов.

Очевидно, что перед нами разные типы правового моделирования (правового регулирования и правового поведения), но непреодолимого антагонизма между ними быть не должно. Хотя рассматриваемые типы реализуются в содружестве с разными наборами иных познавательных методов и средств. Для моделирования правового регулирования (например, нового закона) используются прежде всего юридико-догматический метод, метод юридического толкования. Для моделирования правового поведения в большей степени подойдут методы социально-правовых исследований (опрос, анкетирование, социальный эксперимент и т.п.). Но даже сторонники узконормативного подхода к праву понимают важность и иного, не только нормативного моделирования. Так, А.С. Безруков отмечает, что «в процессе функционирования правовой модели следует различать два аспекта: онтологический и гносеологический. В онтологическом плане модель используется в сфере права для осуществления социальных преобразований, т.е. выступает инструментом правового регулирования. Такие модели автор называет *социально-преобразующими*. В этом качестве выступают, прежде всего: норма права, более крупные нормативные образования (правовые институты, отрасли и др.). Наряду с ними существуют модели, которые не являются средством социально-правовых преобразований, однако выступают необходимой предпосылкой (условием) для создания социально-преобразующих моделей. Они называются *гносеологическими* моделями и служат средством правопознания» [3, с. 12]. Моделирование правового поведения во многом может стать основой и предпосылкой для нормативно-правового моделирования.

Более того, в правовой доктрине у модели правотворчества выделяется и широкий социально-правовой аспект. Так, один из известных

исследователей социально-правового моделирования В.А. Леванский пишет, что «моделирование законодательной деятельности — метод, позволяющий проанализировать механизм влияния социальных факторов на законотворчество; оценить воздействие позитивных и негативных факторов; выявить активность субъектов законотворчества; получить общую картину взаимодействия социальных факторов, создать модели эффективности законодательной деятельности; дать обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательной деятельности...» [17, с. 7–8]. Фактически мы можем видеть определенную степень слияния нормативно-правового и поведенческого правового моделирования. Хотя в отраслевых исследованиях до учета этого слияния еще далеко.

На наш взгляд, одна из серьезных современных проблем отечественных цивилистических исследований, особенно диссертаций, — очевидный методологический «перекос» в сторону нормативно-правового моделирования при полном игнорировании необходимости моделирования правового поведения участников гражданских правоотношений. Как верно замечено в литературе, «законы, разрабатываемые в отрыве от реальной действительности, без учета интересов и целевых установок субъектов правотворческого процесса, недостаточно ориентированные на предполагаемый результат, как правило, слишком абстрактны и малоэффективны» [11, с. 95]. А такие интересы и целевые установки субъектов можно выяснить только в процессе поведенческого моделирования.

Как научное, так и официальное правотворчество (в том числе нормативно-правовое моделирование) нередко носит не продуманный, взвешенный, а «штурмовой», авральный характер. Важно учитывать и то, что моделирование нормативно-правового акта и моделирование поведения различаются по срокам осуществления: написать закон как текст намного проще, чем проводить социально-правовые исследования для построения правовой поведенческой модели. В целом при проведении научных работ необходимо учитывать диалектическую связь этих двух типов правового моделирования, и похвально, что построение правовых моделей рассматривается в качестве самостоятельной научной проблемы, становится целью некоторых цивилистических диссертаций, на что прямо указывается в их названиях [14].

Главный объективный недостаток нормативно-правовых моделей заключается в том, что они «не могут нормально существовать неоправданно долгое время в неизменном виде, поскольку должны отражать объективные общественные потребности. Правовая материя должна постоянно развиваться, приспосабливаясь к необходимости регулировать новые, возникающие в обществе отношения. Даже закон

должен учитывать некоторые изменения в общественных отношениях и без издания новых или отмены (изменения) старых норм. Однако адаптивность правовых моделей ограничена, поэтому в нормальном цикле правового развития позитивные отклонения в праве, накапливаясь, как массовый образец, постепенно приводят к созданию новой правовой модели» [21, с. 29]. Отклонения в праве (от нормативной правовой модели), как позитивные, так и негативные, — это уровень реальных общественных отношений, они могут быть выявлены только в ходе построения поведенческих правовых моделей, именно поэтому важен симбиоз нормативно-правового и поведенческого моделирования в праве.

Заключение

Правовое моделирование является одним из эффективных методологических инструментов исследования частноправовых явлений. При этом происходит построение модели — аналога оригинального правового явления. Правовая модель используется как для познания существующего правового явления, так и для его совершенствования и изменения в будущем. Важно различать нормативно-правовое и поведенческое правовое моделирование; при научных разработках следует использовать их во взаимодействии и взаимодополнении. Для юридической науки интерес представляют такие виды моделирования, как материальное и идеальное (формализованное и интуитивное), теоретическое и эмпирическое, дескриптивное и прескриптивное. Протокол использования данного метода состоит в последовательном прохождении исследователем трех основных этапов правового моделирования: построение модели через обнаружение всех взаимосвязанных элементов, сравнение с правовым явлением, усовершенствование правового явления. В паспортах научных специальностей по юридическим наукам такой методологический прием, как теоретическое моделирование, как представляется, следует уточнить и расширить, обозначив его как правовое моделирование.

Библиографический список

1. *Балашенко С.А.* Правовое моделирование как метод правотворческой деятельности // Вестник БДУ. Сер. 3. Право. 2015. № 3. С. 94–97.
2. *Баранов К.Ю.* Гражданско-правовая модель регулирования инвестиционных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
3. *Безруков А.С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 27 с.

4. *Безруков В.А., Кутузов В.В.* Имитационное моделирование социально-правовых процессов // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2011. № 3. С. 130–134.

5. *Берг Л.Н.* Теоретическое моделирование как метод исследования системы правового воздействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 17–22.

6. *Бочкарева Е.А.* Правовая модель сбалансированной бюджетной системы в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 53 с.

7. *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права: монография. М.: Статут, 2019. 272 с.

8. *Дегтерев Д.А.* Теоретико-игровой подход в правовых исследованиях // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 90–96.

9. *Егоров К.И.* Информационно-правовое моделирование как стадия судебного правоприменения // Российский юридический журнал. 2011. № 11. С. 66–70.

10. *Иваников Ю.Л., Лотов А.В.* Математические модели в экономике. М.: Наука, 1979. 304 с.

11. *Казанчев Ю.* Риски в моделировании правовых актов: источники и средства минимизации // Управление мегаполисом. 2008. № 3. С. 94–104.

12. *Касымов Р.Ш.* Правовые модели координации экономической деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 35 с.

13. *Коваленко Н.Ю.* Холдинг как гражданско-правовая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 30 с.

14. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 316–324.

15. *Кузьмин И.А.* Методологические ориентиры в общетеоретических исследованиях юридической ответственности // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 62–72.

16. *Лазарев В.В., Липень С.В.* История и методология юридической науки. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016. 496 с.

17. *Леванский В.А.* Моделирование в социально-правовых исследованиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 20 с.

18. *Левинзон В.С., Митин Р.К.* Социально-правовое моделирование // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 11. С. 214–218.

19. *Лоренц Д.В.* Договор об отказе от наследства: модели в европейской правовой системе // Нотариальный вестник. 2019. № 9. С. 34–47.

20. *Лотов А.В.* Введение в экономико-математическое моделирование. М.: Наука, 1984. 392 с.

21. *Нанба С.Б., Помазанский А.Е., Цомартова Ф.В.* Позитивные отклонения в праве // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 26–36.

22. *Папковская П.Я.* Методология научных исследований. Минск: Информпресс, 2006. 184 с.

23. *Пашков А.В.* Субъекты правового макроэкономического моделирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17). Ч. 2. С. 131–136.

24. *Петрушкин В.А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 43 с.

25. *Полищук Н.И.* Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 54 с.

26. *Прокопович Г.А.* Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2010. 60 с.

27. *Розенцвайг А.И.* Способы мошенничества: ретроспективный анализ и теоретико-правовое моделирование // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 121–126.

28. *Салыгин Е.Л.* Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12–35.

29. *Соколова Н.В.* Правовая модель доверительной собственности (траста) и использование ее в наследственном праве Франции и Швейцарии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.

30. *Степаненко Д.М.* Правовое моделирование как инструмент роста эффективности инновационной функции государства // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 40–43.

31. *Фатьянов И.В.* Государственно-правовое моделирование: понятие и место в системе методов теории государства и права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 191–195.

32. *Grbavac H.D.* Jury Trial and “Judicial Integrity”: A Reflection on the Legal Model of Juries Adopted in the State of Chaco // En Letra. 2019. Vol. 6. Issue 11–12. Pp. 42–70.

33. *Talens P. del V.* Corporate Directors: In Search of a European Normative Model for Legal Persons as Board Members // European Company and Financial Law Review. 2017. Vol. 14. Issue 4. Pp. 609–636.

34. *Tans O.* Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law’s Evolution in Practical Discourse // International Journal for The Semiotics of Law – Revue Internationale de Semiotique Juridique. 2018. Vol. 31. Issue 1. Pp. 1–19.

References

1. Balashenko S.A. *Pravovoe modelirovanie kak metod pravotvorcheskoi deiatel'nosti* [Legal Modeling as a Method of Lawmaking]. *Vestnik BDU. Ser. 3. Pravo — Bulletin of the BDU. Series 3. Law*. 2015. Issue 3. Pp. 94–97. (In Russ.)
2. Baranov K.Iu. *Grazhdansko-pravovaia model' regulirovaniia investitsionnykh otnoshenii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Civil Law Model of Regulation of Investment Relations: Synopsis of Cand. jurid sci. diss.]. Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.)
3. Bezrukov A.S. *Pravovaia model' kak instrument iuridicheskoi nauki i praktiki: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [The Legal Model as an Instrument of Legal Science and Practice: Synopsis of Cand. jurid sci. diss.]. Vladimir, 2008. 27 p. (In Russ.)
4. Bezrukov V.A., Kutuzov V.V. *Imitatsionnoe modelirovanie sotsial'no-pravovykh protsessov* [Simulation Modeling of Social and Legal Processes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of Saint Petersburg Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. Issue 3. Pp. 130–134. (In Russ.)
5. Berg L.N. *Teoreticheskoe modelirovanie kak metod issledovaniia sistemy pravovogo vozdeistviia* [Theoretical Modeling as a Method of Studying the Legal Impact System]. *Iuridicheskai nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii — Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. Issue 2. Pp. 17–22. (In Russ.)
6. Bochkareva E.A. *Pravovaia model' sbalansirovannoi biudzhetnoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The Legal Model of a Balanced Budget System in the Russian Federation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 53 p. (In Russ.)
7. Golubtsov V.G. *Rossiiskaia Federatsiia kak sub"ekt grazhdanskogo prava: monografiia* [The Russian Federation as a Subject of Civil Law: a Monograph]. Moscow, 2019. 272 p. (In Russ.)
8. Degterev D.A. *Teoretiko-igrovoi podkhod v pravovykh issledovaniiaakh* [Game-Theoretic Approach in Legal Research]. *Pravo i upravlenie. XXI vek — Law and Management. The 21st Century*. 2013. Issue 2 (27). Pp. 90–96. (In Russ.)
9. Egorov K.I. *Informatsionno-pravovoe modelirovanie kak stadiia sudebnogo pravoprimeneniia* [Legal Information Modeling as a Stage of Judicial Enforcement]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal — Russian Journal of Law*. 2011. Issue 11. Pp. 66–70. (In Russ.)
10. Ivanikov Iu.L., Lotov A.V. *Matematicheskie modeli v ekonomike* [Mathematical Models in Economics]. Moscow, 1979. 304 p. (In Russ.)

11. *Kazanchev Iu. Riski v modelirovanii pravovikh aktov: istochniki i sredstva minimizatsii* [Risks in Modeling Legal Acts: Sources and Means of Minimization]. *Upravlenie megapolisom – Management of a Megapolis*. 2008. Issue 3. Pp. 94–104. (In Russ.)
12. *Kasimov R.Sh. Pravovye modeli koordinatsii ekonomicheskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Legal Models for the Coordination of Economic Activity in the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid sci. diss.]. Moscow, 2015. 35 p. (In Russ.)
13. *Kovalenko N.Iu. Kholding kak grazhdansko-pravovaia model' vzaimodeistviia khoziaistviushchikh sub"ektov: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Holding as a Civil-Law Model of Interaction between Business Entities: Synopsis of Cand. jurid sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2010. 30 p. (In Russ.)
14. *Kuznetsova O.A. Nauchnaia problema i nazvaniia tsivilisticheskikh issledovaniy* [Scientific Problem and the Titles of the Civil Researches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013. Issue 4 (22). Pp. 316–324. (In Russ.)
15. *Kuzmin I.A. Metodologicheskie orientiri v obshcheteoreticheskikh issledovaniakh iuridicheskoi otvetstvennosti* [Methodological Guidelines in General Theoretical Studies of Legal Responsibility]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2018. Issue 7. Pp. 62–72. (In Russ.)
16. *Lazarev V.V., Lipen S.V. Istoriia i metodologiya iuridicheskoi nauki* [History and Methodology of Legal Science]. Moscow, 2016. 496 p. (In Russ.)
17. *Levanskii V.A. Modelirovanie v sotsialno-pravovikh issledovaniyakh: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Modeling in Socio-Legal Research: Synopsis of Cand. jurid sci. diss.]. Moscow, 1986. 20 p. (In Russ.)
18. *Levinzon V.S., Mitin R.K. Sotsial'no-pravovoe modelirovanie* [Social and Legal Modeling]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy – International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2018. Issue 11. Pp. 214–218. (In Russ.)
19. *Lorents D.V. Dogovor ob otkaze ot nasledstva: modeli v evropeiskoi pravovoi sisteme* [Treaty of Renunciation of Inheritance: Models in the European Legal System]. *Notarial'nyi vestnik – Notary Bulletin*. 2019. Issue 9. Pp. 34–47. (In Russ.)
20. *Lotov A.V. Vvedenie v ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie* [Introduction to Economic and Mathematical Modeling]. Moscow, 1984. 392 p. (In Russ.)
21. *Nanba S.B., Pomazanskii A.E., Tsomartova F.V. Pozitivnye otkloneniia v prave* [Positive Deviations in Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2015. Issue 5. Pp. 26–36. (In Russ.)
22. *Papkovskaia P.Ia. Metodologiya nauchnykh issledovaniy* [Research Methodology]. Minsk, 2006. 184 p. (In Russ.)
23. *Pashkov A.V. Sub"ekty pravovogo makroekonomicheskogo modelirovaniia* [Subjects of Legal Macroeconomic Modeling]. *Istoricheskie, filosofskie,*

politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice. 2012. Issue 3 (17). Part 2. Pp. 131–136. (In Russ.)

24. *Petrushkin V.A. Sistemnyi analiz grazhdansko-pravovoi modeli oborota nedvizhimosti: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [System Analysis of the Civil Law Model of Real Estate Turnover: Problems of Theory and Practice: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 43 p. (In Russ.)

25. *Polishchuk N.I. Evoliutsiia i sostoianie teoreticheskoi modeli vzaimosvazi normy prava, pravootnosheniia i iuridicheskogo fakta: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Evolution and State of the Theoretical Model of the Relationship between the Rule of Law, Legal Relations and Legal Fact: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 54 p. (In Russ.)

26. *Prokopovich G.A. Teoreticheskaiia model iuridicheskoi otvetstvennosti v publicnom i chastnom prave: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The Theoretical Model of Legal Responsibility in Public and Private Law: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 60 p. (In Russ.)

27. *Rozentsvaig A.I. Sposoby moshennichestva: retrospektivnyi analiz i teoretiko-pravovoe modelirovanie* [Methods of Fraud: A Retrospective Analysis and Theoretical and Legal Modeling]. *Obshchestvo i pravo — Society and Law.* 2011. Issue 1 (33). Pp. 121–126. (In Russ.)

28. *Saligin E.L. Modelirovanie v prave: problemy i perspektivy* [Modeling in Law: Problems and Prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2013. Issue 3. Pp. 12–35. (In Russ.)

29. *Sokolova N.V. Pravovaia model doveritel'noi sobstvennosti (trasta) i ispol'zovanie ee v nasledstvennom prave Frantsii i Shveitsarii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [The Legal Model of Trust (Trust) and its Use in the Inheritance Law of France and Switzerland: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 26 p. (In Russ.)

30. *Stepanenko D.M. Pravovoe modelirovanie kak instrument rosta effektivnosti innovatsionnoi funktsii gosudarstva* [Legal Modeling as a Tool for Increasing the Efficiency of the Innovative Function of the Russia]. *Rossiiskaia iustitsiia — Russian Justice.* 2018. Issue 8. Pp. 40–43. (In Russ.)

31. *Fatianov I.V. Gosudarstvenno-pravovoe modelirovanie: poniatie i mesto v sisteme metodov teorii gosudarstva i prava* [State-Legal Modeling: the Concept of And Place in the System of Methods of the Theory of State and Law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Tomsk State University.* 2017. Issue 416. Pp. 191–195. (In Russ.)

32. *Grbavac H.D. Jury Trial and “Judicial Integrity”: A Reflection on the Legal Model of Juries Adopted in the State of Chaco.* *En Letra.* 2019. Vol. 6. Issue 11–12. Pp. 42–70. (In Eng.)

33. *Talens P. del V.* Corporate Directors: In Search of a European Normative Model for Legal Persons as Board Members. *European Company and Financial Law Review*. 2017. Vol. 14. Issue 4. Pp. 609–636. (In Eng.)

34. *Tans O.* Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Semiotique Juridique*. 2018. Vol. 31. Issue 1. Pp. 1–19. (In Eng.)

Информация об авторах:

В.Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский
университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Д.Х. Валеев

Доктор юридических наук, профессор, заместитель декана
юридического факультета

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0002-3233-2400

ResearcherID: K-7345-2016

Information about the authors:

V.G. Golubtsov

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

D.Kh. Valeev

Kazan (Volga Region) Federal University

18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0002-3233-2400

ResearcherID: K-7345-2016

ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД В ЦИВИЛИСТИКЕ

О.А. Кузнецова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермский институт ФСИН России

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: экспериментирование — широко применяемый метод познания во всех научных сферах, особенно в естественных отраслях знаний. В юриспруденции используется понятие правового эксперимента, под которым чаще всего подразумевают правотворческий эксперимент, заключающийся в создании и введении во временное действие на какой-либо территории или в какой-либо сфере общественных отношений экспериментальных правовых норм. Однако феномен правового эксперимента должен охватывать и научно-исследовательский эксперимент как специально-юридический метод познания. **Цель:** охарактеризовать возможности использования метода правового эксперимента в гражданско-правовых научных исследованиях. **Методы:** в методологическую основу работы положен в качестве ведущего диалектический подход, использовался комплекс общенаучных методов познания, а также юридико-догматический и герменевтический методы правоведения. **Результаты:** разграничены понятия правотворческого и правового научно-исследовательского экспериментов, и показаны сферы и границы применения каждого из них; объяснена необходимость разграничения метода правового экспериментирования и реальных результатов, полученных при его реализации; доказана необходимость разграничения мыслительных и реальных экспериментов, позволяющая квалифицировать в качестве научно-исследовательского эксперимента как особого метода правового познания только реальный эксперимент. Главными целями эксперимента в цивилистических научных работах являются проверка научной гипотезы и создание эффективных правореализационных практик.

Ключевые слова: цивилистическая методология; методы правового научного познания; правотворческий эксперимент; правовой научно-исследовательский эксперимент

LEGAL EXPERIMENT AS CIVIL SCIENCE SCIENTIFIC RESEARCH METHOD

O.A. Kuznetsova

Perm State University

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: experimentation is a widely used method of cognition in all scientific spheres, especially in natural branches of human knowledge. Jurisprudence uses the concept of legal experiment which most often understood as a law-making experiment consisting of creation of an experimental legal norm and introducing it on some territory or in some sphere of public relations. However, the phenomenon of legal experiment should also cover a research experiment as a special juridical method of cognition. **Purpose:** to characterize the possibilities of using the method of legal experiment in civil law research. **Methods:** a dialectical approach being the leading one forms the methodological basis of the work, complimented by the general scientific methods of cognition as well as the legal-dogmatic method and the hermeneutical method of legal studies. **Results:** the distinction was made between law-making and legal research experiments, the scope and limits of application of each of them were demonstrated; the necessity was explained of differentiation between the legal experiment method and the real results obtained upon exercising it; the necessity was proved of differentiating between imaginary and real-life experiments, this allowing to qualify only real-life experiment as a scientific research experiment constituting a special method of legal cognition. The main goals of the experiment in civil scientific works are testing the hypothesis and creating effective legal implementation practices.

Keywords: civil law science methodology; methods of legal scientific cognition; law-making experiment; legal scientific research experiment

Введение

Несмотря на то что ученые-цивилисты иногда указывают в методологической основе своих диссертаций на использование ими метода правового эксперимента, трудно понять из текстов их работ, где, как, зачем и почему при проведении исследования этот метод познания ими использовался. При этом в экспериментальном методе заключен большой исследовательский потенциал: он позволяет как проверить правильность выдвинутых ученым теоретических гипотез, так и создать наиболее эффективные пути применения гражданско-правовых норм.

В отдельных исследованиях не проводится разницы между правовым экспериментом как методом познания и реальными государственно-правовыми изменениями: «Первое фундаментальное исследование правового эксперимента в советской юридической науке появилось в 1988 г. Второй масштабный правовой эксперимент был реализован в 80–90 гг. XX в., который привел к исчезновению СССР как геополитической реальности и глубочайшей ломке государственно-правовых режимов новых суверенных государств» [8, с. 69]. Очевидно, что книга (фундаментальное исследование) по правовому эксперименту и такое социально-правовое изменение, как исчезновение государства, стоят в разных понятийных рядах.

Во многом такая ситуация вызвана смешением разных видов правовых экспериментов, прежде всего правотворческого и научно-исследовательского. Представляется важным определение места правового научно-исследовательского эксперимента в системе методов цивилистического познания и определение его целей, функций и исследовательского потенциала.

Цивилистическая наука в определенных объемах должна отойти от исключительно «кабинетной науки» и основываться в том числе на результатах эмпирических проб и проверок. Правовой эксперимент позволяет убедиться в эффективности предлагаемых научных и правотворческих новаций или, наоборот, в их неэффективности [31, р. 121].

Качественно подготовленный и проведенный научный эксперимент позволяет исследователю-юристу оставаться объективно «непредубежденным» относительно его результатов: «Исследователи права устанавливают заслуживающие внимания направления исследований, конструируя и исследуя перспективные направления исследований в поисках плодотворного вклада в улучшение понимания права. В то же время исследователи остаются непредубежденными относительно того, приведет ли такое исследование в конечном счете к наилучшему подходу к ответу на исследовательский вопрос и внесет ли он вклад в улучшение понимания права» [30, р. 1].

Как верно замечено в зарубежной литературе, «чтобы полностью понять правовую динамику... мы должны исходить из того, что точкой отсчета права является общество, а не государство. Мы должны также иметь в виду, что правовая норма государства является лишь одной из многих возможных форм, в которых закон выражает и проявляет себя» [28, р. 425]. Это замечание верно и для экспериментального изучения гражданско-правовых отношений: исследователи должны обратить свой взор сначала на общество и складывающиеся фактические гражданские отношения и лишь потом на государственную правовую норму.

Правовой и правотворческий эксперимент: соотношение понятий

В общеупотребляемом смысле эксперимент (от лат. *experimentum* — проба, опыт) — это процедура, выполняемая для поддержки, опровержения или подтверждения гипотезы или теории. Эксперименты могут значительно различаться по целям и масштабам, как правило, полагаются на повторяемую процедуру и логический анализ результатов. К экспериментам также относят и естественные исследования — действия, направленные на удовлетворения любопытства¹.

В философии «эксперимент — род опыта, имеющего познавательный, целенаправленно исследовательский, методический характер, который проводится в специально заданных, воспроизводимых условиях путем их контролируемого изменения. Решающее значение в эксперименте имеет исследование испытуемого в «стесненных»... — предельных, пограничных, критических — состояниях» [13, с. 650].

В правоведческой литературе «правовой эксперимент» понимают прежде всего как эксперимент правотворческий, который «устраивает» государство в лице законодателя. В его основе лежит идея-гипотеза законодателя об эффективности определенной модели правового регулирования. В ходе эксперимента эта идея может быть либо подтверждена (и ей придается бессрочное и общее пространственное действие), либо опровергнута (и соответственно ей такое действие не придается).

Традиция такого понимания правового эксперимента возникла в советском правоведении. Так, в уже ставшей классической работе по правовому эксперименту В.И. Никитинского и И.С. Самощенко под ним понимается «любой социальный эксперимент, в котором в качестве экспериментального фактора выступают экспериментальные правовые нормы, содержащие отступление от требований действующего законодательства» [15, с. 7]. отождествление правового и правотворческого экспериментов сохраняется и в настоящее время. Так, В.Н. Ельцов пишет, что цель правового эксперимента «в проверке гипотезы об эффективности той или иной правотворческой идеи, об эффективности действия экспериментальных правовых норм, а также в выявлении возможных «побочных эффектов» действия экспериментального фактора» [5, с. 8].

Информацию о том, что перед нами правотворческий эксперимент, можно получить уже из названий экспериментальных нормативных правовых актов различных уровней: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной

¹ <https://ru.wikipedia.org>

инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае»¹, Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»², постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах»³, приказ Минфина России от 14 сентября 2015 г. № 142н «О проведении в 2016 году эксперимента по оптимизации системы управления и структуры территориальных налоговых органов»⁴ и др.

Есть попытка и легального определения правотворческого эксперимента — «временное применение (проектов нормативно-правовых актов) на территории отдельных субъектов Российской Федерации, имеющее целью определить возможные положительные и (или) отрицательные последствия введения нового правового регулирования в отношении проектов актов с трудно прогнозируемыми последствиями их принятия для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности»⁵.

Вводя такие законотворческие эксперименты, законодатель, как правило, предусматривает субъектов, территорию, сроки, порядок его проведения, а также критерии, по которым он будет оцениваться. В научной литературе отмечается, что «правовые эксперименты следует проводить официально, по утвержденной методике, с обсуждением с гражданами их целей, задач, возможных негативных последствий и т.д. Содержательная часть правовых экспериментов может быть регламентирована как путем разработки и принятия Государственной Думой ФС РФ специального закона «О правовых экспериментах», так и рядом иных способов» [1, с. 5].

В последние годы получил широкое распространение такой вид правотворческого эксперимента, как регуляторные песочницы: «Во всем мире пошли по пути создания регуляторных песочниц, в которых возможно тестирование не только новых технологий, но и новых

¹ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4763.

² СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4097.

³ СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

⁴ <http://www.pravo.gov.ru>

⁵ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 (ред. от 2 марта 2019 г.) «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (п. 8 (3)) // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

бизнес-процессов, так как мы должны помнить, что инновации на финансовом рынке — это не только инновации, связанные с внедрением новых технологий, это еще инновации, связанные с применением новых бизнес-процессов. Скажем, переход от стандартного кредитования к p2p-кредитованию или краудсорсингу, краудфандингу, краудлендингу, когда нет централизованного посредника, который аккумулирует денежные средства, а потом их передает компаниям. Поэтому новые технологии, новые бизнес-модели должны сначала быть протестированы в какой-то изолированной среде, а потом, если результаты теста удовлетворяют всех, внедрены на массовом рынке» [24, с. 78].

Однако интересно заметить, что правотворческий эксперимент (как проба того или иного правового регулирования) может быть и не столь явным и формализованным, а почти латентным и неформальным. Так, дифференциацию частно-процессуального регулирования оценивают как правовой эксперимент и предпосылку будущей унификации: «Наличие двух процессуальных подсистем гражданского судопроизводства дает законодателю уникальную возможность апробировать различные варианты нормативного регулирования схожих отношений и в сравнении выбрать оптимальный, что обеспечивает сближение гражданского и арбитражного процессуального законодательства» [23, с. 398].

В литературе нередко делается безапелляционный вывод о том, что «в праве эксперименты могут осуществляться только в форме нормотворческой деятельности» [6, с. 91]. Но это не совсем так.

В правовой сфере есть и иные виды экспериментов, например судебный: «Судебный эксперимент — это организованное судом осуществление не требующего специальных знаний определенного исследования (опыта), проводимого с целью проверки и получения новых доказательств, в частности проверки версий о возможности существования юридических фактов, имеющих значение для рассмотрения юридического дела в рамках судебного процесса... содержание такого судебного эксперимента — это исследование и получение доказательств в специально созданных юридических условиях, по возможности аналогичных обстоятельствам конкретного случая» [22, с. 60]. В уголовно-процессуальном праве выделяют следственный эксперимент как «воспроизведение действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события» (ст. 181 Уголовно-процессуального кодекса РФ) и оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие, «осуществляемое путем создания негласно-контролируемой и управляемой ситуации с целью выявления и задержания лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление» [4, с. 119].

Таким образом, мы видим, что правотворческий эксперимент является лишь разновидностью более широкого понятия правового эксперимента.

В.Н. Ельцов обращает внимание, что «правовой эксперимент — это и метод научного познания и метод преобразования правовой действительности, что обуславливает его роль в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений» [5, с. 13]. Однако автор имеет в виду, что субъектом научного познания, использующего данный метод, является все же правотворческий орган, а не конкретный ученый-исследователь.

Безусловно, ученый может анализировать, интерпретировать проведение вышеуказанных экспериментов и их результаты, однако проведение эксперимента в научных целях предполагает, что сам исследователь его разрабатывает и проводит и делает выводы, обладающие теоретической ценностью и научной новизной. Возможно ли это в правовых исследованиях в принципе?

Особенности научно-исследовательского правового эксперимента

Сфера применения научно-исследовательского правового эксперимента. Очевидно, что, подобно государству, исследователь не может принять закон о проведении эксперимента и его провести.

Но, как верно заметила О.О. Зорина применительно к трудовому праву, «правовому эксперименту не стоит придавать исключительно государственный характер в силу принципа сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [10, с. 14]. Она же предложила следующее определение правового эксперимента в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений: это «санкционированная компетентным субъектом апробация экспериментальных норм трудового права, моделей их реализации, осуществляемая в определенных пространственно-временных границах с целью повышения эффективности правового регулирования» [10, с. 12].

В сфере действия гражданского права исследователь не может сформулировать «экспериментальные нормы гражданского права» и апробировать их в ходе своего исследования, поскольку гражданское законодательство, в отличие от трудового, формально не охватывает локальные правовые нормы (принимаемые работодателями или трудовыми коллективами). Хотя, стоит заметить, и гражданские правоотношения могут регламентироваться локальными правовыми нормами, например, содержащимися в положениях о совете директоров, или

о проведении общих собраний участников юридического лица. Вопрос о включении таких норм в систему источников гражданского права спорен, с учетом содержания ст. 3 Гражданского кодекса РФ, однако проведение научного эксперимента с разными проектами таких актов вполне возможно.

Кроме того, диспозитивность гражданско-правового регулирования, на наш взгляд, предоставляет широкие возможности для экспериментов в ходе правореализации. Например, гражданское законодательство содержит открытый перечень альтернативных способов обеспечения обязательств. Если исследователь выдвинет тезис о наибольшей эффективности одного из способов обеспечения для определенного вида договоров, то он может в разных гражданско-правовых договорах, заключаемых организацией (допустим, заводом), предусматривать различные способы обеспечения и анализировать исполнение и нарушение таких договоров.

В советском праве приведен пример эксперимента гражданско-правового характера с объединениями «Большевичка» и «Маяк», в котором искали оптимальную договорную форму взаимоотношений этих организаций с крупными магазинами, этот эксперимент оценивался по объему продукции и полученной прибыли в разных договорных взаимоотношениях. В связи с положительными результатами эксперимента новая договорная форма взаимоотношений сторон («система прямых связей») была распространена на 400 других предприятий [18, с. 23].

Однако как правотворческие, так и научно-исследовательские эксперименты в праве, как справедливо в свое время отмечала А. Нуртдинова, не должны выглядеть «излишеством», не должны проводиться «для проверки решений, многие параметры которых известны заранее и могли бы быть обоснованы и без них» [14, с. 6]. Например, Б. Тобин (*Brian Tobin*) назвал излишним правовым экспериментом проведение референдума по легализации однополых браков в Ирландии: «итоговый референдум о равенстве браков был грубым, неопределенным, но весьма успешным социально-правовым экспериментом, который возник не из-за политического динамизма, а из-за отсутствия политической решимости решать этот вопрос в парламенте и обращения правительства к политически целесообразному упражнению в демократии участия» [32, р. 115].

Участники научно-исследовательского правового эксперимента.

Между цивилистом-экспериментатором и непосредственно самим экспериментом всегда будут стоять конкретные участники гражданских правоотношений (в нашем примере — стороны гражданско-правовых договоров), в отличие, например, от экспериментов, которые

проводят государственные органы или иные властные субъекты, способные принимать правовые нормы. Если, например, работодатель вводит экспериментальные локальные трудовые нормы, то фактически он сам и участвует в эксперименте как сторона трудовых правоотношений.

Безусловно, исследователь может «придумать» правотворческий эксперимент и даже успешно убедить в необходимости его проведения нормотворца (законодателя или, например, работодателя), но нормотворческие эксперименты нацелены на повышение эффективности правового регулирования, на превращение (при удачном эксперименте) экспериментальных норм в реальные, действующие постоянно и на территории всего государства. «Цель экспериментального регулирования — обеспечить проверку на практике эффективности определенной гипотезы о характере и последствиях воздействия на общество новой идеи регуляции, оформленной в виде нормативной модели» [6, с. 91].

Этот вывод хорошо иллюстрируют требования к отчетам правотворческих экспериментов. Так, в итоговом отчете о проведении эксперимента в ходе реализации федеральных программ развития федеральной государственной гражданской службы, помимо его мероприятий, целей и задач, должны быть указаны:

- сведения о возможностях, порядке и формах использования положительных результатов эксперимента в иных федеральных государственных органах и территориальных органах федеральных органов исполнительной власти;
- предложения о совершенствовании нормативно-правового регулирования федеральной государственной гражданской службы по результатам эксперимента;
- предложения о повышении эффективности федеральной государственной гражданской службы по результатам эксперимента;
- сведения о средствах федерального бюджета, израсходованных на проведение эксперимента;
- заключение независимой экспертизы о результатах эксперимента¹.

Следует также отметить, что у правотворческого эксперимента может быть несколько целей. Так, целями эксперимента по маркировке контрольными знаками и мониторингу за оборотом отдельных видов лекарственных препаратов для медицинского применения являются: а) определение эффективности и результативности разрабатываемой

¹ Указ Президента РФ от 6 июня 2007 г. № 722 (в ред. от 17 марта 2016 г.) «Об утверждении Положения о порядке проведения экспериментов в ходе реализации федеральных программ развития федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2897.

системы контроля за движением на территории Российской Федерации лекарственных препаратов от производителя (импортера) до конечного потребителя в целом и каждого из участников рынка лекарственных препаратов в отдельности; б) определение изменений, которые необходимо внести в нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие сферу обращения лекарственных препаратов, в случае принятия решения о внедрении мониторинга за оборотом отдельных видов лекарственных препаратов; в) определение технических возможностей информационной системы, в которой будет осуществляться информационное обеспечение проведения эксперимента, и необходимости ее дальнейшего развития¹.

Заметим, что цель правотворческого эксперимента может заключаться не только во введении новых экспериментальных норм, но и в приостановлении уже действующих норм: «ранее действующие нормы приостанавливают свое действие. При этом изучается влияние отсутствия экспериментальных норм» [20, с. 23].

Как видим, нормотворческий эксперимент может преследовать различные цели — от социальных до технических, однако наличие правотворческой цели в таких экспериментах обязательно. В этом важное различие экспериментального регулирования и экспериментального научного исследования.

Для правотворческого эксперимента большое значение имеет его отграничение от других нетипичных нормативных регуляций, в частности от временного, поэтапного, пилотного регулирования [6], правовых режимов особых экономических зон [7], которые нередко смешиваются [27]. Однако в ходе научного правового эксперимента, не являющегося формой нормативно-правового регулирования, проблем с таким отграничением в принципе не возникает.

Цель научного правового эксперимента — проверка выдвинутой научной гипотезы, ее подтверждение или опровержение, что не связано с необходимостью превращения экспериментальных правовых норм в постоянно действующие нормы права.

Результаты научно-исследовательских правовых экспериментов.

Здесь необходимо учитывать, что цивилистические научные исследования могут быть как теоретическими (догматическими), так и прикладными [см. подр.: 3]. Согласно абз. 2 п. 10 Положения о присуждении ученых степеней «в диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полу-

¹ Постановление Правительства РФ от 24 января 2017 г. № 62 (в ред. от 28 августа 2018 г.) «О проведении эксперимента по маркировке контрольными (идентификационными) знаками и мониторингу за оборотом отдельных видов лекарственных препаратов для медицинского применения» // СЗ РФ. 2017. № 6. Ст. 926.

ченных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, — рекомендации по использованию научных выводов».

Таким образом, перед цивилистом-исследователем может стоять задача либо получения искомого теоретического вывода либо поиска наилучшей правореализационной практики.

Из научного правового эксперимента, который проводится в ходе догматического исследования, следует теоретический вывод, подтверждающий или опровергающий выдвинутую ученым гипотезу. Прикладные экспериментальные научные исследования обусловлены тем, что многие правовые нормы, чаще всего — управомочивающие, которыми так богато гражданское право, ставят вопрос о научно обоснованном механизме их реализации. Поэтому научный правовой эксперимент может быть направлен не только на опровержение или подтверждение выдвинутой гипотезы, но и на поиск наилучших форм реализации правовых норм. Например, как верно заметила С.К. Загайнова после принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», «в стране создана правовая основа для развития альтернативных способов урегулирования споров. Однако дистанция между принятием Закона и его реализацией на практике может быть длинной» [9, с. 30]. В связи с этим было принято решение о проведении соответствующего правового эксперимента: «для того чтобы Закон о медиации «заработал» на практике, необходимо выработать организационные, процедурные, процессуальные формы его реализации. Разработка таких форм возможна только в рамках конкретных практик, прошедших неоднократное апробирование, доработку» [9, с. 30].

Найти наилучшую правореализационную практику медиации предполагалось через решение, в частности, следующих задач: разработка процессуальных механизмов передачи спора на медиацию на стадии подготовки дела к судебному разбирательству; разработка документальных форм передачи споров на медиацию; разработка требований к форме и содержанию медиативного соглашения, позволяющих суду прекратить производство по делу в связи с утверждением мирового соглашения и отказа истца от иска; разработка методики разъяснения участникам процесса права на урегулирование спора в рамках процедуры медиации [9, с. 31].

Аналогичные эксперименты по формированию механизма реализации права на альтернативное разрешение споров проводились и в других странах. И.В. Решетникова пишет, что в Нидерландах был проведен «правовой эксперимент, в рамках которого пять окружных судов и два апелляционных суда стали направлять дела посредникам.

В течение первых трех лет эксперимента 1000 дел была направлена для прохождения процедуры посредничества и 60% из них окончено примирением сторон. Эксперимент оказался столь удачен, что... все голландские суды работают с посредниками. Государство финансово поддерживает посредничество, осуществляя оплату услуг посредника. При этом стоимость посредничества значительно ниже, чем оказание услуг адвоката в качестве представителя стороны, а времени оно требует меньше: в среднем по гражданским делам на посредничество тратится не больше семи часов» [16].

Таким образом, финалом научного эксперимента может быть либо подтверждение (или опровержение) научной гипотезы, либо обнаружение наилучшей правореализационной практики, тогда как правотворческий эксперимент может быть продлен, прекращен (при неэффективности) либо преобразован в неэкспериментальное законодательство. Например, по итогам практической реализации эксперимента о введении налога на профессиональный доход «Правительство РФ должно представить в Государственную Думу Федерального Собрания РФ отчет об эффективности (неэффективности) проведенного эксперимента и предложения о его продлении (прекращении) либо установлении Налоговым кодексом РФ налога на профессиональный доход наряду с иными специальными налоговыми режимами» [19, с. 106].

Правотворчество в научном правовом эксперименте и научность в правотворческом эксперименте

Результаты как догматических, так и прикладных правоведческих исследований могут стать возможной основой для совершенствования законодательства.

Теоретические выводы нередко обуславливают последующие правотворческие решения, но эти решения не являются подтверждением или опровержением гипотезы, а представляют собой практическое значение (следствие) теоретических результатов, подтвержденных в ходе эксперимента.

Результаты экспериментов, выполненных в процессе прикладного научного исследования, также могут показать необходимость совершенствования законодательства, например, проведение правового эксперимента по интеграции медиации в гражданское судопроизводство «выявило необходимость преодоления пробелов, устранения коллизий в действующем гражданском процессуальном законодательстве, в Законе о медиации, в связи с чем требуется внесение изменений в действующее законодательство» [9, с. 31], однако их главная цель все-таки не в этом, а в поиске наилучших правореализационных практик.

Должен ли правотворческий эксперимент обязательно характеризоваться научностью? В.Н. Ельцов, вслед за многочисленными советскими юристами, прямо пишет, что правовой эксперимент является «одним из средств реализации принципа научности правотворческой деятельности» [5, с. 14].

На наш взгляд, смешение в цивилистических диссертациях правотворческих и исследовательских экспериментов связано также с определением правотворческих экспериментов с использованием категории «научная идея» в том смысле, что законодатель, экспериментируя, воплощает именно такую идею.

Мы разделяем мнение В.А. Сивицкого и М.Ю. Сорокина, которые по этому вопросу рассуждают следующим образом: «Нужно ли к слову «эксперимент» обязательно пристегивать категорию «научность» в большей мере, чем она необходима для любого, не только экспериментального правового регулирования? Думается, что здесь важнее обычная управленческая и, как ее элемент, нормотворческая рациональность. И обеспечение эксперимента, соответственно, тоже в первую очередь должно быть управленческое, «умно-управленческое», конечно, но не обязательно научное. Заранее продуманный мониторинг результатов правового эксперимента (или вовремя налаженный мониторинг результатов «спонтанного правового эксперимента»), умение экстраполировать результаты на все правовое пространство, на которое могло бы быть распространено экспериментальное регулирование в качестве постоянного, четкое вычленение плюсов и минусов нового регулирования в сравнении с существующим — все это должно иметь место, но это все логика управленческой деятельности, которой иногда не хватает, но которая и не «воспарит» от подчеркивания необходимости ее научности» [17, с. 18–19].

Конечно, правотворческие эксперименты должны быть, возможно, не столько научно, сколько профессионально обоснованы, продуманы, подготовлены и проведены, как, впрочем, и любое другое государственно-менеджерское действие. При этом отделение научности как обязательного признака правотворческого эксперимента позволит в большей степени увидеть специфику научно-исследовательских и иных экспериментов в правовой сфере.

Мыслительный и реальный научно-исследовательские правовые эксперименты

Говоря о сфере экспериментирования, важно отметить, что научный правовой эксперимент как особый метод познания следует отличать от мыслительного эксперимента, под которым понимают «деятельность

в области сознания, проводимую над идеальными объектами с целью получить знания относительно предмета исследования» и который имеет следующие особенности: «предмет познания мысленно переносится в такую среду, в которой его сущность может исследоваться с особой определенностью; предмет становится объектом будущих мысленных трансформаций; в таком эксперименте мысленно созревает та среда, та система связей, в которую помещается предмет, — лишь в такой особой среде находит свое раскрытие его содержание; в познавательном процессе вся цепь рассуждений ведется на базе выразительных образов; связан с процессом идеализации; осуществляется на основе выработки программы, плана-схемы мыслительных операций по переработке исходной информации» [21, с. 19–21].

Однако подобное мысленное «экспериментирование» является обычным мышлением и осуществляется при помощи иных методов научного познания, в основном методов формальной логики (индукции, дедукции, анализа и синтеза). Неслучайно мысленный эксперимент называют квазиэкспериментом. Научно-исследовательский эксперимент как самостоятельный метод познания должен проводиться в объективной среде, а не в сознании ученого.

В научно-исследовательском правовом эксперименте важен переход именно от теоретизирования к реальной практике, воплощающей такой эксперимент в различных социальных и экономических отношениях: «продолжается эволюция экспериментирования в социально-правовой сфере в сторону теоретизации (мысленные, игровые, вычислительные эксперименты) и одновременно формируется новое комплексное научное направление, изучающее историю, теорию и практику экспериментирования в различных областях научного познания» [12, с. 11].

В связи с выделением мыслительных экспериментов представляет интерес и вопрос о существовании в правовой сфере «лабораторных экспериментов». В.В. Лазарев еще в 1966 г. писал, что «ни одно общественное явление, в том числе и государственно-правовое, не может быть ограничено узкими рамками лабораторного исследования. Отказываясь от лабораторного эксперимента в общественных науках, мы тем самым возводим теорию эксперимента на новую ступень, поскольку ориентируем науку на исследование целого комплекса явлений... Нельзя искусственно воплотить его в миниатюрной модели, изолированной от естественных условий общественного развития» [11, с. 20]. Подобное мнение поддерживается и в современных публикациях [25].

Однако в мировой практике правовых исследований признается право на существование и лабораторных и полевых правовых иссле-

дований. Так, в статье «Об экспериментах в эмпирическом правовом исследовании» приводится пример лабораторного эксперимента, показывающий выбор его участниками наиболее эффективного принципа определения цены в договоре подряда: «...у сторон есть возможность разработать контракт на строительство с ценой 80 евро и премией в размере 20 евро за своевременное выполнение или с ценой 100 евро и штрафом в размере 20 евро за несвоевременное выполнение. С точки зрения рационального выбора эти два контракта идентичны» [29, р. 6]. В результате лабораторного эксперимента с участием студентов-юристов было подтверждено, что «штраф в 20 евро будет восприниматься как более неприятный, чем упущенный шанс заработать бонус в 20 евро» [29, р. 6], следовательно, чаще всего исполнялись бы договорные обязательства по штрафным контрактам.

Интересен и пример с полевым юридическим экспериментом, в котором искался ответ на вопрос, как представлять фотографии возможных преступников очевидцам, используя для этого последовательную или одновременную (все фотографии сразу) процедуру демонстрации фотографий подозреваемых. Этот эксперимент проводился в четырех полицейских юрисдикциях США с участием реальных очевидцев преступлений [29, р. 8].

Несмотря на то что «сложная диалектическая взаимосвязь практического и теоретического в экспериментальном исследовании характеризуется тем, что чувственно-предметная деятельность, являясь основой достижения гносеологической цели эксперимента, сопряжена с формами абстрактного мышления и теоретического анализа» [2, с. 7], мысленные и реальные правовые эксперименты в исследовательской работе должны быть разделены. Представляется важным допустить в правовую сферу и лабораторные и полевые эксперименты.

Заключение

Ученых-юристов нередко обоснованно обвиняют в том, что они в ходе своих научных исследований оказываются крайне далекими от реального правового быта, от фактически реализуемых правоотношений и не любят выходить «работать в поля». Именно поэтому, что бы ни писали диссертанты в методологической части своих работ, главным методом научного правового познания остается формально-догматический: прежде всего исследуется не реальная правовая жизнь, а законодательная или правоприменительная догма, изложенная в законе или судебном акте. Преодолеть этот разрыв между нормой права и фактическим правоотношением призваны социально-правовые методы исследования, одним из которых является правовой эксперимент.

О правовом эксперименте чаще всего пишут как о правотворческом эксперименте, что представляется не вполне обоснованным. Наряду с введением в действие и наблюдением за реализацией экспериментальных правовых норм в понятие правового эксперимента должен быть включен и научно-исследовательский эксперимент. Ученый-экспериментатор, так же как законодатель, может проводить опыт, однако, безусловно, он не преследует цель проверки экспериментального закона. Однако он может протестировать локальные правовые акты или различные правореализационные практики с целью проверки их эффективности, и такая проверка может привести при необходимости к коррекции законодательства либо к констатации факта достаточности и результативности имеющегося правового регулирования.

Кроме того, правовой эксперимент может помочь цивилисту-исследователю проверить выдвинутую научную гипотезу, например, «залог лучше других способов обеспечения обязательств защищает интересы кредитора» или «процедуры медиации приводят к быстрому восстановлению нарушенных гражданских прав».

Система существующих традиционных методов цивилистического исследования (формально-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой, герменевтический) должна быть дополнена новыми перспективными методами познания. По справедливому мнению М.Ю. Чельшева, в число теоретических правовых методов должен быть включен межотраслевой прием исследования (метод межотраслевых связей) [26]. Линейка эмпирических методов цивилистического познания должна быть пополнена методом правового научно-исследовательского эксперимента.

Библиографический список

1. *Анисимов А.П.* Правовой эксперимент в земельном праве: вопросы теории // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 10 (142). С. 4–10.
2. *Воробьев В.Я.* Роль теоретического знания в экспериментальном исследовании: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Минск, 1984. 16 с.
3. *Голубцов В.Г., Кузнецова О.А.* Цель цивилистического диссертационного исследования // *Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова*. М.: Статут, 2016. С. 53–77.
4. *Долгинов С.Д.* Организационные и правовые проблемы проведения оперативного эксперимента // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2015. Вып. 1 (27). С. 117–123.

5. *Ельцов В.Н.* Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

6. *Журавлева О.О.* Принцип баланса частных и публичных интересов и экспериментальное регулирование в налоговой сфере // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 89–101.

7. *Загайнова Г.Г.* Особая экономическая зона как правовой эксперимент развития территорий в Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 3. С. 519–524.

8. *Загайнова Г.Г.* Эксперимент как правовая категория // Конституционализм: симбиоз науки и практики / отв. ред. М.В. Мархгейм. Белгород: ГиК, 2017. С. 68–70.

9. *Загайнова С.К.* Формирование в России практики медиации по гражданским делам на примере правового эксперимента «Разработка и апробация механизмов интеграции медиации в гражданское судопроизводство» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 26–37.

10. *Зорина О.О.* Правовой эксперимент в сфере социально-трудовых отношений: проблемы реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 12–15.

11. *Лазарев В.В.* К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. 1966. № 1. С. 17–23.

12. *Мотин С.В.* Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере: историко-теоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 21 с.

13. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. Т. 4. 1158 с.

14. *Нуртдинова А.* Правовой эксперимент в сфере трудовых отношений // Советская юстиция. 1989. № 10. С. 5–6.

15. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Никитинского, И.С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1988. 301 с.

16. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

17. *Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю.* Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30>

18. *Смирнов О.В.* Социально-правовой эксперимент и регулирование общественных отношений // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 21–28.

19. *Соболь О.С.* Налог на профессиональный доход в системе специальных налоговых режимов: эксперимент правового обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7 (59). С. 104–111.

20. *Фатьянов И.В.* Классификации правотворческих экспериментов и их место в правовой системе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 3 (9). С. 20–28.

21. *Фатьянов И.В.* Правотворческий эксперимент в России как метод правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 35 с.

22. *Фатьянов И.В.* Судебный эксперимент: понятие, правовая сущность и перспективы использования // Российский судья. 2017. № 12. С. 57–62.

23. *Федяев Д.А.* Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификация или дифференциация правового регулирования // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 391–399.

24. *Ференец В.* Bank as a service [Интервью с Б. Кимом] // Банковское обозрение. 2018. № 9. С. 76–79.

25. *Чагин И.Б.* Правовой эксперимент: теоретические и практические аспекты // *E-Scio*. 2020. № 2. С. 47–54.

26. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.

27. *Щедрин Н.В.* Проблемы и перспективы криминализации незаконного обогащения публичных должностных лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 62–75. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-10127>

28. *Di Stefano A.M.* Italian Judges and Judicial Practice in Libya: A Legal Experiment in Multinormativity // American Journal of Legal History. 2018. Vol. 58. Issue 4. Pp. 425–47.

29. *van den Bos K., Hulst L.* On Experiments in Empirical Legal Research // Law and Method. 2016. March. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.5553/REM/000014>

30. *Mæhle S.S.* Pursuing Legal Research // Law and Method. 2017. June. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.5553/REM/000022>

31. *Tesiis R., Szenoradzski E.* Hungary's Experiment in Legalizing Casual Employment // International Labour Review. 2010. Vol. 149. Issue 1. Pp. 121–129.

32. *Tobin B.* Marriage Equality in Ireland: The Politico-Legal Context // International Journal of Law Policy and the Family. 2016. Vol. 30. Issue 2. Pp. 115–130.

References

1. Anisimov A.P. *Pravovoi eksperiment v zemel'nom prave: voprosy teorii* [Legal Experiment in the Land Law: Theory Questions]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo — Agricultural and Land Law*. 2016. Issue 10 (142). Pp. 4–10. (In Russ.)
2. Vorob'ev V.Ia. *Rol' teoreticheskogo znaniia v eksperimental'nom issledovanii: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk.* [The Role of Theoretical Knowledge in Experimental Research: Synopsis of Cand philosoph. sci. diss.]. Minsk, 1984. 16 p. (In Russ.)
3. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. *Tsel' tsivilisticheskogo dissertatsionnogo issledovaniia* [Civil Thesis Research Purpose]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Issues of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles]. Moscow, 2016. Pp. 53–77. (In Russ.)
4. Dolginov S.D. *Organizatsionnye i pravovye problemy provedeniia operativnogo eksperimenta* [Organizational and Legal Issues of Conducting a Sting Operation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2015. Issue 1 (27). Pp. 117–123. (In Russ.)
5. El'tsov V.N. *Pravovoi eksperiment v sovremennoi Rossii: problemy effektivnosti: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk.* [Legal Experiment in Modern Russia: Problems of Efficiency: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Tambov, 2009. 24 p. (In Russ.)
6. Zhuravleva O.O. *Printsip balansa chastnykh i publicnykh interesov i eksperimental'noe regulirovanie v nalogovoi sfere* [The Principle of Balance between Private and Public Interests and Legislative Regulation in Tax Matter]. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*. 2018. Issue 8. Pp. 89–101. https://doi.org/10.12737/art_2018_8_9 (In Russ.)
7. Zagainova G.G. *Osobaia ekonomicheskaiia zona kak pravovoi eksperiment razvitiia territorii v Rossiiskoi Federatsii* [Special Economic Zone as a Legal Experiment in the Development of Territories in Russian Federation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiia. Sociologiia. Pravo — Belgorod State University Scientific Bulletin: Philosophy. Sociology. Law*. 2018. Vol. 43. Issue 3. Pp. 519–524. (In Russ.)
8. Zagainova G.G. *Eksperiment kak pravovaia kategoriia* [Experiment as a Legal Category]. In Markhgeim M.V. (ed.). *Konstitutsionalizm: simbioz nauki i praktiki* [Constitutionalism: Symbiosis of Science and Practice]. Belgorod, 2017. Pp. 68–70. (In Russ.)
9. Zagainova S.K. *Formirovanie v Rossii praktiki mediatsii po grazhdanskim delam na primere pravovogo eksperimenta «Razrabotka i aprobsiia mekhanizmov integratsii mediatsii v grazhdanskoe sudoproizvodstvo»* [Formation of

the Practice of Mediation in Civil Cases in Russia on the Example of The Legal Experiment “Development and Testing of Mechanisms for Integrating Mediation in Civil Proceedings”]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa. – Herald of Civil Procedure*. 2012. Issue 6. Pp. 26–37. (In Russ.)

10. Zorina O.O. *Pravovoi eksperiment v sfere sotsial'no-trudovykh otnoshenii: problemy realizatsii* [Legal Experiment in the Sphere of Social and Labor Relations: Problems of Implementation]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 2017. Issue 2. Pp. 12–15. (In Russ.)

11. Lazarev V.V. *K voprosu o poniatii i predelakh eksperimenta v oblasti gosudarstva i prava* [On the Concept and Limits of Experiment in the Field of State and Law]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1966. Issue 1. Pp. 17–23. (In Russ.)

12. Motin S.V. *Ispol'zovanie eksperimental'nogo metoda v sotsial'no-pravovoi sfere: istoriko-teoreticheskie aspekty: avtoref. dis ... kand. iurid. nauk* [Using the Experimental Method in the Social and Legal Sphere: Historical and Theoretical Aspects: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1999. 21 p. (In Russ.)

13. Stepin V.S. (ed.). *Novaia filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 4* [New Philosophical Encyclopedia. In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, 2001. 1158 p. (In Russ.)

14. Nurtdinova A. *Pravovoi eksperiment v sfere trudovykh otnoshenii* [Legal Experiment in the Field of Labor Relations]. *Sovetskaya iustitsiya – Soviet Justice*. 1989. Issue 10. Pp. 5–6. (In Russ.)

15. Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S. (eds.). *Pravovoi eksperiment i sovershenstvovanie zakonodatel'stva* [Legal Experiment and Improvement of Legislation]. Moscow, 1988. 301 p. (In Russ.)

16. Reshetnikova I.V. *Razmyshleniya o sudoproizvodstve: izbrannoe* [Thinking About Legal Proceedings]. Moscow, 2019. 510 p. (In Russ.)

17. Sivitskii V.A., Sorokin M.Iu. *Pravovoi eksperiment i razvitie prava* [Legal Experiment and Development of Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Issue 4. Pp. 15–30. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30> (In Russ.)

18. Smirnov O.V. *Sotsial'no-pravovoi eksperiment i regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Social and Legal Experiment and Regulation of Public Relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1973. Issue 11. Pp. 21–28. (In Russ.)

19. Sobol O.S. *Nalog na professional'nyi dokhod v sisteme spetsial'nykh nalogovykh rezhimov: eksperiment pravovogo obespecheniya* [Professional Income Tax In the System of Special Tax Regimes: Legal Support Experiment]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGU) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. Issue 7 (59). Pp. 104–111. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.59.7.104-111> (In Russ.)

20. *Fatianov I.V. Klassifikatsii pravotvorcheskikh eksperimentov i ikh mesto v pravovoi sisteme* [Classification of Law-Making Experiments and Their Place in the Legal System]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal. Law*. 2013. Issue 3 (9). Pp. 20–28. (In Russ.)

21. *Fatianov I.V. Pravotvorcheskii eksperiment v Rossii kak metod pravovogo regulirovaniia: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Law-Making Experiment in Russia as a Method of Legal Regulation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Omsk, 2015. 35 p. (In Russ.)

22. *Fatianov I.V. Sudebnyi eksperiment: poniatie, pravovaia sushchnost' i perspektivy ispol'zovaniia* [Judicial Experiment: Concept, Legal Essence and Prospects of Use]. *Rossiiskii sud'ia – Russian Judge*. 2017. Issue 12. Pp. 57–62. (In Russ.)

23. *Fediaev D.A. Uproshchennoe proizvodstvo v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: unifikatsiia ili differentsiatsiia pravovogo regulirovaniia* [Simplistic Proceedings in Civil and Arbitration Proceedings: Unification or Differentiation of Legal Regulation]. *Permskii iuridicheskii al'manakh – Perm Legal Almanac*. 2018. Issue 1. Pp. 391–399. (In Russ.)

24. *Ferenets V. Bank as a service [Interv'iu s B. Kimom]* [Bank as a Service [Interview with B. Kim]]. *Bankovskoe obozrenie – Bank Review*. 2018. Issue 1. Pp. 76–79. (In Russ.)

25. *Chagin I.B. Pravovoi eksperiment: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Legal Experiment: Theoretical and Practical Aspects]. *E-Scio*. 2020. Issue 2. Pp. 47–54. (In Russ.)

26. *Chelyshev M.Iu. Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... dokt. iurid. nauk* [The System of Inter-branch Relations of Civil Law: Civil Law Studies: Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ.)

27. *Shchedrin N.V. Problemy i perspektivy kriminalizatsii nezakonno obogashcheniia publicnykh dolzhnostnykh lits* [Problems and Prospects of Criminalization of Illicit Enrichment of Public Officials]. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 2018. Issue 12. Pp. 62–75. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2018-10127> (In Russ.)

28. *Di Stefano A.M. Italian Judges and Judicial Practice in Libya: A Legal Experiment in Multinormativity*. *American Journal of Legal History*. 2018. Vol. 58. Issue 4. Pp. 425–47. (In Eng.)

29. *van den Bos K., Hulst L. On Experiments in Empirical Legal Research*. *Law and Method*. 2016. March. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.5553/REM/.000014> (In Eng.)

30. *Mæhle S.S. Pursuing Legal Research*. *Law and Method*. 2017. June. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.5553/REM/.000022> (In Eng.)

31. *Tesits R., Szenoradszki E.* Hungary's Experiment in Legalizing Casual Employment. *International Labour Review*. 2010. Vol. 149. Issue 1. Pp. 121–129. (In Eng.)

32. *Tobin B.* Marriage Equality in Ireland: The Politico-Legal Context. *International Journal of Law Policy and the Family*. 2016. Vol. 30. Issue 2. Pp. 115–130. (In Eng.)

Информация об авторе:

О.А. Кузнецова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский
университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Пермский институт ФСИН России

614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70>

<https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.42.58>

Information about the author:

O.A. Kuznetsova

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

125 Karpinskogo St., Perm, 614012, Russia

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70>

<https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.42.58>

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

УДК 340.113:347

<https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-319-331>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: МЕТОДОЛОГО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.Г. Демиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: ainuraa@bk.ru

Введение: статья посвящена исследованию современных терминов в отечественном гражданском праве. **Цель:** показать причины появления новых терминов в гражданском праве и выявить проблемные аспекты, возникающие у ученых и правоприменителей, связанные с определением и анализом их содержания. **Методы:** теоретические методы формальной и диалектической логики; сравнительно-правовой метод; эмпирические методы сравнения, описания. **Результаты:** проведенный анализ некоторых современных терминов в гражданском праве свидетельствует о наличии ряда причин столь обильного их появления: во-первых, «внутренний» рост и развитие отечественного гражданского законодательства; во-вторых, появление новых технологий; в-третьих, ошибочное и ложное понимание смысла лексической единицы, требующее уточнения. **Выводы:** выявленные причины появления новых и заимствованных терминов и понятий в гражданском праве требуют дифференцированного научного подхода к их изучению во избежание ошибочного и ложного понимания смысла и их существенных свойств. Любое заимствование иностранных терминов должно носить системный характер, поскольку

новая лексическая единица становится полноценным элементом научного терминологического аппарата, действующего законодательства и юридической практики, при этом не следует снижать уровень комфортности ее применения для описания правового явления. Заимствования новых терминов необходимы: во-первых, при отсутствии схожей категории в отечественном праве, номинирующем правовое явление; во-вторых, когда существует действительная потребность единого подхода к определению содержания той или иной категории, несущей правовую нагрузку.

Ключевые слова: методы научного исследования; методолого-категориальный аспект; термин; правовая категория; заимствование; иностранный опыт.

MODERN TERMS IN CIVIL LAW: METHODOLOGICAL-CATEGORIAL ASPECT

A.G. Demieva

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: ainuraa@bk.ru

Introduction: the article is devoted to the study of modern terms in domestic Russian civil law. **Purpose:** to show the reasons for the appearance of new terms in civil law and to identify the problems associated with their content, which are faced by scientists and practicing lawyers. **Methods:** theoretical methods of formal and dialectical logic; comparative legal method, empirical methods of comparison, description. **Results:** an analysis of some modern terms of civil law indicates the following reasons for their appearance. Firstly, internal growth and development of domestic civil legislation. Secondly, the emergence of new technologies. Thirdly, an erroneous and false understanding of the meaning of some concepts. **Conclusions:** the identified reasons of the appearance of new and borrowed terms in civil law require a differentiated scientific approach to their study in order to avoid erroneous and false understanding of their meaning. In order to become an element of the scientific terminological apparatus, current legislation and legal practice, any terminological borrowing must be systemic. Borrowing of new terms and concepts is necessary: firstly, in the absence of a similar lexical unit in domestic law, secondly, when there is a need for a unified approach to determining the content of a legal phenomenon.

Keywords: methods of scientific research; methodological and categorical aspect; term, legal category, borrowing, foreign experience.

Введение

С развитием общества и государства появляются и новые объекты для правового регулирования, которые влекут за собой возникновение определенных нормативных установлений, а следовательно, правоприменители нуждаются в совершенно иной терминологической опоре с целью единообразного использования правового явления. Несомненно, невозможно вмешаться в процесс возникновения новых терминов и поток их научных осмыслений, но должен иметь место тщательный анализ категорий, которые несут правовую нагрузку в отечественных нормативных актах. Объективное изменение легальной терминосистемы должно отражаться и в названиях [8] и целях цивилистических исследований [4].

В статье не ставится задача решения лингвистических проблем процесса формирования новых слов, но поднимаются вопросы, имеющие принципиальное значение для цивилистической науки.

Основной контент

В первую очередь стоит уточнить, что причины появления новых терминов различны, поэтому и подходы к их исследованию должны быть дифференцированы.

Во-первых, внутренний рост и развитие отечественного гражданского законодательства. Множество понятий в цивилистике образовалось в связи с тем, что мы «догоняем» наиболее развитые правовые порядки, в том числе с помощью заимствований из иностранного опыта.

Когда заимствуется новая лексическая единица, позволяющая нам уточнить явление, действие, пределы применения уже известного понятия, определить права и обязанности субъектов, построить правоотношение, дифференцировать правовой режим и т.п., нам необходимо ее использовать после соответствующего анализа и придания ей ясности [1, с. 30]. Несмотря на отсутствие некоего регистра юридических терминов, новые категории должны быть предельно понятны для всего юридического сообщества в целях единообразного применения [6, с. 342].

По этому поводу Е.Г. Комиссарова пишет, что «научные категории составляют структурные элементы (единицы) содержательной части юридической науки. Отсюда обнаруживается методологический аспект проблематики научных понятий. Он в исходной значимости тех задач, которые научные понятия выполняют. Таких задач четыре: отражать заявленный предмет исследования в необходимом логическом объеме

и содержании; выступать в роли инструментария для углубленного постижения гражданско-правовых явлений в логико-гносеологическом контексте на понятийном уровне; участвовать в моделировании гражданско-правовой действительности и ее прогнозировании» [7, с. 203].

В целом соглашаясь с мнением Е.Г. Комиссаровой, полагаем, что немаловажной задачей категорий, наделенных правовой нагрузкой, должно быть созвучие (соответствие) содержанию нормативных актов. Ученые-юристы, размышляя на страницах своих исследований о новой лексической единице, вольно или невольно опираются на положения нормативных текстов.

К примеру, если ученый иной области, предположим, физик, описывая некоторые явления, может использовать категорию для очерчивания процесса, лишь предполагая какое-либо действие, так как, к примеру, объективно оно незримо, то правовед обязан при использовании той или иной лексической единицы учитывать ее нормативное значение, нормативный функционал. Поскольку та или иная квалификация новой категории имеет определенные правовые последствия.

Формирование юридической терминологической системы так или иначе было связано с появлением заимствованных терминов. При этом термин иностранного происхождения может не иметь аналогов в отечественном праве либо иметь, но употребляться в ином значении.

К.М. Арсланов приходит к выводу, что российский законодатель в своей реформе гражданского законодательства должен следовать не самим конструкциям и моделям иностранного права, а многовековому правовому опыту, наработанному ведущими правовыми порядками Западной Европы, и прежде всего опыту французского и германского права, поскольку с ними существует историческая связь. При этом не следует отвергать и опыт англо-американского права, так как он позволяет упорядочить существующие правовые институты и привести их в соответствие с общемировыми тенденциями в развитии права. Любой учет иностранного правового опыта должен быть согласован с правовыми основами российского гражданского права, его отдельных институтов и направлен на удовлетворение потребностей современного правового регулирования. В этом будет состоять сочетание национальной правовой традиции и современного рационализма [2, с. 87].

Не умаляя важности исторического правового опыта для становления и развития отечественного гражданского права, следует уточнить то, что сегодня глобально изменились способы взаимодействия, коммуникации. Наметившаяся тенденция развития в сторону англо-американского правового опыта еще в середине 1990-х гг. привела к тому, что терминология англо-американского права очень прочно укрепилась в российском законодательстве.

При адаптации заимствованных терминов в отечественном праве порой происходит трансформация их сущности. Так, например, В.А. Хохлов, исследуя воспринятую из англо-американского права конструкцию заверений, приходит к выводу о том, что «мы получили собственное, достаточно оригинальное понятие и правовое средство» [16, с. 67]. Поскольку кроме «*warranties*» в английском праве используется также термин «*representations*», но это прежде всего «заявление», «утверждение», «сообщение» о чем-либо, т.е. лишь информационная составляющая. Если отвлечься от многочисленных деталей и оговорок, то эффект компенсации следует все-таки связывать с условием о «*warranty*». «*Representations*» преимущественно ориентируют в обстоятельствах, намерениях и возможностях, побуждают другую сторону вступить в договорные отношения. Поэтому собственно компенсация в виде возмещения убытков связана именно с «*warranty*».

Сегодня природа заверений в российском праве не исследована на должном уровне. В зарубежном праве заверения и гарантии указывают на определенные факты на момент подписания договора. В каждой юрисдикции существует своя теория относительно природы данных институтов, которые объединяют следующие характеристики практической направленности: наличие утверждения со стороны контрагента и наступившее в результате последствие его недостоверности. По существу В.А. Хохлов отмечает, что «русский аналог вобрал в себя свойства сразу английских и заверений, и гарантий» [17].

Безусловно, соотнесение английской и русской правовых терминологий является возможным только как сопоставление целостных терминосистем, иначе определение сущности юридических категорий будет неточным.

К преюмственности иностранных терминов нужно подходить разумно, особенно если на родине к ним отсутствует единообразный подход. Так, например, Д.Е. Богданов, пишет о несовершенном подходе, который был избран российским законодателем, закрепившим в ряде статей Гражданского кодекса РФ каталог отдельных «эстоппелей», но не сформулировавшим общий запрет на непоследовательное и противоречивое поведение. По мнению автора, в России имеется своя национальная концепция добросовестности и запрета злоупотребления правом, имеющая аналоги в родственных правовых системах стран континентальной Европы [3, с. 47].

Стоит отметить, что в условиях современной России лица, вступающие в правоотношение, довольно часто вынуждены обращаться к правовым конструкциям иностранного происхождения. Механический перенос иностранных формулировок (к примеру, в договоре), не всегда оказывается успешным, поскольку их изначальное предназ-

начение и правовая природа, да еще и с учетом правовых традиций, законодательной техники и т.п., могут весьма существенно отличаться от того, что имело и имеет место у нас в стране.

Очевидно, что каждый правовой институт или норма права при «перемещении» из одной правовой системы в другую должны не просто обеспечивать потребности той стороны, которая их заимствует в силу практической необходимости, а обеспечивать их более эффективно, чем до заимствования. Иначе говоря, подобное заимствование должно иметь системный характер; любое заимствование должно превращаться в полноценный элемент прежней и одновременно становящейся новой правовой системы. Такое становится возможным, если:

1) заимствование нового термина связано с отсутствием схожей лексической единицы в отечественном праве, номинирующей правовое явление;

2) существует действительная потребность единообразного подхода к определению содержания правового явления всеми субъектами;

3) заимствование нового термина не снижает уровня комфортности его применения для описания правового явления.

Во-вторых, появление новых технологий. Несомненно, новые явления необходимо как-то наименовать. При этом надо их соотносить с устоявшимся в отечественной теории и практике терминологическим аппаратом. Как верно отмечают Е.Е. Тонков, В.Ю. Туранин, всплески активности проникновения заимствованных терминов в юридический язык происходят при примерно схожих обстоятельствах. Толчком к развитию служат перемены в общественном строе страны, обновление институтов и норм права, появление новых форм общественных отношений [12, с. 61].

Интерес к теме методологии исследования новых терминов в цивилистическом понятийном аппарате вызвал их стремительный рост за довольно непродолжительный период. Так, в связи с цифровизацией экономики сам термин вошел в нормативно-правовые акты и возникла потребность внедрения в нормативный материал таких терминов, как «цифровое право», «цифровой актив», «криптовалюта», «электронная форма» и т.п. Обеспокоенность этой проблемой вызвана обилием вольного использования учеными-юристами новых лексических единиц, порой без учета достижений научных исследований общей теории права, правил преемственности и заимствования иностранного правового опыта и т.д. [11]

В связи с вышеизложенным приведем пример — дело бывшего замминистра связи А.А. Солдатова касаясь переноса примерно 490 тыс. IPv4-адресов на сумму более 600 млн руб. из Российского научно-исследовательского института развития общественных сетей

(РосНИИРОС) в чешскую компанию *Reliable Communications*, совладельцем которой он является [10]. С каким объектом прав столкнулся в этой ситуации правоприменитель? Возможно ли квалифицировать случившееся как уголовное, административное или же экономическое преступление? На сегодняшний день эти вопросы остаются открытыми.

Следующий пример. Российские и иностранные ученые, пытаясь дать научную оценку явлению «криптовалюта», связывали ее с такими категориями, как объект гражданских прав, иное имущество, имущественное право, специфический товар, расчетная денежная единица, бездокументарная ценная бумага и др. Пока не решенный в теоретическом и нормативном плане вопрос порождает проблему правоприменения, что демонстрирует нам дело российского предпринимателя, программиста П. Дурова. Блокчейн-платформа *Telegram Open Network (TON)* задумывалась Павлом Дуровым как глобальная экосистема с собственной криптовалютой (*Gram*), которой можно будет оплачивать товары и услуги. По требованию Комиссии по ценным бумагам и рынкам США (*SEC*) был введен временный судебный запрет на эмиссию криптовалюты. Претензия *SEC* состояла в том, что *Gram* — ценная бумага, а значит, эмитент должен раскрыть информацию о своей деятельности и об инвесторах, как требует американское законодательство [15].

По сути фиатные деньги существовали и ранее, но изменились и усложнились технологии. Поэтому, на наш взгляд, цифровые деньги — это средство расчетов, но с неизвестным эмитентом, эмиссию которых не осуществляет то или иное суверенное государство.

В-третьих, ошибочное и ложное понимание смысла лексической единицы, требующее уточнений. Специфика процесса правотворчества заключается в том, что он отражает нормативные потребности общественной жизни, определенное нормативное отношение к реальной объективной действительности, опосредуемое институтами общественной власти. Указанное обстоятельство и обуславливает то, что данный тип, способ мышления, «юридический способ мышления», порождает и использует специальные (юридические) понятия, посредством которых и выражаются определенные нормативные потребности. Следовательно, как совершенно справедливо отмечают А.Д. Урматова, Г.С. Рыспаева, юридические понятия представляют собой разновидность социальных понятий, специфика которых определяется спецификой самого правового мышления как нормативного способа, метода освоения действительности, отражающего социальные потребности [14, с. 323]. Процесс совершенствования понятийного аппарата предполагает прежде всего введение в обиход новых, ранее не имеющих аналогов правовых терми-

нов, призванных отражать меняющиеся явления объективной действительности, общие закономерности их развития в условиях современного российского общества [18, с. 36]. В.Ю. Туранин, рассуждая о проблеме достижения точности использования юридической терминологии в российском законодательстве, приходит к выводу о том, что лицам, проводящим экспертизу законопроектов, и депутатам, участвующим в их принятии, особое внимание необходимо обращать на возможные терминологические «подмены» сути правовых норм и адекватно реагировать на данные факты [13, с. 52].

Понятно, что в рассуждениях юриста-ученого есть некий «слой» научного материала, где он использует самые разнообразные лексические единицы для описания какого-нибудь явления. Но в таком случае следует оговорить, что это слово используется исключительно в рамках проведения соответствующей исследовательской работы. К примеру, термин «активная экономическая деятельность» [4]. Причина появления данного термина кроется в положениях ст. 34 Конституции РФ, которая провозгласила право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Для описания деятельности, которая отличается от предпринимательской, но дающей некий экономический эффект, предлагается применять такой термин, как «активная экономическая деятельность», поскольку создается некое неудобство в обозначении отдельно «деятельности самозанятых», «деятельности нотариусов» и т.д. В связи с этим одним из критериев того, чтобы новая лексическая единица закрепились в терминологическом аппарате, является удобство и незаменимость ее использования.

Как справедливо отмечает О.А. Кузнецова, в эпоху законодательных перемен важно сохранить и укрепить систему правовых терминов, устранить имеющиеся терминологические коллизии, гармонизировать старые и вновь вводимые термины [9, с. 16].

Так, к примеру, во времена римского права юристы так бурно не рассуждали на тему минимизации предпринимательских рисков. Поскольку самих контактов было мало, личность контрагента и его деятельность были более-менее известными. Сегодня же формы взаимодействия не настолько прозрачны, расстояние между контрагентами не ограничено, границы «размыты», т.е. фактически нет органолептики. Если ранее все происходило одноактовыми действиями (сделками), то в настоящее время мы можем наблюдать множество всего, предшествующего совершению сделок, например организационные, рамочные и предварительные договоры, преддоговорная работа, постдоговорная ответственность и т.п. Усложнение технологий привело к тому, что

все далеко не очевидно. Вот почему мы все чаще стали задумываться, как проконтролировать, предостеречь и уберечь от возможных потерь свой бизнес в связи с осуществлением экономической деятельности. Появилась объективная необходимость создать систему обеспечения хозяйственной безопасности субъекта предпринимательской деятельности, приведшая к возникновению такого правового явления, как комплаенс.

Согласно международной практике комплаенс — это система мер, направленных на минимизацию предпринимательского риска. Это определенные правила, соблюдение которых позволит предпринимателю снизить или исключить разного рода риски, с которыми он сталкивается, осуществляя свою деятельность. Исследование международных актов свидетельствует о некоторых расхождениях в понимании значения термина «комплаенс» в международном праве и в нормативных правовых актах России, что создает правовую коллизию. Ошибочно говорить о существовании отдельно функционирующих антимонопольного, финансового, налогового и иного комплаенса, так как это комплексное явление. Назрела необходимость выработки общих правил, поскольку единообразное понимание комплаенса как у российского, так и у международного партнера, несомненно, будет только способствовать экономической активности и стабильности оборота.

На наш взгляд, введение в российское правовое поле такой новой категории, как комплаенс, оправданно, так как сущность комплаенса не может быть раскрыта близкими по своей природе терминами «правопорядок», «стандарт поведения», «признанная практика» и т.п.

Действительно, такие термины, как «предпринимательство», «биржа», «банк», «налог», «инвестиция», а также «комплаенс», «криптовалюта» и т.п., во всех международных правопорядках должны обозначать одно и то же. Только в таком случае возможны интегрированные формы сотрудничества и профессионального общения в международной деятельности.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что выявленные причины появления, распространения новых и заимствованных понятий, терминов в гражданском праве требуют дифференцированного научного подхода к их изучению во избежание ошибочного и ложного понимания их смысла и существенных свойств. Всякое заимствование иностранных категорий должно носить системный характер, поскольку они становятся полноценным элементом научного терминологического аппарата, действующего законодательства и правоприменительной

практики, при этом не следует снижать уровень комфортности их использования для описания правового явления. Заимствования новых терминов необходимы: во-первых, при отсутствии схожей лексической единицы в отечественном праве; во-вторых, когда существует действительная потребность единообразного подхода к определению содержания правового явления.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. *Арсланов К.М.* О заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 6. С. 79–89.
3. *Богданов Д.Е.* Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и заявлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.
4. *Голубцов В.Г., Кузнецова О.А.* Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 53–77.
5. *Демиева А.Г.* Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ex iure*. 2020. № 2. С. 43–52.
6. *Кодификация законодательства: теория, практика, техника: матер. междунар. науч.-практ. конф.* / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Графика, 2009. 1100 с.
7. *Комиссарова Е.Г.* Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 197–216.
8. *Кузнецова О.А.* Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 316–324.
9. *Кузнецова О.А.* Терминосистема гражданского законодательства в период его формирования // Реализация Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник статей / отв. ред. Н.В. Кузнецова, П.М. Ходырев. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2015. С. 16–23.
10. *Нагаев К., Костина Е.* Одного из создателей Рунета, Солдатов, отправили под домашний арест // <https://www.rbc.ru/society/25/12/2019/5e035ad49a794777a4d151a8>.
11. *Сидоренко Э.Л.* Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 129–137.

12. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. Факторы эволюции юридической терминологической системы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 2. С. 59–64.

13. Туранин В.Ю. Проблема достижения точности использования юридической терминологии в российском законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2(34). С. 50–55.

14. Урматова А.Д., Рыснаева Г.С. Юридическая терминология // Бюллетень науки и практики. 2019. № 9. Т. 5. С. 318–324.

15. Харатьян П. Дуров против США. Почему Telegram остался без криптовалюты // <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/12/26/819881-durov-protiv>.

16. Хохлов В.А. Юридически значимые заверения в гражданском праве России // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 63–71.

17. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 286 с.

18. Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2013. 272 с.

References

1. Alekseev S.S. *Teoriia prava* [Theory of Law]. Moscow, 1995. 320 p. (In Russ.)

2. Arslanov K.M. *O zaimstvovaniiah inostrannykh iuridicheskikh konstrukt-sii v rossiiskom grazhdanskom prave* [Concerning Borrowings of Foreign Legal Constructions in Russian Civil Law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki — Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2015. Vol. 157. Book 6. Pp. 79–89. (In Russ.)

3. Bogdanov D.E. *Novelly Grazhdanskogo kodeksa RF s pozitsii kontseptsii dobrosovestnoi posledovatel'nosti v deistviiakh i zaiavleniiakh* [Novels of the Civil Code of the Russian Federation from the Perspective of the Concept of Conscientious Consistency in Actions and Statements]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika — Legislation and Economics*. 2016. Issue 2. Pp. 44–49. (In Russ.)

4. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. *Tsel' tsivilisticheskogo dissertatsionnogo issledovaniia* [Civil Thesis Research Purpose]. In Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual]. Moscow, 2016. Pp. 53–77. (In Russ.)

5. Demieva A.G. *Grazhdanskii kodeks kak osnova aktivnoi ekonomicheskoi deiatel'nosti* [Civil Code as the Basis for Active Economic Activity]. *Ex jure*. 2020. Issue 2. Pp. 43–52. (In Russ.)

6. Baranov V.M., Krasnov D.G. (eds.). *Kodifikatsiia zakonodatel'stva: teoriia, praktika, tekhnika: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Codification of Legislation: Theory, Practice, Technique: Materials of the International Scientific Practical Conference]. N. Novgorod, 2009. 1100 p. (In Russ.)

7. Komissarova E.G. *Metodologicheskie aspekty nauchno-poniatiinogo apparata v tsivilistike* [Methodological Aspects of the Scientific and Conceptual Apparatus in Civil Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy — Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 197–216. (In Russ.)

8. Kuznetsova O.A. *Nauchnaia problema i nazvaniia tsivilisticheskikh issledovaniy* [Scientific Problem and the Titles of the Civil Researches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013. Issue 4 (22). Pp. 316–324. (In Russ.)

9. Kuznetsova O.A. *Terminosistema grazhdanskogo zakonodatel'stva v period ego formirovaniia* [The Terminological System of Civil Legislation During its Formation]. In Kuznetsova N.V., Khodyrev P.M. (eds.). *Realizatsiia Kontseptsii razvitiia grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki: sbornik statei* [Implementation of the Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice: Collected Papers]. Izhevsk, 2015. Pp. 16–23. (In Russ.)

10. Nagaev K., Kostina E. *Odnogo iz sozdatelei Runeta, Soldatova, otpravili pod domashnii arest* [One of the Founders of the Runet, Soldatov, Was Sent Under House Arrest]. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/12/2019/5e035ad49a794777a4d151a8>. (In Russ.)

11. Sidorenko E.L. *Pravovoi status kriptovaliut v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Status of Cryptocurrencies in the Russian Federation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo — Economy. Taxes. Law*. 2018. Issue 2. Pp. 129–137. (In Russ.)

12. Tonkov E.E., Turanin V.Iu. *Faktory evoliutsii iuridicheskoi terminologicheskoi sistemy* [Factors in the Evolution of the Legal Terminological System]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo — Vestnik VGU. Series: Law*. 2012. Issue 2. Pp. 59–64. (In Russ.)

13. Turanin V.Iu. *Problema dostizheniia tochnosti ispol'zovaniia iuridicheskoi terminologii v rossiiskom zakonodatel'stve* [The Problem of Achieving the Accuracy of the Usage of Legal Terminology in Russian Legislation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007. Issue 2 (34). Pp. 50–55. (In Russ.)

14. Urmatova A.D., Ryspaeva G.S. *Iuridicheskaiia terminologiia* [Legal Terminology]. *Biulleten' nauki i praktiki — Bulletin of Science and Practice*. 2019. Issue 9. Vol. 5. Pp. 318–324. (In Russ.)

15. Kharatian P. *Durov protiv SShA. Pochemu Telegram ostalsia bez kriptovaliuty* [Why Telegram Was Left Without Cryptocurrency]. URL: <https://>

www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/12/26/819881-durov-protiv. (In Russ.)

16. *Khokhlov V.A. Iuridicheski znachimye zavereniia v grazhdanskom prave Rossii* [Legally Significant Assurances in Civil Law of Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2016. Issue 2. Pp. 63–71. (In Russ.)

17. *Khokhlov V.A. Obshchie polozheniia ob obiazatel'stvakh: uchebnoe posobie* [General Provisions on Obligations: Study Guide]. Moscow, 2015. 286 p. (In Russ.)

18. *Chirkin V.E. Konstitutsionnaia terminologiya: monografiia* [Constitutional Terminology: Monograph]. Moscow, 2013. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А.Г. Демиева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

ORCID: 0000-0003-0211-5701

ResearcherID: J-3521-2017

Information about the author:

A.G. Demieva

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaia St., Kazan, 420008, Russia

ORCID: 0000-0003-0211-5701

ResearcherID: J-3521-2017

**ИНТЕРЕС РЕБЕНКА, ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС РЕБЕНКА
И ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС РЕБЕНКА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ**

С.К. Идрышева

Казахский гуманитарно-юридический университет

им. М.С. Нарикбаева

E-mail: sidrysheva@mail.ru

Е.Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский
университет

Тюменский государственный университет

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: популистская риторика, сопутствующая понятию «интерес ребенка», обрела свою доктринальную традиционность практически сразу с принятием действующего Семейного кодекса РФ. Вне зависимости от целей интерпретации этого понятия его сущность обычно сводится к субъективным устремлениям ребенка, с которыми обязано считаться все его социальное окружение. Как показывают текстологический анализ норм СК РФ и практика правоприменения, накопление опыта непоследовательного и синонимичного использования понятия «интерес ребенка» без доктринального анализа соотносимых с ним понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», а иногда и заменяемых им, продолжается. Не без этого вопрос о том, как соотносятся в этом понятии правовое и неправовое, остается открытым и привлекает внимание ученых, хотя сигналы о необходимости более «тонкой настройки» наука все-таки «подает». **Цель** исследования состоит в теоретическом распознавании этих сигналов при помощи теоретико-методологического инструментария для того, чтобы провести теоретическую категоризацию активно используемых в доктрине семейного права и весьма непоследовательно в законодательстве правовых понятий «интересы ребенка», «законные интересы ребенка», «охраняемые права и интересы ребенка». **Методы:** общенаучный (диалектический); частнонаучные методы познания (формально-юридический, логический). **Результаты:** структура научного знания об интересах ребенка сегодня не является очевидной. Во многом такое состояние

порождено фактами произвольного употребления интересосодержащей терминологии. Семейно-правовая наука в этой части не столько создает новое научное знание, сколько отражает фактически сложившееся положение дел, в то время как реальная связь понятия «интерес ребенка» с правовой материей предполагает не столько частоту случаев его употребления в семейном законодательстве, сколько связь с объективными критериями. Одним из возможных путей развития семейно-правовой теории интересов ребенка может стать изменение существующих теоретических позиций за счет привлечения аргументов, в основе которых лежат начала регулятивного и охранительного права. При таком подходе появится возможность разграничить интересы ребенка, которые значимы для реализации его правоспособности (законные интересы), и интересы, которые в случае их нарушения необходимо восстановить, вернув ребенку то состояние благополучия, которое гарантировано ему нормами международного и национального права для целей полного развития его личности (охраняемые законом интересы). По итогам предпринятого исследования авторы пришли к следующим **выводам**: одним из возможных путей дальнейшего юридически ориентированного исследования интересов ребенка может стать изменение существующих теоретических позиций за счет привлечения аргументов, в основе которых лежат начала регулятивного и охранительного права. Как представляется, при таком подходе появится возможность разграничить интересы ребенка, значимые для реализации его правоспособности (законные интересы), и интересы, которые в случае их нарушения необходимо восстановить, вернув ребенку то состояние благополучия, которое гарантировано ему нормами международного и национального права для целей полного развития его личности (охраняемые законом интересы).

Ключевые слова: интерес ребенка; законный интерес ребенка; охраняемый законом интерес ребенка; теория регулятивного и охранительного права.

CHILD'S INTEREST, LEGITIMATE INTEREST OF THE CHILD AND THE CHILD'S LEGALLY PROTECTED INTEREST: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH

S.K. Idrysheva

Kazakh Humanitarian Law University named after M.S. Narikbaev
E-mail: sidrysheva@mail.ru

E.G. Komissarova

Perm State University
Tyumen State University
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: *populist rhetoric accompanying the concept of “child’s interest” gained its doctrinal tradition almost immediately with the adoption of the current Family Code of the Russian Federation. Regardless of the purpose of interpretation of this concept, its essence is usually reduced to the subjective aspirations of the child, which must be considered by all his social environment. As the textual analysis of the norms of the RF Family Code and the practice of law enforcement shows, the accumulation of experience of inconsistent and synonymous use of the concepts of “child’s interest” without a doctrinal analysis of the concepts related to it – legitimate interest, legally protected interest, and sometimes replaced by it, continues. Not without this, the question of how legal and non-legal relate in this concept remains open and not a little attracts the attention of the doctrine, although science still sends signals about the need for more “fine-tuning”. The **purpose** of the study is to theoretically recognize these signals using theoretical and methodological tools in order to conduct a theoretical categorization of the legal concepts “interests of the child”, “legitimate interests of the child”, “protected rights and interests of the child” that are actively used in the doctrine of family law and are very inconsistent in legislation. **Methods:** general scientific (dialectical); private scientific methods of cognition: formal-legal, logical. **Results:** the structure of scientific knowledge about the interests of the child is not obvious today. In many ways, this state is generated by the facts of arbitrary use of interesting terminology. Family law science in this part does not so much create new scientific knowledge, but rather reflects the actual state of Affairs. While the real connection of the concept of child interest with legal matter implies not so much the frequency of its use in family legislation, but rather the connection with objective criteria. Based on the results of the study, the authors came to the following **conclusions**. One of the possible ways of further legally oriented research of the child’s interests may be to change the existing theoretical positions by attracting arguments based on the principles*

of regulatory and protective law. It appears to the authors, this approach will be able to distinguish between the interests of the child are significant for the implementation of its legal (legitimate interests) and interests, which in the case of a breach, to restore, to return the child the welfare state, which guaranteed to him by international and domestic law for the purposes of the full development of his personality (interests protected by law).

Keywords: *child's interest; child's legitimate interest; child's legally protected interest; theory of regulatory and protective law.*

Введение

При исследовании значимых для той или иной отрасли правоведения правовых объектов ученые нередко оперируют такими понятиями, как «концепт» или «места памяти», стремясь тем самым подчеркнуть особую значимость познаваемого объекта, определяющего ориентиры правоприменения и уровень правовой культуры в соответствующей отрасли права. Для семейного права одним из таких концептов является понятие «интерес ребенка».

Тематика интересов ребенка в ее общем виде сегодня находится на высоком науковедческом уровне [6; 47; 50]. Однако нельзя не заметить, что абсолютное большинство исследований по теме начинаются с того, что понятие «интерес ребенка» многозначно, многоаспектно, собирательно отражает в своем содержании особое социально-правовое благо для ребенка, и этим же заканчиваются, в то время как имеющиеся в науке семейного права академические взгляды о «классификации интересов и интересосодержащих гипотез» [26, с. 12], «о значимости интереса ребенка в механизме семейно-правового регулирования» [13, с. 4], «об отсутствии теоретической и нормативной расшифровки того, опосредован ли законный интерес ребенка охранительным субъективным правом или имеет самостоятельное существование» [58, с. 30–31], весьма мало привлекают внимание представителей семейно-правовой науки и сегодня практически не имеют последователей.

Нет оснований ставить под сомнение традиционный и совсем не лишний по своей сути подход к исследованию интересов ребенка вообще. Он не только обеспечивает циркуляцию правовых идей по теме, но и рождает потенциал для идей новаторских. Однако заметим, что неотягощенность тематики интересов ребенка какими-либо понятными методологическими ориентирами и неспособность соотнести субъективное и объективное в структуре этого понятия обеспечили тематике интересов ребенка в большей мере философский подход как

подход, который ориентирован на нравственный подход к праву, тесно сопряженный с теорией естественного права. Попытка примирить этот подход с позитивистским обнаруживает в нем много вспомогательного, прикладного и просто атрибутивного, мало способствующего раскрытию истинно правового потенциала тех понятий, которые на самом деле охвачены идеалистичным сочетанием «права и интересы ребенка». Отсутствует и какая-либо предсказуемость в решении регулятивных и охранительных задач семейно-правового регулирования, поскольку соотношение понятия прав и интересов ребенка с основополагающими семейно-правовыми категориями оказывается в большей степени произвольным.

Ограничить такое понимание интересов ребенка в его привычных параметрах «всеобъемлемости» от того, что охватывается понятиями «законный интерес ребенка» и «охраняемый законом интерес ребенка», возможно через распознавание форм юридического признания этих разновидностей интересов. Такого «первопроходного» доктринального материала по проблеме интересов ребенка в науке семейного права постмодерна пока очень немного. Пришло время отделить этот материал от привычно устоявшегося, систематизировать его, отобрать то, что нуждается в расширении и углублении, добавочной аргументации, создав тем самым условия для оттеснения того, что прочно пришло в науку семейного права на уровне простых лозунгов.

Понятие «интерес ребенка» в ряду смежных понятий

В лексической линейке, имеющей отношение к многообразным детским интересам, исходным является понятие «интерес ребенка», часто сочетаемое с понятием «право». При этом характер соотношения прав и интересов через соединительный союз «и» оставлен на усмотрение самих правореализаторов и правоприменителей. Такой прием сложился в советском праве, сохранился он и сейчас. Стилистическая направленность современных теоретических дискурсов, обращенных к исследованию интересов ребенка «в общем и целом», мало отличается от тех, которых в силу идеологических особенностей эпохи социализма было много в советском семейном праве.

Страдает и методологическая сторона темы. На вооружение взят реликтовый тип методологической культуры, в основе которой лежит утверждение о значимости и важности учета интересов ребенка, заведомо сообщающее проблеме много абстрактного и автоматического, при явном недостатке юридического. Не без этого в логико-методологическом аппарате таких исследований преобладающими оказываются понятия рациональные, существенно обедняющие теоретическую

аргументацию выдвигаемых суждений, одновременно лишая предмет исследования должной определенности. Научный подход к такого рода исследованиям обычно «заговорен» аргументами о «необходимости защищать интересы ребенка», в то время как теоретические по своей сути суждения чаще представлены элементарным методологическим уровнем за счет вовлечения в процесс познания простейших приемов и способов, ориентированных на интерес ребенка в качестве объекта научного познания. Из числа исследовательских методов преобладающим является простой анализ уже созданных по теме доктринальных построений.

Само понятие «интерес» как понятие правовое зародилось и укрепилось в недрах советского правоведения, исходящего из самоценности объективного права, выражающего права и интересы всякой личности [5; 25, с. 29]¹. Аналогичный концепт вошел и в советское семейное законодательство. Как указывали А.С. Краснопольский и Г.М. Свердлов, «трудно найти в области советских семейных правоотношений вопрос, так или иначе касающийся детей, который бы разрешался в нашем законодательстве или в судебной практике не под углом зрения защиты в первую очередь интересов детей» [19].

В семейном праве постмодерна это понятие, не без усилий отечественной семейно-правовой науки, во много раз преумножило свою значимость за счет его близости к понятию международно-правового содержания «наилучшие интересы ребенка», придавшей национальному понятию «интерес ребенка» статус международной величины [52]. Как следствие, в категориальный аппарат семейно-правовой науки вошло понятие «наилучший интерес ребенка» в его международно-правовой интерпретации как интерес, который надлежит учитывать «во всех действиях в отношении детей».

Нет ни малейших оснований отрицать значимость международно-правовых тенденций, затрагивающих национальную проблему интересов ребенка [14]. Эти тенденции ориентируют, направляют, побуждают к соответствию, отражая заданный цивилизованным миром идеологический контекст понимания проблемы детства. Однако при обращении к нормам международных актов все же не стоит игнорировать факт «оестествления» всего того, что имеет в их содержании отношение к детским интересам.

Абсолютное большинство общих принципов международного права, в том числе и принцип наилучших интересов ребенка, получили свое теоретическое осмысление в трудах И. Канта [15, с. 303–306], Т. Пейна [36], С. Пуффендорфа [38]. Как представители философской

¹ Как отмечал Н.С. Малеин, «интересы выражены во всех нормах права».

науки все ученые различали объективное право как сотворенную государством совокупность норм и право, принадлежащее и сопутствующее человеку от рождения и действующее всегда. Последние идеи — идеи естественного права, заключающие в себе высшую мораль и ценности со стремлением к отысканию рациональных и логически завершенных правовых построений, — основа всех философских и действующих международно-правовых, политических и социальных установлений. Утверждение естественно-правовой концепции, посвященной не столько позитивному праву, сколько вопросам естественного социального состояния ребенка, пребывая в котором он нуждается в повышенном внимании, любви, заботе, охране здоровья, нравственности и составляет основу международных актов. Между тем идеи естественного права, во многом определяя архитектуру большинства актов международной юрисдикции, касающихся прав и свобод человека, все же не способны, да и не должны подменять истинно юридическую мысль.

Анализ уже состоявшихся семейно-правовых исследований по проблеме интересов ребенка показывает, что подавляющее их большинство выполняются в духе позитивизма и квалифицируются как позитивистские, а значит, практически ориентированы на осмысление действующего права. Лакмусами именно этого вида методологического самоопределения тематических исследований, направленных на познание интересов ребенка, бесспорно, являются их язык (научные понятия, юридические теории), цели (исследование правовой проблемы по правилам предметного научного познания), методы исследования (формально-логические), результаты (теоретическое знание об интересе ребенка как правовом явлении).

Как показывает текстологический анализ действующих нормативных актов, оперирующих термином «интерес ребенка», юридической ясности, имеющей отношение к данному термину, пока нет.

Так, обращение к Кодексу Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье»¹, показывает, что законодатель стремится обойтись лишь одним словосочетанием — «исходя из интересов ребенка», избегая употребления в этом акте кодификации такого смежного термина как «права и интересы ребенка» и «законный интерес ребенка». Однако эта законодательная последовательность законодателя слабнет, а алгоритм погрешностей нарастает при обращении к Закону Республики Казахстан от 8 августа 2002 № 345 «О правах ребенка в Республике Казахстан»². Здесь наиболее употребимым для аналогичных целей

¹ Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=49314.

² Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345 «О правах ребенка в Республике Казахстан» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345>.

является термин «законный интерес ребенка» (преамбула, ст. 2, 6, 7, 7-1, 7-2, 43, 52, 67), тогда как термин «интерес ребенка» употреблен дважды (ст. 1, 9) и единожды привлечен термин «охраняемый законом интерес ребенка» в наименовании гл. 8 Закона «Защита прав и охраняемых законом интересов ребенка».

Непоследовательность казахского законодателя, идущая от стихийности использования понятий, включающих термин «интерес ребенка», вполне достаточный повод для критического осмысления факта неунифицированного употребления понятий «интерес ребенка» и «законный интерес ребенка». Однако в национальных теоретических дискурсах такое положение пока принимается как данность [39; 48].

Попытки текстологического анализа норм Семейного кодекса РФ на предмет последовательности и определенности при использовании понятий «интерес ребенка» и «законный интерес ребенка» (и изредка «охраняемый законом интерес ребенка») были сделаны и в российской семейно-правовой науке. Но существующий терминологический разнобой пока привлек внимание представителей науки в большей степени в смысле статистическом [17, с. 43; 33; 34]. Рассмотрение в рамках этого анализа на предмет употребления интересосодержащих понятий текста Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ дополняет картину стихийного и неунифицированного употребления понятий «интерес ребенка», «законный интерес ребенка» и «охраняемый законом интерес ребенка». Справедливости ради надо отметить, что в этом Законе законодатель более аккуратен, обходясь в основном термином «законный интерес ребенка», тогда как термин «интерес» без прилагательного «законный» используется лишь для обозначения наиболее общего понятия «интересы детей». Однако общей картины случайного словоупотребления это не меняет.

Теоретическая попытка объяснить случаи смешанного употребления названных терминов ограничилась утверждением о том, что причина такого положения — в отсутствии аутентичного и легального толкования этих понятий со стороны законодателя и судебной практики [24].

Как представляется, привлечение одного лишь ресурса со стороны аутентичного и правоприменительного толкователей закона вряд ли способно изменить то сложившееся положение дел, при котором сущностное значение каждого понятия понимается интуитивно как правореализаторами, так и правоприменителем. Дело в первую очередь за законодателем, обязанным избегать случаев произвольного

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

употребления понятий в тексте закона. Как минимум надлежащий теоретический задел для нормотворческих целей должна поставить законодателью наука. Однако пока «интересосодержащие» теории больше ориентированы на исследование «народного» и очень просторного понятия «интерес ребенка» без предметной рефлексии на то, что в законодательном обороте, доктрине и актах правоприменения¹ пребывают и другие, в большей мере специальные понятия — «законный интерес» и «охраняемый законом интерес». Образуя самостоятельные области исследования детских интересов со своими теоретическими закономерностями их познания, эти специальные понятия, пребывая в теле действующего семейного законодательства, давно должны стать стимулом для видоизменения исследовательской траектории темы интересов ребенка. Но пока этого не случилось, и семейно-правовая наука продолжает обходиться во всех случаях многомерным и по-юридически безграничным понятием «интерес ребенка».

Законный интерес ребенка в аспекте регулятивной (установочной) функции семейного законодательства

Попытка авторов настоящей статьи отсечь накопившийся в семейном праве постмодерна пласт литературно-правового, популистского, прагматично-комментаторского, описательного — всего того, что обрекло развитие данной тематики на центробежное развитие, позволила увидеть главное: на доктринальном и законодательном уровнях используется некий «набор» каким-то образом взаимосвязанных между собой терминов, отражающих правовые понятия, относящиеся к процедурам учета, установления, регулирования и защиты интересов ребенка. Каких-либо адресных суждений о том, чем могла быть обусловлена эта вариативная палитра интересосодержащих понятий, в семейно-правовой литературе нет. В попытке познания понятийных границ каждого из названных терминов выстроим их в относительной системности, которая может быть представлена так: «интерес ребенка» как общее понятие среди других более специальных понятий; «законный интерес ребенка» как понятие, значимое для регулятивных целей; «охраняемый законом интерес ребенка».

На самом деле перечень видов интересов ребенка в литературе представлен более широко за счет использования следующих прилагатель-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

ных: правовой, нормативный, юридически значимый, юридически признанный, защищаемый и т.д. Мы оставим эти виды интересов ребенка за скобками настоящей статьи, поскольку они так или иначе существуют в структуре тех интересов ребенка, исследование которых заявлено в наименовании статьи.

Вопросом о том, что в себя включает понятие «законный интерес ребенка», параллельное понятию «интерес ребенка», семейно-правовая наука пока не задавалась. Наиболее предметно понятие «законный интерес» исследовано в теории государства и права. Но и здесь констатируется, что «комплексными исследованиями законных интересов, несущих на себе немалую регулятивную нагрузку, бравировать пока рано» [54, с. 66].

Взгляды ученых в этой предметной области разнятся. Одни придерживаются весьма радикальной позиции, согласно которой законные интересы — это не более чем фикция; как объект правового внимания они надуманы и являются вымышленными в существующей системе правовых взглядов, а потому представляют собой не что иное, как «квазиинтересы» [60, с. 12]. Другие видят в законном интересе «уникальную категорию», позволяющую сглаживать диспропорции правового регулирования [55, с. 252, 254]. Третьи (вольно или невольно) придерживаются подхода, распространенного в советской юриспруденции, согласно которому учение о законных интересах — это учение о социальных интересах, которые не нашли своего отражения в субъективных правах, но тем или иным образом охраняются государством (Н.И. Матузов [30, с. 100], С.П. Сабикенов [42; 43; 46], Р.Е. Гукасян [11, с. 115]).

На фоне общетеоретического внимания проблематика законного интереса в последнее десятилетие обрела межотраслевой характер [16; 35; 66]. Редкий исследовательский интерес к этому явлению пробудился и в семейно-правовой науке [23; 27; 51; 59, с. 117; 65], но назвать эту тематику устойчивой и методологически подготовленной пока нельзя.

Обратившись к явлению законного интереса ребенка как объекту научного познания, предварим научный дискурс двумя значимыми, на наш взгляд, теоретическими пунктами, имеющими методологическое значение для последующего изложения тематических суждений:

1. Тематика законного интереса ребенка берет свое начало в общеправовой теории законного интереса, не считаться с которой нельзя, учитывая методологический статус общеправовой науки. Это означает, что познание законного интереса ребенка без участия внешних референтов не представляется возможным.

2. Учитывая, что в основе исследования законных интересов лежит не один подход, а разные (естественно-научный, социально-право-

вой, формально-догматический), для целей исследования темы важна определенность теоретического подхода. Авторы опираются на формально-юридический подход, в основе которого лежит понимание законного интереса ребенка как одного из правовых средств, участвующих в правовом регулировании.

Теоретическое вычленение понятия «законный интерес» в доктрине права пришлось на середину XX в. До этого времени, начиная с 1923 г., когда впервые в законодательстве появился этот термин¹, он лишь числился в разряде нормативных. К предметному исследованию законного интереса теория права приступила после того, как оно ушло из разряда законодательно единичных за счет включения его в нотариальное, судоустройство, прокурорское и законодательство о народном контроле. Стало понятно, что речь идет не просто о добавке к термину «интерес» прилагательного «законный» и не об однопорядковом сочетании понятий, входящих в сочетание «права и законные интересы», а о каждом из них как самостоятельном объекте регулирования и защиты. Теоретическому удару в этом направлении советская юриспруденция была обязана таким ее представителям, как В.А. Рясенцев, С.Н. Сабикенов, Д.М. Чечот, Н.В. Витрук, Н.А. Шайкенов, А.И. Экимов, Н.И. Матузов.

Однако теоретическая сложность, происходящая от невозможности признать тот факт, что далеко не все интересы могут быть опосредованы только с помощью субъективного права, вела к тому, что в советской науке законные интересы и нередко отождествляемые с ними охраняемые законом интересы оставались в разряде интересов сугубо социального свойства. Как следствие, о регулятивной функции законных интересов брались рассуждать далеко не все авторы. В тех же случаях, когда законный интерес признавался явлением правовым, наука тем не менее не решалась заявить о разрыве тесной связи между законным интересом и субъективным правом, признавая первое обязательным элементом второго.

Эта социально-правовая теория сохраняет свою жизнеспособность и сейчас, и представители постмодерновой науки нередко отталкиваются от нее в своих суждениях о законном интересе. Но на самом деле аргументации современных теорий законного интереса в большей мере оказываются смешанными, находя себе опору одновременно в социально-правовом и формально-юридическом подходе. В основе

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (принят Постановлением ВЦИК 10 июля 1923 г.) // СУ. 1923. № 46-47. Ст. 478. Самое первое упоминание об «огражденных законом интересах», отделяемых от гражданских прав, отыскивается в Своде основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. (гл. 1 п. 23). См.: Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. М.: Проспект, 1997. 432 с. С. 143.

последнего лежит понимание законного интереса как средства, существующего наряду с субъективным правом, но не отождествляемого с ним, а реализуемого в качестве «усеченной правовой возможности», чья элементная структура, в отличие от субъективного права, сводится «к законодательному дозволению пользоваться социальным благом и в необходимых случаях прибегать к защите» [29, с. 67, 86, 95–98, 154, 163].

Наиболее адаптированным к реалиям современного законодательства и способным выступить в качестве теоретико-методологического ориентира для семейно-правовой науки видится взгляд на законный интерес как возможность, которая дана в равной степени каждому правоспособному лицу для реализации законных способов удовлетворения потребностей, которая, однако, прямо не закреплена в субъективных правах [56, с. 366]. Примерка этой теории на проблематику законного интереса ребенка позволяет как минимум развязать «гордиев узел» проблемы, упирающейся в весьма строгий доктринальный аргумент о том, что «когда речь идет о детях, то их интерес имеет особый смысл, так как они в большинстве случаев не в состоянии осознать свои потребности и понять, что им нужно и почему» [12, с. 7; 51]. Аргументами, подобными этому, пользуются практически все представители семейно-правовой доктрины, прибегающие к исследованию интересов ребенка. Поэтому среднестатистическая стартовая позиция отраслевых исследований, направленных на осмысление правовой сущности понятия «интересы ребенка», представлена практически однозначным суждением о том, что интересы ребенка существуют лишь «в оболочке субъективных прав» [41, с. 186].

Несмотря на то что об этот теоретический пункт «споткнулся» не один автор, прибегнувший к рассуждениям о порядке реализации ребенком его субъективных прав, общетеоретические достижения в осмыслении теории законного интереса не стали методологическим ориентиром для текущих исследований и не повлияли на исследовательскую траекторию научного познания интересов ребенка. Более того, сам термин «законный интерес ребенка» признан ограничивающим понятие «интерес ребенка», не способным обеспечивать реализацию и приоритет его интересов перед интересами других лиц/общностей, затрагиваемых в конкретной ситуации [18; 64].

Само словосочетание «права и интересы ребенка», используемое законодателем, уже ориентирует на то, что область дозволенного для ребенка не исчерпывается одними лишь субъективными правами. Его лексический вариант мог бы быть более точным, если бы законодатель указал «субъективные права ребенка и его законные интересы». Появился бы явный законодательный сигнал о том, что «правоотно-

шенческая» концепция не единственный ориентир для исследования интересов ребенка в праве, что вполне соотносимо с отправными пунктами общеправовой теории законного интереса, признающей, что физические и юридические лица могут иметь интересы, находящиеся в структуре права, но вне формально-логической конструкции правоотношения и его элементарной частицы субъективного права [37, с. 31, 36]¹. Однако пока в теории семейного права по-прежнему единственным юридическим средством обеспечения потребностей ребенка признается субъективное право.

По устоявшимся теоретическим канонам субъективное право лица — это в первую очередь его возможности, возлагающие на других лиц определенную юридическую обязанность действовать определенным образом. Тогда как законный интерес не предполагает от других лиц какого-либо юридически необходимого поведения. Он выступает не менее важным, чем субъективное право, и глубоким «подспособом правового регулирования» [28, с. 68], «проникая со своей регулирующей функцией туда, куда не пройти субъективному праву» [56, с. 68].

Наиболее последовательным adeptом теории законного интереса стал В.В. Субочев, указавший на то, что «категория «законный интерес» — весьма специфический феномен правовой системы современного общества, который достаточно сложен для его правильного, объективного и адекватного юридического восприятия» [57, с. 362]. Автор сумел обосновать тот факт, что с точки зрения своего функционального назначения законный интерес выступает как дополнительное юридическое средство обеспечения потребностей и запросов личности, не опосредованных с помощью субъективных прав и юридических обязанностей [53, с. 13].

Вполне убедителен в этой части и А.В. Малько, теоретически обосновывавший случаи, когда право «не хочет» опосредовать те или иные потребности категорией субъективного права в силу недостижимости для него многих глубинных моментов или не может допустить такого опосредования в силу экономических и количественных причин. Как утверждает автор, законные интересы не способны к той конкретике, которая присуща субъективным правам (носитель права, контрагент, порядок осуществления). В этом одна из причин, что теория связывает их легитимность с принципами, идеями правового регулирования, духом, смыслом законодательства [28, с. 67–68].

¹ Как отмечает В.Н. Протасов, «правовое регулирование и реализация правовых норм могут осуществляться и без установления конкретных правовых отношений, но в рамках правовой структуры, установленной нормами о правосубъектности... речь в этом случае идет именно о правовом регулировании, а не просто о правовом «излучении», косвенном правовом воздействии — идеологическом, воспитательном и т.д. [37].

Приблизилась к такому пониманию законного интереса и наука семейного права, где высказано суждение о том, что «законные интересы ребенка выступают в качестве структурного элемента правового статуса несовершеннолетнего наряду с правами и свободами, при этом они имеют как содержательные особенности, так и специфичные в процессе их реализации несовершеннолетним» [9, с. 122]. Однако дальше этого суждения ее представители пока не продвинулись.

Нельзя не заметить, что теоретическая основа семейно-правовых исследований по проблеме интересов ребенка сегодня во многом остается отделенной от общетеоретических достижений по проблеме юридических интересов, а потому выглядит внутрипредметно зажатой и стереотипной. Пути решения проблемы интересов ребенка продолжают пребывать в границах типичной семейно-правовой техники: речь идет либо об интересах ребенка в общем и целом, либо о конструкции субъективных юридических прав ребенка, заключающей в себе интересы. Обособление интереса ребенка в качестве элемента субъективного права вызывает в семейно-правовой науке хронические затруднения все по той же причине «неосознанности ребенком собственных интересов», но сторонники этой позиции остаются непреклонными.

Авторы настоящей статьи исходят из того, что законный интерес ребенка — это тот вид интереса, который работает в регулятивной сфере, опосредуя нормальные, в большей степени естественные процессы его становления как личности, достигаемые им в рамках своей правосубъектности свободно и беспрепятственно. Это то, что стоит поддерживать силами норм семейного законодательства, защищать от невозможности реализации. Присутствие в семейном законодательстве доктринально познанной категории законного интереса ребенка будет полно и эффективно отражать возможности дозволистского семейно-правового регулирования, логично вытекая из общих норм семейного законодательства, его принципов, духа и смысла.

Унифицированное употребление семейным законодателем понятия «законный интерес ребенка» с ясным его соотношением с другими интересосодержащими понятиями могло бы стать тем компромиссом, который позволит примирить объективно неисчерпывающую полноту регулирования и насущные потребности ребенка, невозможные к реализации в категории субъективного права, при этом без противопоставления законного интереса субъективным правам. Каждое из этих юридических средств воплощает собственный регулятивный потенциал. Законный интерес — это та «юридическая незапрещенность, которая дозволена государством и в определенной мере поддерживаемая им... и средство самоорганизации общественных процессов, находящихся в фокусе воздействия юридических инструментов [54, с. 80–81].

Охраняемый законом интерес ребенка

Теоретическая ценность учения о законных интересах ребенка состоит не только в познании феноменологического и регулятивного потенциала этого понятия. Методологически выверенные знания об этом феномене служат логической основой для учения об охраняемом законом интересе ребенка.

Отношение к охраняемому законом интересу как самостоятельному правовому явлению в доктрине права не было и не является однозначным. Появившись в законодательстве впервые в 1906 г. в качестве «ограждаемых законом интересов», отделенных от юридических прав¹, оно не обрело сколько-нибудь последовательной законодательной и доктринальной судьбы.

Сам факт существования охраняемого законом интереса как самостоятельного правового явления неоспорен. Взгляды ученых в этой части расходятся. Одни полагают, что это две реальности, одна из которых — непосредственно сами интересы, вторая — средство юридической защиты интересов [26, с. 13; 62, с. 13]. Другие считают, что «проблема охраняемого законом интереса существует постольку, поскольку он не погашается субъективным правом» [40]. Существует мнение, согласно которому различие этих понятий всего лишь «игра слов» (В.В. Субочев) и «раздельное употребление этих терминов всего лишь спор о терминах, а потому необходимо отказаться от термина «охраняемый законом интерес» в пользу термина «законный интерес», как наиболее часто используемого в нормативных правовых актах и уже воспринятого научной и учебной литературой» [1, с. 6]. Имеет место и такая позиция, которая принимает охраняемый законом интерес как данность, известную доктрине и бесспорную в своем существовании, а потому не нуждающаяся в познании ее феноменологических качеств, нуждаясь лишь во внутренней систематизации [63, с. 145].

Доктринальные случаи, когда охраняемый законом интерес в его отраслевом значении признается самостоятельным охранительным средством, не смешиваемым с законным интересом, — редкость [2, с. 433; 49, с. 90].

В советской науке факт законодательного смешения терминов «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» стал аргументом в споре между С.Н. Сабикеновым, настаивавшим на неоднозначности этих терминов и правовых понятий в них заключенных [44; 45], и Н.И. Матузовым, заявлявшим о тождественности этих понятий

¹ Свод основных государственных законов 1906 г. См.: Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. С. 143.

в силу того, что в большинстве своем в законе они употребляются как синонимы [31, с. 113]. В смысле последовательности пользования этих понятий современная доктринальная ситуация не претерпела больших изменений, в связи с чем более привычным положением является то, при котором «в лучшем случае редко кто видит за ним больше, чем термин-синоним «законного интереса»» [21, с. 12].

К исследованию понятия «охраняемый законом интерес» как такового наука подошла позднее, нежели к понятию законного интереса. Первоначальным поводом для его исследования явилась редакция ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г., заключавшая в своем содержании правило о том, что «всякое лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса» (ст. 3). Никакой теоретической определенности это понятие на момент принятия данной процессуальной нормы не имело. Отсюда многократно цитируемое в современных дискурсах суждение Д.М. Чечота, высказанное им в 1968 г. по итогам глубокого исследования вопроса о соотношении субъективного права и правоспособности. Основываясь на собственном теоретическом суждении о том, что «субъективное право вне правоотношения не существует... вне правоотношения имеют место правоспособность, правовой статус, компетенция, но не субъективное право», автор пришел к заключению о том, что судом могут защищаться только субъективное право и охраняемые законом интересы [61, с. 12]. Отсюда берет свое начало авторское суждение, на которое сплошь и рядом, часто вне контекста, ссылались и ссылаются как сторонники, так и противники автономного существования охраняемых законом интересов. В свое время Д.М. Чечот в связи с этим утверждал «нужно либо доказать, что никаких интересов, которые защищаются законом помимо субъективных прав не существует, а потому используемое во многих нормативных актах... понятие «охраняемый законом интерес», ошибочно, либо, признав правомерность этого понятия, необходимо подвергнуть его исследованию как в общетеоретическом плане, так и в сфере отраслевых дисциплин» [61, с. 39]. Как видно, за понятием «охраняемый законом интерес», употребленным в процессуальном праве, ученый видел тот же законный интерес, стремясь решить задачу не столько автономного существования понятия «охраняемый законом интерес», сколько вопрос о том, следует ли относить законные интересы (они же охраняемые законом интересы) к самостоятельным объектам правовой охраны.

В современной юриспруденции отношение к категории «охраняемый законом интерес» не было и пока не стало сколько-нибудь определенным, как и отношение к теории охранительного права, в рамках которой уместнее всего развивать учение об охраняемых законом интересах.

Свое наиболее последовательное развитие теория охраняемого законом интереса получила в трудах представителей ярославской научной школы в конце XX в. [20; 22; 32]. На какое-то время она обрела жизнеспособность, открыв доктрине как сторонников, так и противников существования охраняемого законом интереса в качестве самостоятельного правового явления. Сторонники этого явления полагали, что понятие «охраняемый законом интерес» имеет смысл только тогда, когда оно отражает такое специальное явление, которое еще не охвачено каким-либо другим научным понятием [3; 8, с. 23].

Наиболее близко к теории охранительного права рассуждал по поводу охраняемого законом интереса В.В. Бутнев, указывая, что «в случае защиты охраняемого законом интереса отсутствует такой компонент предмета правоохранительной деятельности, как регулятивное правоотношение, так как предметом защиты выступает не субъективное право, а сам охраняемый законом интерес» [7, с. 12].

В современной теории права исследование категории охраняемого законом интереса практически остановилось, хотя употребление этого термина в доктрине редким назвать нельзя. Нечастые попытки обращения к этой категории ведут к уже известному доктринальному итогу, при котором законный интерес и охраняемый законом интерес — это одна и та же правовая ценность. От признака тождества отходят совсем немногие авторы [10, с. 12].

В предыдущей части статьи мы обосновали суждение о том, что законный интерес ребенка — это самостоятельное правовое средство, отличное как от общепринятого понятия «интерес ребенка», так и от наиболее привычного для целей правового регулирования понятия «субъективное право». Юридические системы гарантирования субъективных прав с корреспондирующими им юридическими обязанностями и законных интересов различны. Последняя носит более общий характер, что порождает вполне оправданный вопрос о том, с какими юридическими инструментами надлежит связывать качество охраноспособности законного интереса ребенка.

Законный интерес ребенка — это, как было обосновано нами ранее, интерес, не обеспеченный субъективным правом. В отличие от субъективного права, опосредованного категорией «возможность», охраняемый законом интерес опосредован категорией «дозволение». Вывод законного интереса из оболочки субъективного права не означает его ухода из сферы регулятивного права. Более того, его регулятивные цели становятся гораздо более очевидными — законный интерес принимает на себя те виды дозволений, которые существуют в параллели с субъективным правом. При этом оба юридических средства реализуются в рамках абсолютно ординарной позитивно-правовой

функции. Законные интересы переходят в сферу охранительного права только в случае несоблюдения, нарушения, оспаривания законных интересов. Поэтому когда речь идет об охраняемом законом интересе, субъекту интереса предоставляется возможность защищать интерес в рамках охранительного правоотношения [4, с. 32–35]. В данном случае защите подлежит не какое-либо нарушенное или оспоренное субъективное право, а именно законный интерес как нереализованное законом дозволение. В процессуальной сфере (она же сфера охранительная) законный интерес ребенка обретает характер охраняемого законом интереса как того интереса, при юрисдикционной защите которого восстанавливается возможность реализации тех дозволений, которые заложены в структуре законного интереса. Это тот случай, когда охраняемый законом интерес ребенка оказывается сопряженным с охранительным семейным правом. Будучи связанным с непосредственной правовой охраной со стороны органов государственной власти, он не нуждается в его облечении в какую-либо специальную юридическую форму. Причина такого положения в том, что «не существует охраняемых законом интересов без правонарушений; любой охраняемый законом интерес имеет одну цель — возврат к положению, поколебленному правонарушением» [2, с. 433].

Пока каких-либо содержательных разработок понятия охраняемого законом интереса в науке семейного права нет, несмотря на то, что редкими случаи употребления данного понятия назвать нельзя. Одна из причин — в абсолютной неразделенности в структуре доктринального семейно-правового знания о ребенке, его правах, законных интересах регулятивных и охранительных аспектов. Как правило, «поглотителем» его общего объема является сфера охранительная, чаще оперирующая безграничным и гетерогенным понятием «права и интересы ребенка», что не дает ясных представлений о структуре семейно-правового знания как в целом, так и в отдельных его предметных областях. В этом видится одна из причин того, что в семейно-правовой науке слабо исследуются проблемы регулятивной реализации законных интересов, не опосредованных субъективными правами, так же как нет даже теоретических подходов к очерчиванию круга таких законных интересов, нарушение или оспаривание которых влечет за собой охранительный механизм, позволяющий включить семейно-правовые санкции.

Заключение

Предметная неоткрытость как доктрине, так и законодателю понимания того, что представляет собой соотношение находящихся в обороте интересосодержащих понятий, вносит существенный разноречивый

в теоретические итоги многих исследований, как и неизвестность того, что наполняет юридическое понятие «законный интерес ребенка», позволяя вводить в смысловое содержание исходного понятия «права и интересы ребенка» все или почти все, что связано с фактами обладания правами и интересами, их реализацией, охраной и защитой (абз. 2 ст. 7, ст. 56, абз. 3 п. 7 ст. 145, п. 2, абз. 3 п. 3 ст. 148.1, абз. 2 п. 3 ст. 155.2, п. 3 ст. 165). Подобное смешение не обязывает думать о связи правового с неправовым, соотношении регулятивного и охранительного, давая науке необоснованные поводы для ложных абстракций и лишая учение об интересах ребенка теоретической чистоты.

Различая в теме интересов ребенка правовое и неправовое, мы получаем определенность относительно смыслового содержания термина «интерес ребенка», уходя тем самым от его безграничного содержания с множеством юридических пустот к специальным юридически оформленным понятиям: «законный интерес ребенка» и «охраняемый законом интерес ребенка».

В отличие от понятия «интерес ребенка», не имеющего правотворческой конкретизации, законный интерес ребенка является юридической категорией регулятивного права, действуя в механизме осуществления семейной правоспособности ребенка. В понятии «охраняемый законом интерес ребенка» сливаются воедино законный интерес ребенка и право на его судебную защиту, реализуемое в случаях нарушения законных интересов.

Предлагаемый подход позволит изменить привычный исследовательский подход при познании просторной и пока юридически безграничной категории «интерес ребенка», придав ей наукоемкое качество, вопреки той исследовательской традиции, которая сегодня преобладает в доктрине семейного права, способствуя качеству ее центробежности.

Теоретические суждения авторов, изложенные в настоящей статье, в большей мере имеют маркер «постановка проблемы», призванный артикулировать тезис о необходимости исследования затронутых в ней вопросов, явно нуждающихся в более масштабных обобщениях.

Библиографический список

1. *Абрамова О.В.* Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 3—11.
2. *Белов В.А.* Гражданское право. Т. 1: Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 622 с.

3. *Богатырев Ф.О.* Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 33–43.

4. *Богатырев Ф.О.* Обязательство с нематериальным интересом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 137 с.

5. Большая советская энциклопедия. Т. 10 / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 592 с.

6. *Бондаренко О.А.* Интересы как правовая категория // Legal Concept. 2017. Т. 16. № 1. С. 44–47.

7. *Бутнев В.В.* Охраняемый законом интерес: понятие и механизм защиты // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 63–75.

8. *Варул П.А.* Охраняемый законом интерес в гражданском праве: понятие и проблемы // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 12–13.

9. *Верин А.Ю.* Реализация законных интересов несовершеннолетним // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 121–124.

10. *Груздев В.В.* Охраняемый законом интерес как объект гражданско-правовой защиты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 92–97.

11. *Гукасян Р.Е.* Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 113–116.

12. *Долгов Ю.Г.* Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

13. *Ильина О.Ю.* Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 42 с.

14. *Кабанов В.Л.* Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном частном праве: автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2019. 58 с.

15. *Кант И.* О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2: Европа: V–XVII в. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 303–306.

16. *Кийко Н.В.* Законные интересы осужденных к лишению свободы: правовое регулирование и практика реализации (на примере Республики Беларусь): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 24 с.

17. *Коваленин А.В.* Интересы и охраняемые законом интересы детей в семейно-правовых нормах // Вестник Международного юридического института». 2020. № 1 (72). С. 40–46.

18. *Кравчук Н.В.* «Интересы ребенка»: понятие и изменение его содержания в российском праве и правоприменении // Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. М.: РУДН, 2017. С. 439–440.

19. *Краснопольский А.С., Свердлов Г.М.* Государственная охрана интересов ребенка в СССР // Советское государство и право. 1952. № 3. С. 41–46.

20. *Крашенинников Е.А.* Охраняемые законом интересы // Учен. зап. Тартусского ун-та. Вып. 806. Тарту, 1988. С. 236–260.

21. *Крашенинников Е.А.* Охраняемый законом интерес и средства его защиты // Вопросы теории охранительных правоотношений: материалы конференции. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1991. С. 12–13.

22. *Крашенинников Е.А., Лисова Т.Н.* Заметки ох охраняемых законом интересах // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 3–6.

23. *Кулапов В.В.* Защита субъективных прав и законных интересов детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 30 с.

24. *Лысухо С.В.* Эволюция исследования категории «законные интересы» в юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. С. 82–85.

25. *Малеин Н.С.* Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 27–34.

26. *Малинова А.Г.* Категория «интерес» в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 28 с.

27. *Малькевич М.С.* Об определении понятия «интерес» субъекта в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2 (91). С. 89–94.

28. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. № 4. С. 58–70.

29. *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 359 с.

30. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.

31. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 293 с.

32. *Москвитина Т.А.* Природа охраняемых законом интересов // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов

VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 15–17.

33. *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка: семейно-правовые предпосылки // Государство и право. 2010. № 6. С. 76–83.

34. *Нечаева А.М.* Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85.

35. *Павлова М.С.* Законный интерес как предмет судебной защиты по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов власти // Законодательство и экономика. 2011. № 3. С. 45–48.

36. *Пейн Т.* Права человека // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2: Европа: V–XVII в. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 189–190.

37. *Протасов В.Н.* Что и как регулирует право: учебное пособие. М.: Юрист, 1995. 96 с.

38. *Пуффендорф С.* О долге человека и гражданина в соответствии с предписаниями естественного права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2: Европа: V–XVII в. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. С. 725–728.

39. *Раззак Н.* Правовой статус ребенка: обзор законодательства Республики Казахстан // Символ науки: Международный научный журнал. 2015. № 12-2. С. 93–95.

40. *Розенфельд Я.Э.* Интерес и право. Охраняемый законом интерес: понятие и механизм защиты // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 14–15.

41. *Рутман Е.Я.* Права и интересы ребенка в гражданском и семейном законодательстве: сущность и соотношение // Проблемы управления. 2007. № 4 (25). С. 185–189.

42. *Сабикенов С.Н.* Изучение категории интереса в праве // Советское государство и право. 1968. № 5. С. 112–116.

43. *Сабикенов С.Н.* Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан // Проблемы государства и права на современном этапе. Труды научных сотрудников и аспирантов. 1972. Вып. 6. С. 50–56.

44. *Сабикенов С.Н.* Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан // Проблемы государства и права. Труды научных сотрудников и аспирантов. 1974. Вып. 9. С. 61–68.

45. *Сабикенов С.Н.* Об объективном характере интересов в праве // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 34–41.

46. *Сабикенов С.Н.* Интересы различных социальных уровней и их влияние на формирование законодательных актов государства. Научный доклад, сделанный в 1989 г. в Московском государственном университете // СПС «КонсультантПлюс».

47. *Свит Ю.П.* Интересы ребенка: понятие правовое и многообразное // Законы России: опыт, теория, практика. 2006. № 9. С. 74–85.

48. *Сейтимова В.Х.* Конституционный Совет Республики Казахстан – гарант семьи и детства // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 5 (54). С. 23–27.

49. *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1992. 150 с.

50. *Симонова Е.С.* Интересы детей как семейно-правовая категория // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 9-5. С. 65–68.

51. *Сологуб А.Ю.* Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 140–144.

52. *Старовойтова К.В.* Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка и границы его признания зарубежными государствами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 236–242.

53. *Субочев В.В.* Теория законных интересов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тамбов, 2009. 57 с.

54. *Субочев В.В.* Методология исследования категории «законный интерес» // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы. Вып. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2008. С. 65–85.

55. *Субочев В.В.* Законный интерес в контексте конкретизации российского законодательства // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 г.) / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 250–258.

56. *Субочев В.В.* Законный интерес / под ред. Малько А.В. М.: НОРМА, 2008. 496 с.

57. *Субочев В.В.* Законные интересы // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 362–380.

58. *Тарусина Н.Н.* Интерес как объект семейно-правовой защиты и охраны // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тезисы докладов VI областной науч.-практ. конференции молодых ученых

и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1990. С. 29–32.

59. Филиппов С.А. Законный интерес в семейном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 113–117.

60. Черданцев А.Ф., Гунин Д.И. Интересы законные, противозаконные и незаконные // Российское правосудие. 2013. № 7. С. 12–21.

61. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 72 с.

62. Шайкенов Н.А. Правовой статус личности и ее интересы. Свердловск, 1982. 295 с.

63. Шолгина О.И. Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 179 с.

64. Юмакова А.М. Интересы ребенка: методология и критерии оценки // Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 марта 2016 г. М.: РУДН, 2017. С. 443–446.

65. Юрчук В.С. Интересы детей и их обеспечение в национальном законодательстве и международном праве // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 2. С. 4–8.

66. Ядрихинский С.А. О соотношении законного интереса и субъективного права налогоплательщика: структурные особенности // Право. Журнал высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 169–187.

References

1. Abramova O.V. *Zakonnyi interes kak kategoriia prava i spetsifika ego proiavleniia v trudovom prave* [Legal Interest as a Category of Law and the Specifics of its Manifestation in Labor Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2007. Issue 8. Pp. 3–11. (In Russ.)

2. Belov V.A. *Grazhdanskoe pravo. T. 1: Obshchaia chast'*. *Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Civil Law. Vol. 1: General Part. Introduction to Civil Law: Textbook for Bachelor's and Master's Degrees]. 3rd ed. Moscow, 2016. 622 p. (In Russ.)

3. Bogatyrev F.O. *Interes v grazhdanskom prave* [Interest in Civil Law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. 2002. Issue 2. Pp. 33–43. (In Russ.)

4. Bogatyrev F.O. *Obiazatel'stvo s nematerial'nim interesom: dis. ... kand. iurid. nauk* [Obligation with an Intangible Interest: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 137 p. (In Russ.)

5. Prokhorov A.M. (ed.). *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia. T. 10* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 10]. 3rd ed. Moscow, 1972. 592 p. (In Russ.)

6. Bondarenko O.A. *Interesy kak pravovaia kategoriia* [Interests as a Legal Category]. *Legal Concept*. 2017. Vol. 16. Issue 1. Pp. 44–47. (In Russ.)

7. Butnev V.V. *Okhraniaemyi zakonom interes: poniatie i mekhanizm zashchity* [Legally Protected Interest: The Concept and Mechanism of Protection]. In *Voprosy teorii okhraniaemykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. (In Russ.)

8. Varul P.A. *Okhraniaemyi zakonom interes v grazhdanskom prave: poniatie i problemy* [Interest Protected by Law in Civil Law: Concept and Problems]. In *Voprosy teorii okhraniaemykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. Pp. 12–13. (In Russ.)

9. Verin A.Iu. *Realizatsiia zakonnykh interesov nesovershennoletnim* [The Realization of the Legitimate Interests of Minors]. *Evraziiskaia advokatura – Eurasian Advocacy*. 2016. Issue 3 (22). Pp. 121–124. (In Russ.)

10. Gruzdev V.V. *Okhraniaemyi zakonom interes kak ob"ekt grazhdansko-pravovoi zashchity* [Interest Protected by Law as an Object of Civil Protection]. *Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2011. Issue 10. Pp. 92–97. (In Russ.)

11. Gukasian R.E. *Pravovye i okhraniaemye zakonom interesy* [Legal and Legally Protected Interests]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1973. Issue 7. Pp. 113–116. (In Russ.)

12. Dolgov Iu.G. *Okhraniaemye zakonom interesy suprugov, roditelei i nesovershennoletnykh detei v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Interests of Spouses, Parents and Minor Children Protected by Law in the Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.)

13. Ilina O.Iu. *Chastnye i publichnye interesy v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 42 p. (In Russ.)

14. Kabanov V.L. *Realizatsiia printsypa nailuchshego obespecheniia interesov rebenka v mezhdunarodnom chastnom prave: avtoref. dis... dokt. iurid. nauk* [Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child in Private International Law: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 58 p. (In Russ.)

15. Kant I. *O pogovorke «Mozhet bit', eto i verno v teorii, no ne goditsia dlia praktiki»* [On the Saying “It May be True in Theory, but It Is Not Suitable

for Practice”]. In *Semigin G.Iu. (ed.). Antologiiia mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 2: Evropa: V–XVII v.* [Anthology of World Legal Thought. In 5 vols. Vol. 2: Europe: 5th–17th Centuries]. Moscow, 1999. Pp. 303–306. (In Russ.)

16. *Kiiko N.V. Zakonnye interesy osuzhdennykh k lisheniui svobody: pravovoe regulirovanie i praktika realizatsii (na primere Respubliki Belarus’): avtoref. dis. ...kand. iurid. nauk* [Legal Interests of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty: Legal Regulation and Practice of Implementation (on the Example of the Republic of Belarus): Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Ryazan, 2014. 24 p. (In Russ.)

17. *Kovalenin A.V. Interesy i okhraniaemye zakonom interesy detei v semeino-pravovykh normakh* [Interests and Legally Protected Interests of Children in Family Law]. *Vestnik Mezhdunarodnogo iuridicheskogo instituta – Bulletin of the International Law Institute*. 2020. Issue 1 (72). Pp. 40–46. (In Russ.)

18. *Kravchuk N.V. «Interesy rebenka»: poniatie i izmenenie ego sodержaniia v rossiiskom prave i pravoprimenenii* [“Interests of the Child”: The Concept and Changes in its Content in Russian Law and Law Enforcement]. In *Interesy v prave. Zhidkovskie chteniia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 25–26 marta 2016 g.* [Interests in Law. Zhidkov Readings: Materials of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, 25–26 March 2016]. Moscow, 2017. Pp. 439–440. (In Russ.)

19. *Krasnopol'skii A.S., Sverdlov G.M. Gosudarstvennaia okhrana interesov rebenka v SSSR* [State Protection of Children's Interests in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1952. Issue 3. Pp. 41–46. (In Russ.)

20. *Krasheninnikov E.A. Okhraniaemye zakonom interesy* [Legally Protected Interest]. *Uchen. zap. Tartusskogo un-ta – Scientific Notes of the Tartus University*. 1988. Issue 806. Pp. 236–260. (In Russ.)

21. *Krasheninnikov E.A. Okhraniaemyi zakonom interes i sredstva ego zashchity* [Interest Protected by Law and Means of its Protection]. In *Voprosy teorii okhranitelykh pravootnoshenii: materialy konferentsii* [Questions of the Theory of Protective Legal Relations: Conference Materials]. Yaroslavl, 1991. Pp. 12–13. (In Russ.)

22. *Krasheninnikov E.A., Lisova T.N. Zametki ob okhraniaemykh zakonom interesakh* [Notes about Legally Protected Interests. Questions of the Theory of Legally Protected Interests]. In *Voprosy teorii okhraniaemykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. Pp. 3–6. (In Russ.)

23. *Kulapov V.V. Zashchita sub"ektivnykh prav i zakonnykh interesov detei: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Protection of Subjective Rights and Le-

gitimate Interests of Children: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2004. 30 p. (In Russ.)

24. *Lisukho S.V. Evoliutsiia issledovaniia kategorii «zakonnye interesy» v iurisprudentsii* [Evolution of the Study of the “Legitimate Interests” Category in Law]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve — Gaps in Russian Legislation*. 2013. Issue 1. Pp. 82–85. (In Russ.)

25. *Malein N.S. Okhraniayemyi zakonom interes* [Legally Protected Interest]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law*. 1980. Issue 1. Pp. 27–34. (In Russ.)

26. *Malinova A.G. Kategoriia «interes» v semeinom prave: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Category “Interest” in Family Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2003. 28 p. (In Russ.)

27. *Malkevich M.S. Ob opredelenii poniatiia «interes» sub”ekta v semeinykh pravootnosheniakh* [About Definition of the Concept “Interest” of the Subject in Family Legal Relations]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii — Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2013. Issue 2 (91). Pp. 89–94. (In Russ.)

28. *Malko A.V. Sub”ektivnoe pravo i zakonnyi interes* [Subjective Law and Legitimate Interest]. *Pravovedenie — Jurisprudence*. 1998. Issue 4. Pp. 58–70. (In Russ.)

29. *Malko A.V., Subochev V.V. Zakonnye interesy kak pravovaia kategoriia* [Legitimate Interests as a Legal Category]. Saint Petersburg, 2004. 359 p. (In Russ.)

30. *Matuzov N.I. Lichnost'. Prava. Demokratiia. Teoreticheskie problemy sub”ektivnogo prava* [Personality. Rights. Democracy. Theoretical Problems of Subjective Law]. Saratov, 1972. 292 p. (In Russ.)

31. *Matuzov N.I. Pravovaia sistema i lichnost'* [Legal System and Personality]. Saratov, 1987. 293 p. (In Russ.)

32. *Moskvitina T.A. Priroda okhraniayemykh zakonom interesov* [The Nature of Legally Protected Interests]. In *Voprosy teorii okhraniayemykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. Pp. 15–17. (In Russ.)

33. *Nechaeva A.M. Zashchita interesov rebenka: semeino-pravovye predposylki* [Protection of the Interests of the Child: Family Legal Preconditions]. *Gosudarstvo i pravo — State and Law*. 2010. Issue 6. Pp. 76–83. (In Russ.)

34. *Nechaeva A.M. Interesy rebenka kak ob”ekt semeino-pravovoi zashchity* [The Interests of the Child as an Object of Family Legal Protection]. *Gosudarstvo i pravo — State and Law*. 2012. Issue 1. Pp. 77–85. (In Russ.)

35. Pavlova M.S. *Zakonnyi interes kak predmet sudebnoi zashchity po delam ob osparivanii reshenii, deistvii (bezdeistviia) organov vlasti* [Legitimate Interest as a Subject of Judicial Protection in Cases of Challenging Decisions, Actions (Inaction) of Authorities]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Legislation and Economics*. 2011. Issue 3. Pp. 45–48. (In Russ.)

36. Pein T. *Prava cheloveka* [Human Rights]. In Semigin G.Iu. (ed.). *Antologiiia mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 2: Evropa: V–XVII v.* [Anthology of World Legal Thought. In 5 vols. Vol. 2: Europe: 5th–17th Centuries]. Moscow, 1999. Pp. 189–190. (In Russ.)

37. Protasov V.N. *Chto i kak reguliruet pravo: uchebnoe posobie* [What and How the Law Regulates: Textbook]. Moscow, 1995. 96 p. (In Russ.)

38. Puffendorf S. *O dolge cheloveka i grazhdanina v sootvetstvii s predpisaniiami estestvennogo prava* [On the Duty of a Person and a Citizen in Accordance with the Prescriptions of Natural Law]. In Semigin G.Iu. (ed.). *Antologiiia mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 2: Evropa: V–XVII v.* [Anthology of World Legal Thought. In 5 vols. Vol. 2: Europe: 5th–17th Centuries]. Moscow, 1999. Pp. 725–728. (In Russ.)

39. Razzak N. *Pravovoi status rebenka: obzor zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan* [The Legal Status of the Child: a Review of the Legislation of the Republic of Kazakhstan]. *Simvol nauki: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal – Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2015. Issue 12-2. Pp. 93–95. (In Russ.)

40. Rozenfeld Ia.E. *Interes i pravo. Okhraniaemyi zakonom interes: poniatie i mekhanizm zashchity* [Interest and Law. Legally Protected Interest: Concept and Protection Mechanism]. In *Voprosy teorii okhraniaemykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. Pp. 14–15. (In Russ.)

41. Rutman E.Ia. *Prava i interesy rebenka v grazhdanskom i semeinom zakonodatel'stve: sushchnost' i sootnoshenie* [The Rights and Interests of the Child in Civil and Family Legislation: Essence and Correlation]. *Problemy upravleniia – Problems of Management*. 2007. Issue 4 (25). Pp. 185–189. (In Russ.)

42. Sabikenov S.N. *Izuchenie kategorii interesa v prave* [Study of the Category of Interest in Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1968. Issue 5. Pp. 112–116. (In Russ.)

43. Sabikenov S.N. *Nekotorie voprosy zashchity sub"ektivnykh prav i okhraniaemykh zakonom interesov sovetskikh grazhdan* [Some Issues of Protection of Subjective Rights and Legally Protected Interests of Soviet Citizens]. *Problemy gosudarstva i prava na sovremennom etape. Trudy nauch-*

nykh sotrudnikov i aspirantov – Problems of State and Law at the Present Stage. Proceedings of Scientific Workers and Graduate Students. 1972. Issue 6. Pp. 50–56. (In Russ.)

44. Sabikenov S.N. *Nekotorye voprosy zashchity sub"ektivnykh prav i okhra-niaemykh zakonom interesov sovetskikh grazhdan* [Some Issues of Protection of Subjective Rights and Legally Protected Interests of Soviet Citizens]. *Problemy gosudarstva i prava. Trudy nauchnykh sotrudnikov i aspirantov – Problems of State and Law. Proceedings of Scientific Workers and Graduate Students. 1974. Issue 9. Pp. 61–68. (In Russ.)*

45. Sabikenov S.N. *Ob ob"ektivnom haraktere interesov v prave* [On the Objective Nature of Interests in Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1981. Issue 6. Pp. 34–41. (In Russ.)*

46. Sabikenov S.N. *Interesy razlichnykh sotsial'nykh urovnei i ikh vliianie na formirovanie zakonodatel'nykh aktov gosudarstva. Nauchnyi doklad, sdelan-nyi v 1989 g. v Moskovskom gosudarstvennom universitete* [Interests of Various Social Levels and their Influence on the Formation of State Legislative Acts. Scientific Report Made in 1989 at Moscow State University] (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

47. Svit Iu.P. *Interesy rebenka: poniatie pravovoe i mnogoobraznoe* [The Interests of the Child: A Legal and Diverse Concept]. *Zakoni Rossii: opit, teoriia, praktika – Laws of Russia: Experience, Theory, Practice. 2006. Issue 9. Pp. 74–85. (In Russ.)*

48. Seitimova V.Kh. *Konstitutsionnyi Sovet Respubliki Kazahstan – garant sem'i i detstva* [The Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan is the Guarantor of Family and Childhood]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazahstan – Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2018. Issue 5 (54). Pp. 23–27. (In Russ.)*

49. Seliverstov V.I. *Teoreticheskie problemy pravovogo polozheniia lits, ot-byvaiushchikh nakazaniia* [Theoretical Problems of the Legal Status of Persons Serving Sentences]. Moscow, 1992. 150 p. (In Russ.)

50. Simonova E.S. *Interesy detei kak semeino-pravovaia kategoriia* [The Interests of Children as a Family Legal Category]. *Sovremennie tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii – Modern Trends in the Development of Science and Technology. 2015. Issue 9-5. Pp. 65–68. (In Russ.)*

51. Sologub A.Iu. *Kategoriia «zakonnyi interes» kak element pravovogo statusa rebenka* [The Category of "Legitimate Interest" as an Element of the Child's Legal Status]. *Voprosy sovremennoi iurisprudentsii – Questions of Modern Jurisprudence. 2013. Issue 29. Pp. 140–144. (In Russ.)*

52. Starovoitova K.V. *Printsip nailuchshego obespecheniia interesov re-benka i granitsy ego priznaniia zarubezhnymi gosudarstvami* [The Principle of the Best Interests of the Child and the Boundaries of his Recognition by

Foreign States]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2017. Issue 8-9. Pp. 236–242. (In Russ.)

53. *Subochev V.V. Teoriia zakonnykh interesov: avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk* [The Theory of Legitimate Interests: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Tambov, 2009. 57 p. (In Russ.)

54. *Subochev V.V. Metodologiya issledovaniia kategorii «zakonnyi interes»* [Research Methodology of the Category “Legitimate Interest”]. In *Marchenko M.N. (ed.). Metodologiya iuridicheskoi nauki: sostoianie, problemy, perspektivy. Vip. 2* [Methodology of Legal Science: State, Problems, Prospects. Issue 2]. Moscow. Pp. 65–85. (In Russ.)

55. *Subochev V.V. Zakonnyi interes v kontekste konkretizatsii rossiiskogo zakonodatel'stva* [Legitimate Interest in the Context of the Concretization of Russian Legislation]. In *Baranov V.M. (ed.). Konkretizatsiia zakonodatel'stva kak tekhniko-iuridicheskii priem normotvorcheskoi, interpretatsionnoi, pravo-primenitelnoi praktiki: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma (Gelendzhik, 27–28 sentyabrya 2007 goda)* [Concretization of Legislation as a Technical and Legal Method of Rule-making, Interpretive, Law Enforcement Practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, 27–28 September 2007)]. Nizhny Novgorod, 2008. Pp. 250–258. (In Russ.)

56. *Subochev V.V.; Malko A.V. (ed.). Zakonnyi interes* [Legitimate Interest]. Moscow, 2008. 496 p. (In Russ.)

57. *Subochev V.V. Zakonnye interesy* [Legitimate Interests]. In *Malko A.V. (ed.). Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik* [Problems of the Theory of State and Law: Textbook]. Moscow, 2012. Pp. 362–380. (In Russ.)

58. *Tarusina N.N. Interes kak ob"ekt semeino-pravovoi zashchity i okhrany* [Interest as an Object of Family Legal Protection]. In *Voprosy teorii okhraniamykh zakonom interesov: tezisy dokladov VI oblastnoi nauch.-prakt. konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov (4–6 fevralia 1990 g.)* [Questions of the Theory of Legally Protected Interests: Abstracts of the VI Regional Scientific Practical Conference of Young Scientists and Specialists (4–6 February 1990)]. Yaroslavl, 1990. Pp. 29–32. (In Russ.)

59. *Filippov S.A. Zakonnyi interes v semeinom prave* [Legitimate Interest in Family Law]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. Issue 4. Pp. 113–117. (In Russ.)

60. *Cherdantsev A.F., Gunin D.I. Interesy zakonnye, protivozakonnye i nezakonnye* [The Interests of Lawful, Unlawful and Illegal]. *Rossiiskoe pravosudie – Russian Justice*. 2013. Issue 7. Pp. 12–21. (In Russ.)

61. *Chehot D.M. Sub"ektivnoe pravo i formy ego zashchity* [Subjective Law and Forms of its Protection]. Leningrad, 1968. 72 p. (In Russ.)

62. *Shaikenov N.A. Pravovoi status lichnosti i ee interesy* [Legal Status of the Individual and its Interests]. Sverdlovsk, 1982. 295 p. (In Russ.)

63. *Sholgina O.I. Interesy rebenka kak ob"ekt semeino-pravovogo spora: dis. ... kand. iurid. nauk* [Interests of a Child as an Object of a Family Legal Dispute: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2011. 179 p. (In Russ.)

64. *Iumakova A.M. Interesy rebenka: metodologiya i kriterii otsenki* [Child's Interests: Methodology and Evaluation Criteria]. In *Interesy v prave. Zhidkovskie chteniia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Moskva, 25–26 marta 2016 g. [Interests in Law. Zhidkov Readings: Materials of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, 25–26 March 2016]. Moscow, 2017. Pp. 443–446. (In Russ.)

65. *Iurchuk V.S. Interesy detei i ikh obespechenie v natsional'nom zakonodatel'stve i mezhdunarodnom prave* [Children's Interests and their Protection in National and International Law]. *Voprosy iuvenal'noi iustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 2016. Issue 2. Pp. 4–8. (In Russ.)

66. *Iadrikhinskii S.A. O sootnoshenii zakonnogo interesa i sub"ektivnogo prava nalogoplatel'shchika: strukturnye osobennosti* [On the Relationship Between the Legitimate Interest and the Subjective Right of the Taxpayer: Structural Features]. *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020. Issue 1. Pp. 169–187. (In Russ.)

Информация об авторах:

С.К. Идрышева

Доктор юридических наук, профессор
Казахский гуманитарно-юридический университет
им. М.С. Нарикбаева
Профессор Департамента частного права,
член Научно-консультативного совета
Конституционного совета Республики Казахстан
010000, Казахстан, г. Нур-Султан, шоссе Қорғалжын, 8
ORCID: 0000-0003-3473-3395
Researcher ID: 4239-2014

Е.Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский
университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Профессор кафедры гражданского права и процесса
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663>

<https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697>

Information about the authors:

S.K. Idrysheva

Kazakh Humanitarian Law University named after M.S. Narikbaev

8 Korgalzhyn Hwy., Nur-Sultan, 010000, Kazakhstan

ORCID: 0000-0003-3473-3395

ResearcherID: 4239-2014

E.G. Komissarova

Perm State University

15 Bukireva St., Perm, 614990, Russia

Tyumen State University

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

Articles in “Scopus”/“Web of Science”:

<https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540>

<https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2015-2-61-70E>

<https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-644-663>

<https://doi.org/10.17072/19954190-2019-46-672-697>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Д.В. Ирошников

Российский университет транспорта

E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

А. Пулик

Естественно-гуманитарный университет

E-mail: A.pulik@wp.pl

Введение: статья посвящена особенностям методологии при исследовании вопросов безопасности в гражданском праве. Безопасность личности, общества и государства обеспечивается нормами как публичных, так и частных отраслей права, и гражданское право здесь не является исключением. В этой связи исследование гражданско-правового механизма обеспечения безопасности приобретает особое значение для отечественной цивилистики. Однако проведение такого исследования должно иметь методологическую основу, отражающую специфику предмета. **Цель:** выработать методологическую основу исследования безопасности сквозь призму гражданско-правового механизма его обеспечения, включающую в себя постановку проблем для основных направлений будущих исследований. **Методы:** был применен в совокупности комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход, метод научного моделирования и пр.), сочетающихся с частнонаучными и частноправовыми методами (формально-юридический, сравнительно-правовой, межотраслевой). **Результаты:** безопасность может быть исследована в рамках гражданско-правовых средств ее обеспечения по следующим направлениям: 1) безопасность как нематериальное благо и объект гражданско-правовой охраны; 2) безопасность как элемент объекта правоотношений, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров; 3) имущественная безопасность и гражданско-правовые средства ее обеспечения. **Выводы:** проведенное исследование позволило выявить обусловленные особенностями методологии основные направления исследования безопасности в науке гражданского права. В процессе проведения исследования авторами был поставлен ряд научных проблем, решение которых возможно при проведении дальнейших цивилистических исследований.

Ключевые слова: безопасность; методология; гражданское право; нематериальное благо; правоотношение; имущественная безопасность; виндикационный иск; страхование.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF SECURITY RESEARCH IN CIVIL LAW

D.V. Iroshnikov

Russian University of Transport

E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

A. Pulik

University of Natural Sciences and Humanities

E-mail: A.pulik@wp.pl

Introduction: the article is devoted to the peculiarities of the methodology in the study of security issues in civil law. The security of the individual, society and the state is ensured by the norms of both public and private branches of law and civil law is no exception here. In this regard, the study of the civil law mechanism for ensuring security is of particular importance for the domestic civil law. However, such research should have a methodological basis that reflects the specifics of the subject. **Purpose:** to develop a methodological basis for the study of security through the prism of a civil law mechanism for its provision, including the formulation of problems for the main directions of future research. **Methods:** a set of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, systems approach, method of scientific modeling, etc.), combined with private scientific and private law methods (formal legal, comparative legal, intersectoral) were applied. **Results:** security can be investigated within the framework of civil law means of ensuring it in the following areas: 1) security as an intangible benefit and an object of civil law protection; 2) security as an element of the object of legal relations arising from the conclusion of civil law contracts; 3) property security and civil legal means of ensuring it. **Conclusions:** the study made it possible to identify the main directions of security research in the science of civil law due to the peculiarities of the methodology. In the course of the research, the authors posed a number of scientific problems, the solution of which is possible in the course of further civil studies.

Keywords: safety; methodology; civil law; intangible good; legal relationship; property security; vindication claim; insurance.

Введение

Безопасность, несмотря на свой комплексный междисциплинарный характер, сравнительно редко фигурирует в такой области правового регулирования и научного исследования, как гражданское право. С одной стороны, трудно этому удивляться, потому как чувство безопасности — субъективная оценка степени собственной защищенности конкретного лица (или коллективного образования) — если и воспринимается в правовых категориях, то исключительно в контексте физической защищенности, которая обеспечивается теми правовыми механизмами, которые традиционно воспринимаются применительно к плоскости публичного права. Тем не менее такое суждение представляется несколько поверхностным в силу того, что оно игнорирует фундаментальные начала права как регулятора общественных отношений. Ведь только вся совокупность правового регулирования призвана обеспечить надлежащую работу социальных связей в обществе, не позволяя переступить черты, во избежание непоправимых последствий. Регулятивная функция права, таким образом, сама собой отражает сущность явления безопасности, выражая ее ключевые качества. Поэтому взаимодействие правовых механизмов, урегулированных отраслями, причисляемыми к сфере частного права, среди прочего, призвано дополнять и расширять пределы безопасности субъектов.

Гражданское право как основополагающая отрасль частноправовой сферы юридического регулирования, будучи призванной упорядочивать имущественные и личные неимущественные отношения, детализирует конституционные пределы правовой охраны и защиты личности, а также определяет ее для дальнейшей защиты институтами публичного права, в первую очередь уголовного характера. Хотя кажется, что имеющийся в гражданском праве механизм санкций делает отрасль самодостаточной, именно минимальной достаточной, в связи конституционное — гражданское — уголовное право можно заметить системный характер права как общественного явления. Среди прочего это становится отчетливо видно, если речь заходит о безопасности.

При этом нужно согласиться с В.В. Абрамовым, что безопасность в гражданском праве представляет собой защищенность устойчивого состояния общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, обеспечение стабильного развития имущественного оборота, обеспечение реализации субъективных гражданских прав с целью достижения максимальной эффективности правового регулирования [1, с. 99]. В связи с этим существует необходимость определения методологических основ исследования безопасности в гражданском праве в части гражданско-правового механизма ее обеспечения.

Основное содержание

На сегодняшний день вопросы безопасности были затронуты в отечественных диссертациях по гражданскому праву [7; 12], однако эти исследования носят фрагментарный характер и их совокупность не дает комплексного представления о цивилистическом исследовании вопросов безопасности.

Учитывая замечание Р. Зиебы, который писал: «для того, чтобы выбрать наиболее полезную методологию исследования безопасности, нужно предварительно задать себе вопрос: чья безопасность обеспечивается — индивида, социальной группы, государства или международной системы» [17, с. 18], отметим, что применительно к гражданскому праву речь будет идти о безопасности субъектов гражданского права и их имущества. В этой связи позволим себе сознательно оставить за скобками вопросы государственной, общественной и иных видов безопасности, поскольку обеспечение безопасности данных объектов (государство, общество, международное сообщество) лежит в публично-правовой плоскости.

Поскольку безопасность обеспечивается нормами как публичных, так и частных отраслей права, при исследовании безопасности и гражданско-правовых средств ее обеспечения, учитывая конвергенцию в праве, предлагается использовать межотраслевой метод исследования, на который обращают внимание Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонova [9, с. 254]. В случае проведения межотраслевого юридического исследования вопросов безопасности необходимо учитывать воздействие всех возможных отраслевых норм, а также и соответствующую методологию, принятую в той или иной отраслевой юридической науке. Так, авторы книги «Методы правовые» выделяют догматическое правовое применение юридических методов, с которыми мы имеем дело в соображениях цивилистов, исследователей уголовного или административного права над отдельными юридическими институтами, а также теоретическое использование юридических методов в теории и философии права [15, с. 33]. Таким образом, методы теории права и методы отраслевых юридических наук также могут иметь свою специфику, которую необходимо учитывать при исследовании безопасности в рамках цивилистической науки.

Сама категория «безопасность» довольно редко применяется в отношении частного права, что наглядно видно на примере первой части Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Там термин «безопасность» и его производные употребляются лишь четырежды. Аналогичная ситуация имеет место и в иностранных правовых системах: так, например, в Гражданском кодексе Республики Польша понятие «безопасность»

употребляется семь раз. С безопасностью тесно связано и антонимическое понятие — угроза, которое очевидным образом не просто охватывает весь универсум таких вариантов событий, наступление которых нежелательно, так как приводит к разрыву и уничтожению связей (а в юридическом понимании — правовых связей), но всегда имеющих четкие рамки. Безопасность в этом контексте — просто противоположность тому состоянию, в котором случается любой из вариантов воплощения или реализации угроз.

Подобное противопоставление, хотя и будучи предельно наглядным, так как сводит проблему определения безопасности к бинарному выбору наличия или отсутствия угрозы, не способствует, к сожалению, выработке какого-либо доктринального понимания сущности безопасности. Вслед за представителями западной традиции можно было бы попытаться рассмотреть безопасность как состояние нерушимости структурной и функциональной целостности объекта, при котором ничто не может воздействовать на него деструктивным образом, а значит, привести к его разрушению (аспект выживаемости), при условии, что сам объект (или скорее объективизированный субъект) представляет собой систему с присущим ей свойством развития, а значит, отсутствие деструктивных сил должно также обеспечивать отсутствие препятствий для такого развития объекта (аспект обеспечения развития) [14, с. 19; 16, с. 91].

Такая концепция достаточно распространена среди представителей так называемых наук о безопасности, которые своими корнями уходят в методологию политической и военной наук, т.е. тех наук, которым, безусловно, присущ «государствоцентричный» подход [13, с. 9]. Но явлению права, хотя и тесно связанному с государством, очень нелегко обеспечивать равенство интересов субъектов в условиях, где априори сторона, воплощающая интересы государства, была бы в более выгодном положении. Целесообразность судебных споров с государственными органами была бы сведена на нет. Не говоря уже о смысле одного из основополагающих принципов гражданского права, провозглашающего равенство и независимость субъектов гражданских правоотношений, который просто бы утрачивался. Подобного рода замечания требуют новых взглядов на проблему определения понятия безопасности, дефиниция которого могла бы быть использована в равной степени во всех отраслях правовой науки без ограничений, что означало бы достижение универсальности, которая является одним из критериев определения. Тем не менее универсализм, о котором идет речь, вероятно, изначально ограничен методологическими рамками самой науки, в которых производится определение. Иначе говоря, речь идет лишь о выведении универсального определения безопасности для нужд юриспруденции.

С учетом того, что целью настоящего рассуждения в первую очередь является все же применение безопасности в контексте тех отраслей права, которые лежат в сфере частного права, вероятно, можно сделать попытку воспринять безопасность как меру достижимости отсутствия воздействия неблагоприятных факторов при осуществлении субъективных прав. Таким образом, если речь заходит о динамике гражданских правоотношений, мы фактически приходим к выводу, что любые действия возможны только постольку, поскольку соблюдены условия, делающие правооборот безопасным. Речь здесь фактически идет уже о целом принципе гражданского права (не о норме-принципе, которая нашла выражение, например, в ст. 1 ГК РФ), а именно той идее, которая пропитывает всю систему гражданского права, или даже выходит за ее границы, становясь частным проявлением общего начала, которое присуще всей правовой системе страны. При таком подходе закономерным является вопрос, насколько тогда безопасность применима к статике гражданских правоотношений, например к вещным правам или правам, смежным с авторскими. Здесь необходимо вернуться к истокам правоотношения, которое строится на взаимосвязи двух сторон, обладающих правами. В случае с вещным правом, с некоторыми незначительными оговорками, мы все равно имеем дело с двумя сторонами правоотношения: собственником (применительно к праву собственности) и генерализированной второй стороной, которая является собирательным субъектом, где вся суть отношения не в действии, а в воздержании от такового. И все то, что может влиять на отказ от подобного воздержания и есть та угроза, которая определяет безопасность. Кроме того, важным элементом вещных прав является специфический способ защиты субъективных прав, возникающих на их основе, а следовательно, негативный и виндикационный (как наиболее ярко выражающие механизм правовой защиты вещных прав) иски можно вписать в конструкцию безопасности как средство противодействия или даже нивелирующие угрозы, позволяющие беспрепятственно реализовать субъективные вещные права.

Результаты/обсуждение

Полагаем, что при проведении соответствующих исследований необходимо изучать не столько безопасность как категорию гражданского права, а непосредственно гражданско-правовой механизм обеспечения безопасности личности и имущества, поскольку по справедливому мнению С.Ю. Морозова, построение гражданско-правовых механизмов необходимо не только для того, чтобы объяснить, как функционирует та или иная система, но и для того, чтобы выявить в ней «слабые

звенья», снижающие эффективность системы, и предложить пути ее совершенствования [8, с. 252].

Учитывая выделенные методологические особенности исследования безопасности сквозь призму гражданского права и гражданско-правового механизма ее обеспечения, можно выделить следующие основные направления возможных исследований.

1. Безопасность как нематериальное благо и объект гражданско-правовой охраны.

Рассматривая безопасность с точки зрения аксиологического подхода, можно прийти к однозначному выводу, что она является одной из ключевых ценностей для человека наряду с жизнью и здоровьем. Такие ценности защищаются государством не только публично-правовыми инструментами, но и частноправовыми. Гражданский кодекс РФ содержит перечень нематериальных благ, которые подлежат соответствующей гражданско-правовой охране.

В связи с этим предлагаем считать вслед за некоторыми другими исследователями [6, с. 39], что безопасность личности как разновидность личных неимущественных благ наряду с жизнью и здоровьем, достоинством личности и др., является объектом гражданского права. Можно согласиться с Е.В. Богдановым, который отмечает, что, несмотря на отсутствие прямого указания на безопасность в ст. 150 ГК РФ, исходя из смысла данной нормы и действующего законодательства следует прийти к выводу, что безопасность граждан как их нематериальное благо также принадлежит гражданам [3, с. 32].

В рамках развития данного методологического направления необходимо глубокое научное исследование, направленное на обоснование необходимости дополнения перечня личных неимущественных благ, содержащегося в ст. 150 ГК РФ, понятием «безопасность личности», а также на разработку гражданско-правовых механизмов обеспечения такой безопасности, в том числе посредством института компенсации морального вреда.

2. Безопасность как элемент объекта правоотношений, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров.

Сегодня безопасность с теоретико-правовых позиций можно рассматривать в качестве элемента (качественной характеристики) объекта гражданских правоотношений, и подобная роль безопасности в современных условиях лишь возрастает, поскольку сегодняшняя жизнь человека и его повседневная деятельность связаны с различными угрозами.

Очевидно, что потребитель товаров, работ и услуг в последнее время все более стал обращать внимание на безопасность такого товара (работы/услуги). В частности, внимание привлекают качество и безопас-

ность пищевых продуктов, платежных систем и интернет-сервисов, безопасность отделочных материалов, детских игрушек, материалов, используемых при производстве мебели, посуды, и т.п. Не являются исключением и услуги, выполнение которых также должно гарантировать безопасность потребителю, о чем нередко упоминают в рекламе. Иными словами, вопросы личной безопасности волнуют население как никогда ранее, и эта безопасность не должна нарушаться объектами гражданских правоотношений (товарами, работами, услугами), которые потребитель выбирает для себя. Более того, безопасность такого объекта нередко становится именно тем фактором, благодаря которому потребитель выбирает именно этот товар (работу/услугу).

Можно заключить, что каждый объект гражданского правоотношения наделен показателем «безопасность для потребителя» и значимость данного критерия при выборе контрагента существенно возрастает.

При появлении в гражданском обороте новых объектов правоотношений, что происходит регулярно в условиях активно развивающегося общества, вопросы их безопасности для потребителя и их правового закрепления должны быть изучены учеными-юристами в первую очередь.

В качестве яркого примера можно привести проблему гражданско-правового регулирования предоставления транспортных средств в краткосрочную аренду (каршеринг) и, соответственно, обеспечения безопасности для потребителя такой услуги. Как известно, услуги каршеринга становятся все более популярными в крупных российских городах, и сегодня на российском рынке существует целый ряд активно конкурирующих компаний в данной сфере. При этом гражданско-правовая природа договора, заключаемого с потребителем услуги, четко не определена с точки зрения гражданского законодательства.

И.З. Аюшеева, детально проанализировав гражданско-правовое регулирование каршеринга, пришла к выводу о том, что «в настоящее время не сложилось единого понимания природы исследуемых отношений, в законодательстве отсутствуют специальные нормы о договоре каршеринга, не выработана единая позиция в судебной практике по спорным вопросам о правовой природе заключаемого договора, его содержании, хотя такая необходимость назрела». Автор также отмечает, что «договор каршеринга невозможно отнести в чистом виде ни к одному из поименованных в законе видов договоров аренды либо к договору оказания возмездных услуг» [2, с. 30].

Анализ большинства договоров известных компаний, предоставляющих такие услуги, показал, что договор, на основании которого они работают, не является публичным договором и, соответственно, законодательство о защите прав потребителей на данные правоотноше-

ния не распространяется. На эту проблему обращают внимание и ученые, отмечая, что «физические лица – арендаторы, пользуясь услугой, безусловно, являются потребителями, права которых находятся под защитой Закона о защите прав потребителей, как бы ни избегали этого острого угла предприниматели» [4, с. 36].

В этой связи вопросы безопасности пользования каршерингом (в том числе технического состояния предоставляемого транспортного средства, обязательств его регулярного технического осмотра и т.п.) сегодня с правовой точки зрения не урегулированы, в том числе из-за специфического договора, который не находит отражения ни в одном договоре, известном гражданскому законодательству России.

Представляет особый интерес позиция Е.В. Богданова, который предлагает исходить из презумпции опасности для потребителей деятельности предпринимательских структур по производству товаров, выполнению работ и оказанию услуг [3, с. 30]. Это должно приравнять их правовой статус к владельцам средств повышенной опасности, тем самым закрепить за ними особую ответственность за безопасность потребителя.

И это лишь один пример, демонстрирующий необходимость исследования безопасности как элемента объекта гражданских правоотношений, результатом которого должны стать научно обоснованные изменения действующего гражданского законодательства, направленные на обеспечение безопасности потребителя.

3. Имущественная безопасность и гражданско-правовые средства ее обеспечения.

Важный вклад в понимание имущественной безопасности и правовой защиты собственности внес известный английский исследователь-правовед И. Бентам. По его мнению, по отношению к собственности безопасность состоит в том, чтобы возбужденные законом ожидания пользоваться известной частью благ не подвергались никаким нарушениям, никакому посягательству [5, с. 339]. Российский реформатор М.М. Сперанский в составленном им Плане государственных преобразований отмечал, что безопасность лица и имущества – первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество [10, с. 359].

Предметом гражданского права являются в первую очередь имущественные отношения, что определяет соответствующую специфику данной отрасли права. И эта специфика должна включать в себя соответствующие гражданско-правовые механизмы обеспечения имущественной безопасности.

На сегодняшний день вопросы правового обеспечения имущественной безопасности в отечественной юридической науке разрабаты-

вались лишь в административно-правовой сфере, что подтверждается несколькими работами диссертационного и монографического характера [11]. При этом с точки зрения гражданско-правового механизма обеспечения, имущественная безопасность не была объектом отдельного научного исследования.

Особенность имущественной безопасности состоит в том, что главным субъектом ее обеспечения являются непосредственные собственники имущества. Прежде всего сами собственники — физические и юридические лица должны обеспечивать сохранность принадлежащего им имущества.

Гражданское законодательство России и зарубежных стран традиционно содержит определенные способы защиты собственником своего имущества. Одним из таких инструментов является виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ, ст. 2276 Гражданского кодекса Франции¹, § 985 Германского гражданского уложения²).

Виндикационный иск на сегодняшний день можно назвать ядром гражданско-правового механизма обеспечения имущественной безопасности, однако это далеко не единственный правовой инструмент обеспечения такого вида безопасности. К другим гражданско-правовым инструментам защиты имущества можно отнести, например, негаторный иск об устранении нарушений. Отдельный вопрос, связанный с обеспечением имущественной безопасности, — обеспечение безопасности собственниками имущества во время его хранения. Кроме того, одним из правовых инструментов обеспечения имущественной безопасности силами собственника (или лица, имеющего интерес) является имущественное страхование.

Методологическая особенность исследования имущественной безопасности сквозь призму гражданско-правового механизма ее обеспечения состоит в комплексном изучении различных правовых механизмов, включающих как защиту уже нарушенных прав, так и определенные превентивные меры (например, страхование).

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить обусловленные особенностями методологии основные направления исследования безопасности в науке гражданского права. В процессе проведения исследования авторами был поставлен ряд научных проблем, решение

¹ Code civil (1804) (Version consolidée au 3 janvier 2018) // www.legifrance.gouv.fr/af-fichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721.

² German Civil Code (BGB) (1896) // http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/.

которых возможно при проведении дальнейших цивилистических исследований. Проведение дальнейших исследований с учетом обозначенного в статье, обусловленного методологическими особенностями направления позволит детально изучить на доктринальном уровне гражданско-правовой механизм обеспечения безопасности, а также выработать на основе этого научно обоснованные рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства.

Библиографический список

1. *Абрамов В.В.* Теоретико-правовое исследование понятия «безопасность» в гражданском и предпринимательском праве // *Власть Закона*. 2014. № 3. С. 93–100.
2. *Аюшеева И.З.* Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 2. С. 25–32.
3. *Богданов Е.В.* Правовая природа и содержание права российских граждан на безопасность // *Юрист*. 2019. № 4. С. 29–34.
4. *Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // *Юрист*. 2018. № 7. С. 32–36.
5. *Избранные сочинения Иеремии Бентама* / пер. по англ. изд. Боурина и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867. 748 с.
6. *Калина Е.С.* Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 186 с.
7. *Кутузов И.А.* Нормативные основы гражданско-правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 186 с.
8. *Морозов С.Ю.* Методология исследования гражданско-правовых механизмов // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2020. Вып. 2. С. 250–266. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266>
9. *Санникова Л.В., Харитонов Ю.С.* К вопросу о методологии науки частного права // *Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник*. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 246–266.
10. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования М.М. Сперанского // *Введение к уложению государственных законов 1809 года*. М.: Рус. мысль, 1905. 359 с.

11. Хамуаев В.У. Административно-правовая система обеспечения имущественной безопасности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 380 с.
12. Янина Е.В. Гражданско-правовое регулирование информационной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 166 с.
13. Frei D. Sicherheit – Grundfragen der Weltpolitik. Stuttgart: Kohlhammer, 1977. 133 p.
14. Stańczyk J. Współczesne pojmowanie bezpieczeństwa. Warszawa: ISP PAN, 1996. 129 p.
15. Stelmach J., Brozek B. Metody prawnicze. Wydanie 2. Kraków: Wolters Kluwer, 2006. 304 p.
16. Brown Ch., Ainley K. Understanding International Relations. 3rd ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 336 p.
17. Zięba R. Bezpieczeństwo w ujęciu różnych paradygmatów naukowych // Bezpieczeństwo. Dyscyplina nauki wobec funkcjonowania państwa. Białystok: Agencja Wydawnicza Ekopress, 2018. Pp. 13–27.

References

1. Abramov V.V. *Teoretiko-pravovoe issledovanie poniatii «bezopasnost'» v grazhdanskom i predprinimatel'skom prave* [Theoretical and Legal Research of the Concept of “Security” in Civil and Business Law]. *Vlast Zakona – The Power of Law*. 2014. Issue 3. Pp. 93–100. (In Russ.)
2. Aiusheeva I.Z. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenii po sovmestnomu ispolzovaniiu transportnykh sredstv na primere karsheringa* [Civil Law Regulation of Relations on the Joint Use of Vehicles on the Example of Car Sharing]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUa) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. Issue 2. Pp. 25–32. (In Russ.)
3. Bogdanov E.V. *Pravovaia priroda i sodержanie prava rossiiskikh grazhdan na bezopasnost'* [Legal Nature and Content of the Right of Russian Citizens to Security]. *Iurist – Lawyer*. 2019. Issue 4. Pp. 29–34. (In Russ.)
4. Bubnovskaia T.A., Suvorov Iu.B. *K voprosu o karsheringe: pravovye aspekty* [On the Issue of Car Sharing: Legal Aspects]. *Iurist – Lawyer*. 2018. Issue 7. Pp. 32–36. (In Russ.)
5. *Izbrannye sochineniia Ieremii Bentama. T. I* [Selected Works of Jeremiah Bentham. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1867. 748 p. (In Russ.)
6. Kalina E.S. *Gosudarstvenno-pravovoi mekhanizm obespecheniia prava na bezopasnost' lichnosti v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. iurid. nauk* [State-Legal Mechanism for Ensuring the Right to Personal Security in the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 186 p. (In Russ.)
7. Kutuzov I.A. *Normativnye osnovy grazhdansko-pravovogo obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. iurid. nauk*

[Normative Bases of Civil and Legal Support of Economic Security of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 186 p. (In Russ.)

8. *Morozov S.Yu. Metodologiya issledovaniia grazhdansko-pravovikh mekhanizmov* [Methodology of Research on Civil Law Mechanisms]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 250–266. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266> (In Russ.)

9. *Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. K voprosu o metodologii nauki chastnogo prava* [On the Methodology of the Science of Private Law]. In *Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei. Ezhegodnik. Vyp. 2. 2017* [Methodological Problems of the Civil Law Researches: Collection of Scientific Articles. Annual. Issue 2. 2017]. Moscow, 2017. Pp. 246–266. (In Russ.)

10. *Speranskii M.M. Plan gosudarstvennogo preobrazovaniia M.M. Speranskogo* [Plan of State Transformation of M.M. Speransky]. In *Vvedenie k ulozheniiu gosudarstvennykh zakonov 1809 goda* [Introduction to the Code of State Laws of 1809]. Moscow, 1905. 359 p. (In Russ.)

11. *Khatuaev V.Iu. Administrativno-pravovaia sistema obespecheniia imushchestvennoi bezopasnosti: dis. ... dokt. iurid. nauk* [Administrative and Legal System for Ensuring Property Security: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 380 p. (In Russ.)

12. *Ianina E.V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie informatsionnoi bezopasnosti: dis. ... kand. iurid. nauk* [Civil Law Regulation of Information Security: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 166 p. (In Russ.)

13. *Frei D. Sicherheit – Grundfragen der Weltpolitik*. Stuttgart, 1977. 133 p. (In Ger.)

14. *Stańczyk J. Współczesne Pojmowanie Bezpieczeństwa*. Warszawa, 1996. 129 p. (In Pol.)

15. *Stelmach J., Brożek B. Metody prawnicze*. Wydanie 2. Kraków, 2006. 304 p. (In Pol.)

16. *Brown Ch., Ainley K. Understanding International Relations*. 3rd ed. New York, 2005. 336 p. (In Eng.)

17. *Zięba R. Bezpieczeństwo w ujęciu różnych paradygmatów naukowych*. In *Bezpieczeństwo. Dyscyplina nauki wobec funkcjonowania państwa*. Białystok, 2018. Pp. 13–27. (In Pol.)

Информация об авторах:**Д.В. Ирошников**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории права, истории права
и международного права
Российский университет транспорта
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9

ORCID: 0000-0003-3759-4685

ResearcherID: D-2657-2018

А. Пулик

Магистр юриспруденции и политологии,
аспирант по направлению «Национальная безопасность»
Институт наук о безопасности

Естественно-гуманитарный университет
08110, Польша, г. Седльц, ул. Конарского, 2

ORCID: 0000-0003-1455-7646

ResearcherID: ABE-1939-2020

Information about the authors:**D.V. Iroshnikov**

Russian University of Transport
9, Bldg. 9 Obraztsova St., Moscow, 127994, Russia

ORCID: 0000-0003-3759-4685

ResearcherID: D-2657-2018

A. Pulik

University of Natural Sciences and Humanities
2 Konarski St., Siedlc, 08110, Poland

ORCID: 0000-0003-1455-7646

ResearcherID: ABE-1939-2020

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2021 • Выпуск 3

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ – ЕЖЕГОДНИК

Выпускающий редактор: *О.В. Виноградова*

Дизайн и верстка: *А.С. Резниченко*

Подписано в печать 14.05.2021. Дата выхода в свет 17.05.2021.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 23,62. Тираж 200 экз.

Заказ №

Отпечатано:

АО «Т 8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32

E-mail: info@T8print.ru

www.t8print.ru